

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: ВЗГЛЯД КРИТИКОВ
(1901–1940 ГОДЫ)

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ

2023 № 2 (024)

Составители: Анна Димьяненко и Светлана Маслинская

Подготовка текстов:

Елена Казакова, Ольга Лучкина и Инна Сергиенко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	437
Краткие биографические сведения об авторах статей	438
Н. Р.	
Исторические романы и преподавание истории	445
Книги по культуре доисторического прошлого и «элементах культуры»	475
Е. ЕЛАЧИЧ	
Отечественная старина. Очерки русской истории	494
Е. ЕЛАЧИЧ	
Юношеские воспоминания индейца племени Сиу	497
О. НЕМЕРОВСКАЯ	
К проблеме современного романа	499
Л. ГИНЗБУРГ	
Пути детской исторической повести	513
Б. ДРУГОВ	
Корабль купца Романова	534
С. СЕНИН	
Деревянные актеры	536
АЛЕКСЕЕВА	
Броненосец революции	538
Л. ГЕССЕН	
Будущих бойцов воспитывать на боевом прошлом Красной армии	540
Ф. ЛАВРОВ	
Приключения доисторического мальчика	545
Б. ДРУГОВ	
Костер первый	547
Ю. ДАНИЛИН	
Повесть о композиторе революции	553
Е. ШТЕЙНБЕРГ	
Революционная романтика в исторической повести	559

Б. ДРУГОВ	
Детская историческая беллетристика	564
Л. ТИМОФЕЕВ	
Задача, разрешенная наполовину	576
В. БЕРНАДСКИЙ	
Дополнительное чтение по истории	580
Б. КОЗЬМИН	
Биография революционера-народника	595
В. НИКОНОВ	
Примитивизм привел к политической и художественной неправде	599
А. АЛПАТОВ	
Неяркий показ истории	602
А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ	
Эскизно и исторически неточно	606
А. ЖАВОРОНКОВА	
Из прошлой жизни ребят Востока	608
А. ЖАВОРОНКОВА	
Книжке необходимо предисловие	612
П. ЛЫСЯКОВ	
За документальность историко-биографической повести	616
Н. ГНЕДИНА	
И не пионеры, и не история	622
П. ЛЫСЯКОВ	
Простая книга о прошлом	625
Л. ГЕССЕН	
Детям-борцам о революционном прошлом	631
А. АЛПАТОВ	
Советский исторический роман на путях перестройки	634
Н. СУРАЖЕВИЧ	
Детский журнал на помощь преподавателю истории	666
А. БОГИНСКАЯ	
Художественная литература на уроках истории	671
И. БАХТЕРЕВ	

Совещание по вопросу об исторической книге в Ленинграде	687
М. БЕЛАХОВА	
Пионерам о прошлом	691
А. ЮРЬЕВ	
История одной жизни	695
О. РЕЗНИК	
Наполеон (Е. Тарле «Наполеон»)	698
С. ЗЛОБИН	
Конкистадоры	705
А. КОНОНОВ	
История одного великого неудачника	709
М. ГОРЯЧКИНА	
Книги о прошлом	712
С. РЕШЕТИН	
Сильнее смерти	716
В. ВИРГИНСКИЙ	
История локомотива	724
А. МАРЬЯМОВ	
Первая книга «Маленькой исторической библиотеки»	729
И. РАХТАНОВ	
О том, чего еще нет	731
А. ИВИЧ	
О языке и образах	734
В. ШКЛОВСКИЙ	
Об историческом романе	737
В. Я. ХОДАКОВ	
Биография Суворова	743
А. РАГОЗИН	
Историки у костра	750
Е. ТАРЛЕ	
Об «Исторической библиотеке» Детиздата	758
Споры о биографической повести	766

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Приложении к 24 номеру «Детских чтений» помещены статьи и рецензии, дополняющие основной архивный блок «Воскрешая прошлое педагогикой: об истории и историзме в детской литературе», подготовленный Сергеем Ушакиным. В каждой из публикаций, охватывающих период с 1901 г. по 1940 г., затрагиваются вопросы, связанные с обсуждением исторической темы в детской литературе.

Статьи расположены в строгом хронологическом порядке выхода в свет.

В оглавлении имя автора передано так же, как и в оригинальной публикации (в том числе и отсутствие указания на авторство текста). О большинстве авторов статей даны краткие биографические сведения в специальном разделе, предваряющем републикации.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Алпатов Арсений Владимирович (1905–1975) — литературовед, критик. Выпускник Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова. Специалист по творчеству А. Н. Толстого. Автор монографий «Алексей Николаевич Толстой» (1955), «Алексей Толстой — мастер исторического романа» (1958). Доцент кафедры истории русской советской литературы филологического факультета МГУ. В 1930-е гг. публиковал критические обзоры и статьи о детской литературе.

Бахтерев (реже Бехтерев) Игорь Владимирович (1908–1996) — уроженец Петербурга, поэт, драматург, художник. В 1920-х гг. был активным участником объединения ОБЭРИУ, занимался разными видами авангардного искусства. В 1930 г. окончил театральное отделение высших курсов искусствознания при Институте истории искусств, начал сотрудничать с различными журналами и газетами, в том числе с детским сектором издательства «Молодая гвардия» и журналом «Ёж». В 1931 г. арестован по делу детского сектора Госиздата и издательства «Молодая гвардия» по обвинению в антисоветской деятельности. В 1932 г. освобожден с поражением в правах. Продолжает публиковать очерки и статьи в различных журналах и газетах, в т.ч. в «Костре», «Ленинских искрах» и «Детской литературе». Художественное творчество делится на две линии: официальное, в рамках которого написаны (в соавторстве с А.Разумовским) пьесы «Полководец Суворов» (1938), «Русский генерал» (1944) и ряд других произведений, и не предназначавшиеся для печати стихи и прозу в обэриутском духе.

Белахова Мария Андреевна (1903-1969) — писательница, редактор, сотрудник журнала «Детская литература». Автор многочисленных статей и рецензий о детской книге 1930-х гг. Литературный редактор книги лётчика Г.Ф. Байдукова «Драгоценный груз» (1950), автор книг «Как хлеб пришёл на стол» (1953), «Дочь» (1960), «Сын» (1963), «Разлад» (1968).

Бернадский Виктор Николаевич (1890–1959) — историк, педагог, доктор исторических наук (1955). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1912

году. С 1924 года преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Был заместителем директора института по научной части (1941–1944) и учебной части (1945–1946). В 1943–1946 гг. — доцент кафедры истории СССР исторического факультета Ленинградского университета. Его научные интересы включали историю России (в том числе Новгородских земель) периода феодализма, а также историю Санкт-Петербурга — Ленинграда. Разрабатывал вопросы методики преподавания истории в школе.

Богинская Анна Дмитриевна — советский литературовед, исследовательница французского исторического романа. Защитила диссертацию о драматургии П. Мериме (1954). Занималась разработкой методики преподавания истории в школе, техникумах и на рабфаках.

Виргинский Виктор Семенович (1908–1989) — историк, специалист по истории техники. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Французская металлургия во время Великой Французской революции XVII в.» в МИФЛИ, затем докторскую — «Возникновение русских железных дорог и железнодорожный вопрос в России до начала 40-х гг. XIX в.» Автор книг «История техники железнодорожного транспорта» (1936), «Начало парового судоходства в России (из истории русской транспортной техники до 40-х гг. прошлого века)» (1948) и мн. др.

Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990) — литературовед, писательница. Окончила Институт истории искусств, служила научным сотрудником до его закрытия в 1932 г. Разрабатывала идеи школы формалистов, причисляла себя к младоформалистам. Основные научные интересы — русская литература XIX – начала XX вв. Автор монографий «О лирике» (1964) и «О психологической прозе» (1971) и др.

Гнедина Надежда Марковна (1905–1991) — переводчица, окончила Высшие литературные курсы (1930). Переводила с немецкого Г. Гросса, Б. Брехта, с французского О. де Бальзака, Э. Золя, Т. Готье и др.; письма Ж. Санд, Г. Ф. Гегеля, Ф. Гёльдерлина. Автор нескольких рецензий на произведения Л. Кассиля и пр.

Горячкина Мария Сергеевна (1912–1987) — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени М. Горького, исследовала творчество Салтыкова-Щедрина, Лескова, выступала комментатором, редактором и составителем сборников, пособий по русской литературе.

Данилин Юрий Иванович (1897—1985) — критик, литературовед, специалист по литературному наследию Парижской коммуны. Автор книг «Феликс Пиа и его литературная деятельность» (1934), «Гюго-лирик» (1935), «Поэты Июльской революции» (1935), «Беранже и его песни» (1936), «Поэты Парижской коммуны» (1947) и др.

Другов Борис Михайлович (1908-1947) — филолог, литературовед. В течении многих лет занимался изучением жизни и творчества Н.С. Лескова. Автор книг и статей об А. П. Гайдаре, Н. С. Лескове и др. Исследователь и публикатор творчества Н. С. Лескова. В журнале «Детская и юношеская литература» в 1932-1933 гг. публиковал рецензии и статьи по проблемам современной детской литературы.

Елачич Евгений Александрович (1880-1944) — преподаватель зоологии, просветитель, автор книг для детей. С 1911 по 1917 гг. редактор критико-библиографического журнала "Что и как читать детям". После 1917 г. эмигрировал в Сербию и продолжил преподавать химию и немецкий язык в Русской мужской гимназии. Постоянный автор и редактор критико-библиографического отдела в журнале "Русская школа за рубежом"(1923-1931). В эмиграции написал книгу для детей "Сильные духом"(Белград, 1930) и составил "Каталог изданных за рубежом России книг для детей и юношества"(Прага, 1926).

Жаворонкова А. Н. (?-?) – специалист по организации библиотечной работы с детьми. Публиковала статьи о методе «переключения» в работе с детским читателем (1926), об организации детской среды вокруг библиотеки (1929), о детских конференциях школьных библиотечных активов (1929). В 1930-е гг. переключилась на рецензирование новинок детской литературы (в том числе книг Д'Эрвильи, М. Ильина, Б. Житкова и др.)

Злобин Степан Павлович (1903-1965) — писатель, функционер. Выпускник Высшего литературно-художественного института им. Брюсова, автор повестей «Салават Юлаев» (1929), «Здесь дан старт» (1931), рассказов, сборника очерков «Пробужденные дебри» (1932), романов «Остров Буян» (1948), «Степан Разин» (1951), «Пропавшие без вести» (1962). В 1934 г. принят в Союз писателей (1934), секретарь бюро секции детской и юношеской литературы, в конце 1930-х гг. председатель секции художественно-исторической литературы.

Ивич Александр (Бернштейн, Игнатий Игнатьевич; 1900-1978) — критик, писатель. В 1920-е гг. был близок с формалистами, работал в Институте истории искусств. С 1938 г. - профессиональный

критик и литературовед, автор критических статей о детской литературе (о В. Шкловском, М. Лоскутове, Б. Житкове, А. Гайдаре и др., нескольких научно-художественных книг («Приключения изобретений» (1930), «Могучий помощник» (1954) и др.) и книг очерков об истории детской литературы («Воспитание поколений. О советской литературе для детей» (1960)).

Козьмин Борис Павлович (1883-1958) – историк, специалист по истории движения разночинцев и народников, демократической и революционной идеологии в России 2-й половины XIX в. Автор работ по истории российской журналистики (статьи о журналах («Современник», «Русское слово», «Русское богатство», «Век», «Народная летопись», «Устои»). В 1930-е гг. в журнале «Детская литература» опубликовал рецензию на книгу В. Язвицкого и обзор юбилейной литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине.

Кононов Александр Терентьевич (1895-1957) — педагог, писатель. Автор «Рассказов о Ленине» (1939), серии рассказов о В. И. Чапаеве (1938), повести «Карыш» (1941) и «Дни Сергея Глушкова» (1942), трилогии «Повесть о верном сердце» (1949, 1952, 1957). Автор рецензий на произведения А. Н. Толстого, П. Павленко, В. Катаева, А. Голубевой, Н. Островского и др.

Лысяков Петр Николаевич (?-?) — во второй половине 1930-х гг. сотрудник журнала «Детская литература». Участвовал в создании передач для литературно-художественного чтения на радио. Публиковал просветительские очерки, методические материалы по детскому чтению и рецензии на произведения для детей.

Марьямов Александр Моисеевич (1909-1972) — писатель, литературовед, кинодраматург. Окончил филологический факультет Черкасского педагогического института. Сотрудничал с харьковскими журналами, в 1929 г. сотрудник ежемесячника «Новая генерация» — «журнал нового направления в искусстве». Первая книга А. Марьямова «Шляхи під сонцем. 10.000 кілометрів» (1929) на украинском языке. С 1934 г. работал в «Пионерской правде». Первая книга на русском языке — сборник рассказов «Сампо» (1935). В 1946—1954 гг. печатался в журнале «Новый мир»; зав. отделом искусств «Литературной газеты»; зам. главного редактора журнала «Юность».

Немеровская Ольга Александровна (1904-1951) — литературовед. Окончила факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ в 1927г. Преподавала немецкий язык в Инженерно-экономическом институте. Публиковала статьи и заметки о литературе с конца 1920-х гг. Одна из составительниц сборника «Судьба

Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам» (1930). Автор статей по советской и зарубежной литературе XX в. Писала о творчестве О. Форш, Ю. Тынянова, А. Блока, Т. Драйзера, А. Кронина, О'Генри, Р. Олдингтона и др. Печаталась в журналах «Звезда», «Иностранная литература» и др.

Никонов Владимир Андреевич (1904-1988) — критик, литературовед, лингвист. В 1920-е гг. организовал литературное объединение «Стержень» (Ульяновск), в конце 1920-х гг опубликовал «Статьи о конструктивистах» и критический очерк «Эдуард Багрицкий», затем работал журналистом (Воронеж), в 1930-е гг. жил в Москве и публиковал критические статьи о текущем литературном процессе, в том числе рецензии на детскую литературу в журнале «Детская и юношеская литература» (1933-1934 гг.). Был репрессирован, после освобождения с конца 1950-х гг. занимался научной работой (ономастика, топонимика и пр.).

Н. Р.— Рубакин Николай Александрович (1862—1946) — библиограф, книговед, популяризатор книги и чтения, общественный деятель, писатель. Занимался просветительской деятельностью, писал и издавал научно-популярную литературу, исследовательские статьи и книги. Стал одним из первых теоретиков самообразования, заложил основы социологии чтения. Автор книг «Опыт программы исследования литературы для народа» (1889), «Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры, наблюдения» (1895), «Практика самообразования» (1914). Одна из важнейших его работ — трехтомный библиографический справочник по всем отраслям знания «Среди книг» (1906, 1911—1915), включающий обзоры книг и предназначенный как для самообразования, так и для комплектования библиотек и книжных магазинов. Считается основоположником библиопсихологии — дисциплины, предметом которой являются психологические стороны читательского восприятия текстов. Собрал крупнейшую книжную коллекцию русской литературы за рубежом, которую сделал общедоступной и систематически пополнял. После его смерти коллекция вошла в состав фондов РГБ.

Рагозин Александр (?-?) — критик, в конце 1930-х гг. публиковался в журналах «Литературный критик», «Литературное обозрение», «Детская литература» и в газете «Правда».

Рахтанов Исая Аркадьевич (Лейзерман; 1907-1979) — писатель, критик. Первые книги для детей «Чин-Чин-Чайнамен и Бонни Сидней», (1931), «Кукисвумчёрр» (1932). Автор рассказа «Аман-

гельды Иманов», опубликованного в серии «Маленькая историческая библиотека» в 1938 году (спустя 5 лет после написания). В 1930-е и последующие годы публиковал статьи и рецензии о детской литературе (о Н. Смирнове, Б. Ищине, Б. Житкове, Л. Кассиле и др.).

Резник Осип Сергеевич (1904 – 1986) — критик. Окончил педагогический факультет 2-го МГУ (1930) и институт Красной профессуры (1937). В начале 1930-х гг. заместитель директора и заведующий отделами художественной литературы и критики Библиографического института ОГИЗа, а также заместитель ответственного редактора бюллетеня «Книга – строителям социализма». В 1931 г. участвовал в кампании травли Л. Добычина. Автор книг «Победа и литература» (1946), «Путь поэта» (1956, о творчестве А. Суркова), «Жизнь в поэзии. Творчество Ильи Сельвинского» (1967), критических статей о творчестве А. Свирского, Д. Фурманова, В. Маяковского, К. Паустовского.

Суражевич Н. В. (?-?) — педагог, автор работ по методике преподавания в школе.

Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885-1938) — военный, участник Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, писатель. Входил в литературную группу «Кузница», был среди организаторов группы «Октябрь», затем — в РАПП, с 1926 работал редактором в ГИЗе. Автор повестей «Шоколад» (1922), «Линев» (1924), «Гибель барона» (1931) и «Пятый патрон» (1931), а также незавершенной трилогии «Тяжелые шаги». В журнале «Детская и юношеская литература» в 1932-1934 гг. публиковал рецензии на новинки детской литературы. В 1938 г. арестован по обвинению в шпионаже, осужден и расстрелян.

Тарле Евгений Викторович (Григорий Вигдорович тарле; 1874 - 1955) — русский и советский историк, публицист, педагог, общественный деятель, академик АН СССР. Высшее образование получил на ист.-филол. факультете Новороссийского (1892-93) и Киевского (1894-96) университетов. Печатался в журналах «Рус. мысль», «Новое слово», «Мир божий», «Начало» и др. Преподавал историю в киевских гимназиях. С 1903 — приват-доцент Петербургского университета по каф. всеобщей истории, профессор Психоневрологического института, Высших жен. курсов и курсов П. Ф. Лесгафта. В 1911 г. защитил докторскую диссертацию «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В 1920-е гг. Е. Тарле возглавлял секцию всеобщей истории в ЛО РАНИОН. В 1921 г. избран чл.-корреспондентом АН СССР, в 1927 г. - академиком. В

январе 1930 г. Е. Тарле репрессирован, в 1931 г. исключен из Академии наук и отправлен на 5 лет в ссылку в Казахстан. В 1933 г. восстановлен в должности профессора Ленинградского университета. Полностью реабилитирован посмертно в 1967. Автор книг «Европа в эпоху империализма» (1928), «Нашествие Наполеона на Россию» (1938), «Наполеон» (1939) и др.

Тимофеев Леонид Иванович (1904–1984) — филолог, литературовед, член-корреспондент АН СССР, автор книг по истории и теории литературы, профессор. Окончил Высший литературно-худож. ин-т им. В. Я. Брюсова (1925). В 1939—1970 работал в ИМЛИ. В 1930-е гг. был членом редколлегии журналов «Знамя», «Литература в школе», «Литературная учеба», литературных энциклопедий. Автор книг и статей «Проблемы стиховедения. Материалы к социологии стиха» (1931), «Стих и проза. Теория литературы для начинающего писателя» (1935), «Поэтика Маяковского» (1941) и мн. др. Автор пособий для средней школы.

Ходаков Василий Яковлевич (1903-1978) — журналист, писатель. В 1920-е редактор региональных газет, с 1924 г. редактор газеты «Ржевская правда», с 1936 г. корреспондент газеты «Правда» по Дальневосточному краю. В соавторстве с Г. Фишем написал произведения для детей «Шесть часов из жизни шофера Койды» (1940) «Ночь в блиндаже» (1941), «Дом с мезонином» (1941).

Шкловский Виктор Борисович (1893-1984) — литературовед, писатель, критик. Один из учредителей ОПОЯЗ и основателей русского формализма. Первая книга для детей — «Путешествие в страну кино» (1926), затем публиковал научно-художественные произведения «Турксиб» (1930), «Марко Поло — разведчик» (1931), «Жизнь художника Федотова» (1936) и др. В 1930-е гг. автор многочисленных статей, обзоров и рецензий, посвященных детской литературе.

Штейнберг Елизавета Ивановна (1884-1963) — ботаник, систематик высших растений, ботанико-географ, педагог, преподаватель Петергофского научно-исследовательского естественно-научного института (1920-1931 гг.), научный сотрудник Ботанического института РАН (Ленинград) в 1914-1958 гг. В журнале «Детская и юношеская литература» в 1932-1934 гг. публиковала рецензии на новинки книгоиздания для детей, а также критические статьи о зообеллетристике и детской литературе на тему «национальных окраин».

Н. Р.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ И ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

*Впервые опубликовано в: Русская школа. 1901. № 1-2.
С. 202-223.*

В этой нашей статье мы хотели-бы, во-первых, еще раз напомнить о том, до какой степени незаменимы в деле преподавание истории исторические романы, а во-вторых, привести в известность, по возможности, всю наличность исторических романов, существующих в настоящее время на русском языке.

Разумеется, наша цель состоит не в том, чтобы напоминать гг. преподавателям истории о существовании хороших исторических романов, которые не мешает иногда почитать и учащимся. Это и без того все знают и доказывать это совершенно излишне. Наша цель — показать, что исторический роман должен занимать определенное, постоянное место среди пособий при преподавании истории; что никакое другое пособие, никакие «дополнение» преподавателя заменить его совершенно не могут; что исторический роман имеет особенно большое значение для русского юношества, причем это значение обусловлено общими особенностями не только русских средне-учебных заведений, но и всей нашей общественной жизни.

Нашу статью приходится начать с парадокса и остановиться на защите не только хороших, но и всяких исторических романов. Исторические романы заслужили, за немногими исключениями, довольно-таки дурную славу. Стоит сказать про такое-то произведение изящной словесности, что это исторический роман, и эти слова во многих «проницательных читателях» вызывают уже пренебрежительную улыбку. Известно всем и каждому, кто и как приготавливает исторические романы и кому они нужны. Исторические романы представляются своего рода стряпней по рецепту, заимствованному из какой-нибудь поваренной книги. Понадобилось нередко невежественному или полуневежественному автору

наскоро написать ходовую книжку, он берет две-три исторических книжки, берет «Архив» или «Старину», извлекает оттуда несколько бытовых и исторических подробностей, берет кое-какие подходящие «исторические романы» других авторов, — и довольно: тяп-ляп — и вышел корабль. Что это за корабль, и куда он приведет несчастного доверчивого читателя, если он на него сядет, в какую страну невежества, непонимание, а то и человеконенавистничества — Господь его знает. Нечего и говорить, что такой исторический роман не имеет ничего общего с историей; что воспроизведение даже бытовой обстановки, и нравов, и обычаев прошлого в нем искать нечего; историческая перспектива чужда ему совершенно, а про героев и героинь и других действующих лиц можно лишь с удивлением и сожалением спросить авторов: с кого они портреты пишут и где такие речи слышат? Оказывается, что в лучшем случае они пишут портреты с себя и своих современников... Что такие авторы и понятие не имеют о каких-либо исторических течениях, о периодах культуры, о ходе ее изменений, если не считать ходячих мнений, представляющих собою или бессмыслицу, или тенденциозную ложь, — об этом и говорить нечего. Еще меньше можно требовать от таких авторов какой-либо историософической подготовки, какого-либо цельного мировоззрения. Они являются обыкновенно самыми мизерными лакеями окружающей действительности и действуют, по выражению Щедрина, «применительно к подлости» ... Да стоило бы только сделать краткий библиографический обзор русских исторических романов и подвести им статистический итог, чтобы увидеть, какой огромный процент человеконенавистнических произведений в эту наличность входит. Исторический роман сплошь и рядом является синонимом патриотического романа, к тому же патриотического в самом превратном и узком смысле этого слова. Можно найти сколько угодно тенденциозных произведений и среди романов исторических переводных (Г. Самаров, Брассэ, Ксено Борн). А среди русских авторов такими хоть пруд пруди (Гейнце, Пастухов, Крыжановская, Кукольник, П. Полевой, Ф. Булгарин, Р. Зотов и пр.). Рядом с этим в серии «исторических» романов фигурирует целый ворох просто-напросто печатной макулатуры, не имеющей ничего общего ни с тенденциозностью, ни с историей, ни с художественностью. Эту последнюю категорию исторических романов иногда называют (и совершенно справедливо) романом приключений. Таковы, например исторические романы Г. Борна, Монтепена, Понсон-дю-Террайля и т.п. Каждый такой роман — не что иное, как калейдоскоп: здесь и идеальные герои, и ужасней-

шие злодеи, и неземные женщины, и подземные ходы, темницы, пытки, убийства, невероятнейшие приключения, чудеснейшие спасение, хитросплетенные интриги. Еще в былые дни «Москвитянин» дал такой рецепт исторического романа: «взять несколько исторических лиц, одеть их в народные (национальные) костюмы и завязать между ними какую-нибудь интригу. Предметом взять падение и разрушение замков или городов. При описании побольше боевого стука, шума и грома. Необходимы два любовника, из коих одно лицо принадлежит осаждающим, другое осаждаемым». На эту тему написано множество романов. И это множество у всех на виду. Его все знают, его читают, по нем составляют представление о том, что такое исторический роман. В этом множестве, с его дурными сторонами, не видно романов исторических хороших, не видно и хороших сторон исторического романа вообще. На этой ниве создается и отрицательное отношение к историческому роману вообще. Какое педагогическое значение могут иметь такого сорта «исторические» романы, вся эта тенденциозная макулатура и бесценденциозные романы приключений, не имеющие ничего общего с историей? Отрицательное отношение к историческому роману вполне понятно.

Но справедливо ли такое отношение? Действительно ли имеют *даже такие* лубочные романы *только* отрицательное значение по своему влиянию на читателей? Нет ли и у них кое-каких *положительных* достоинств? А если есть и притом не только отрицательные качества, то каких больше, какие сильнее действуют на читателей, на данного читателя? Чтобы ответить на эти вопросы, недостаточно одних рассуждений и ссылок на дидактики, методики и пр. Нужен и опыт. Нужны практические наблюдения над читателем, над возможно широким кругом читателей. Нужно рассмотреть, что выносят читатели из чтения этих романов. Собрав эти сведения, необходимо сопоставить их с выводами à priori и тогда уже решать вопрос о пригодности или непригодности данной категории литературных произведений в педагогическом отношении.

Весьма возможно, что такая постановка вопроса будет сочтена парадоксальной. Если я знаю, что такая-то книга — книга дрянная, зачем я буду распространять ее? Я, все равно, забракую ее, и вопрос о том, что выносит из нее читатель, для меня решительно никакого значения не имеет.

Так кажется с первого взгляда. Но на самом деле это *не так*. Теоретические взгляды педагогов нуждаются в практической проверке не меньше, чем всякие иные теории. Не представляет ли история

педагогике во многих отношениях историю педагогических *взглядов*, которые затемняют собою *факты*? И не опровергались ли эти взгляды ценой очень дорогой, ценой горького опыта?

Мы увидим ниже, что практическая проверка того значения, какое имеют *даже плохие* исторические романы, дает очень интересные и неожиданные результаты, положительно опровергающие пренебрежительное отношение к ним. Наблюдая читателей из народа, можно видеть, что среди них есть такие, которые не осияют с первого же абцуга хороший, серьезно-исторический роман, и он отобьет лишь у них охоту к чтению. Но эти же читатели отлично осияют напр., роман Понсон-дю-Террайля, он разовьет в них охоту к чтению, он возбудит в них стремление читать еще и еще такой же роман, подобно тому, как это описывает Глеб Успенский, говоря о «Рокамболе», и, начиная с лубочного или полулубочного исторического романа, читатель пойдет вверх и вверх, к романам сносным и даже к самым серьезным, классическим. Это и показывает опыт и наблюдение над целым рядом читателей.

А если это так по отношению даже плохих романов, то что же сказать о томанах не плохих? Не говорим — хороших (о тех и говорить нечего). Но есть рядом с плохими, лубочными и полулубочными произведениями произведения сносные (Бальель, Ферреаль, Макэ, Вотье, Сарсе, Скриб, некоторые соч. А. Дюма-отца, Брахфогель, Энсворт и т. п.). Дальше, обозревая наличность ныне существующих на русском языке исторических романов, мы увидим, что есть романы положительно хорошие, даже превосходные, и их не один, не два, а десятки, если не сотни. Представьте себе, что учащийся получит возможность прочесть как следует, с помощью педагога, хотя бы десяток прекрасных исторических романов. Мы утверждаем, что и этого десятка будет вполне достаточно, чтобы произвести целый переворот в душе юноши. И не только переворот, но именно переворот в лучшую, крайне важную сторону.

Словом сказать, в вопрос об исторических романах нужно вдуматься. Нельзя решать его единым махом. Во всяком случае, факт несомненный: на исторический роман гг. педагоги обращали и обращают чрезвычайно мало внимания. За исключением одного реферата редактора «Русской Школы», в котором он выяснил педагогическое значение исторических романов, (читан в Историческом Обществе при Петербургском университете в 1895 г.), вы не слышали, чтобы гг. педагоги касались где-либо интересующего нас в настоящее время вопроса. Было много писано и читано рефератов и статей об историческом романе вообще (проф. Кирпичникова,

Ф. Булгакова, А. Скабичевского, Никитина и пр., и пр.) по о педагогическом значении исторических романов нам не пришлось встречать статей ни в общей, ни в педагогической журналистике. В этом отношении нельзя не упрекнуть гг. педагогов. За некоторыми уродливыми произведениями бесшабашных исторических романистов они не разглядели весьма важную суть дела.

И не только в этом можно их упрекнуть. Они не разглядели широко распространенного жизненного явления, того самого, мимо которого не имели никакого нравственного права проходить. Мы говорим о *громальной читаемости исторических романов*. Эти романы, можно сказать, наиболее читаемый отдел «изящной словесности». Они стоят по читаемости даже впереди или наравне с романами путешествий (Жюль Верном, Эмаром, Майн-Ридом и т. п.). Они в огромном количестве распространены среди тех самых учащихся, которые поручены попечению гг. педагогов. Прочтите отчеты общественных библиотек. Сделайте небольшое вычисление. Сопоставьте число выданных там исторических романов с числом других романов, выданных подписчикам. Примите в расчет относительно меньший процент имеющихся романов исторических, и вы найдете, можно сказать, всегда и везде, в разных городах России, в разных библиотеках одно и то же явление: каждый том исторического романа делает *больше оборотов в течение года*, чем романа не исторического. Так, напр., в известной нам частной библиотеке в Петербурге оборот исторических романов, приблизительно, на 20 % больше, чем других. Спрос на исторические романы в широкой публике еще больше, что можно видеть, если принять в расчет число *требуемых не удовлетворенных*. Такие романы, как «Князь Серебряный», «Кудеяр», «Девяносто третий год», и пр. почти постоянно на руках. То же можно сказать (как ни печально такое сопоставление) романах Понсон-дю-Террайля («Молодость Генриха IV»), Борна, Самарова и пр. Не гниет на полках и Кукольник, и Булгарин («Дмитрий Самозванец»). Сочинение Вс. Соловьева и Салиаса, даже тягучие и бездарно-тенденциозные произведения Полевого («При звоне мечей» «Исторические рассказы») читаются не мало. Напр., в Спб. библиотеке служащих в Министерстве Финансов на произведение Салиаса в 1899 г. Спрос выразился в 511 удовлетворенных и 207 неудовлетворенных требованиях, спрос на Вс. Соловьева в 260 первых и 223 вторых, Гюго 180 и 159, Данилевского 207 и 86, Мордовцева 188 и 97. Эти авторы читаются даже в Петербурге больше Шпильгагена, Ожешко, Писемского, Диккенса, Островского, Гончарова, Ж. Зан-

да, Достоевского и т.д. и уж не их писательскими достоинствами это объясняется. В Самарской Александровской библиотеке мы встречаем то же явление. В 1899 г. соч. Салиаса были взяты 816 раз, Вс. Соловьева 622, т.е. больше Тургенева, Гончарова, Достоевского. Сочинение Д. Мордовцева, Данилевского и А. Соловьева читались в равной степени, но больше Гоголя, Станюковича, Островского, Некрасова. Григоровича. Соч. Загоскина и Лажечникова больше А. Толстого, Короленко, Никитина и т. д. То же явление мы видим на другом конце России — в Кишиневе. Еще более резко то же явление выражено в библиотеках и читальнях народных, где главный контингент читателей состоит из учащихся низших и средних учебных заведений. В Симбирской бесплатной нар. библиотеке-читальне, напр., на первом план (по числу выдач), из иностранных авторов в 1899 г. стоят произведения В. Скотта.

Все эти факты показывают, что в читающую толпу течет каждый год, каждый день целый поток всевозможных исторических романов, и дрянных, и хороших. Исторический роман — книга, которую молодой читатель из среды учащихся имеет возможность встречать *очень* часто, и похвалы ей от взрослых читателей (родных, знакомых) слышать чаще, чем о других книгах, а это усиливает спрос. Эта самобытная пропаганда исторического романа, его большое распространение в толпе, — крупное, развитое явление. Его нельзя не заметить и нельзя пройти мимо него, закрыв на него глаза, уже по той простой причине, что во всех библиотеках — частных, общественных, народных — около 30 — 50 % выданных книг попадает в руки учащихся. Их читают, как говорится, «в засос». Читают без всякой системы, без малейшего выбора, не предъявляя к книге никаких осмысленных вопросов о ее содержании, ее научном, художественном, идейном значении, не освещая описываемых в ней событий никаким научным материалом, никакими научными знаниями, теориями, мировоззрением. Чтение это — еще более сумбурное, нелепое, чем каких-либо других романов. Классические произведения русской и иностранной словесности читаются все же не без влияния проходимого курса в учебном заведении, а исторические романы читаются вне всякого курса. Читатель гонится только за интересным, захватывающим сюжетом — и больше ничего; валяет страницу за страницей (а то и через страницу), пропуская именно те места, которые имеют значение для понимания истории и захватывая в свою голову то, что представляет ничего не значащую авторскую «отсебятину» (разговоры, приключение, романический вымысел). Таким образом, громадная воспитатель-

ная и общественная сила, которую обладает исторический роман, тратится бесплодно. Даже более. При таком чтении этот роман действительно становится силою отрицательною. Осадок, остающийся после чтения исторических романов — даже лучших из них — тот самый калейдоскоп, о котором мы говорили выше, и в этом калейдоскопе читатель не разбирается, не может разобраться, не может выделить из длинной «сети имен и лиц» элемент более общий и содержательный, не в силах сделать обобщение. По некоторым наблюдениям над молодыми читателями исторических романов можно даже думать, что эти романы имеют более отрицательное значение в среде так называемой чистой публики, для детей зажиточных родителей. Для читателя из народа не так: исторический роман, даже плохой, как мы увидим ниже, представляет собою нередко своего рода откровение: он раскрывает такие горизонты, указывает такие перспективы, сводит с пьедестала на уровень простых смертных многих деятелей, что пред этим положительным значением его для этого читателя меркнет его значение отрицательное; самые условия народной жизни ослабляют его. Но в среде тех читателей, которые неизмеримо больше народа пользуются удобствами существующего строя и неизмеримо меньше испытывают на себе его несовершенства, среди тех, для которых эти относительно широкие горизонты уже известны, перспективы мало-мальски знакомы, а заправилы истории сведены давно на уровень простых смертных и даже «своих людей», среди этих читателей тот же самый роман, те же самые события, факты, лица получают уже другое значение. То, что с точки зрения первых читателей кажется несправедливостью, среди лиц приспособившихся будет сочтено благом, чем-то хорошим, а может быть, и справедливым. Исторический роман нередко (даже в большинстве случаев, хотя не всегда) лишь *фиксирует* это отношение данного общественного класса к данному общественному строю, другими словами, учит несправедливости. То, что дети впитывают от родителей и других лиц, то будет подтверждено, иллюстрировано книгой. Перед нами лежат рукописные отзывы читателей о некоторых исторических романах. Одни отзывы принадлежат крестьянам и рабочим, другие сообщены преподавателем одного среднеучебного заведения в провинции. Речь идет о «Капитанской дочке» Пушкина, «Пугачевцах» Салиаса, о «Мировиче» Данилевского и «Кудеяре» Костомарова. К сожалению, место не позволяет нам привести здесь эти отзывы целиком¹.

¹ Это будет сделано в другой нашей работе.

Они в высшей степени поучительны. Прочитав их, вы сразу замечаете, если так можно выразиться, разницу симпатий. Отдавая должное героям, читатели смотрят на событие с двух концов: одни – сверху, другие – снизу. Знакомство с условиями жизни читателей вполне объясняет такое различие отношений. . . Одни порицают «Мировича», другие одобряют его. Еще резче суждение о романе Салиаса. . . Некоторые воспитанники учебного заведения, о котором шла речь, с большой искренностью и наивностью написали, до какой степени им кажется правильной, справедливой жестокая расправа с темной, озверевшей, доведенной до полного отчаяние, толпой униженных и обиженных нищих. Нашла свои оправдательные доводы и казнь Мировича, не ужаснули и плоты с виселицами, описанные в «Капитанской дочке» с поразительно художественностью и простотой. «Страшно, — пишет один юнец, — а так и нужно», — прибавляет он. Этими словами «так и нужно» именно и фиксируется впечатление целой массы ужасов, крови, мести, насилия, расписывать которые господа исторические романисты не скупятся... С другой стороны, в рукописных ответах читателей других категорий вы находите, напр., длинное отступление, длинную вставку, содержащую описание какого-то деревенского смятение, пришедшего на память по аналогии... Простые, непроницательные читатели, те же подростки 17—19 лет, выросшие в мирной деревенской обстановке, не пишут о крови, редко восхищаются кровавыми избиениями и вообще, при ближайшем рассмотрении, оказываются совсем не воинственными патриотами, какими их обыкновенно принято считать.

Словом сказать, совокупность материала, который дает данная книга, располагается в головах различных категорий читателей различно. В одной категории выступает на первый план то, что у другой категории не на первом плане, и обратно. Это факт, который будет подтвержден всеми теми, кто имел случай наблюдать и сравнивать различные категории читателей.

Впрочем, констатирование этого факта мы отнюдь не хотим выдавать за какой-то комплимент по адресу читателей из народа. Эти последние, читая какую-либо книгу, не в силах бывают схватывать из нее очень многое по тем же условиям, по каким они не схватывают и вышеуказанных ее сторон... Но, во всяком случае, нужно с этой особенностью читательской среды считаться. нужно ее знать и понимать. Нужно признавать факт, что бесшабашное, не систематическое чтение исторических романов учащимися в средних учебных и других т. п. заведениях, за немногими исключениями

ми, при нынешнем положении вещей представляет собою явление, несомненно отрицательное. Гг. педагоги из этих учебных заведений больше бы всего и должны были обратить внимание на эту сторону дела и посерьезнее заняться ею. Об учащихся в начальных народных училищах, воскресных школах и т.п. говорить приходится меньше. Во-первых, они, вообще говоря, достаточно огорожены от исторических знаний (особенно истории западноевропейской) при помощи программ преподавания; во-вторых, они огорожены и от книг при помощи особых каталогов Министерства Народного Просвещения.

Присматриваясь к тому, как читаются исторические романы вообще, а учащимися в особенности, естественно возникает вопрос: нельзя ли воспользоваться этими романами в интересах распространения исторических знаний, исторического понимания, общественного настроения? Отрицательные ответы на эти вопросы являются как будто сами собою; ведь на предыдущих страницах уже было приведено столько справедливых упреков по адресу исторического романа. Но все эти упреки имеют лишь *относительное* значение, если мы взглянем на дело по существу и поставим вопрос: а может ли преподаватель истории, не вредя своему делу, *обойтись без исторических романов*? Учащиеся, очевидно, не могут этого сделать сами; ведь, читая эти романы, они удовлетворяют, очевидно, какой-то весьма интенсивной своей потребности.

По нашему глубокому убеждению, преподаватель истории без исторического романа обойтись не может, и если он это делает, то от этого происходит ущерб громадный, непоправимый. Вместо того, чтобы пользоваться этим, по терминологии врачей, сильнодействующим средством, им пренебрегают. Вместо того, чтобы указывать лишь недостатки его, нужно бы подумать, как этой силой воспользоваться. А исторический роман, даже плохой, в глазах читателя, о котором идет речь, действительно — сила и имеет такие привлекательные стороны, которые действительно делают его незаменимым и всегда будут привлекать к нему. Пусть эти стороны даже фикции, пусть они существуют только в воображении потребителей, т. е. читателей. Но ведь, благодаря этим-то фикциям, книга и действует на читателя, приобретает над ним некоторую власть, завладевает, способна завладеть им... А ведь в этом-то и заключается главное значение книги вообще, надо, чтобы она действовала, чтобы она влекла, захватывала, манила, возбуждала в душе целый ряд образов, идей, стремлений, настроений. Это и называется действием книги. Правда, не только исторический, но

и всякий роман действует на читателя в большей или меньшей степени таким же способом. Но исторический роман потому и читается больше, что он действует сильнее. В нем есть такие стороны, которые делают его могущественным не только потому, что он роман, а потому, что он — *исторический* роман. Из числа элементов этого влияние на первом месте нужно поставить *элемент правды*, элемент исторической достоверности, истинности (действительной или воображаемой), который есть (или предполагается читателем) в каждом историческом романе. Стремление к историческому роману в массе читателей зависит — и не в малой степени — от вложенного в каждого человека стремления узнать правду. За правду иногда принимаются даже нелепые приключения, придуманные романистами и расписанные в романе. Но ведь в исторических романах преподносят не всегда лишь нелепое вранье под видом правды. Если взять исторический роман средней руки, так, рядом с романическим вымыслом, читатель непременно находит и исторические факты. Правда, ученый историк не всегда удовлетворится теми сведениями из истории, которые можно найти в историческом романе, но с точки зрения строгой науки нужно признать не вполне удовлетворительными и очень многие научно-популярные книжки, не говоря уже об учебниках.

Историческими романами пользуются, как источником знаний, миллионы народа. Ими пользуются те читатели, кто еще и не дорос до научно-популярных книжек, кому эти последние кажутся еще не по силам. Да в сущности научно-популярных книжек по истории даже и не существует, если не считать нескольких десятков неудобочитаемых и малораспространенных книг, в роде Оппеля, Штоля, Вегенера и т. п. А о различных так называемых народных книжках по истории, которые рекомендуются и усиленно распространяются и в среде учащихся, так об этих можно сказать лишь одно: очень жаль, что они распространяются и несут в читающую толпу совершенно превратное и узкое понимание, а подчас и извращенные знание истории. Впрочем, достаточной гарантией против действия таких книжек на читателя служит полнейшая бесталанность их авторов и заскорузлая тенденциозность их редакции. Научно-популярных, талантливо, захватывающе написанных книжек по истории почти нет. Немудрено, что среди читателей попадаются нередко даже такие, которые так и смотрят на исторический роман, как на источник знаний, называют его «книжкой серьезной».

Из предыдущего следует, что смотреть на исторический роман, как на источник знаний, не так уж странно. Отвлеченное изложение научно-популярной книжки, полное непонятных или мало понятных отвлеченных слов, предполагающее в читателе запас, не говорим знаний, а элементов воображения, какого в этом читателе нельзя предположить, не выдерживает конкуренции с романом. В романе образы – тут же, на странице, где и знания; они готовы; их остается не создавать, а воспринимать. Они воспринимаются легко, быстро, *детально*, воспринимаются не в описаниях и рассуждениях, а в драматическом действии, т.е. в связи с мыслящей, чувствующей личностью. Роман этот *уже служит* источником знаний. Вряд ли возможно отрицать, что для многих и многих людей из широкой публики *гораздо производительнее и экономичнее черпать исторические знания из романа, чем из научно-популярной книжки*, потому что роман *этой* категории читателей уяснит больше, вложит в голову больше материала, чем *может* вложить в эту голову научная книга.

Исторический роман еще незаменим тем, что дает те знания, которые нужны для *понимания учебника*. Без помощи исторического романа учебник, в сущности, не понятен. *Скорее читатель поймет роман без помощи учебника, чем обратно*. И это не парадокс, а необходимый вывод из *психологии читателя*. Читатель вообще, а тем более читатель из подрастающего поколения, для понимания отвлеченных идей, отвлеченного изложения, нуждается в образах. Если он приурочивает к уяснению такой-то идеи не те элементы, которые послужили ее основанием, из которых она выведена, а другие, совсем отличные, то и про такого человека нельзя сказать, что он понимает данную идею. Нельзя, напр., сказать, что ученик понимает те страницы своего учебника, где идет речь об египетских фараонах, если эти фараоны представляются ему в виде современных королей и императоров, о которых ему пришлось собрать кое-какие сведения «из воздуха». Учебник или популярная книга могут быть написаны очень просто, и даже занятно, но если в голове читателя не существует тех элементов, которые нужны для создания представления о фараоне, как таковом, то читатель все равно, что не взял из книги самого важного: поток его идей направился, так сказать, по другому адресу, а не по тому, куда его хотел отправить автор книги. И это путешествие по другому адресу самое обычное, самое распространенное явление в читательском мире и среди взрослых, не только подростков и детей, среди культурных и не культурных. Развитием умственных способностей человека именно нужно называть *уменьше его мысли* путешествовать по тому адресу, по какому

нужно в данном случае. Правда, идеал не достижим, но все же умение уменья рознь, и выработка этого умения – задача педагогики в широком смысле слова. В этом умении сооружать мостик – тайна популяризации, тайна педагогики, тайна единение идеи с жизнью... Исторический же роман является незаменимым пособием для создания этого мостика. Даже при том условии, что роман этот грешит многим против науки, он все же представляет собою леса, необходимые для постройки мирозерцания. Эти леса могут впоследствии и сами собой развалиться; может развалить их и сам человек, но свое дело они сделают, и это дело не малое.

В настоящее время вполне выяснился тот взгляд, что центральное место в деле преподавания истории должна занимать *история культуры* в широком смысле этого слова. С этой точки зрения исторический роман имеет также огромное значение в педагогическом отношении. Читателю остается только дополнять учебник романом и обратно, и, если преподаватель сумеет создать параллельное чтение исторических романов с изучением истории, он сделает большое дело. Именно к этому он и должен стремиться, иллюстрируя романами по возможности весь курс истории, ведя классные занятия параллельно с внеклассным чтением романов. Давая на уроках те сведения, которые осмыслят чтение романов, учитель этим самым делает роман еще более могущественным средством преподавания. Отвлеченная идея, воспринятая учеником из учебника или на уроке, позволит ему лучше понять роман как целое, укажет ему место в пространстве и времени, заставит задуматься об *общем смысле*, идее романа. С другой стороны, с помощью романа учебник облечется в плоть и кровь: герои, события проявятся в красках; манекены оживятся, очеловечатся; и насилие над учащимся, т. е. впитывание отвлеченных, непонятных идей истории превратится в удовольствие для него... *Исторический роман, как пособие при ознакомлении читателя с культурной историей, положительно незаменим.* Он сделает больше, чем даже всякие другие пособие — всякие атласы, стенные таблицы, популярные книги. Он раскроет пред читателем картину былой жизни, какова она есть, с ее делами и делишками, ее мелочами, ей будничной обстановкой, с ее нравами, обычаями, привычками, ее настроением. Таковы, напр., романы Эберса об Египте, романы Фаррара, Сенкевича о временах первых христиан, романы Вальтера-Скотта из истории Англии и Шотландии, романы В. Гюго, не говоря уже о таких, как Мериме, Виньи, Ф. Гро, Купера, Флобера, Костомарова, Эркмана-Шатриана, Дана, Фрейтага, П. Безобразова (из истории Византии) и пр., и пр.

Таких романов, которые могли бы служить пособиями для изучения культурной истории, как мы увидим дальше, немало, особенно, романов *бытовых*. Возможно, лучшая в педагогическом отношении организация при помощи педагога домашнего чтения исторических романов, возможно, хороших в научном и художественном отношении, должно войти в план преподавания истории. Этим гг. педагоги не только не испортят дела, но, напротив, упорядочат то, что есть, помогут лучше поставить то, что идет помимо них (чтение кое-как, без выбора). Мы упомянули, что исторический роман дает синтез исторических явлений и различных сторон исторической жизни. Этого еще мало. Исторический роман *не может не быть* своего рода синтезом данных, которые в научных книгах фигурируют более или менее отдельно одно от другого. Делая жизнь объектом научного изучения, мы необходимо должны расчленить ее на элементы и изучать каждый элемент отдельно; жизнь сложна, и мы поневоле делаемся при этом односторонними исследователями и перестаем нередко понимать соотношение различных сторон жизни. В нашем сознании нередко жизнь как будто теряет свое единство, а представляется нам в виде мотка разноцветных ниток: одна нитка — эволюция идей, другая нитка — эволюция экономическая, затем политическая, религиозная, этическая и т. д. Мы забываем, что все это — различные стороны одного и того же целого, *единого* процесса истории. Мы и учащихся приучаем к этому, и сами же говорим затем о разьедающем анализе. Как не быть этому анализу явлением широко распространенным, если ему обучают еще с малых лет? Содержанием романа служит жизнь в ее целом. Автор без синтеза явлений обойтись не может. И с этой стороны исторический роман является необходимым дополнением к анализу научной книжки. Основная идея, вложенная автором в его произведение, делает законченным материал этого последнего. Этот осадок, который должен получиться в душе читателя по прочтении данного произведения. Идея - общий, основной вывод из всего произведения, которое и является его основанием и доказательством. Объем идеи определяется рамками романа, тем материалом, который в него вложен, тем кругом лиц, событий и пр., который им охвачен. Содержание же идеи определяется мирозерцанием автора, его *я*, его пониманием описываемых событий, его отношением к ним. Анализ предполагает синтез, и обратно. Вдумываясь в архитектуру романа, читатель идет по той же дороге анализа и синтеза, которую шел и автор его, изучивший и описавший такие-то исторические события. Читатель изучает и оценивает таким способом

и мировоззрение автора, его отношение к таким и иным общественным группам, к событиям, героям, и, главное, к маленьким людям, над которыми история и пробует свою силу. По справедливому замечанию Фрейтага², исторический роман должен в целом ряде картин показать, как «жизнь индивидов, в большинстве случаев маленьких, проходит под влиянием больших политических событий». И не только политических, прибавим мы от себя, но и экономических, социальных, религиозных, умственных и пр. и пр. Круг, охватываемый действием исторического романа, обыкновенно позволяет вести эту работу в широкой сфере общественной жизни. Перед читателем не только «делатели истории», но и те, кто переносит этот процесс «делания» на своей шее. Перед читателем обыкновенно раскрывается в историческом романе широкий круг людей и фактов, героев и толпы, пестрый калейдоскоп события и столкновений. Белинский не даром определял исторический роман как «целую и огромную панораму вселенной, в которой движутся и толпятся всевозможные явления исторической жизни, заключенные в волшебные рамки вымысла». Здесь есть над чем подумать, и вряд ли кто станет отрицать, что в этом отношении исторический роман представляется пособием, неопенимым с точки зрения педагогической. Педагог всегда имеет возможность воспользоваться историческим романом как образцом для исторического анализа и синтеза.

Детальный историко-литературный разбор лучших исторических романов, по нашему мнению, должен войти в программу преподавания истории. Этому разбору должны быть посвящены особые уроки; объектами разбора должны быть избраны лучшие произведения всемирной литературы. Должны быть выработаны примерные программы таких разборов, причем, разумеется, они должны вестись совсем с другими целями, чем на уроках словесности. Разбор этот на уроках истории должен иметь целью, научить юношу вот чему: *вдумываться и понимать исторический процесс в его целом*, т.е. понимать общественные отношения. Разбор исторического романа — а для этого всегда есть возможность подобрать соответствующий материал даже по министерскому каталогу, — должен поставить перед учащимся юношей те великие, святые вопросы, над которыми ломали и еще долго будут ломать свои головы лучшие люди человечества. Характеристика исторических лиц, выведенных в романе, представляет благодарнейший и интересней-

² В предисловии к I-му т. «Belder aus der deutschen Vergangenheit».

ший материал для классных и домашних занятий. Сопоставление этих характеристик с характеристиками с характеристиками научными (напр., Орлеанская дева по Шиллеру по проф. Петрову и друг. авторам, Иоанн Грозный у А. Толстого и Н. Костомарова и т.д), введет учащегося в такие уголки жизни и мысли, в какие никогда не введет его учебник и даже научно-популярная книжка. Души мало-мальски живые и отзывчивые (а таких разве мало среди учащихся), даже под лавинами классицизма не потерявшие огонек божий, никогда не останутся глухими пред лицом раскрытой перед ними картины, и к тому безобразному проглатыванию интересной книжки присоединится таким способом тот элемент, который осмыслит это глотание и воспользуется им, чтобы вести душу человеческую выше и выше, вперед и вперед, в ту самую область исторического процесса, куда не может не прийти каждый человек и в котором не может не занять то или иное местечко, положительно или отрицательно, даже если бы он и хотел остаться в сторонке.

Здесь мы приходим к той части нашей статьи, которая касается основных сторон именно русской жизни. Мы глубоко убеждены, что именно русскому читающему и учащемуся юношеству хороший исторический роман может сослужить особенно неоценимую службу. Прислушайтесь, сколько жалоб стало раздаваться за последние годы по адресу молодежи, учащейся в наших среднеучебных и даже высших учебных заведениях. Жалуются на низкий уровень ее развития, на безразличное какое-то отношение к весьма важным и основным сторонам личной и общественной жизни и вообще на упадок духа общественности. В этом пробуждении деятельного духа общественности исторический роман может сослужить добрую службу. Исторический роман непременно вводит читателя в круг идей общественных. Рисует ли его автор портрет какого-нибудь исторического деятеля, рисует ли картинку из исторической жизни такого-то общественного класса, захватывает ли еще более широкий круг — общество, народ, как целое, наконец, идет ли еще дальше, рисует борьбу народов, рас, — он всегда и везде выводит человека из его кельи под елью и показывает, что жизнь — своего рода система концентрических кругов, и за границу одного круга лежит другой, еще более широкий, а там еще и еще, все шире и шире, и все они тесно и неразрывно связаны между собою тысячами разнороднейших уз, и все влияют один на другой, и зависят один от другого, и изменения в одном из них непременно сказываются на всех других. Исторический роман не может не расширять кругозора

читателя и в пространстве, и во времени, и в глубину, и в высоту. Он не может рассматривать человека иначе, как частицу исторического процесса, или своего рода винтиком (а то и рычагом) громадной общественной машины, или кирпичиком, подставкой фундамента ее, или стен того здания, где она заключена. В историческом романе можно найти целую серию и переходных типов от винтика до рычага и схему сил, заправляющих их движением, - чувствования или эмоции, интересы или выгоды, идеи, понятие, идеалы.

Он как бы нарочно существует, чтобы пробуждать эмоции, которые необходимы для человека, как общественного деятеля. Он на ярких примерах, ярких образах, то положительных, то отрицательных, если и не разъяснит, то поставит перед читателем коренной вопрос о роли личности в истории и вопрос о героях и толпе. Он выдвинет эту толпу как своего рода героя, способного нести на своих плечах в течение долгих тысячелетий такие тяжести, какие не снились даже титану Атланту, поддерживавшему, по древнегреческому сказанию, весь свет земной. Он заставляет любить эту толпу и болеть ее страданиями, жить ее горестями. Разве не эти именно тенденции пробуждают в душе читателя такие произведения, как, напр., роман «Спартак» Джiovаниолли, «Камо грядеши?» Сенкевича, многие произведения В. Гюго, Эркмана-Шатриана и др.? Исторический роман способен раскрыть перед читателем в ярких образах, так сказать, историческое воплощение тех «проклятых вопросов», на которые, по выражению Гейне, столь необходимы для каждого «ответы живые». Он раскроет перед читателем ту великую борьбу, которая ведет и вело человечество с великими и пока непреодолимыми преградами, стоящими на пути к осуществлению Царства Божия на земле. Он покажет, как страдали и гибли лучшие люди человечества, служа этому идеалу Царства Божия на омытой потоками крови и слезами земле, идеалу справедливости, истины и любви к людям. Он раскроет эту внутреннюю и внешнюю борьбу во имя великого и светлого будущего в темноте, подлости и грязи настоящего. Он раскроет картины избиения и гибели лучших людей, но такой гибели, которая лишь ободряет следующих за ними борцов, такой смерти, которая возвышает *дело* ценою *личности*. Разве не бодрящее впечатление на душу читателя производит, напр., та глава из романа Г. Сенкевича «Камо грядеши?», где описаны последние минуты апостола Петра в Риме. Солдаты ведут Петра на место его крестной казни, за городские стены, к Ватиканскому холму.

«Солдаты дивились толпе, которая собралась возле темницы, потому что в их понятии смерть простого человека, вдобавок еще чужеземца, не должна была возбуждать любопытства. Они не понимали, что толпа слагалась не из любопытных. . . Петр шел свободно, и верные хорошо могли видеть его. В ту минуту, когда среди стальных шлемов солдат показалась его белая голова, в толпе послышалось было рыдание, но тотчас же смолкло, потому что лицо его было так ясно и светилось такою радостью, что все поняли, что не жертва идет на казнь, но победитель совершает свое триумфальное шествие... Так оно и было на самом деле... Могло показаться, что это шествует монарх, окруженный народом и воинством. По дороге встречные приходили в изумление при виде старца, а христиане дотрагивались до них и говорили: “Смотрите как умирает праведник”. Язычники уходили, задумываясь: “Воистину, этот не мог быть неправым!”. Петр чувствовал, что завершил свое дело, знал, что правда, которую он проповедовал всю свою жизнь, зальет все как волна, и ничто уж не в состоянии задержать ее разлива. Проходя мимо храмов, он говорил им: “Вы будете Христовыми храмами”. Смотря на толпу людей, снующую перед его глазами, он говорил им: “Дети ваши будут слугами Христа”, и шел в сознании своей победы, в сознании своей заслуги, в сознании своей мощи, умиротворенный, великий. Петр смотрел на Рим, как владыка и царь смотрит на свое наследие. И он говорил ему: “Ты искуплен, ты мой”. И никто, не только среди солдат, но даже и среди христиан, не сумел отгадать, что среди них действительно стоит истинный владыка этого течения, что не станет цезарей, протекут волны варваров, минуют века, а этот старец будет непрерывно царствовать здесь...»

Возвышенная и трогательная картина, нарисованная рукою крупного художника, говорит и уму, и сердцу читателя в тысячи раз больше, чем могли бы сказать даже самые хорошие, лучшие труды по истории борьбы христианства с язычеством (Буассье, Ренан, Фаррар и др.). Читателя не ужасает смерть великого борца за идею, борца за истину, справедливость и любовь. Он верит в будущее торжество правды и учится жертвовать собою ради нее... История богата примерами самопожертвования во имя идеи. Она дает длинный ряд святых образов, неоднократно истолкованных и романистами. Даже при всей литературной незначительности романиста, даже при малом таланте, малой эрудиции, образы, им выведенные, способны говорить сами за себя. Пусть роман обладает многими и многими недостатками, и тем не менее осадок,

который получается в душе читателя после этого неважного романа, в научном и художественном отношении, никак нельзя признать величиною отрицательною: образ героя-борца, именно *этот* образ сохраняет обыкновенно преобладающее положение и до известной степени затемняет много из того, что следует считать величиною отрицательною. На это явление, если можно так выразиться, *читательской психологии* стоит обратить внимание и призадуматься над ним. В голове есть свои законы перспективы, в которой и располагаются образы и идеи, полученные из прочтенной книги. Большую ошибку делают господа педагоги, предполагая, что они знают эту перспективу *à priori*. Они не знают ее ни *à priori*, ни *a posteriori*. Они нередко даже и знать не хотят ее и, применяя к читателю *свою* мерку, берут на себя роль каких-то литературных цензоров, которые, с педагогическими очками на носу, обшаривают книгу за книгой, страницу за страницей и, найдя в книге что-нибудь не подходящее с их точки зрения, бракуют эту книгу, относят ее даже к числу книг вредных... Гг. педагоги забывают, что в психике читателя произведение писателя преломляется подобно световым лучам в призме, что некоторые лучи, проходя чрез психическую среду, гаснут, не доходя до сознания, или «отправляются по другому адресу», как было указано выше, что те образы, которые являются для нас самыми яркими, в голове молодого читателя нередко представляются тусклыми, малозначущими, не бросающимися в глаза. При суждении о зловредности той или другой книги, нужно принимать в расчет не отдельные впечатления, а *равнодействующую* всех их в голове данного читателя. При такой постановке дела нельзя не признать, что многие и многие недостатки, *справедливо* указываемые гг. педагогами в исторических романах, в сущности, *не так уж страшны*. То, что видно педагогам, не видно читателю, о котором идет речь. Недостатки с точки зрения первого не суть недостатки с точки зрения второго. Роман, который, по мнению первого, возбуждает в читателе дурные эмоции, пролетает, так сказать, над нервными центрами, где коренятся эти последние, не задевая их, а, напротив, задевает совсем другое. Доминирующее впечатление, выносимое из очень многих (даже плохих) исторических романов — преклонение перед геройством. Геройство обыкновенно рисуется как направленное к добру («добродетель торжествует»), и хотя это стремление к добру (напр., освобождение, спасение человека) покупается в течение романа немалым количеством содеянного зла, что с высшей этической точки зрения не может быть оправдано,

но читатель выносит из романа такое впечатление: стремление к добру, борьба со злом.

Вот *общий* осадок, остающийся от чтения большинства исторических романов, даже романов Террайля, не говоря о хороших. Даже эти романы будят в читателе известные деятельные эмоции, с которыми нужно не бороться, не искоренять их, а которые нужно улучшать, развивать, вести, так сказать, снизу вверх. Но развитие их — это значит их улучшение, так как эволюция понятия добра и зла направляется именно в сторону *расширения* этих понятий — от того, что считается добром для *данной личности*, к тому, что считается добром для *всех*, для всего человечества. Расширять и укреплять это понятие — вопрос педагогики, стремление которой в данном случае безусловно совпадает с естественным процессом эволюции этики, засвидетельствованным тою же историей и другими науками. Тард, в своем замечательном труде «*La logique sociale des sentiments*», к сожалению, до сего времени не переведенном на русский язык, блестяще развил и обосновал ту справедливую мысль, что каждый прочный общественный строй держится не одними только взаимными интересами или общими идеями, но еще и системами или аккордами чувствований. Эволюция общества идет сменами одних гармоний или аккордов другими, или, говоря иначе, одних систем чувствований другими. При этом новые системы представляют все больше и больше устойчивости благодаря тому, что пропорция чувства симпатии перевешивает все больше и больше пропорцию антипатий. Значит, в области чувствований есть своя логика, цель которой заключается в том, чтобы заменить *менее* стойкие системы чувствований *более* прочными и достигнуть этого посредством преобладания в обществе дружественных чувств над враждебными. Основной мотив, направляющий эту логику чувствований к определенной цели, заключается в особом чувствовании — симпатии, альтруизма, которые находят свое объяснение в том, что самое сильное *наслаждение* для человека — сознать себя любимым, и самое величайшее страдание — сознать себя ненавидимым.

Читатель исторических романов естественно и постепенно приходит от узкого понимания добра и зла к его широкому пониманию, и не нужно больших усилий, чтобы помочь этому естественному переходу, потому что он наблюдается даже в жизни. Ход истории учит этому, раскрывая процесс борьбы и единения. Даже лубочные образы героев делают доброе дело. Они выдвигают вопрос о добре и зле, выводят человека из безразличного состояния, влекут его из его курятника на широкое поле борьбы, арену истории и

заставляют задумываться над очень многими вопросами. И чем выше исторический роман в художественном, научном и социальном отношении, тем с большей силой он влечет читателя снизу вверх, тем скорее заставляет проходить его все ступени этого гигантского «общественного силлогизма чувствований, выгод и идей», первые посылки которого даны еще за тысячелетие до нас, а заключение, практический вывод неизвестно когда и будет... Но разумеется, уж не тогда, когда настанет господство принципа «моей хаты с краю»...

Наблюдения над читателями исторических романов открывают интересное явление: они показывают, что нередко исторический роман действует на читателя *прямо противоположным образом, как того хотел бы автор*. Бывают такие случаи, что автор из всех сил старается разукрасить своего героя, размалевать его благодетельное историческое и общественное значение, подчеркнуть в сознании читателей, что вот-де подражайте этому в его намерениях и тенденциях, и всем будет хорошо... Автор старается — и все его намерения пропадают даром. Читатель *не верит* автору, *не соглашается* с ним, *чувствует* фальшь его речей. В результате, вместо любви к данному герою или данному общественному классу, читатель вдруг начинает как будто бы даже ненавидеть их; вместо любви к добру, которое должно бы воплотиться в герое по мысли автора, читатель приобретает ненависть к злу, воплотившемуся в этом самом герое в глазах читателя. Принимая в расчет, сколько фальши общественной и сколько узких и неправильных тенденций наблюдается в целом ряде исторических романов, обращающихся в публике, нельзя не признать эту психологическую метаморфозу явлением положительным. Такое впечатление читатели, напр., выносят иногда из чтения известных романов А. Дюма «Три мушкетера», «Ожерелье королевы». Как известно, этой стряпухе исторических романов очень хотелось внушить читателю побольше симпатий к тем сторонам французской жизни, которые хотя и были разрушены событиями великой революции, но находились в фаворе в те времена, когда писал свое произведение Дюма. Еще более яркий пример представляют романы того же г. Сенкевича из польской истории («Огнем и мечом», «Володыевский», «Поток»): сочувствие автора к польской шляхте совершенно не передается читателю, а скорее наоборот, — роман возбуждает в его душе симпатии к польскому народу. Еще в более смешное положение попадают такие господа, как Всев. Крестовский, изливающий в своем «историческом» романе «Кровавый пух» целые потоки человеконенавистничества, совершенно чуждого душе российского среднего обывателя. Тенденции, вло-

женные в роман автором, имеют свой *предел*, и этот предел ставит им *жизнь*, та обстановка, в которой приходится жить читателю, условия жизни общественной, которые не могут не влиять на его собственную жизнь, общие условия, которые не могут не доходить и до подрастающего поколение. Выше мы уже имели случай отметить значение этих условий и их влияние на понимание книги. Нужно быть большим идеалистом, чтобы верить в возможность борьбы книги с жизнью. Кто-то сказал: «Книга — это семя, а жизнь — это почва». Не всякие семена растут на всякой почве. Чтобы бороться с тенденциями, нужно изменять к лучшему общие условия жизни, а не искоренять те проявления ее, какие являются результатом этих общих условий. Это бессилие тенденциозных книг в их столкновении с жизнью особенно ярко наблюдается при изучении т. наз. читателя из народа. Известный труд харьковских учительниц «Что читать народу» дает богатейший материал этому³. Чем больше человек несет на себе тяжесть отрицательных сторон неприглядной действительности, тем труднее будут усвоены им те тенденции, которые эту самую действительность стараются прикрасить и обелить, и тем скорее они рушатся при первом столкновении с жизнью и мыслью. Нужно взглянуть правде в глаза и бросить заскорузлую привычку втирания очков. Это неблагодарное занятие не удастся не только над взрослыми, но и над юношами, и даже над детьми. Оно может привести к ожидаемым результатам лишь в немногих случаях или на время, но *масса* и *надолго* поддаться гипнозу не может.

Столкновение авторских тенденций с жизнью в весьма значительной степени обезвреживает именно ту сторону ходячих исторических романов, которая, по-видимому, должна быть сочтена одною из самых опасных их сторон. Происходит своего рода интерференция. Даже при всем желании автора увенчать своего героя, он, *только* описывая его с разных сторон, сплошь и рядом, этим самым уже развенчивает его в глазах читателей. Савихин в своей автобиографии очень метко характеризовал это значение даже самых лубочных исторических романов, которых он немало перечел в юности: «Передо мною проходят графы, князья, маркизы, — пишет он в своей автобиографии. — Э, вот вы какие! А я раньше думал, что граф как уж граф, а маркиз так уж маркиз», и т. д. Кроме того, при старании автора идеализировать одних исторических деятелей,

³См. также в трудах А. Пругавина, в «Этюдах о русской читающей публике» и пр.

он, сопоставив их с другими, кого-нибудь да развенчивает. Поэтому даже самые тенденциозные авторы, ставящие задачей своих произведений прежде всего втирать в них читателю очки того или иного цвета, бессознательно служат, если можно так выразиться, демократизации его представлений. Кроме того, не следует забывать, что голова читателя — не *tabula rasa*, и что в нее постоянно льются теперь потоки идей, образов, настроений не из одного, а из многих источников. Особенно это нужно помнить, имея в виду юношество, когда душа так чутка и отзывчива ко всему высокому и святому. Если бы гг. тенденциозные романисты-историки хорошенько вдумались в значение вышеуказанного явления — *психического преломления* книжного содержания к читательской голове, — а над этим стоит подумать, — разумеется, они больше бы стали заботиться об исторической правде, чем о навязывании своих тенденций. Правда предполагает свободу мысли. тогда как тенденция предполагает рабство ее. Время гипноза при помощи книги как будто бы уже проходит. Не помогает гипнозу даже мрак невежества, сколько бы его ни поддерживать, потому что и он рассеивается с каждым годом все больше и больше, под дружными усилиями стремящихся к свету и искренних друзей народного просвещения в лучшем и широком смысле этого слова. Человек получает не только те знания, идеи и стремления, которые внушают ему, которые ему дают, но и те, которые он сам берет. С этими последними во всяком случае считаться необходимо, и умному педагогу, желающему принести действительную пользу учащемуся юношеству, чтобы не остаться побежденным, остается *только одно: идти на встречу требованиям жизни*, помогать всеми силами самому широкому распространению среди молодежи объективного знания, беспристрастного, разностороннего, критического понимания, гуманного, христианского настроения и любви ко всем угнетенным, ко всем обиженным, ко всем пасынкам исторического процесса, везущим его на своих изможденных плечах. Остается такому педагогу одно: помогать развитию общественного настроения в юном читателе, поддерживать в нем святую искорку, которая есть в каждой душе, разъяснять и разъяснять, что человек не может, не имеет нравственного права стоять, сложив ручки, между Ормуздом и Ариманом, любить одну свою хату с краю.

В настоящее время на русском языке существует довольно богатая литература по экономическим вопросам, по истории права, по философии истории и социологии. Во Франции эти науки еще

с 1882 г. в общих чертах преподаются даже в начальных школах⁴, а у нас они известны не всем ученикам старших классов гимназий даже по имени. Правда за последние годы особенно много появилось книг по этим вопросам. Книги эти, несомненно, читаются, раскупаются, но нельзя сказать, чтобы они захватывали собою широкие круги читателей. Еще более спорным является вопрос, насколько идеи, в них заключающиеся, проникают в толпу, насколько они усваиваются? Разумеется, книга теоретического характера усваивается труднее, чем та, где те же самые теории, те же идеи выражены в исторической форме; а книга историческая труднее читается, чем исторический роман. Греха таить нечего: идеи политические, экономические, правовые, даже этические с огромным трудом проникают в толпу, и кто дорожит распространением своего мирозерцания, тот должен стремиться к тому, чтоб к распространению его идей встречалось возможно меньше препятствий со стороны формы их изложения. Не от недостатка идей мы страдаем, а от неумения читателей воплощать идею в жизнь. Да и не только воплощать. Нужно еще приобрести навык видеть идею вокруг себя, видеть эту общую, многообъемлющую идею не только в изучении книг, на высотах отвлеченной науки, а в фактах жизни, в ее мелочах, воплощенную в плоть и кровь окружающих условий. Раньше мы говорили уже об отсутствии мостика между миром идей и миром образов в голове малокультурного, не подготовленного читателя. Но и культурные читатели не всегда умеют освещать факты жизни отвлеченной общей идеей, которая парит где-то высоко сама по себе, жизнь вокруг идет сама по себе. Исторический роман помогает, так сказать, идее спуститься па землю. Возьмем для примера замечательный роман В. Гюго «*Misérables*». Этот роман по правде может быть назван грандиозным воплощением отвлеченных идей в человеческую плоть и кровь. Коллизия справедливости юридической и идеи христианской нарисована рукой не только великого художника, но и мыслителя. Преступления государства сопоставлены с преступлениями лица; идеи естественного права с правом условным, санкционированным государством; личность противопоставлена государству: принцип римских юристов *percat mundus, fiat justitia* иллюстрирован на великолепном примере усердного сыщика. Вдумавшись в произведение Гюго, рисующее яркими штрихами один из бурных моментов «буржуазной монархии», переводя этот

⁴См. доклад Симиона на конгрессе преподавания социальных наук в Париже в 1900 г.

роман на язык отвлеченных научных и философских терминов, читатель находит в нем целый цикл идей, служащих содержанием целого ряда ученых трудов. Другой замечательный роман, принадлежащий перу немецкого автора, рисует вам, быть может, еще более широкую картину социально-экономического движения в Германии, движения, которое в настоящее время составляет характерную, основную черту западноевропейской жизни. Мы говорим об известном романе Фр. Шпильгагена «Im Reich' und Gleid» («Один в поле не воин»), герой которого Лео, как известно, имеет некоторые черты, сближающие его во многих отношениях с выдающейся личностью известного немецкого агитатора. Роман Шпильгагена — целый цикл идей, извлеченных из неудобочитаемых трактатов политической экономии и права и воплощенных в плоть и кровь. И такие романы, как вышеуказанные, не только воплощают идеи сами, — они научают и читателей воплощать их. Они представляют собою именно мостик между теорией и жизнью. Своих читателей они вводят в область научных книг; читателей этих последних ставят все ближе и ближе к жизни. Такие романы учат своих читателей пониманию жизни с точки зрения отвлеченных теорий, для этой-то жизни и созданных, для нее-то и нужных. Такие романы, как вышеуказанные, представляют собою необходимые пособие при чтении отвлеченных философских и научных трактатов. Сколько великих, глубоких, поразительно остроумных идей заключается, напр., в книжках по социологии! Как хорошо и справедливо, и с научной основательностью трактуется там об отношении индивида к среде, о факторах развития, о взаимодействии их, о видоизменении общих условий, усилиях отдельных личностей и народных масс. С какую объективностью и основательностью разбираются биологические, психологические, социологические условия общественной эволюции и выясняется значение борьбы, которая ведет личность во имя лучшего будущего и более сносного настоящего! И все эти идеи нашли себе своего *ученого*, но не нашли *художника*, который облек бы их в плоть и кровь и показал бы их реальное, жизненное значение для мыслящей чувствующей, страдающей *личности* человеческой... И чем менее культурна страна, чем ниже в ней уровень читающей публики, тем нужнее эти посредники-воплощители, тем больше значение их произведений, тем большее дело они делают и могут сделать...

Из всего предыдущего следует, что исторический роман - своего рода громадная воспитательная и образовательная сила. Эту силу не только нельзя пренебрегать, но с нею нужно считаться

и нужно ею пользоваться, во-первых, как источником исторических знаний, во-вторых, как источником критического мышления, понимания окружающей общественной жизни, и, в-третьих, как источником альтруистических и общественных эмоций. Исторические знания облакаются в историческом романе в такую форму, которая делает их доступными столь широкому кругу читателей, о каком не может и мечтать ни учебник, ни научно-популярная, ни тем более научная книга. Для понимания этих последних исторический роман еще более необходим, чем они для него. Как пособие для ознакомления читателя с историей культуры, он не только полезен, но даже незаменим. Как картина жизни общественной, исторической, рисующая и «деятелей истории», и то, из чего она делается, и как делается, и кому от этого бывает тепло или холодно, исторический роман — могущественное средство для воспитания общественной мысли, как введение в понимание общественных отношений разных времен и разных народов, до современности включительно. Наконец, это громадная, кипучая сила для воспитания настроения общественного, — сила, пробуждающая человека к деятельности, к борьбе с Ариманом, к воплощению в жизни великих начал истины, справедливости и любви к людям. Все эти качества исторического романа не есть исключительная принадлежность одних лучших и самых выдающихся произведений крупных авторов. На читателей, стоящих на низкой ступени развития, несомненно, положительное влияние оказывают даже такие исторические романы, которые совершенно не выдерживают научной и литературно-художественной критики. Тем более благотворного влияния можно ожидать от произведений более высокого качества. Тем более громадную силу представляют исторические романы выдающихся авторов. В руках умелого педагога (или, точнее, педагога с живой и отзывчивой душой) они являются такой громадной силой, какую только можно пожелать с педагогической точки зрения. Пользоваться этой силой можно многими способами: с одной стороны, — пользоваться историческим романом, как материалом для домашнего чтения, с другой — как материалом для иисьменных работ, домашних и классных, как материалом для разбора анализа этих произведений с точки зрения исторической науки, этики, религии, права, экономики, политики. Исторический процесс, воплощенный при помощи исторических романов в целый ряд личностей, мыслящих, чувствующих, страдающих, не может не увлечь читателя. Он поставит пред читателем столько коренных,

вековечных вопросов жизни и проблем мысли, что душа мало-малюски живая не может не искать ответа на них.

И когда эти вопросы встанут перед читателем, и когда он глубоко и серьезно «возжаждет и взалчет» найти живые ответы на них, тогда роль исторического романа окончена: он сделал свое дело. Он больше, быть может, этому читателю и не пригодится. Настанет черед научной книги. Там и идеи, и факты сконцентрированы, а это облегчает поиски. Там преубежденная мысль и чувство найдут себе большее удовлетворение. Читатель уже сам будет облекать идеи в образную форму; одна строчка из научной книги, сообщающая такой-то факт, сама собой будет в голове читателя представляться целой картиной. Яркие краски и звуки, разнородные ощущения, тончайшие настроения и волнения души будут сами собой пробуждаться в душе читателя даже самыми отвлеченными фразами, даже самым сухим изложением Вебера, Шлоссера и т. п. Эберс приведет читателя к Бругшу и Масперо; Эркман-Шатриан и Виктор Гюго («93 год») приведут к Минье, Гейсеру, Карно, Тэну, Сорелю, Карееву и т. д., Сенкевич — к научным трудам Буасье и т. д. Перед читателем раскроются еще более широкие горизонты науки, еще большая глубина научной и общественной мысли, еще большая высота и красота гуманного настроения...

Посмотрим теперь, богата ли литература исторических романа русском языке, что она собою представляет и можно-ли представить ее в какой-либо *системе*. Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, имеющие с точки зрения вышеизложенных соображений большое практическое значение, нужно проделать очень неблагодарную и кропотливую библиографическую работу, и не только выписать заглавие исторических романов, но и пересмотреть их, так как заглавие редко говорит о содержании⁵. Работа эта в значительной степени затрудняется тем, что многие исторические романы стали в настоящее время библиографической редкостью, и о них можно судить лишь по одному заглавию, что это роман исторический, а к какому времени и к какой стране он относится, так и остается неизвестным. Г-жа А. В. Мезиер, составительница многих библиографических указателей, взяла на себя эту неблагодарную работу и исполнила ее, приняв за ее образец подобные же каталоги исторических романов, расположенных по странам и эпохам, издаваемые за границей. Таковы? например, *A descriptive catalogue of*

⁵ В указатель этот не вошли исторические повести, помещавшиеся в детских журналах

historical novels and tales. For the use of school libraries and teachers of history By H. Courthope Bowen., M. A. Lond. 1882.

В своем указателе г-жа Мезиер придерживается той же системы, впрочем, с небольшими, но довольно существенными отступлениями. Первый вопрос, который представляется при составлении подобного указателя, заключается в том, что же, собственно, называть историческим романом. Не всякая книга, на которой написано «исторический роман», может быть названа таковым. И обратно, есть книги, на которых никогда не пишется это слово, и которые тем не менее должны быть причислены к категории исторических романов. Московский лубочник Земский, издававший с 70-х по 90-е годы множество толстых книг, чуть не на каждом романе печатает слово «исторический», даже на романах Поль де-Кока, зная, что это слово помогает сбыту. Эту штуку проделывают иногда и сами авторы. Что общего с историей имеет, напр., роман К. де-Монтепена «История людоеда»? И чем не исторический роман, напр., «Дон-Кихот» Сервантеса, дающий столь яркую картину распада рыцарства? И какое основание не вводить в список исторических романов исторические драмы, авторы которых нередко относятся к своему труду не с меньшей добросовестностью, чем авторы романов, напр., хотя бы А. Пушкин, воплотивший, так сказать, в своем «Борисе Годунове» II главу XI тома «Истории» Карамзина?

Составительница указателя принимает исторический роман в широком смысле слова. Историческим романом в широком смысле можно назвать всякий роман, который воспроизводит прошлые исторические течения настоящего, в их целом виде и в отдельных представителях, в их героях и толпе. Два основных требования, — художественность и научность, — которые можно и должно считать критерием, говоря о качествах исторических романов, нельзя принимать в расчет при составлении библиографического списка их. На основании такого критерия пришлось бы до такой степени сократить этот указатель, что он был бы еще дальше от законченной системы или цикла историй в романе и в значительной степени потерял бы свое значение. Кроме того, поучительное значение исторических романов, как было указано в нашей статье, обуславливается не только художественностью и научностью их, а и другими сторонами, выяснить которые мы старались выше. Поэтому составительница больше всею гналась за полнотой своего труда и вводила в него по возможности все исторические романы, какие ей удалось встретить в библиотеках и каталогах библиотек и книжных магазинов. В указатель введена и целая серия романов *бытовых*, в

которых не выступают в качестве героев исторические лица и где не служат содержанием исторические события. Эти романы имеют особенное значение при ознакомлении читателя с культурной стороной жизни в разные эпохи и у разных народов. Когда-то историей называлась история героев—царей, полководцев, рыцарей и вообще выдающихся людей. За историей героев совершенно ступшеывалась история толпы, заурядных, маленьких людей, которые и не считались, даже в своей массе «в числе делателей истории». За последние полвека картина переменялась, и толпа заняла должное место и в научной книге, и даже в лучших учебниках, а также и в историческом романе. Толпе стало интересно взглянуть на *собственное* прошлое, и в литературе появился *бытовой исторический* роман, который переносит читателя в самую обычную обстановку прошлого, знакомит с ее деталями, с маленькими людьми, которые тогда жили, с тем — как они жили, как мыслили, как и что чувствовали, чего желали, к чему стремились, какое мирозерцание, какие учреждения их удовлетворяли, какие нет, и почему, с какими сторонами своей жизни они вели борьбу. Даже герои получили интерес с точки зрения толпы, поскольку они явились ее выразителями или противниками, поскольку их деятельность шла по течению или против течения толпы. Настоящим героем романа сделалась толпа в ее различных представителях. Типичными представителями таких романов толпы являются, напр., «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Жерминаль» Зола, «Ткачи» Гауптмана, «Три конца» Мамина-Сибиряка. И этим значение исторического романа не только не суживается, но чрезвычайно расширяется. Бытовой роман — тот же исторический роман, и его задача — та-же, что задача исторического романа, — широкое, захватывающее, объективное воспроизведение прошлого и исторических течений настоящего, воспроизведение в образах и картинах. Сознательное научное *воскрешение* жизни в ее целом, ее героев, ее толпы, — воскрешение при помощи всевозможных данных всевозможных наук — естествознания, психологии, социологии, археологии и пр., и пр.; воскрешение жизни и внутренней, и внешней, условий жизни экономических, политических, умственных, нравственных и т. п.

Что касается до систематизации библиографического материала, то и эта сторона труда встретила некоторые затруднения. Исторических романов существует на русском языке гораздо больше, чем это кажется (в список г-жи Мезиер введено около 2000, и все же нельзя ручаться, что он полон). Но если сопоставить литературу русскую с иностранной, то бедность первой окажется поразитель-

ной. На иностранных языках существуют целые сотни прекрасных исторических романов, которые до сего времени не переведены на русский язык, потому что просто-напросто забыты: в свое время их не перевели, а затем, в погоне за новинками, забыли. Не переведен, напр., классический роман Шеффеля «Gaudeamus», не переведены многие из романов Шпиндлера, Фрейтага, Вашингтона-Ирвинга, Мериме, Вольфа, и т. д. Переведены лишь отрывки из огромного труда Е. Сю «Les mystères du peuple», где автор, выступая не столько в качестве художника, сколько публициста 1848 года, пытается в целой серии исторических рассказов познакомить читателя с историей Франции, начиная с покорения ее Ю. Цезарем и кончая 1848 годом, причем в каждом рассказе он старается противопоставить житье-бытье командующих классов житью-бытью народа⁶. Русская литература исторических романов — один печальный осколок западноевропейской и нуждается в пополнении, при котором и будет только возможна довольно удовлетворительная популяризация *курса* истории *серией* исторических романов. В настоящее время эта серия далеко не полна, хотя нельзя назвать ее скудной. К сожалению, распределение материала по странам и эпохам тоже далеко не равномерно. Некоторые исторические моменты пользуются чрезвычайной любовью авторов (времена Клеопатры, гонение на первых христиан и первая гибель Помпеи, эпоха Ивана Грозного, Марии Стюарт и т. д.), тогда как другие совершенно не затронуты историческим романом. Есть эпохи, затронутые чрезвычайно односторонне, мельком. Есть эпохи, затронутые идеально бездарными романистами (как, напр., Крыжановская, Рочестер). В результате, совокупность исторических романов, существующих на русском языке, лишь с очень большою натяжкой может быть названа системой. Еще меньше подходит к ней это название, если принять в расчет разнокалиберность самых романистов и романов. Некоторые исторические личности (хотя бы, напр., «Иоанн Грозный», «Орлеанская Дева») освещаются авторами до такой степени с противоположных точек зрения, что об одних этих освещенных сложилась целая литература. Эта разнокалиберность, а также неполнота системы делает весьма желательным издание такой серии исторических романов, которые вполне удовлетворяли бы по возможности всем педагогическим условиям. Впрочем, это дело

⁶Переведены из этой серии: Фаустина и Секмара (№ 9 по указат. Мезиер), «Завоевание Галлии», «Из истории рабства (Жакерии)» в «Деле» 1868— 1869 гг. «Крестовые походы», «Молот кузнеца». Жалкая пародия на книгу Сю имеется и на русск. языке (Лапин и Разин: «Откуда пошла русская земля» изд. Вольфа).

будущего, и о нем речь в другой раз⁷. Тем не менее «Указатель исторических романов» — не только явление желательное, но и необходимое. Он необходим не только педагогам, но и родителям, и самим читателям, как пособие при выборе книг. Он выводит из забвения целые сотни произведений, о которых никто и не слышал, а если и слышал, то забыл. Он, быть может, натолкнет издателей на перепечатку некоторых произведений, вышедших из продажи. Что касается упреков в неполноте, то было бы желательно, чтобы лица, признающие известное значение за этим «Указателем», пришли на помощь составительнице его своими указаниями на пропуски, замеченные ими⁸.

Для удобства справок, в указателе г-жи Мезиер материал расположен по странам и эпохам, но, разумеется, пользоваться им можно на много способов. Можно черпать материал из этого указателя не только по странам и эпохам, но и по схеме эволюции, предлагая читателю избранные романы в таком последовательном порядке, что ряд их представит собою нечто целое и даст понятие о разных фазах, напр., эволюции религиозной и церковной, отметит главные моменты из истории религии и церкви, эволюции политической, социальной и т. д. Такое распределение и такой выбор материала, в свою очередь, может послужить весьма ценным объектом для педагогических манипуляций.

Была бы только у педагога душа жива, — остальное без труда приложится.

⁷ Нам известно, что одна крупная петербургская фирма уже предприняла подобное издание.

⁸ Пособием при выборе исторических бытовых романов может служить еще «Библиографический указатель переводной беллетристики в связи с историей литературы и критик». Спб. 1897 г. 1 р. (склад у Карбасникова). Произведения беллетристики распределены здесь по странам; по возможности при каждом авторе указаны критические статьи о нем и биографии. При каждом отделе – главные труды по истории литературы этой страны. Печатается и скоро выйдет такой же указатель по русской словесности XI-XIX в., сост. А. Мезиер. Первая часть уже имеется в продаже.

КНИГИ ПО КУЛЬТУРЕ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО И «ЭЛЕМЕНТАХ КУЛЬТУРЫ» У СОВРЕМЕННЫХ «БЕСКУЛЬТУРНЫХ» НАРОДОВ

*Впервые опубликовано в: Новости детской литературы. 1916
№ 7. С. 1-11.*

Достаточно просмотреть каталоги для детского и юношеского возраста, чтобы убедиться, как слабо представлен у нас отдел популярных книг, посвященных далекому прошлому человечества, первобытной культуре, из элементов которой развилось и современное наше культурное достояние.

А вместе с тем, едва ли можно указать много тем более интересных, более глубоких, как тема — открыть перед молодым поколением ту тесную преемственную связь между всеми народами, населяющими землю, показать ему, что современная культура есть продукт многотысячелетней работы, приспособления, творчества всего человечества, которое, разбросанное по всему земному шару, в разнообразных природных условиях, усвоило тот или иной образ жизни, что работе наших отдаленных предков мы обязаны всеми ценностями нашей современной культуры.

Все сказанное — трюизм. Но многочисленные наблюдения убеждают нас, что не только учащаяся молодежь, но взрослые, в массе, очень мало или даже совсем не знакомы с вопросами первобытной культуры и народоведения. Конечно, многие слышали, знают, что когда-то был каменный век, бронзовый и железный, но как далеко от нас это время, что оно дало нам, какую культуру, относящуюся к этому времени, мы находим, — эти вопросы даже не приходят в голову... То же и относительно народностей... Мы даже далеко не все народности знаем, какие населяют Россию, а о других странах и говорить нечего.

Нам, скажут, что кое-какие «популярные» книжки по вопросам культуры все же попадают в руки детей... Конечно, попадают, и о них нам не раз приходилось упоминать. Книжки эти в большинстве случаев настолько элементарны, настолько далеки от приближения к научной истине, что лучше было бы, если бы они совсем не попадали к детям.

Но в последние два-три года и у нас появилось среди лубочного хлама кое-что ценное, что мы и отметим в следующем обзоре. Теперь же мы остановимся на книгах переводных, которые заполнили несколько пробел у нас книг по вопросам культуры доисторического прошлого и элементов культуры у современных «бескультурных» народов, именно на трех книжках проф. Гернеса «Культура доисторического прошлого»: часть I — Каменный век (пер. с нем., под ред. И. Н. Дьякова. 1913 г. 139 стр. 70 к.); II — Бронзовый век. (С 57 рис. в тексте и синхронистической таблицей. Пер. с нем. под ред. И. Н. Дьякова. 1914 г. 134 стр. 80 к.); III — Железный век (с 35 рис. в тексте. Пер. с нем. под ред. И. Н. Дьякова 1914 г. 100 стр. 50 к.), и на двух книгах проф. К. Вейле: «Культура бескультурных народов». (Пер. В. М. Познера, под ред. и с предисловием Б. Ф. Адлера, проф. Казанского Универс. С 32 рис., исполненными по фотографиям и наброскам К. Рейнеке. 1912 г. 100 стр. 50 к.) и «Элементы человеческой культуры. Начатки и первичные формы материальной культуры» (пер. Анны Майер, под ред. и с пред. Б. Ф. Адлера, проф. Каз. Ун. С 40 рис. по фотографиям и наброскам К. Рейнеке). 1914 г. Ц 50 к.

Книжки проф. Гернеса изданы московским издательством «Фарос»; книги проф. Вейле в издании «Б-ки Знания» Сойкина в Петрограде. Начнем с Гернеса.

Первая его книжка, посвященная каменному веку, вышла в русском переводе в 1913 г., и нам приходилось уже говорить о ней (Нов. Детск. Лит., год III, № 4, стр. 20), и потому мы начинаем обзор со второй части, посвященной «Бронзовому веку».

Книжка открывается введением, в котором автор выясняет роль и значение в жизни человечества древнейших культурных металлов. Первым человеку стало известно золото, затем — медь, бронза и, наконец, железо. Автор медный и бронзовый века не разделяет друг от друга, начиная описание обеих эпох одновременно. Путь, которым шли эти металлы, автор ведет с Востока на Запад, с Египта, где медь стала применяться значительно раньше, чем в Европе, и где впервые установилась культурная стадия, известная под названием «медно-каменного века» или «неолитического периода».

Период этот в Египте надо отнести ко времени от 5000 г. до 3000 л. до Р. Х. Автор подробно описывает места находок этого периода (Негада, Абидосс и др.) и дает характеристику обнаруженной в них культуры.

Согласно Эд. Мейеру, автор историю древнего Египта, вплоть до конца 2-го тысячелетия до Р.Х. делит на 8 периодов:

1. Доисторический период: древний и новый каменный век, культура которого приписывается какому-то доисторическому черному населению кочевников.

2. Древнейшее нижнеегипетское царство (ок. 4290 л. до Р.Х) и два царства «Служителей Гора». Это неолитический период, носителями культуры которого являлись переселившиеся из Азии предки исторического населения Древнего Египта.

3. Царь Менес и две первые династии (ок. 3315-2895 до Р.Х). Это медный или ранний бронзовый век.

4. «Древнее царство», первый период расцвета эпохи 3-5-ой династии (около 2895-2540 л. до Р.Х), время строителей великих пирамид, расцвет пластики и разработки медных рудников Синайского п-ова.

5. Конец Древнего царства и переходное время ко второй эпохе расцвета (6-10-ая династия, ок. 2540-2160). К этой эпохе относится статуя фараона Пени, сделанная из листовой бронзы, набалдашник скипетра и бронзовые сосуды.

6. Среднее царство, второй период расцвета Египта. Эпоха 11 и 12-й династии (2160-1785). Находки бронзовых сосудов и инструментов.

7. Время упадка и чужеземного ига. Эпоха 13-17-ой династии (1680-1580).

8. «Новое царство»: третий период расцвета. Эпоха 18-20 династии (1580-1100). Поздний бронзовый век и переход к железному веку. К этой эпохе относится роскошная гробница царицы Ааго-тепы, погребальный инвентарь которой напоминает Микенскую культуру.

Обычная примесь олова в египетской бронзе составляет 12%. Железо появляется только на стенной живописи Рамзеса III, где появляются голубые и красные рисунки на оружии. Пирамиды, сфинксы, живопись на скалах, пышная литература на свитках папирусов и глиняных дощечках и все исторические события и памятники древнего, среднего и нового царств Египта вплоть до 1200 г. до Р.Х. принадлежат эпохе бронзового века.

В передней Азии бронзовый век длился от 2900 до 1290 г. до Р. Х. Руководящими находками здесь являются «обетная статуэтка», открытая в Телло и медные и бронзовые инструменты и оружия из «Холма меди» около древней Ларсы.

В Сирии бронзовый век бытовал с половины 3-его до половины 2-го тысячелетия, и есть основание предполагать, что ему предшествовал неолитический период, что подтверждается находками, сделанными из чистой меди, как плоские топоры из Вифлеема, кинжал из Бейрута и бронзовые сирийские секиры.

Особенно богат металлами был остров Кипр, в котором различают три культурных периода: собственный кипрский – медно-бронзовый; микенский -бронзовый и греко-финикийский – железный.

Погребальные сооружения этой эпохи представляют продолговатые четырехугольные шахты. Микенский период является расцветом позднейшего бронзового века на острове.

История бронзовой культуры в М. Азии описывается в связи с историей Трои, грандиозные раскопки которой, в течение 24 лет дали огромный материал бронзовых орудий, глиняных сосудов и каменной утвари. Много найдено было вещей из серебра и золота, но бронза безусловно преобладала. Двигаясь дальше на запад, автор переходит к юго-восточной Европе и прежде всего останавливается на греческих островах (Циклады, Крит), где бытовала культура, которую принято называть «цикладской» и которая относится к древне-микенскому периоду. Инвентарь могильников состоит здесь из бронзы и обсидиана, серебряных и свинцовых украшений, мраморных статуэток и сосудов. Особенно подробно автор останавливается на культуре Крита, пользуясь данными раскопок Кносского дворца, произведенных английским археологом Арт. Эвансом. Недостаток места мешает нам подробно остановиться на этой главе и проследить постепенно развитие крито-микенской культуры. Впрочем, с культурой этой мы встречаемся в материковой Греции, где преобладающей культурой является микенская. Эта последняя культура характеризуется бронзовыми кинжалами, золотыми и серебряными сосудами, золотыми диадемами и масками и гробницами типа знаменитой «Сокровищницы Атрея». Средняя и западная части южной Европы описаны по О. Монтелиусу, который различает четыре ступени бронзового века.

Наиболее ярко бронзовый век выражен в террамарах 2 и 3 стадии (находки по р. По и вблизи Таранго). Иберийский (Пиренейский) п-ов автор называет «одним из наиболее древних центров

человеческой культуры на всем земном шаре». Он отмечает типичные находки в окрестностях Мадрида, относящихся к раннему палеолиту (шелль) и пещеры сев. Испании с гравированными на стенах рисунками и культурным слоем, относящимся к позднему палеолиту. В Португалии ярко представлена неолитическая культура, о которой, по словам автора, продолжалась до конца 4-го тысячелетия до Р.Х. Наиболее представлен в находках на Пиренейском п-ове древнейший период бронзового века, носящий название «Эль-аргарского» культурного периода по месту главных находок Эль-Аргар.

Западной, средней и северной Европе автор уделяет меньше внимания. Деля эту часть Европы на две культурных области, автор в основу деления кладет: различие в применении спиральных украшений, известные формы мечей и фибул. Зап. Европа, по автору, не знала спирального орнамента и не употребляла бронзовых фибул, тогда как в Скандинавии спиральный орнамент и фибулы играют значительную роль.

Отмечает автор некоторые мелкие местные особенности культуры. Так для Германии и Богемии он отмечает «Лаузицкую культуру», а также некоторые особенности бронзовой культуры Венгрии.

Менее посчастливилось в описании автора культуре Сев. Европы. Ей отведено менее 10 страниц. Под этой культурой автор принимает культуру сев. Германии, Дании, южной Швеции и Норвегии и сев.-зап. области России. Бронзовый век этих стран автор относит к началу второго и до середины первого тысячелетия до Р. Х. Центральным очагом этой культуры автор считает «острова и берега западной половины Балтийского моря». Среди находок бронзового века автор указывает на множество «иностранных изделий» и думает, что они восходят никак не далее средней Европы, и делает заключение, что культура бронзового века проникла на север через посредство Германии из стран, лежащих между Венгрией и Швейцарией.

Обзору медного и бронзового века на Дальнем Востоке отведено всего 15 страниц, где несколько строк посвящено России. Автор утверждает, что бронзовые предметы скандинаво-германской группы встречаются только в виде отдельных случайных находок, и что «восточно-русская сибирская культура бронзового века» имеет корни в восточной Азии, в области между истоками Ангары и Байкала.

Автор упоминает о находках в Минусинском округе, где вся степь представляет собой сплошное гигантское кладбище, восходящее к эпохе загадочной «чуди».

Несколько страниц отведено южной Азии, Закаспийской области и Туркестану.

Заканчивается книжка кратким указанием на находки бронзовой культуры в сев. и южной Америках.

Таково содержание 2-ой части «Культуры доисторического прошлого». Мы подробно остановились на ее содержании, потому что здесь автор построил свое изложение в значительной степени на историческом материале и на сопоставлении данных целого ряда родственных археологии дисциплин, и с сопоставлениями этими не всегда можно согласиться. Вызывают недоумение и некоторые выводы автора. Так, едва ли можно согласиться с ним, что находки северного бронзового века «восходят никак не далее средней Европы», или с другим утверждением, что культура бронзового века проникла на север Европы через посредство Германии. Непонятно нам, о какой «загадочной чуди» можно говорить, упоминая Минусинский округ Енисейской губ.? Непонятно и упоминание о Венгрии в эпоху бронзового века. . . Но все эти недоразумения и ошибки не лишают этот выпуск работы Гернеса присущих ему книге достоинств.

Нельзя только не пожалеть, что, обладая огромной эрудицией, автор не использовал русской археологической литературы; для русского читателя это было бы очень ценно.

Книгу с одинаковым интересом прочтут подростки и взрослые. «Железному веку», как бронзовому и каменному, автором предпослано введение, которое устанавливает хронологические даты появления железа, и те дороги, по которым распространялось оно, а также намечает и тех носителей этой культуры, которые содействовали распространению железа.

Железо прежде всего было открыто (по Монтелиусу) в бассейне Средиземного моря на ближнем Востоке не ранее 2-го тысячелетия до Р. Хр. Около этого времени оно стало известно и в Египте; в Греции оно появилось и только как украшение в поздне-микенских могилах 14-го столетия до Р. Хр. Средняя Италия получила железо при переселении этрусков около 1100 л. до Р. Хр., в Германии первые сведения относятся к X и IX ст.; в Скандинавии украшения из железа относятся к 1000 г. до Р.Х. Словом, железный век охватывает первую половину последнего тысячелетия до Р. Хр. К этой эпохе относятся главнейшие всемирно-исторические события.

Железный век обычно делят на два периода – галльштатский и латенский. Принимая это деление, автор прослеживает развитие культуры в том же порядке, что и в первых двух книжках: от стран

Средиземного моря в направлении «от востока к западу и от полуденных стран к полуночным». Начинается обзор с Галльштатского периода в Южной Европе. Здесь на первом месте Греция. Автор, на основании Гомеровского эпоса, заключает, что железо в Греции играло незначительную роль до 850 г. до Р. Хр. Но едва ли с этим можно согласиться. Вернее другое предположение: придворному поэту железо казалось «металлом мужицким», ион мало замечал его. В Илиаде мы читаем, что Ахиллес при состязаниях на похоронах Патрокла одним из призов назначил кусок железа, которого «хватило бы пахарю на пять лет». Археологическими памятниками являются находки в могильниках и святилищах, напр. В Афинах, в священном роще в Олимпии глиняные статуэтки с орнаментом геометрического стиля. Сицилия пережила два периода железного века, более древнего - от 1000 до 700 л. и более позднего - от 700 до 500 л. до Р.Х. Первый связан с моментом ввоза греческих товаров; второй - уже с эпохой греческой колонизации. Для характеристики Ср. Италии автор пользуется датами и описанием О. Монтелиуса. Наиболее развитым считается Этрусский железный век (900—500 л. до Р. Хр.); его делят на четыре периода; наиболее интересным надо считать первый — эпоха богатых сокровищами могил Регуни-Галасси, дель-Дуце в Ветулонии, и последний период - ввоза поздних аттических черно-фигурных глиняных сосудов и древнейших красно-фигурных ваз.

В Средней Европе Галльштатский период представляют расписанные сосуды, панцири, шлемы с забралами, мечи с подковообразной рукояткой. Особенность Галльштатского стиля в обилии второстепенных частей и придатков (игольник с украшениями), богатой отделке, мелочной и вычурной нарядности. При общем однообразии Галльштатский период Средней Европы можно разделить на две части. В первой - железо было гораздо реже и дороже бронзы и служило для изготовления предметов роскоши. Во втором - железо уже заменило бронзу, но продолжает еще служить для изготовления украшений. Автор делит этот период еще на четыре больших группы, кладя в основу географические условия. За руководящий признак он считает керамику, фибулы, мечи, бронзовые шлемы. Но многое из этого можно найти и в других местах, напр., в Италии. Галльштатский период описан автором весьма подробно, особенно в отделе керамики.

Ла-Тенский период железного века, который отменил Галльштатский, автор приписывает кельтам, которых выводит с берегов Средиземного моря, хотя и признает, что уже в IX в. Кельты населя-

ли Южную Англию. Упоминания о кельтах есть у Геродота и других авторов, но базироваться на них едва ли можно. Следить за развитием вопроса о кельтах мы не будем, ибо, по данным греческой и римской истории, по данным антропологии и по данным лингвистики, они очень различны. Первые рисуют их высокими, белокурыми, с голубыми глазами, вторые считают их частью английского племени, роста среднего, смуглыми, короткоголовыми (остатки теперь есть в Оверни). Лингвистика отводит им место между германцами и италиками. Автор выходит из затруднения, объявляя, что народы кельтского племени были смешанного происхождения.

Название свое Ла-Тенский период получил от местности Невшательского озера, где были открыты остатки крепости, похожей на свайные постройки. Здесь найдено было много железного оружия, инструментов, утвари, предметов украшения, наконечники копий, рукоятки щитов, топора с отверстием для топорища, косы, серпы и другие предметы, глиняная посуда, обожженная «до звона», бронзовые, серебряные и золотые монеты. Предметы украшения, найденные тут, тоже из железа.

Культура эта господствовала в Англии, Скандинавии до самого начала христианской эры. Как и другие культуры, она разденется на несколько ступеней и групп, характеризующихся определенными типами орудий, утвари, украшений, постепенно осложняющимися при переходе от ранней эпохи к средней, от средней к поздней эпохе. Мы не будем перечислять вместе с автором все приводимые им черты различия, тем более что читатель все это найдет на рисунках, дающих ясное представление о росте и изменениях этой культуры.

Касается автор появления железа и в других частях света. Подробнее автор останавливается на Африке, где «негрский мир» ознакомился с железом и стал им пользоваться непосредственно, вслед за чисто каменным веком. Народы восточной Азии (семитские племена) также очень рано познакомились с железом, доказательство чего можно найти в Библии. Ассирийцы были знакомы с железом уже в IX и VIII ст. В Персии, Индии железо добывалось уже в глубокой древности. В Японии железный век продолжался в IV в до Р. Х. до 700 г после Р. Хр. О России ничего не говорится. Есть только упоминание о том, что «на верхнем течении Енисея, вслед за загадочной чудью, появился в начале нашего летосчисления народ тюркского племени, в курганах которого содержится много железных изделий, в особенности конской сбруи».

В целом, книжка дает подробную и доступно написанную историю железного века, для которого нельзя определить ни конца, ни

размеров его дальнейшего развития. Книжку прочтут с одинаковым удовольствием и взрослые и дети старшего возраста. Она стоит на том же уровне, что и два предыдущих выпуска.

После обзора доисторической культуры человека, мы ознакомим читателей с культурой исторического периода, но только для народов «бескультурных».

Трудно указать книги, доступные для понимания неспециалистов. Те же книги, что есть, все, в большей или меньшей степени, страдают упрощенностью, желанием все сказать на нескольких страницах, избегают установленных терминов и гипотезы для убедительности выдают за установленный окончательно закон.

К числу немногих книг, по которым можно познакомить детей старшего возраста и подростков с эволюцией культуры человечества, можно отнести две книжки, отмеченные под заголовком нашей статьи, проф. К. Вейле.

Книжки эти изданы в серии «Библиотека Знания» изд. Сойкина. Библиотека эта насчитывает уже больше десятка книжек, посвященных различным областям знания, большинство переводных, под редакцией известных специалистов. Книги эти и по содержанию, и по изложению далеко не одинакового достоинства и доступны не одинаковому типу читателей. Есть книги, которые можно дать подросткам, другие недоступны и взрослому, не получившему специального образования. Книжки Вейле составляют счастливое исключение, хотя, к сожалению, они обесценены несколько странной формой изложения, а местами и плохим переводом.

Первая книжка, озаглавленная «Культура бескультурных народов», посвящено ознакомлению читателей с элементами культуры, причем автор останавливается, главным образом, на огне. Факт этот он объясняет в предисловии следующими словами: «Из всего общего достояния человечества я мог рассмотреть в этом томике только огонь и его завоевания. Некоторым это, пожалуй, покажется недостаточным, но, как увидит читатель, при рассмотрении уже одного этого вопроса, открывается такая далекая перспектива на общее развитие всей человеческой культуры, что более беглое знакомство с этой областью завоевания человеческого гения лишь повредило бы книжке». Познакомимся с ее содержанием.

Книга разделяется на 8 глав. Первая, озаглавленная «Народоведение и публика», рисует отношение к вопросам народоведения «широкой публики», которая о многих народах имеет весьма превратные представления. Виновата в этом не только публика, но и

сама наука, которая «не сумела, по словам автора, до сих пор найти путь к сердцу широких масс».

Во второй главе — «Этнографические параллели» — автор устанавливает известную закономерность между разнообразными формами культуры, подчеркивает однородность форм и видов у различных народов. Автор отмечает два взгляда: один — Бастиана, который все совпадения объясняет одинаковостью, общего всему человечеству, духовного склада, который при равных условиях породил одинаковые проявления культуры. Второй взгляд — Фр. Ратцеля, считающего, что в каждом отдельном случае надо пытаться исследовать, не является ли совпадение также и заимствованием. Автор приводит примеры, подтверждающие оба этих взгляда. Так, он упоминает о фетишах, трещотках, гарпунах, метательных досках, бумерангах. В связи с бумерангом, автор поднимает вопрос о «расово-биологической» близости австралийцев к древнему доарийскому слою населения южной части Индостана — дравидам. Некоторые ученые, как Семон и Клаача, указывают на близкое сходство австралийцев с европейцами. Автор, соглашаясь с этим, заявляет: «мы решаемся утверждать, что иное из этих жалких творений могло бы, одетое в европейское платье, жить среди нас, никого не поражая своим обликом»; но окончательное решение он отставляет антропологии.

Этому посвящена третья глава: «Новые антропологические учения». Здесь автор, излагая вопросы происхождения человека. Деления его на расы, приписывает антропологии много таких задач, которые ей совсем не свойственны. Антропология, по автору, признавая единство и однородность человечества, считает теперешний состав его, состоящим из частей, которые резко обособились в определенных направлениях от общей для всех людей исходной формы, которую надо отодвинуть далеко вглубь третичного периода. От этой первичной формы одни «пошли в рост», другие же остались на месте.

Автор заявляет, что большинство наших антропологов склонно рассматривать австралийцев стоящими ближе других к первобытной форме, а с другой стороны - по отношению волосного покрова австралийцы ближе всего к европейцам. Волосы у них, как у европейцев, имеют овальное поперечное сечение, а на голове волнистые или вьющиеся. Волосатость тела, свойственная австралийцам, встречается также у многих мужчин-европейцев, в противоположность черным и желтым народам, у которых борода и волосатость тела ничтожны.

Древнейшей группой нынешнего человечества автор считает австралийцев, папуасов и низкорослых африканцев и, согласно Штрацу, прибавляет еще американцев. Физическое строение у всех людей было одинаково, но вместе с тем и «сильно изменчиво». Одна группа могла в меньшей степени испытать на себе результаты этой изменчивости и мало отходит от первобытного состояния, «другая весьма удалилась от него в определённом направлении». Переходя к делению человечества на белых и желтых, автор останавливается подробно на судьбе айнов. Он констатирует, что айны «кажутся вдвойне чуждыми» в окружающей их узкоглазой, плосконосой, желтокожей, гладковолосой и безбородой монгольской среде. Во всем представляют они полную противоположность монголам, не имеют кожной складки на верхнем веке над внутренним углом глаза, обладают высокой, прямой переносицей, более темным цветом кожи без желтого оттенка. Но прежде всего, у них богатейший волосной покров на голове и вообще на всем теле. Особенно великолепна густая борода, предмет гордости мужчин. Айны не только кажутся чужими среди окружающего их населения, они и в самом деле чужды ему и в расовом отношении. Многих наблюдателей поражало сходство айнов с русским крестьянином, это сходство простирается не только на внушительную «толстовскую» бороду, но и на форму рта и носа. Обстоятельство это побудило ученых уделить некоторое внимание вопросу о возможных древних расовых отношениях между восточной Европой и восточной Азией. Окончательных результатов это исследование еще не дало, но все сходится на том, что под нынешним монгольским населением, несомненно, лежит более древний слой, который не имеет ничего общего с монгольской расой, и скорее должен рассматриваться как протоморфный предшественник нашей собственной белой расы. Русский крестьянин – это смешанный с другими, более современными элементами остаток этой первобытной расы на западе; айны – сохранившийся в чистой форме последний свидетель ее бывшего распространения на востоке. Эту древнюю расу мы обозначаем общим наименованием палеазиатской или древнеазиатской.

«Последним остатком этого протоморфного слоя являются ведды на Цейлоне, близко родственны им дравиды». Народности эти, по автору, обнаруживают черты белой расы; в то же время у них не наблюдается никаких родственных черт с желтой, а тем более - черной расой.

Заканчивая главу, автор патетически заключает: . . . «Мы переходим к поразительному результату, что наша гордая белая раса

оказывается в довольно тесных родственных отношениях со столь удаленными пространственно народами, как айны, дравиды, ведды и даже австралийцы, которым, как земле от неба, далеко от нас в физическом, умственном и культурном отношениях. Этот результат, конечно, сразу же беспощадно разрушает все наши традиционные привычки, консервативные воззрения. Но вместе с тем, результат этот столь же мало принижает нас, как и вообще эволюционное учение; напротив, мы можем даже гордиться, что несмотря на подобное родство, так смело и далеко ушли вперед».

IV глава — «Элементы человеческой культуры» - всего в две страницы, и посвящена она не столько «элементам человеческой культуры», сколько недопустимому, особенно в популярной книге, добродушному третированию имени Бастиана.

Несмотря на такое вступление, автор пользуется системой Бастиана («Элементарная мысль») и сопоставляет ее с «теорией заимствования» Фр. Ратцеля и своими «Элементами культуры», показывая последнюю теорию «более новым выражением».

В V главе — уже самый «Обзор элементов культуры». Пользуясь вторым томом «Антропогеографии» Ратцеля, автор дает обзор элементов человеческой культуры. Огонь, оружие, орудия, обработка шкур животных, плетение, способ окрашивания, зачатки судостроения. Касается автор и занятий; упоминает об охоте, рыбной ловле, о способе приготовления пищи, об употреблении возбуждающих и опьяняющих средств об украшениях, о потребности в письме и, наконец, о господстве над животными, что автор считает «последним элементов культуры». Все это занимает только четыре листка, изложено бегло и каким-то намеренно опрошенным языком.

Следующие главы посвящены «первым приобретениям человечества». Прежде всего, членораздельная речь, зачатки которой, по Мюллеру-Лайеру, и у высших животных: у голубей 12 звуков, у собаки — 15, у рогатого скота — 22. У гориллы и шимпанзе, по данным, как выражается автор, «известного американского обезьяньего профессора» Гарнера, поставившего задачей своей изучение языка этих животных - существует около 20 звуков.

Второе завоевание человечества — орудие. Но оно встречается в царстве животных, особенно обезьян. «Ничто, никогда, — говорить автор, не удивляло меня так сильно, как искусство маленького макаки зоологического сада в Дюссельдорфе, с абсолютной уверенностью разбивавшего круглым камнем орехи, которые кидал ему в клетку сторож. Сами удары были так точно рассчитаны, что разбивалась только скорлупа, ядро же ореха оставалось нетронутым!».

Дальнейшей победой было выпрямление тела из горизонтального положения в вертикальное. Здесь читатель найдёт изложение различных теорий, главным образом Клаача и Шетензяна, как происходил медленный процесс изменения скелета человека

Последним приобретением, поставившим человека высоко над всем живым миром, является – огонь; ему автор посвящает всю остальную часть книги. Здесь последовательно излагаются различные воззрения на порабощение огня человеком, как удар молнии, воспламенение дерева от трения одного сука о другой, добывание огня верчением деревянного круга на заострённом коле, потоки горячей лавы, о которую можно зажечь деревянную палку. На основании своих личных наблюдений автор даёт подробное описание добывание огня жителями германских колоний в южной Африке, описывает способы добывания огня у других народов: сверлением, трением (на о. Самоа), буравлением, верёвочным и смычковым пилением (австралийцы), добыванием из кремния и др. способы.

Заключительная глава является панегириком женщины. Хранительницей тлеющего огня самого начала была женщина. Очаг, которым распоряжались женщины, привёл к изобретению кровли, а затем и дома. «Честь и слава ей!» - говорит автор. «Дикарь-мужчина жесток и себялюбив и пожирает только что убитую дичь тут же на месте, но постепенно дикари один за другим смирились и всё смелее тянулись к женщине. Её вечный огонь не только приятно грел, но и доставлял лучше жаркое. Женщина первая занялась разведением растений и изготовила первый горшок. Так постепенно происходило первое сплочение вокруг домашнего очага».

Таково содержание первой книжки проф. Вейле. Если откинуть некоторую обращённость языка, допускаемую автором, то книжку можно признать вполне пригодной для ознакомления наиболее развитых детей старшего возраста и юношества с «культурой бескультурных народов». Фактический материал, использованный автором, взят из первых рук, главным образом из Лейпцигского музея народоведения, где автор состоит директором.

В предисловии ко второй своей книге проф. Вейле выясняет свою задачу следующими словами: «в основе всех слоёв самых разнообразных отдельных и обособленных культур лежит общий основной слой определённой ступени развития, который оказывается общим для всех рас и народов». Бастиан назвал этот «слой» — «основной мыслью»; Ратцель — «общим достоянием», а Вейле предпочитает название «Элементы культуры», заявляя, что «вся культура человечества, не исключая и нашей современной, может

быть произведена от результатов работ ума доисторического и первобытного человека».

Книжка открывается объяснением, «как человек научился технике», которая выдвинула его из среды других существ природы. Путь изобретений орудий был очень продолжительным. Человек брал нужное ему в природе и, взяв, не забывал, не бросал, как это делают обезьяны с камнями, которыми они разбивают скорлупу орехов; человек старался также заимствовать образцы у животных и растений и постепенно улучшать их. Так сучок дерева стал крючком для ловли рыбы; утолщение на корнях деревьев дало палицу; зубы животных - оружие защиты и нападения. Окружающая природа учила человека и технике. Проследить этот начальный путь можно по культурным слоям, областям-циклам. Основными элементами первичного слоя были палка и камень. Слой этот удалён от нас на многие миллионы лет, и последовательность его культуры характеризуется находками. Автор перечисляет эти находки: прежде всего зоолиты-кремни, найденные Рюто в наиболее древних слоях третичной эпохи; затем каменные орудия палеолитического и неолитического периодов. Для первого орудия Шелль (*coup de roign*), Атель, Мустье и Ориньяк; затем, орудия эпохи ледникового периода Зап. Европы, более красивые и более тонкой работы - Солютрэ и Мадлен. В последней начинают преобладать орудия из рога и кости. Эпоха Мадлен делится на раннюю и позднюю стадии. Переходом к неолиту будут орудия Азильские (тирасские). Наконец, эпоха неолита с полированными орудиями. Кроме камня, человек пользовался деревом и другими материалами. Палка является таким же универсальным орудием, как камень. Палка и кость помогли человеку обрабатывать камень - сверлить, откалывать тонкие пластинки, что привело к открытию каменного топора и молотка. Каждую эпоху автор иллюстрирует рядом примеров.

От орудий и орудий автор переходит к валянию, плетению и окрашиванию. Описывается обработка шкур (вошла в употребление раньше добывания огня) и распространение одежды из них; говорится об обработке древесной коры: снятые кора чистится, размягчается в воде и выколачивается ударами молотка, специально покрытого рубцами на своей поверхности.

Плетение также древние и универсальное явление, но там, где господствуют меха и шкуры, плетение занимает второстепенное место.

Сюда же автор относит и искусство окрашивание как себя, так и своей одежды. Стимулы окрашивания на первой стадии могли быть

совершенно случайными: человек падает в грязь, и она остаётся на некоторых частях тела, и солнце не так сильно жжёт эти покрытые части – значит, окраска грязью выгодна. Кусок материи из коры или часть передника случайно задела растение, имеющее красящий сок, и пример окрашивания найден.

Следующая стадия - это уже «произведения техники», которая является самым могущественным средством, содействовавшим тому, что человек стал властелином земли.

Простой камень, зажат в руке, - он стал уже топором, киркой, кинжалом, скребком, простая палка - превратилась в палицу, копьё, дротик. Сюда же относятся праща, болос, бумеранг. Далее идут: меч (имеющий в себе действие палицы, топора и копья), лук, стрела, самострел и метаящие орудия древних и, наконец, огнестрельное оружие.

Автор на ряде ярких примеров выясняет широкое распространение эволюции и переживания всех этих видов оружия. Здесь и индеец, охотящийся за гуанако при помощи боласа, и ковбой с лассо, и голштинский шар для игры «в бассель». Тут и челюсть пещерного медведя в качестве прототипа первого топора, тут и каменные топоры, для показания способов их прикрепления к рукоятке и по аналогии с ними - бронзовые кельты, - их развитие и способы укрепления на деревянной или костяной рукоятке. Автор подробно рассказывает историю топора, говорит о суевериях, с ним связанных, и о топоре, как знаке достоинства и власти. В связи с топором автор знакомит читателя с ножом, кинжалом, их ролью, внешним видом и материалом (обсидиан, кость, камень). Подробно описаны палицы и указаны области их наиболее широкого распространения в настоящее время, устанавливается переход к копьё, даётся его описание (форма, наконечники из различного материала, способ прикрепления наконечников), употребление, как оружия и символа власти и почести. Копьё всегда было оружием каждого свободно рождённого человека и поэтому его клали в каждую могилу воина.

Чем был топор в каменном веке, тем в металлическом веке стал меч; он прошёл длинный путь развития и появился сравнительно недавно; так, для средней Европы не более 4000 лет. Исследованию развития меча автор посвящает несколько страниц и, между прочим, описывает некоторые типы древнегерманских мечей, как «скрамазакс» (короткий), «спама» (большой для ударов); приводятся многочисленные доказательства высокого положения меча у различных современных народов и в мифологии: мечи Роланда и

Зигфрида: целые народы назывались именем меча (геруны и геруски).

Подробно говорит автор о праще. Она была широко распространена в Европе, Греции времён Пелопонесской войны и Рима в эпоху Пунических войн. Теперь она, как лук, метательная дощечка и др., превратилось в детскую игрушку.

О бумеранге австралийцев автор, со слов консула Зорга, сообщает кое-что новое: существуют бумеранги - охотничий и военный и ещё бумеранги для игр. И, как ни странно звучит для установившегося взгляда, только этот третий вид бумеранга и возвращается обратно к хозяину. Близок к боевому бумерангу метательный нож, особенно широко распространённый в Африке. Ножи эти имеют разнообразную форму и выделываются из железа. Дальше описывается лук. Едва ли какое-нибудь другое оружие изучалось так подробно, как лук. И немудрено, что автор посвящает ему лучшие свои страницы. Лук является общим достоянием всего человечества. Его нет только в Австралии и Тасмании. Автор подробно передаёт историю происхождения лука, описывает формы простых и сложных луков, местные уклонения и особенности. Много места уделено способом натяжения тетивы, наиболее распространённых автор насчитывает шесть.

Все предыдущие изложение показывает, что первобытный человек обладал целым арсеналом различного рода оружия для нападения. Естественно, что человек должен изобрести и различного рода оружия для обороны.

Сюда относятся шлем, панцирь и щит. Наиболее ранним и естественным заимствованием у животных будет панцирь. Прежде всего, это – шкура, (Геркулес в качестве панциря носил шкуру немецкого льва). Наиболее первобытные панцири - в центре Африки. В Судане панцири важные, на Новой Гвинее - из древесной коры, богато украшенной резным орнаментом; в Микронезии - из шнурков кокосового волокна. Наибольшего совершенства панцири достигли на Жильбертовых островах.

Второе место занимает щит. В своей простейшей форме щит - простая палка с отверстием для держания пальцем; такой щит служит только для парирования удара так же, как шкура животного, наброшенная на руку. У более совершенных щитов шкура животного натягивается на палку, делают щиты из древесной коры и из дерева - форма и размеры разнообразны.

Третье место занимает шлем. Его одевают не только для защиты воина, но и для устрашения врага. Особенно страшны шлемы пер-

вобытных народов. Но шлемы были распространены по всей земле, и остатки их в виде переживаний можно встретить и в настоящее время. Автор, например, отмечает орла на прусском гвардейском шлеме.

Дальнейший шаг - орудия и утварь. На этом отделе автор останавливается мало. Он указывает только, что первобытный человек черпал образцы из окружающей природы: тыква в форме бутылки, скорлупа кокосового ореха - утварь.

Коленчатый сук - образец для кирки; острая палка - для мотыги, корневое утолщение - для колотушки. Также коротко говорит автор о принадлежностях для охоты, рыбной ловли, земледелия. Он только упоминает острогу, мережу, капкан, ступку, жернова. Вскользь упоминаются некоторые местные изделия для домашнего обихода, как, например, «головная подставка», которая широко распространена в Египте и других местах Африки, в Японии, словом, там, где носят особенно сложные причёски.

Также мимоходом упоминается о напитках и других предметах «удовольствия и наслаждений»: так, указан «кава» - у полинезийцев; «бетель» - у малайцев; опиум - у китайцев; гашиш (конопля) - на Ближнем Востоке. Для Европы указаны: кофе, чай, пиво, вино, водка. И только для табака сказано, что его «почти в одинаковом размере употребляют все народности». Человеку, говорит автор, выпал завидный жребий: он является обладателем всех видов техники и тем самым также и властителем земли. Своим умом и своей техникой он покорил себе даже обе негостеприимные приполярные области. В борьбе за место обитания прежде всего нужно оружие, чтобы покорить и изгнать диких животных - особенное оружие; для борьбы с сорными травами на своей первой пашне - опять новый вид орудия, наконец, на борьбу со своим противником-конкурентом нужно было опять выдумать средства и оружие... Словом, человек во всех случаях жизни должен был изобретать особое орудие, пригодное для каждого определённого рода борьбы. Но некоторое разнообразие в формах и назначении оружия существовало и на первых ступенях развития человеческого рода. Это - самые примитивные орудия, едва только уклонившиеся от своего прототипа: камня и палки. Но их надо было усовершенствовать, приспособить к моменту. Этот новый творческий шаг - начало техники и первая ступень развития оружия. Переходя к украшению и одежде, автор, предвидя недоумения читателя: «почему первое место украшению, а не одежде?», объясняет, что украшение по своему происхождению считается более древним приобретением челове-

ка, чем одежда; кроме того, украшения является достоянием всего человечества, а одежда встречается не везде.

Одежда появилась тогда, когда человек почувствовал необходимость защиты своего тела от холода, а украшение есть подражание животным и птицам, которые украшают себя при борьбе за самку, а иногда и просто в борьбе за существование. Цель одежды - в прикрытии определённых частей тела, а украшение - наоборот, старается выделить, выдвинуть какую-либо часть тела, обратить на неё внимание... Мы не будем перечислять всего приводимого автором материала; укажем только на несколько примеров украшений. Так, женщины племени «бажи» (Конго) носят массивные кольца из меди весом в 14 ф. и такие же массивные браслеты на руках и ногах; женщины племени массат - такие же бронзовые кольца подвешивают в оттянутые ушные мочки. Эстетическое действие таких украшений заключается в их тяжести. Наиболее характерным украшением, по автору, «будет покров из перьев орла на кожаной одежде индейца прерий». Сюда же, к отделу украшений, относятся татуировка, деформирование головы, уродование зубов, введение в нос, уши и губы посторонних предметов. Всё это широко распространено среди народов земного шара, не исключая и европейцев. Характерно, что некоторые народности смотрят на эти уродования с утилитарной точки зрения. Так племя Гереро (южн. Афр.) говорят, что если бы они не вводили деревянных пластинок в губы, нос и уши своих женщин, то их похищали бы массами злые соседние племена.

Последняя глава отведена жилищу. Перед читателем примитивная пещера и небоскрёб. И между ними длинный период времени, в которой изобретательность человека придумывала различные способы усовершенствования своего жилища... Тут - пещеры и гроты, землянки и вырытые в земле урны, наподобие наших картофельных ям; «иглу» - эскимосов и калифорнийские полушаровидные хижины; пуэбло - индейцев и пещерные жилища в Колорадо; защитные навесы австралийцев и хижина из ветвей и листьев бушменов. Постепенно человек научился строить стены, укреплять их вертикально, научился устраивать сваи для построек на воде (озёрах) и строить хижины, высоко поднимая их от земли, где он чувствовал себя в безопасности.

Эта книжка написана более серьёзно, чем первая. Здесь, за малым исключением, не чувствуется балагурства, и опрощённости языка, в погоне за остроумием.

Иллюстрирована книжка с большим знанием и выбором. Но исполнение иллюстраций, как и в других книгах «Библиотеки Знания» Сойкина, более чем посредственно.

Е. Елачич

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СТАРИНА. ОЧЕРКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Впервые опубликовано в: Русская школа за рубежом. 1923.
№ 4. С. 119-120.*

**Акинфеева Е. Отечественная старина. Очерки русской истории /
худож. А. Штирен. Берлин: Изд. О. Кирхнера и Ко, 1923. 229 с.**

Книга эта естественно привлекает к себе внимание, как едва ли не первая из книг, имеющих в виду читателей — учащихся в младших классах и доводящая обзор русской истории до 1922 г. Автор в предисловии сам оговаривает, что предназначает свою книгу для «детей среднего возраста и подростков» и что основную идею его книги является — «преклонение перед величием и духом русского народа».

Та часть «Отечественной старины», которая обнимает собою русскую историю до царствования Александра II не представляет собою ничего оригинального. Это обычная трактовка исторических явлений, как то полагалось в былое время, чтобы книга удостоилась одобрения Ученого комитета министерства народного просвещения для допущения ее в школьные библиотеки. То же описание деятельности князей и царей, тот же Иловайский, который так надоел русской школе и по стопам коего вряд ли следовало добровольно идти сейчас. Все цари, все монархи — неизменно мудры, добродетельны и ими зиждется и держится все. Так же описывается и царствование Павла I, и поэтому читатель-гимназист будет весьма удивлен, читая начало главы об Александре I: «После смерти Павла I, павшего жертвой заговора измученных его правлением людей, на престол вступил его старший сын. . . » (стр. 155). Этой фразы, конечно, в книгах, составлявшихся по Иловайскому нет, но она решительно не вяжется с остальным текстом и звучит как случайно вставленная. Даже мрачное царствование Николая I изложено, как мудрое правление добродетельного монарха. Николай I всеми силами старался восстанавливать порядок в стране и «облегчить участь

крестьянства» (стр. 171). Но прочитавший в предыдущих главах о благоденствии русских под державою Павла и Александра — никак не поймет, почему же надо было «восстанавливать порядок в стране», и куда же еще «облегчать» участь крестьян, положение которых должно было быть прекрасным, ибо еще Павел I «сильно облегчил положение крестьян» (стр. 149). Личность Николая I так же идеализирована: «Будучи сам трудолюбивым и честным, Николай I требовал того же и от своих подданных» (стр. 172). Конечно, можно в книге для детей умолчать об ужасах того времени и о личной жестокости Николая I, но зачем же теперь говорить о сердечности этого бессердечного человека. Наряду с этим о декабристах упоминается только, как о простых «мятежниках».

И так до Александра II — это весьма обычная, очень «благонамеренная» начальная история доброго старого времени. Каждое царствование — очень славно и все мероприятия монархов — очень хороши, необыкновенно полезны для народа и для блага страны и, конечно, юный читатель никак не в силах будет понять, откуда же вдруг появились нелады в стране, почему столь облагодетельствованное царями русское крестьянство упорно не процветало, почему, наконец, царствование Николая II кончилось гибелью всей страны.

Новым в рассматриваемой книге является изложение царствования Николая II, мировой войны, гражданской войны и установления в России Советской власти. Вряд ли можно признать правильным изложение в книге, долженствующей иметь характер исторической, событий, не отошедших еще в область истории, еще современных. Мы их еще не знаем, не можем понять, не в силах выделить важное по своим последствиям (в будущем) от не важного, случайного, мелкого. Царствование Николая II изложено очень кратко и также, как и все предыдущие. Все хорошо, мудро и славно и почему-то вдруг нехорошие и не славные результаты при переходе от истории к современности. Период 1917-1923 г. изложен в особой главе «Дополнение. Русская революция», и эта глава изложена несколько отличающимся тоном и с попытками дать если не исторические обоснования, то хоть элементарные пояснения происшедшего. Причин революции читатель не найдет, автор ограничивается замечанием: «По разным причинам все группы населения и интеллигенция, и рабочие, и крестьяне были в оппозиции правительству. . . » (стр. 219) — что особенно непонятно после всего ранее автором изложенного. «Русская интеллигенция, плохо понимающая душу своего народа, влекла его к революции. . . » (стр. 220). «Военно-промышленные комитеты вели усиленную противоправи-

тельствующую пропаганду в стране» (стр. 220). Такие мотивы вряд ли уяснят ребенку картину событий.

Неудачным представляется мне последняя глава «Внутренняя деятельность советской власти». Тут дается только упоминание о ряде мероприятий советской власти, изложенных, я бы сказал — «слишком объективно». Автор опасается порицать и даже признает, что «Начиная с середины 1921 г. положение страны начало медленно улучшаться» (стр. 229). Так ли? «Гражданская война закончилась в 1922 году занятием красной армией гор. Владивостока» (стр. 226). Так ли? «Советское правительство объявило решительную борьбу неграмотности и в мере сил стало популяризировать в городах и деревнях просвещение. Созданы были новые высшие, средние учебные заведения» (стр. 229). Очень хорошо, но так ли?.. «наука и искусство опролетарены, т.е. сделались доступными широким народным массам» (стр. 229) — что это ирония или нет? похвала или порицание? И не лучше ли было вовсе не говорить о современности в книге, озаглавленной «Отечественная старина».

Издана книга хорошо (хотя изобилует опечатками). Много интересных рисунков. Однако все оригинальные рисунки А. Штирена весьма слабы.

Удачной эту книгу назвать никак нельзя: нельзя, по-моему, и признать ее желательной для чтения юных читателей. Исторического развития она не дает, понять детям современности не поможет.

Е. Елачич

ЮНОШЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИНДЕЙЦА ПЛЕМЕНИ СИУ

*Впервые опубликовано в: Русская школа за рубежом. 1924.
№ 8. С. 119-120.*

Истмэн Ч.А. Охиджеза. Юношеские воспоминания индейца племени Сиу / пер. А. А. Кублицкой-Пиоттух. Берлин: Изд. А. Девриена, 1923. 169 с.

Судя по маленькому предисловию автора, книга эта написана по воспоминаниям личных переживаний Чарльза А. Питмена — северо-американского индейца, который до 15 лет прожил у своего дяди жизнью настоящих вольных индейцев, а позже был взят своим отцом, освоившим европейскую культуру. Описываемая жизнь индейцев относится к шестидесятым годам прошлого века, время конца самостоятельного бытия индейцев и перехода их на жизнь в правительственных «резервациях».

Характер описания, характер изложения таковы, что вполне верится в подлинность этих личных воспоминаний, верится в то, что это не литературный прием. И в этой подлинности всего живого этнографического материала лежит главный интерес книги. Автор чрезвычайно просто, безыскусственно описывает картины домашнего повседневного быта, ежедневный труд, охоту празднества, военные набеги. Очень интересны главы, посвященные изложению верований, легенд, религиозных воззрений. Так как автор излагает свои воспоминания детства, то и события и все переживания охватывают круг понятий интересов ребенка и подростка.

В книге нет «потрясающих душу» ужасных событий, которыми полны выдуманные повести о приключениях из жизни индейцев, но зато в ней есть высокий интерес и сила впечатлений правдивости рассказа. Действующие лица, в особенности бабушка мальчика — это все живые люди, с определенными индивидуальными характеристиками.

Мальчики, привыкшие к невдумчивому, поверхностному чтению, может быть предпочтут этой хорошей книге Бусенаров и Куперов. Дело руководителей помочь им выяснить себе огромную разницу между этими произведениями, показать преимущество правды над вымыслом и развить в них вкус к чтению более художественной и жизненно-правдивой литературы. И руководители детским чтением поступят правильно, если порекомендуют детям в возрасте 12-15 лет чтение «Охиджезы» и помогут понять все, требующее дополнительных исторических и географических пояснений.

К книге приложены весьма уместные и необходимые «Примечания и объяснения к русскому изданию», занимающие целых семь страниц убористого шрифта.

Книга удачно иллюстрирована оригинальным рисунками с художественным вкусом и виньетками, в которых много ценного этнографического материала.

О. Немеровская

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА

Впервые опубликовано в: Звезда, 1927. № 10. С.121–129

Что такое исторический роман? Что такое современный исторический роман? По определению Ю. Н. Тынянова «неизменным, т.е. достаточным и необходимым условием для жанра, являются черты второстепенные» («О литературном факте», «Леф», № 2). Но каждый жанр переживает свои периоды расцвета и кризиса, в зависимости от общей литературной конъюнктуры, причем после каждого литературного кризиса, связанного с каким-нибудь литературным переломом, эти второстепенные черты сдвигаются, перемещаются и заменяются одни другими. И исторический роман не составляет исключения.

Когда-то исторический роман служил оправданием фабульной конструкции и строился на смешении вымышленных – авантюрных – и подлинно исторических элементов, причем исторические персонажи подавались в традиционных повышенных тонах, укреплявших их идеализацию, положительную или отрицательную – безразлично. Революцию произвел Толстой, уничтоживший фабулу и снизивший исторического героя. С Толстого началось резкое распадение и разветвление исторического романа, который через два-три десятилетия перестал восприниматься как самостоятельный жанр, а превратился в литературу для подростков. С Толстого же начинается новая традиция русской литературы, заключающаяся в кропотливом психологическом анализе героев. Чем дальше, тем эта традиция укреплялась прочнее. Психологизм сделался руководящим принципом литературы последних дореволюционных лет. В своем месте я остановлюсь на этом подробнее. Пока же упоминаю о нем лишь потому, что именно психологизм долгое время находился под наиболее строгим запретом из всего, от чего отказалась вздыбленная революцией литература.

Новый материал неожиданно навалился на литературу всею своею громоздкою тяжестью. И литература не выдержала этого напора. Вместе с устоявшимися традиционными героями и ситуациями, рухнули и грани старых конструкций, ставшие ныне ненужными. Литература заметалась в пестром водовороте тематических лоскутьев, пришедших на смену тому единству, которое создавалось живым ощущением жанра. Я не буду говорить о промежуточных жанрах и об орнаментальной прозе, о них уже – достаточно писалось и еще пишется и, верно, ещё долго будет писаться. Естественный ход литературной эволюции показал, что литературная конструкция требует своих законов, которые под давлением нового материала можно изменить, но нельзя упразднить. Стало ясно, что писать без «героев и места действия» (Пильняк) — нельзя, что художественная литература имеет дело со своими специфическими элементами, что если выбросить из нее эти элементы, она становится очерком, фельетоном, статьей, и т. п., но выбывает из ряда, составляющего так называемую беллетристику. Всякое разрушение вызывает после себя период усиленного строительства. И вот на груде обломков старой литературы, среди беспорядочно набросанных глыб нового материала, начинают воздвигаться какие-то новые конструкции, закладывается начало новых форм.

И как только началось даже самое робкое возрождение замерших форм, сейчас же поднял голову и исторический роман. Но уже и он изменил свое лицо. Почувствовалось, что старые приемы, построенные на сплетении фабулы и истории, оказались недействительными. Историческому роману понадобились новые элементы для своей реконструкции, и он нашел их не в литературе, а в самой истории. Исторический роман перестал быть дополнением к истории. Он сделался литературно мотивировкой истории. Фабула исчезла сама собой. Литературный герой превратился в ненужный отросток, в аппендикс. Если и есть в историческом романе вымышленная фабульная линия, то она остается на втором плане, ступенькаясь перед историей, которая становится главным героем романа. Если же роман не раскидывается на слишком пестрый материал, нуждающийся в стягивающем ремне, он может удовольствоваться и исключительно историко-биографическими элементами. (Марич «Северное Сияние», Тьянянов «Кюхля»).

Попытка сохранить старую традицию, подчинить историческую линию параллельно разворачивающейся интриге («Девять десятых судьбы» Каверина) привела к неудаче: обе линии оказались несвязанными, и между ними образовался конструктивно неоправдан-

ный провал. Думается мне, что главная причина этой неудачи кроется в архаичности подобной формы исторического романа. Это тем более показательно, что Каверин, все время работавший над сюжетной прозой, достиг в этом направлении значительного мастерства, которое, однако, оказалось неприменимым к историческому материалу.

Тесное сплетение истории и литературы вводит в литературу непосредственно тот документальный материал, который когда-то служил лишь поставщиком историко-бытовых красок для романиста. Мемуары, письма, дневники, все то, что долго играло роль лишь побочного средства для достижения какой-то вне их лежащей цели, приобретают вес сами по себе, становятся самоцелью. Этот, – по выражению Б. М. Эйхенбаума – «эстетический интерес к мемуарной литературе» оправдывает ее проникновение в самую беллетристику. Мало того, он делает ее почти необходимой (недаром и Ольга Форш выбрала для своего первого романа, который должен быть историческим, «Одеты камнем», форму мемуаров). Сейчас мы почти не найдем исторического романа, в котором бы не фигурировал документ в качестве конструктивного элемента («Кюхля», «Северное сияние»). Не обязательно, чтобы документ был действительно существующим, но он должен создавать иллюзию своей несомненной истинности, быть проникнут той импозантностью, которой веет от подлинных исторических документов. Очевидно, что старых организующих факторов для литературы сейчас недостаточно и она черпает их отовсюду: из диалектологии, из газеты, из истории, из анекдота.

Когда в литературе начался период строительства, потребовалось разобрать эту кучу строительного материала и заложить фундаменты новых конструкций.

Возрождающийся роман, как человек, оправившийся после тяжелой болезни, стал с жадностью расправляться, впитывая в себя обратно все те элементы, которые из него были вырваны недавней литературной революцией. Один за другим снимаются запреты с различных областей, служивших конструктивными факторами старой литературы. Целый ряд ситуаций, долго оставшихся вне закона на литературной арене, постепенно возвращается на неё обратно и приобретает прежние права гражданства. Но восстановить роман оказалось не так легко. Пережитая им болезнь наложила тяжелый отпечаток, сказавшийся, прежде всего, в отсутствии одной из основных функций романа – в отсутствии героя.

Каждая литература на пути своего развития знает торжество тех или иных героев. Но, может быть, ни одна литература не была в такой зависимости от своих героев, как русская. После Толстого прочно утвердился разложенный психологическим анализом, много думающий герой; от Достоевского в литературу вошел неизбежный душевный выверт, и сочетание этого анализа мыслей с большой психологией окончательно заменило собою фабулу, организуя сюжет. Борьбу с этой традицией и этим героем объявили символисты, но тем не менее этот герой оставался в литературе до самого последнего, времени, когда неожиданный бурный взрыв прервал его кропотливые размышления, довольно бесцеремонно выбросив его за борт.

Несколько лет литература существовала без героя. Когда же, с возрождением романа, потребовался герой, она очутилась в тупике. Старый герой – русский интеллигент — на новом материале оказался не у дел. Русский интеллигент, освященный многолетней литературной традицией, не может не думать. Новый материал не допускает психологического анализа. И герой, неоправданный конструкцией, повисает в воздухе, вызывая впечатление неудачи.

А между тем, все более укрепляющемуся роману нужны питательные соки для своего роста. Делается возможным, а может быть даже необходимым, введение психологического элемента, который, однако, разбивается об острые углы того, что внесла революция в литературу, и что еще не успело уложиться в пластические формы нового жанра.

Ю. Н. Тынянов писал в 1924 году: «Стерлась психологическая повесть с героем, который думает, думает. Психологическая нагрузка перестала быть нужным стержнем, – она стала просто грузом. . . Мы давно устали от тяжелого психологизма». («Литературное сегодня». Русский современник 1924 г. № 1).

Так было два с половиной года тому назад. Но в наше время литературные потребности назревают болезненно и скоро, как нарывы, причем такими же болезненными оказываются все насильственные попытки преждевременно вскрыть их. И если еще недавно мыслящий герой был тяжелым грузом, то сейчас герой без мысли становится чересчур легковесным. И весьма показательно, что М. Слонимского многие упрекали в отсутствии психологической мотивировки Бориса Лаврова, отчего характер его получился неубедительным.

II Когда заговаривают о современном историческом романе, обычно сейчас же упоминают два больших романа Ольги Форш

– «Одеты камнем» и «Современники», как наиболее яркую иллюстрацию. А между тем, если вчитаться в них внимательней, неизбежно возникает сомнение, подлинно ли эти романы характерны для современной эпохи и направления современной русской литературы. «Одеты камнем» первый большой роман Ольги Форш, построенный на историческом факте. Но тем не менее, если допустить в настоящий момент возможность какой-нибудь жанровой квалификации, роман этот должен рассматриваться не как исторический, а как первый психологический роман послереволюционной литературы.

Конструктивная декларация романа дана в самом его начале.

«Иной читатель, прочтя мои записки, скажет, что состав моего преступления, так сказать, психологический, и что строжайший бы суд меня оправдал. Но разве не известен читателю случай, когда иной даже совсем безответственный человек, оправданный единогласно присяжными, кончал с собой, засудив себя судом собственной совести?» (стр. 5)

Можно ли было сделать подобную декларацию устами современного героя, приступая к роману в десять листов? Приняла ли бы литература такого героя и такой роман? Пожалуй, нет. В 1924 г., во всяком случае, еще нет. Ибо тогда еще мы действительно психологическую нагрузку воспринимали как излишний груз, и она утомляла. И чтобы облегчить этот груз, Ольга Форш окружила его густым историческим материалом, замкнув в условную форму мемуаров бывшего человека, дотянувшего до современности, но и в ней оставшимся персонажем чисто историческим.

Условность этой формы как будто конкретизируется историческими фактами и лицами, выведенными в романе, так же, как и старинным стилизованным языком. Но исторические лица несут здесь явно композиционную роль и служат явно для обострения основной психологической линии, либо для усложнения фабульной интриги. Что касается до языковой стилизации, тот тут Форш перегнула палку и вдалась в несуществующий языковой архаизм. Все эти определительные после определяемых, подлежащие после сказуемых, «сии» и «оны», разбросанные по всему роману, были бы уместны в воспоминаниях екатерининского ветерана, но не человека, вращавшегося в литературных и интеллигентских кругах 60-х – 70-х годов и пережившего Октябрьскую революцию. Эта стилизация отягощает фабулу и притупляет остроту психологической линии, но она же и облегчает переход от сознательного, последов

тельного повествования первой части к неестественно обрывистому изложению.

Чем сильнее выступает вперед психологический элемент романа, тем беспорядочнее, но и вместе с тем разнообразнее становятся привлекаемые в подсобники исторические моменты. Тут и Нечаев, и казнь Каракозова, и свидание Александра с Бейдеманом, — и все это в виде отдельных мазков, не рисующих ни самых действующих лиц, ни эпохи, а лишь врезающихся в бредовую галиматью Русанина. Жуткая обстановка Алексеевского равелина, ныне ставшая для нас уже почти что исторической экзотикой, допускает возникновение мании Русанина, закрепляющей психологическую установку романа.

Вся вторая часть – черный Врубель, раздвоение сознания Русанина, мысленно превращающегося в Бейдемана, и пр., – все это лишь дальнейшее развитие навязчивой идеи Русанина, воскрешение старой литературной формы, «Записок сумасшедшего».

Современной литературе эта форма не нужна. Это один из тех инструктивных архаизмов, которые пока еще слишком экстравагантны, чтобы быть включенными в число строительных элементов литературы. Эта форма могла пройти только под знаком иллюзорного историзма, проходящего через весь роман.

Со времени появления «Одеты камнем» прошло два года. В течение этого времени в большом количестве расплодилось русские романы, и в течение этого же времени поднял голову и даже как будто отлился в некоторые формы и исторический роман.

Когда-то Толстой говорил по поводу своих беллетристических писаний: «Зачем врать, старик. Ведь этого не было... Пиши о том, что было, что видал и пережил» (Сергеенко «Как живет и работает Лев Толстой», с. 67). Историческому беллетристу не требуется самому видеть и переживать то, о чем он пишет. Но нужно чтобы это действительно было. Вернее, автор должен убедить читателя, что это действительно было, избавляясь от чисто выдуманных литературных элементов – параллельной фабульной интриги, переплетенья вымышленных и исторических героев и т.п. При этом заметно бросается в глаза характерное явление: великие факты, исторические события теряют свой интерес сами по себе, а становятся лишь одним их крупных звеньев общей хроники, оттеняя характер эпохи и черпая свое значение в той роли, которую им суждено играть в жизни героев не литературных, а исторических.

Перенос интереса с фактов и событий на их участников стоит в тесной связи с упадком интереса к фабуле и концентрации его на человеческой личности.

Ведь происшествия — это и есть то, что образует фабулу, и ее динамичность зависит от их группировки. Конденсированную фабулу нам дает роман авантюрный или фантастический, где основная установка дана на запутанность или на вымысел. В романе же биографическом, собранном вокруг одного или нескольких действительно существовавших лиц, момент фабульный, естественно, отпадает. Растущий интерес к самодовлеющей человеческой личности в литературе водит к все большему торжеству героя над эпохой. Появляется отчетливое стремление ощутить идеологическую сущность героя, требующее от писателя иного к нему подхода. Уже следующий роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» отступает от стройки его первого романа. Тут уже есть герой, который думает, думает вопреки собственным словам автора, сказанным, правда, два года назад. При этом психологической рисовки своего героя Тынянов достигает своеобразным и необычным путем, конкретизируя каждое сильное ощущение или мысль героя соответствующим — подчас и неожиданным — сравнением и образом, широко развернутой метафорой, отстраняющей самое переживание и временами с успехом заменяющей авторский анализ (См. сцену любви Грибоедова и Леночки Булгаринной, ожидание в приемной императора и пр.). Исторический интерес романа сведен к людям, носителям определенных идейных и эмоциональных комплексов. Именно разница этих комплексов накладывает отпечаток на культурно-исторический уклад эпохи, выставленной в романе.

В предисловии автор говорит: «Они узнавали друг друга потом, в толпе 30-х годов люди 20-х, у них был такой „масонский“ знак, взгляд такой и, в особенности, усмешка, которой другие уже не понимали... Как страшна была жизнь превращаемых, жизнь тех из 20-х годов, у которых перемещалась кровь» («Звезда», 1927 г. № I).

Ермолов говорит Грибоедову: «Нынче время другое и люди другие. И вы другой человек...» Эта-то установка на человека, на внутренне изменившегося человека и выдвигает на первый план психологический характер Грибоедова и временами доводит автора до кропотливого, почти толстовского анализа.

Резкое отступление от намеченной историко-биографической линии представляет собою «Разин Степан» Чапыгина. Тщательное стремление к воспроизведению исторической правды бросается в глаза и тут, но этой исторической правды автор пытается достичь

при помощи вальтер-скоттовских красок в изображении быта и огромного вещевого предметного материала. Ту же функцию, по-видимому, должна нести и языковая стилизация, но вследствие злоупотребления ею она скорее приводит к разрушению историзма романа. Смешение разнообразных исторических форм старорусских документов («дела» вместо «дела», «домех» вместо «домах», «сткло» вместо «стекло» и пр.) с подчеркнутой грубостью простонародной речи и стилизованной лексикой русских народных песен и сказок (сокол мой, голубень, рученьки и пр.) создает местами сплошной языковой сумбур диалога. Даже самый повествовательный стиль описаний искусственно приближен к старинности благодаря чрезвычайно частому употреблению названий предметов, давно исчезнувших из быта, и следовательно и из языка, так что теперь они нуждаются в комментариях и переводе, как, напр., «ре-фить» (сетка), «елмань» (тяжелый конец сабли), «тамга» (сбор с товаров и пр.). Что касается до самих персонажей, о либо они даны в мелодраматических тонах Костомарова персонажей, (страшная фигура Разина с черным от крови лицом и пронизательными глазами) либо все они иллюстрируют общий предметный колорит эпохи и прикреплены к окружающим их вещам, ныне ставшими музейными экспонатами. Так, например, портрет царя Алексея Михайловича дан при помощи детальнейшего описания его одежды, вплоть до украшенного сафирами «рудо-желтого» кушака, но без каких бы то ни было индивидуализирующих его признаков. Подобное загромождение красками в значительной степени вызвано и оправдано отдаленностью исторической эпохи, требующей каких-то иных мазков для своего изображения.

III

Обеднение литературы в смысле готовых героев неизбежно должно было натолкнуть на обращение к историческому материалу. Писатель почувствовал, что больше не хочет врать и что надо писать о тех, кто действительно жил и существовал. Портрет писать вообще легче, чем рисовать вымышленную фигуру. Трактовка человеческого лица может быть произвольной. Экспрессионисты рисуют лицо покрашенным одним каким-нибудь цветом – зеленым, красным, фиолетовым, — в зависимости от своего личного восприятия данного лица. Но это делается для того, чтобы подчеркнуть его индивидуальность, оттенить его психологическую сущность, его характерную особенность, преломленную восприятием художника. Ольга Форш в своем следующем большом романе „Современники“ дает нам опять философски-психологический роман, в основу

которого ею кладутся, на ряду с вымышленными, действительно существовавшие лица – Гоголь, Иванов, Герцен и т. д. Но эти портреты она как художник-экспрессионист закрашивает одним цветом, в соответствии со своим индивидуальным восприятием и общей конструкцией романа. В «Современниках» есть фабула. Настоящая фабула, не лишенная криминального оттенка: флакон Борджиа, мнимое преступление Багрецова и Гуль Правда, фабула эта приводит к полнейшей хронологической неурядице: Багрецов женится в 1830 г., а через 10 лет после этого разыгрывается итальянская революция, имевшая место в 1848 г.; затем, во время женитьбы Багрецов выбирает себе образцом для подражания Онегина и Печорина, между тем как «Герой нашего времени вышел» в 1840 г. Но я не буду останавливаться на этих композиционных промахах. В основе же этой конструкции лежит фабула. В фабулу прочно вклеены моменты психологические, сильно усложняющие фабульную интригу. Эти моменты и создают собственно драматическую коллизию романа: ситуация Гуль – Багрецов – Бенедетта, потрясение Багрецова при известии об истинном содержании флакона и т. д. И, наконец, параллельно с этими композиционными моментами проходит почти что независимо от фабулы глубоко проработанная психологическая линия, прикрепленная к материалу литературно-историческому. Образуется как бы некоторая двупланность общей конструкции. Главный герой романа – Багрецов – проходит в обоих планах, связывает их, переплетает и выносит на себе основной психологический груз романа.

Этот исторический материал, составляющий один из основных конструирующих факторов, дан в ярких, повышенных патетических тонах. Торжественные описания Рима, Венеции и отдельных пейзажей, несколько напыщенные характеристики, риторические формулы Гоголя и Иванова, в стиле «Избранных мест из переписки с друзьями», — все это идет, как бы создавая некоторую иллюзию эпохи, параллельно с развертывающейся картиной душевного сдвига трех главных лиц – Гоголя, Иванова и Багрецова. Ольга Форш вывела в современниках несколько исторических фигур, но все они даны не как представители или иллюстрации эпохи в целом, даже не как носители своей личной судьбы, а как психологическое дополнение дуг к другу. Так, Герцен и Ивановы не характеры, а лишь выразители совершенно различных идейных комплексов — два психологически разных механизма. Философия, быть может, еще более чужда современному роману, чем психологизм. И философский материал еще больше, чем психологический, нуждается в

исторической мотивировке для включения в литературный актив. И Форш выбирает эпоху, когда сильнее всего в истории русской мысли торжествовала философия, лишь в очень малой степени приправленная социологией, и благодаря этому накладывает отчетливый философский отпечаток на свой роман.

Для Ольги Форш историзм ее героев есть лишь мотивировка той сложной психологической ситуации, которую она выводит в своем романе. Исторические имена говорят сами за себя и избавляют автора от сложных характеристик и описаний. Ольга Форш пользуется этим и подает своих исторических героев в несколько упрощенном, если не символическом, то во всяком случае, весьма условном плане. Гоголь — это изменчивая, не совсем понятная маска, символическим признаком которой является огромный нос, меняющий свою импрессионистскую окраску в зависимости от той или иной, опять-таки, психологической ситуации. Дополнительные штрихи лица — это волосы и глаза. «Лицо необыкновенное, в профиль выраженное носом без меры...» (стр. 8). «Из поднятого воротника далеко вперед выклюнуло носатое лицо. Глаза, как уперлись, не двигались...» (стр. 216). «Нос иссохший, еще подлиневший, будто из призрачного алебаstra спи сал над чуть видными усами...» (стр. 224) и т. д.

Весь образ Гоголя, эмоционально-напряженный, построенный на тенденциозных диалогах, взятых из его писем, тесно слит с этими импрессионистски данными, но, тем не менее, отчетливыми чертами его внешности. Характер его, состоящий из колебаний противоположностей — спокойствия и безумия, жестокости и мягкости (старая русская традиция), — разворачивается не при помощи авторского анализа, а, главным образом, из его разговоров и бесед с остальными персонажами, с которыми он связан психологической нитью (Багрецов и особенно Пашка-химик).

Во всяком историческом романе одним из его неизбежных конструктивных признаков была и есть сводка объективных событий, разворачивающихся вокруг главных героев. К этому автора обязывает самое слово «исторический». Но функция этой сводки, конечно, резко меняется, в зависимости от основной установки автора. В настоящее время, когда исторический материал призван, чтобы заменить собою частью обессилевшие, а частью утерянные литературные принципы, двупланность исторического романа исчезает. Герой живой, реальный, действительно существовавший, словом герой исторический становится не только средством создания характера, но и облегчает введение определенных философских

идеологических моментов, которые в устах героя из современной жизни были бы неприемлемыми. События истории, обусловившие судьбу героя, снимают с автора ответственность за сюжет. Элементы исторические заменяют элементы литературные и тянут произведение к единству основной конструктивной линии. Происходит явление взаимообработки. Материал внелитературный, подчиняясь литературной обработке, подается, как факт чисто литературный; литературная обработка в применении к историческому материалу подчиняется внешним законам исторической хроники, воссоздавая иллюзию безусловной истинности того, что передается автором. Так построено продолжение романа Ал. Толстого «Хождение по мукам», печатающееся сейчас в «Новом Мире». Толстой, следуя традициям своего одноименного литературного праотца, выдерживает все время спокойный повествовательный тон, не гнушаясь порою публицистического стиля научно-исторического описания и применяя одинаковые краски для рисовки своей литературной хроники, идущих из 1-й. части, и внелитературной хроники гражданской войны. Еще отчетливее этот характер ощущается у Никулина в его «Адъютантах господ бога». Автор сам назвал свою вещь «роман – хроника». В предисловии он делит «лиц, действующих в романе на 3 категории. Лица, существовавшие в действительности – лица исторические. Лица, существовавшие в действительности, но по разным причинам не вполне реально изображенные автором. Наконец – лица, выдуманные автором» («Адъютанты господ бога», стр. 5). Но преобладание подлинных исторических персонажей и фактов настолько значительно, что временами заставляет воспринимать роман почти как ряд беллетристически изложенных исторических картин, наподобие печатающегося за границей романа-хроники Алданова «Девятое Термидора», «Чортов мост» и т.д. Этой иллюзорной истинности нет у Ольги Форш. Элементы чисто литературные – моменты фабульного вымысла — все время оплетают упоминаемые исторические факты, тенденциозно освещая их, а временами приводя к перефразировке.

Мне думается, что развитие исторического романа, того нового романа, который сейчас может ощущаться как жанр, потребует количественного сокращения фактического исторического материала и сконцентрирует весь интерес на психолого-биографических элементах, связанных с людьми – вершителями и исполнителями этих фактов. Но романы Ольги Форш настолько тенденциозно психологичны по своей установке, что едва ли правильно их считать

характерными для направления современного исторического романа.

С другой стороны возможно и то, что психологизм постепенно приспособится к современному материалу и на одном каком-нибудь фронте вызовет возрождение толстовско-бунинских традиций на всей той сумбурной куче перемолотых канонов и неудавшихся попыток, которые до сих пор еще не нашли себе четкого оформления. Подобный пример у нас на лицо в «Руси» Пант. Романова. Но, во-первых, там автор тоже орудует с материалом и персонажами дореволюционными, для обработки которых у него были готовые формы старой литературы. А во-вторых, весь роман выдержан в настолько отчетливом сатирическом плане, то самый этот психологизм почти что превращается в пародийный гротеск.

Попытки развернуть психологию героя послереволюционного, делаемые главным образом в произведениях малой формы (Алексеев и др.), пока тропят неудачу. Приходится прибегать к прошлому, к помощи исторических фактов и лиц (что делает, к примеру, правда, весьма неудачно, и псевдо-пролетарский писатель С. Малашкин, прикрывающий историей дешевый «психологизм» и отжившую пошлость великосветских романов 70-х годов). И потому писатель пишет нам правду о фактах, правду о людях, о мыслях людей, пусть по-своему истолкованную и преломленную, но говорящую нам непосредственно устами самих документов. И эти документы в подобном функциональном применении приобретают настолько большую патетику и эмоциональную выразительность, что с успехом заменяют авторский пафос. На этот именно путь и стал Ю. Н. Тынянов при своем вступлении на поприще исторического беллетриста.

IV

Мне могут возразить на это, что жанр есть нечто текучее и неустойчивое, не позволяющее так сужать его рамки, что неясно, отчего я все-таки не причисляю Ольгу Форш к историческим беллетристам и пр. Я не собираюсь ни давать теорию исторического романа, ни ставить его прогноз, по нельзя отрицать существования известных приблизительных условий, которыми определяются жанровые нормы. Большинство из них не есть *conditio sine qua non*, но все они позволяют намечать те конструктивные линии, без которых понятие жанра было бы пустым звуком. Легче всего ухватить эти линии, когда жанр находится в периоде первоначального накопления и не стиснут еще традициями и штампами, служащими началом разложения. Это бывает тогда, когда новые методы

обработки старого материала создают отчетливое ощущение новизны и заставляют воспринимать литературное явление как жанр. Такое ощущение нам дают романы Тынянова, отчасти Марич и даже Алданов. В настоящее время, мне кажется, функция исторического романа в том, чтобы восстановить героя, восстановить сюжет, восстановить ощущение жанра. Если же мы постараемся наметить те второстепенные признаки, которыми определяются нормы, обуславливающие восприятие нового исторического романа как жанра, то придется остановиться именно на тех, о которых я говорю на протяжении моей статьи: фактичность, документальность, бесфабульность, единство конструктивного плана, и, главное, концентрация вокруг живых исторических фигур, заменяющих литературных героев и облегчающих ввод философского и психологического материала.

Ольга Форш, возродительница старых философско-психологических традиций русской литературы, взяла курс на исторический роман, но не курс исторического романа. И потому ее романы дали нам ряд интересных психологических ситуаций и философских проблем, попытки создания характеров, но не дали нам истории. История осталась дополнением фабулы сделалась ее психологической мотивировкой.

И еще один крупный отход от исторического романа, резко бросающийся в глаза у Ольги Форш. Когда-то исторический фон облегчал нагромождение событий и приключений, и в литературу без разбора вовлекался материал разнообразнейших исторических эпох. Сейчас положение изменилось. Исторический роман становится одним из путей спасения современной литературы от кризиса. Исторический материал должен заменить материал литературный стать на его место. И потому он требует отбора. Не всякая эпоха прошлого приемлема для литературы настоящего. И как-то само собой случилось, что литература восприняла лишь тот материал, который переплетается с современностью, намекает на нее, даже подчеркивает ее. Эта невидимая, но ощутимая связь с настоящим читается между строк всех современных русских романов. Даже «Разин» Чапыгина выставленными в нем событиями кивает головой всем последующим бунтам и восстаниям русской истории вплоть до крестьянских возмущений 1917 г.

Говорить сейчас о дальнейших путях литературы очень трудно.

При изучении литературного прошлого мы в равной степени пользуемся как самим литературным материалом, так и отзывами современников. Это и позволяет нам восстановить литературный

баланс эпохи и ее теоретические нормы в ряду всей литературной эволюции. Сейчас исследователь вынужден непосредственно обращаться к самому материалу и строить свои заключения почти исключительно на соотносительности литературных процессов и фактов на общем фоне литературы.

Промежуточная ступень между наукой и живым восприятием произведения — критик — потеряла свое лицо. Критик всегда ближе к массе, чем теоретик, поэтому следует прислушиваться к тем голосам, которые выступают выразителями восприятия, а не изучения писателя, предъявляют к нему свои требования и дают свою определенную качественную оценку. Эти голоса вносят тот нужный жизненный элемент в теоретическое исследование самого литературного материала, который и образует живую связь между процессом литературной эволюции и построениями теории литературы. Конечно, путь литературной эволюции определяется не только читательским заказом и нормами извне. Но он соприкасается, а временами и переплетается с ними и может лишь отклоняться от них, но не отворачиваться в противоположную сторону. И с этой точки зрения мне кажутся весьма показательными раздающиеся на страницах газет и журналов голоса, требующие от автора психологии героев. Ольга Форш, начавшая свой анализ с психологии давно отживших поколений, постепенно приближается к современности, не покидая своего основного пути. Ее последний роман «Горячий цех» разворачивается тоже на историческом фоне – революционное движение 1905/6 г. Но в нем историзма еще меньше, чем в ее прошлых вещах. Очевидно, Ольга Форш продолжает линию, взятую с начала ее работы над большой формой: линию связывания в один узел разно идущих нитей современного романа. Окажется ли этот узел прочным или оборвется, – покажет будущее.

Гадать, конечно, трудно, но мне кажется, что выбранный Ольгой путь скорее отклонит ее от истории и приведет к использованию выбранных ею форм и методов обработки литературного материала на материале современном и может быть даже злободневном. Что же касается до самого исторического романа, то, по-видимому, он идет сейчас к отрыву от литературности, к отмежеванию от литературы фабулы и интриги, с завязкой и развязкой, эффектными моментами и композиционными эффектам. Исторический роман ждет от писателя вместо конструктивных фокусов переработки и свежего изображения того, что было и тех, кто жил на самом деле. Именно такой роман сильней всего воспринимается как исторический, и именно он создает у читателя ощущение жанра.

Л. Гинзбург

ПУТИ ДЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

Впервые опубликовано в: Детская литература: Критический сборник. Под ред. А. В. Луначарского. М.; Л., 1931. С., 159-181.

1

Всякая попытка критической работы в области детской литературы сталкивается прежде всего со своеобразием оценочных норм: в литературе для взрослых ответственность за непонимание книги в какой-то мере падает на читателя; в детской литературе она в первую очередь падает на книгу. В литературе для взрослых малая доступность книги может сузить сферу ее социального применения; в детской литературе недоступность книги является не только педагогической, но и эстетической ошибкой, провалом жанра. Однако «доходчивость» в качестве абсолютного критерия приводит к результатам крайне опасным: к снятию вопроса о воспитательном значении литературы, к полной теоретической и критической беспомощности (потому что неизвестно, с какой точки зрения можно осудить или одобрить произведение), к невозможности бороться против снижения качества, которое нельзя снижать не потому, что дети действительно испытывают отвращение ко всякой скверной книге, но потому, что их следует приучать к этому отвращению, как их следует заблаговременно приучать к усвоению живых и нужных тем и форм.

Борьба за литературное качество — всегда борьба за новую и современную вещь. Из того, что детская литература имеет дело с читателем, заведомо лишенным литературного фона и данных для сопоставления новых произведений со старыми, — ни в какой мере не следует, что детская литература находится вне законов диалектического развития; в ней есть своя внутренняя полемика и в ней не может не быть своеобразной соотнесенности с состоянием современной ей литературы для взрослых, поскольку обе они развиваются из одних и тех же социальных условий.

Вопрос о новизне должен ставиться в детской литературе как вопрос об идеологической и литературной доброкачественности и разрешаться совершенно независимо от того, способен ли ребенок пережить эту новизну эстетически, то есть воспринять произведение на фоне других непохожих произведений. На том основании, что ребенок не может ощутить банальность как банальность, если он ее слышит в первый раз, нельзя преподносить детям всевозможные словесные отбросы; нельзя писать для детей так, как писали пятьдесят лет тому назад, потому что это значит портить читателя на корню. Вместе с тем в детской литературе первостепенное значение имеют свои устойчивые схемы, определяемые «вечными» особенностями ограниченного в своих возможностях воспринимающего сознания. Все дело в том, чтобы совместить эти проверенные схемы с новейшими достижениями, с применением современного писательского опыта. При такой точке зрения небезразлично, что в наши дни развитие исторической повести для юношества совершается параллельно развитию документального (исторического и биографического) романа в литературе для взрослых. «Документализм» (эпидемия мемуаров и материалов, лэфовская «литература факта», книги Виктора Шкловского, попытки литературно отразить рабкоровское движение и т. д.) — одно из самых устойчивых и самых социально-характерных увлечений нашей послереволюционной литературы. В эпохи больших социальных сдвигов читатель испытывает отвращение к потерявшим свое назначение темам и формам. Так было, например, в конце 20-х и в 30-х годах XIX века, когда с начавшимся разложением дворянской культуры, с появлением на культурном поприще новых людей «высокая литература» и ее традиции оказались ненужными. И на пустом, или полупустом еще месте возникли жадные поиски материала: нраво-описательного, археологического, этнографического, мемуарного... разноречивый и своеобразный «фактовизм» 30-х и 40-х гг.

Наш фактовизм двадцатых годов XX века был несомненно преувеличенным, но в свое время законным ответом на то обстоятельство, что литература не могла быть адекватна огромной эпохе.

В переломные, решающие моменты литературу пытаются заменить подлинным социальным документом, как-то подобранным и смонтированным, но во всяком случае «неиспорченным художественностью»; читатель хочет осмыслить и переживать мир собственными силами, отказываясь от посреднических услуг писателя. Такова «формула фактовизма» в его чистом виде; на практике в нашей литературе преобладали, конечно, компромиссные и сме-

шанные формы. Они-то и оправдали себя, по крайней мере в области исторического романа. Романы Ю. Тынянова, оказавшие сильное влияние на развитие исторического романа для взрослых и для детей, замечательны не только широким привлечением исторического материала, но и научными методами его разработки. Благодаря аппарату исторического исследования автор имеет возможность сообщить читателю новую историческую концепцию. Грибоедов — дипломат, политик, колонизатор — это не психологически или не только психологически новый Грибоедов, — но Грибоедов исторически новый, совершающий новые поступки. Из этого не следует, что старый исторический роман не требовал документализма. Могла производиться огромная работа по собиранию материала, но она производилась обычно не с исследовательской, а с иллюстрационной целью.

Мережковский, например, только психологизировал и символизировал свои источники, никогда не добывая из них историческую концепцию. Исторический документ нужен был Мережковскому для подтверждения замысла, уже предрешенного символистическим мировоззрением, для создания предпосылки, хотя бы относительной, исторической достоверности, наконец, для того орнаментального историзма, который выражается в пресловутых исторических деталях.

При своей спорности (в частности стилистической спорности) такой вещи, как «Смерть Вазир-Мухтара», она имеет большое значение, в качестве опыта исследовательского романа, в котором писатель не деформирует только, но, как ученый, сам для себя «приготавливает» источники.

Я вовсе не собираюсь теоретически провозгласить документальный роман единственно нужным образцом для детской исторической литературы. Самые разные жанровые принципы детской исторической повести имеют право на существование, но только при условии строгой раздельности и ясных целевых установок. Для того, чтобы быть правильно воспринятой, детская вещь должна иметь в основе ясные схемы, чтобы четко построить, нужно знать, что и для чего строить, — это очевидно. Со всеми этими оговорками можно только пожалеть о том, что у нас нет романа вальтерскоттовского типа, в котором создается глубокая за заинтересованность читателя судьбой вымышленного или полувымышленного героя; что у нас отсутствует развернутая полуавантюрная историческая эпопея, которая могла бы заменить до сих пор неувыдаемого Дюма и т. д.

Но если от жанров, которые могли бы существовать, обратиться к реально существующим, то оказывается, что основная масса наших детских исторических и биографических произведений в общем ориентируется на историческую достоверность, то есть читатель получает вещь вместе с предпосылкой «так было», а стоит ли говорить о том, какие обязательства налагает подобная предпосылка в детской литературе, где эстетическая ответственность автора незаметно переходит в этическую.

В литературе всегда существуют явления самой различной современности. Формы прогрессивные и остаточные, разлагающиеся и на рождающиеся живут рядом. Вот почему из массы вещей невыясненного назначения, в которых, уничтожая и калеча друг друга, сталкиваются обрывки различных установок, в которых до сих пор простодушно применяются методы старого исторического романа для детей (как патриотического, так и просто занимательного), — должны быть выделены опыты если не документального, то по крайней мере документированного романа, в котором исторически достоверные факты заново исследуются при свете определенных социологических воззрений. Документальность,

как способ работы писателя, способ нахождения и применения материала, и документальность, как принцип построения, — разные вещи. Фактичность в равной мере лежит в основе такого вполне беллетристического произведения, как «Черниговцы» Слонимского, и в основе такого умышленно сухого монтажа событий, как савельевские «Немые свидетели». Существенно, чтобы, так или иначе, беллетристическими или монтажными средствами, факты были переплавлены, потому что в художественной литературе право на существование имеет не обязательно выдуманная вещь, но обязательно построенная. Писатели фабульные, как Савельев, Бухштаб, широко прибегают к буквальным или почти буквальным заимствованиям из материалов, и это вполне закономерно, поскольку их работа основана на подлинно монтажном принципе расчленения и комбинации разных источников. Только из избытка и разнообразия сопоставляемых фактов рождаются неожиданные и живые подробности. Напротив того, скудость источников, заимствование всех фактов из одного места создает какое-то унылое равновесие вещей. Опасно писать

о Герцене или о Кропоткине, потому что «Былое и думы» или «Записки революционера», в качестве основного и литературно-безукоризненного источника, — пресекают всякую авторскую инициативу. Получаются непостроенные вещи, вещи на плоскости.

Построенная, документальная повесть может быть выделена потому, что при всех несовершенствах наличной продукции только здесь имеются какие-то элементы современности и некие задатки будущего развития. Существенно то, что таких авторов, как А. Слонимский («Черниговцы»), Б. Бухштаб («Герой подполья», «Клеточников»), Т. Богданович («Старый и новый город», «Суд над колдуном»), Л. Савельев («Немые свидетели»), Сергей Григорьев («Революция на рельсах», «Берко-кантонист», «Флейтщик Фалалей»), независимо от отдельных удач и срывов, независимо от степени личной талантливости, самые принципы их работы предохраняют от безответственности, от неряшливой эклектической бурды, вроде той, например, какую дает Н. Венкстерн в повести «Под стенами замков» (М., 1928. XII век. Серия «Работника просвещения»). «Наполовину закрытое капюшоном лицо его было бледно и красиво; холодные надменные глаза, крепко сомкнутые губы, изредка раздвигаемые насмешливой улыбкой, орлиный нос — все выдавало в нем человека страстного с сильной волей» (с. 3). Наряду со столь вальтерскоттовскими рыцарями, добрые и революционные поселяне XII века произносят речи, которые с таким же успехом могли бы произноситься в любом веке, в любой стране и даже в любой гостиной... «— Ты наделаешь себе беды, Пьер... Ты даже не знаешь, откуда он явился... За свое гостеприимство ты можешь сильно поплатиться» (34). — Это благовоспитанная крестьянка XII века упрекает своего мужа за то, что он привел в дом незнакомого мальчика. А для того, чтобы романтические рыцари и нежные поселяне не остались без идеологии, в середину вставляются цитаты из учебника: «В те отдаленные времена, известные в истории под названием средних веков, Франция представляла из себя бесконечное множество местных кружков (?), бароний, духовных княжеств и городов. Все эти мелкие единицы находились между собой в непрерывной борьбе, приистекавшей от целого ряда экономических и политических причин» (с. 21).

Венкстерну вполне удалось показать, что в детской исторической повести Ауслендер и Алтаев еще далеко не самое худшее.

2

Историзм исторического романа сводится к двум основным моментам: во-первых, читатель получает впечатление некоторой необычайности всех условий, их нетождественности тому, что существует в настоящее время; во-вторых, эта необычайность оказывается закономерной, т. е. «знаки эпохи» (слова, вещи, поступки)

воспринимаются как признаки специфической неповторимой системы.

Здесь не место останавливаться на всех возможных формах историзма, от игры деталями до широких полуфилософских-полусимволических обобщений «духа эпохи». Для детской исторической повести, со свойственным ей преобладанием диалогической речи, как наиболее доступной для детей формы изображения событий, — особенно существенен вопрос об исторической окраске разговорного слова. Особую категорию составляют вещи на древнерусские темы, в которых знаки эпохи даются главным образом языковыми средствами.

Здесь можно отметить разные тенденции; прежде всего имеются попытки чисто стилизаторского порядка, наиболее отчетливым образом представленные книгами Георгия Шторма. Не буду сейчас входить в рассмотрение вопроса о том, насколько законны и интересны подобные опыты в современной литературе для взрослых, на которых рассчитана несокращенная редакция «Повести об Иване Болотникове». Остановлюсь на «Ходе слона» (М.; Л., 1930), по-видимому, предназначенном для детей. Эта небольшая книжка изобличает подлинную писательскую культуру и обладает несомненными достоинствами, которые целиком снимаются тем обстоятельством, что три четверти встречающихся в ней слов несомненно непонятны ребенку, а примерно половина слов непонятна и взрослому читателю, незнакомому со старославянским языком, с древними памятниками, и вообще не имеющему специальных филологических знаний: «У смотрильного окна, что в тайнике, летник — в дорогах желтых гияльских, положен крашениной лазоревой, по белой земле рыт мох червчат» (с. 18).

Я цитирую почти наугад. «Ход слона» — сплошное густое стилизаторство, т. е. нечто заведомо непригодное для детской литературы. Стилизация, основанная на искусственном раздувании и подборе признаков, затемняет историческую перспективу и требует чересчур сложной литературной апперцепции; за напряженной эклектикой языка читатель-подросток просто не разглядит ни идеологию, ни даже фабулу.

Наряду с этим имеются вещи, в которых писатель, отказываясь от всякой стилистической игры, стремится к возможно более точному воспроизведению исторической действительности. Свободные от стилизаторства, они, к сожалению, страдают некоторым «археологическим уклоном». «Суд над колдуном» Т. Богданович (М.; Л., 1930) изобличает большую, серьезную исследовательскую ра-

боту над воспроизведением русской разговорной речи XVII века. В результате получается диалог, не вычурный, как у Шторма, но все же заведомо трудный и к тому же чересчур орнаментальный, потому что при такой установке автор не может не увлечься самодовлеющим изображением старинного слова. Отсюда, при большой словесной густоте, недостаточная фабульная насыщенность. Как бы несоответствие между количеством слов и «количеством» действия, вряд ли правильное в детской литературе.

Таким образом воспроизведение архаической речи достигается ценой чрезмерной затрудненности и ценой затемнения важных и интересных в «Суде над колдуном» фабульно-тематических моментов. Быть может, это слишком большая жертва, особенно если принять во внимание, что подобное воспроизведение все равно заведомо обречено на неточность; ведь не только литературные памятники, которыми охотно пользуются стилизаторы, но и всевозможные бытовые документы, которыми, по-видимому, с большим тактом пользовалась Т. Богданович, не могут дать представления о живой разговорной речи исчезнувшей эпохи (в частности, канцелярская и эпистолярная речь изобилует застывшими формулами и всегда гораздо архаичнее разговорной).

Но если подобные опыты все равно обречены на условность, то не лучше ли подчеркнуть эту условность лишь немногими языковыми признаками; тем самым разрядить атмосферу вещи, создать в ней простор для событий, для характеров, для всех тех элементов, которые должны сжиматься, когда вся энергия писателя и читателя направлена на преодоление трудностей языка. Каковы должны быть формы этой условно исторической речи, совмещающей необычность с доступностью, покажет будущая работа писателей. Дело критика сигнализировать о неблагополучии, замеченном на том или ином участке работы, а вовсе не предлагать точные рецепты на предмет его устранения.

Я останавливаюсь на книгах Шторма и в особенности на книге Т. Богданович, потому что именно в лучших книгах ошибки бывают поучительны. Наряду со «стилизаторской» и «археологической» разновидностью древнерусского жанра имеется разновидность просто халтурная (впрочем, она имеется во всех жанрах). Заодно с Венкстерном, в той же серии «Работника просвещения», Борис Евгеньев пишет повесть «Старина стародавняя» (М., 1929; Русь XIV века), и, отнюдь не утруждая читателя археологией, следующим, например, образом изображает времяпрепровождение сына Дмитрия Донского: «К князю пришли боярские дети, и он затеял с ними

шумную игру в охоту. Вандышу пришлось изображать разных диких зверей — то лося, то медведя, прятаться по углам, рычать и выть и терпеливо сносить удары и тумаки, которыми его награждали охотники. А потом играли в войну, и Вандыш, конечно, был “поганым татаринoм”», которого все побеждали. В него стреляли стрелами из детского лука, а молодой князь так ударил его игрушечной саблей по носу, что в кровь разбил Вандышу нос. Почему XIV век? Почему не XIX? Для меня всегда остается загадкой — какие соблазны, какое тайное честолюбие побуждает авторов, подобных Борису Евгеньеву, упражнять свое перо на эпохах столь отдаленных.

Но вернемся к продукции более доброкачественной. Любопытно, что повесть на материале допетровской Руси образовала как бы особый жанр, определяемый среди других особенностей принципом исторической речевой окраски. В повести о XIX веке языковая атмосфера разряжается и внимание переходит на другое; писатель сразу теряет уверенность в том, куда именно ему следует поместить признаки историчности. Тут есть серьезная опасность: ощущение необычайности, возникающее из несовпадения взятой исторической действительности с действительностью сегодняшнего дня, легко подменить необычностью самого материала. Чем экзотичнее материал, тем доступнее и грубее его специфичность. Например, одна из самых историчных наших исторических повестей — «Берко-кантонист» Сергея Григорьева (М.; Л., 1927), а между тем историзм ее еще линия наименьшего сопротивления: он слишком явно держится на экзотике нравов — еврейских, солдатских, на паразитальном быте николаевских кантонистов.

Вообще в романах на материале первой половины XIX века (главным образом декабристы) знаки эпохи, языковые и бытовые, кое-где расставляются в виде каких-нибудь «сих» или «оных», в виде треугольных шляп, обтянутых лосин и цветных фраков; в литературе о декабристах уже образовалась и своя традиция идеологической экзотики стихов Рылеева «К временщику», романтических тирад, бряцания слов: тиран, права человека, вольность...

Зато детский исторический роман на материале второй половины XIX века (главным образом в 60-е-80-е гг.), который нуждается в гораздо менее внешних и гораздо более тонких признаках различия, в сущности роман уже почти и не исторический, потому что в нем внимание со средоточено на некоторых событиях, совершающихся

в среде с крайне неопределенными очертаниями¹. Я думаю, что это неправильно; что читатель, особенно читатель-подросток, не имеющий достаточных исторических представлений, должен ощутить, что не только царь Алексей Михайлович или Иван Болотников, или даже Рылеев, но и первомайцы были другими людьми, нежели мы сейчас, что слова, которые они говорили, комнаты, в которых собирались, улицы, по которым ходили, были не такие, или не совсем такие (вот это «не совсем» и есть самое трудное), как сейчас. И вся эта бытовая символика нужна вовсе не из археологических соображений и не для того, чтобы ребята изучали по историческим повестям историю материальной культуры; это нужно для того, чтобы отдельные признаки стали знаками специфической эпохи, чтобы вещи, идеи, человеческая судьба сложились в единую систему, выражающую социальное бытие человека на таком-то участке истории.

Убедительно вскрыть сущность социального бытия вряд ли возможно вне спецификума исторических условий. Вот почему грубую ошибку совершают те, кто хочет свести историческую повесть к агитке и склонны видеть во всяком историзме археологическое гробокопательство. Это значит недоучитывать воспитательное значение исторической повести, которая может стать не только средством укрепления идеологии, но и школой исторического мышления.

3

С построением особого исторического и социологического фона у нас не все обстоит благополучно; и в этом отношении, как и во всех других, неблагоприятие двоякого рода: как приистекающее от невежества и халтурного обращения с темой, так и основанное на серьезных внутренних трудностях.

В первом случае дело делается как нельзя проще: берется добрая старая историческая концепция и в ней производится соответствующее «перемещение симпатий»; иногда даже нет нужды его производить, потому что у нас почти с незапамятных времен при-

¹ И здесь наибольшую историчность приобретают наиболее редкостные фигуры, например, у Бухштаба в «Клеточникове» фигуры чиновников Третьего Отделения; их разговоры, игра в карты, в особенности чиновничья вечеринка, па которую попадает Клеточников, вполне удовлетворяют требованию «необычайности», по чересчур очевидно, что как раз в этом направлении автору послужила не столько самостоятельная проработка материала, сколько литературные реминисценции (гоголевские чиновники). Там же, где кончается явная экзотика и область применения «литературных масок» (чиновники, вдова чиновника), где, скажем, начинается сам Клеточников, — степень историзма резко ослабевает.

нято было сочувствовать во обще бедным и вообще угнетенным и осуждать жестоких помещиков.

Очень интересное явление — «Пугачевщина» Ауслендера, предупредительно изданная ГИЗом с послесловием Чужака (М., 1928). Похвалив Ауслендера за сочувствие Пугачеву, Чужак далее сообщает, что Ауслендер, выпустивший книгу в 1928 г., не читал опубликованного в 1925 г. архива Пугачевского дела, на основании которого Пугачевское движение предстает в свете совершенно новых экономических причин, вероятно, небезынтересных для советского школьника. Пушкин, конечно, немало потрудился в архивах, но все-таки не следует в 1928 г. писать о Пугачевщине по «Капитанской дочке» с поправкой в виде сочувствия Пугачеву.

Механическое переворачивание оценок встречается сплошь и рядом. Вся социологическая острота «Старины стародавней» Бориса Евгеньева заключается в том, что про Дмитрия Донского сказано, что он был вовсе не храбрый, а, напротив того, трус и вообще не симпатичный. Причем автор «обнажает прием» с необыкновенным простодушием:

Летописец так описывает князя: «Крепок и мужественен и взором дивен zelo... *На самом же деле* (курсив мой. — Л. Г) князь Дмитрий Донской, как и другие московские князья, ни мужеством, ни величием не отличался» — очень просто!

Этот прием введения новой исторической оценки, по-видимому, столь удобен, что у Алтаева в «Бунтарях» (М.; Л., 1927) обнаруживаем даже текстуальное совпадение: «придворные и льстивые историки час то упоминают о добром сердце младшего брата Александра I, юного Михаила <...> *на самом деле* это был жестокий солдат <...> стремившийся только к военной муштровке» (86).

Необходимо настаивать на том, что современная историческая повесть для юношества не может быть идеологически доброкачественной вне серьезной исследовательской работы автора, потому что там, где требуется переоценка социальных ценностей, никакой старый материал не может быть принят на веру и никакая старая историческая концепция не годна для простого выворачивания наизнанку. Вся «социология» авторов, орудующих материалом, которым примерно располагает всякий человек, получивший среднее образование и прочитавший несколько исторических романов, — заранее обречена на неудачу.

Гораздо существеннее то обстоятельство, что полноценные социологические обоснования пока не удаются, или не вполне удаются, и в лучших наших повестях, потому что здесь поставлена

очень новая и сложная для детской литературы задача, требующая нащупывания новых способов работы.

Очень характерная черта нашей детской исторической повести — это перенесение побудительных причин поступка в личный план, обычно в план личного героизма; получается, что некие очень добрые, мужественные и самоотверженные люди гибнут за народ именно и только в силу прирожденной душевной доброты и благородства. В качестве исторической концепции, предлагаемой советскому школьнику, все это в достаточной мере сомнительно и скользко. Однако переносить мотивировки из личной плоскости в классовую удается безболезненным образом только тогда, когда речь идет о массовом народном движении, крестьянском или рабочем. Тогда в симпатии читателя отождествляются цели класса и цели отдельного человека. Классовая корысть, защита классом своих интересов не вступает ни в какое противоречие с героизмом от дельной личности, представляющей этот класс.

Отдельный человек может быть самоотвержен — класс в целом защищает свои интересы. Вот почему положение сразу осложняется там, где материалом взяты политические движения дворянские или буржуазные, то есть там, где у ребят, вряд ли способных рассуждать за чтением книги о том, что мелкопоместное дворянство и буржуазия были в свое время

прогрессивны и революционны, — интересы класса не могут вызвать то стопроцентное сочувствие, которое тому же читателю внушает взятая в отдельности судьба революционера-дворянина. Как перенести, например, судьбу декабристов из плана высокой человеческой жертвы в план классовой борьбы (следовательно, сложной классовой заинтересованности декабристов в перевороте), — не сорвав при этом личной героики, которая была реальным фактором сознания, и не подменив социальных соотношений психологическими противоречиями? Последний способ годился для Мережковского; оперируя антитезами и «безднами», он мог изобразить декабристов слюнявками, которые в то же время и герои, — в современной же, а тем более детской, повести все это тотчас же упирается в тупик. Обычно попытка классово противопоставлять декабристов — дворян — участвовавшим в восстании солдатам и разночинной толпе на Сенатской площади приводит не столько к прояснению социальных основ, сколько к личной дискредитации, резкому снижению персонажа. В очень неплохой книге Сергея Григорьева «Флейтщик Фалалей» (М.; Л., 1926) — героем и подлинным декабристом, гибнущим на площади, оказывается мальчик

из крепостных, ученик музыкантской команды гвардейского экипажа. А декабристы-дворяне «говорят слова» и сводят личные счета накануне великого дня. Вот разговор Рылеева с Оболенским о Каховском:

«...Вот это точно сумасшедший... Весь в фразах!

— Он очень самолюбив и страдает от своей бедности. Ты давал ему

денег?

— Поручился даже за него у портного.

— Вот корень его раздражения против тебя... Или он трусит» (156).

А на площади Рылеев растерянно оглядывается «заспанными глазами», не зная, что предпринять.

Так вот, для того, чтобы уложить в отчетливые моральные и социальные категории то, что люди рвутся к великим жертвам, потом малодушествуют перед делом, потом все-таки плохо ли, хорошо ли пытаются его совершить, потом раскаиваются и предают друзей на допросах, и, наконец, идут на виселицу с непоколебимой твердостью, — для этого и требуется историзм, потому что, только сделав этих людей историчны ми, можно их сделать попятными. Нужно показать их в их совершенно особом социально-специфическом отношении к власти, к свободе, к смерти; показать, что для них раскаяние перед победившим правительством было совершенно другим поступком, чем, скажем, для революционера второй половины XIX века. Вряд ли тут помогут сообщения в предисловиях, послесловиях, примечаниях и даже скобках о том, что декабристов питала идеология дворянства, перерождающегося в буржуазию. Точно так же когда школьник, знакомый с теорией классовой борьбы, узнает о том, что одно и то же дело совершают крестьянин Желябов, дворянка Перовская, сын священника Кибальчич, мещанка Геся Гельфман, — то он вправе испытать недоумение. Объяснениями здесь тоже не поможешь; здесь требуется убедительный показ особой исторической категории революционной интеллигенции, отрывавшейся от прямых интересов своей среды. Перед нами задача новой структуры персонажа, отчетливо выводимого из социальных предпосылок; эта задача, новая и трудная, в такой мере осложнена опасностью схематизма и проблемой равновесия читательских симпатий, что нельзя требовать от детской литературы мгновенного ее разрешения.

Некоторые попытки в этом направлении сделаны в «Черниговцах» Слонимского (М.; Л., 1928). Параллельно внешней, так ска-

зять, фактической трагедии жизни и гибели вождей черниговского полка разворачивается трагедия внутренних противоречий, притом имеющих не лично психологический, но классовый смысл. Сопоставлены и противопоставлены три социальных породы декабристов: офицеры-аристократы (братья Муравьевы-Апостолы), демократическое армейское офицерство (объединенные «Славяне») — из мелко-поместных, а иногда просто сословных дворян, или даже из разночинцев, — и, наконец, солдаты. Важно то, что социология не разъясняется сбоку, а как-то включается в персонаж, хотя бы в примитивной форме (но у Слонимского есть дар примитивности тактичной и убедительной) возмущения «Славян» туалетными принадлежностями и вообще «барскими штуками фрачников», или в форме внутреннего монолога Сергея Муравьева-Апостола: «Кто такой этот Павел Шурма? Он служит давно, вероятно, лет двадцать. Когда-то, должно быть, помещик забрил ему лоб... Да, Павел Шурма чего-то не понял. Ему не грезились синие волны, и храм, и колонны. И он не читал книг по Римской истории. Он просто хотел в родную деревню. Сергей был для него только офицер, барин». Если все-таки не проясняется до конца, почему люди, которые друг друга не понимают и друг другу не доверяют — все-таки, каждый по-своему честно, делают свое дело? до каких пределов совпадают стремления Муравьева-Апостола, армейского офицера Кузмина и солдата Шурмы, и у какой границы, и в какие стороны они должны были бы разойтись, если бы не погибли все вместе? — то это уже вопрос неполноты читательской апперцепции.

Художественная вещь — это вещь, прежде всего построенная, то есть моменты *отбора и пропуска* для нее едва ли не самые существенные, во всяком случае существеннее момента выдумки. В плохих книгах поступки действующих лиц вообще непонятны, потому что связь их неубедительна, потому что читательское воображение не может закономерно возместить пропущенные куски. Книга А. Слонимского достаточно хороша для того, чтобы взрослый читатель восполнил пропуск мотивировок и правильно апперцепировал материал. Перечисляя возможные недоумения, я имею в виду, что в детской литературе, где не только не может быть расчета на какие-то запасы читательских знаний, но, напротив того, должен быть расчет на всяческую спутанность и искаженность исторической перспективы, — проблема *обоснования* не только чрезвычайно заостряется, но уже перерождается в качественно иную проблему. Быть может, здесь и следует искать подлинный спецификум детской исторической повести. Предъявляемые к ней

требования простоты, отсутствия психологизма, отсутствия эротики и т. п. — требования по существу отрицательные и поэтому не принципиальные; другое дело — требование полного *доведения до сведения*, создания изнутри самой вещи апперцептивной среды, которое предлагает ряд условий, не нужных ни для какой повести, кроме детской, а для детской повести необходимых.

В исторической повести предстоит еще большая работа над техникой обоснования, тесно связанная, конечно, с углублением социальных мотивировок; тем более важных, что возможности применения психологизма в детской литературе заведомо ограничены, а между тем, быть может, никакая другая литературная область не испытывает такой нужды и четкой закономерности поступков и характеров. Но если это еще дело будущего, то во всяком случае уже сейчас можно говорить о большей или меньшей удаче в мотивировках хотя бы идеологического порядка.

У нас сплошь и рядом подменяют идеологию изображаемой группы ее фразеологией (это легко).

Фразеология, то есть ряд словесных формул, отстоявшихся в обиходе политической группировки, — может быть предельно искренней и предельно выразительной для ее идеологии, но это моменты, не покрывающие друг друга. «Наступил век гражданского мужества, — говорит у Л. Тыняновой Рылеев, — я буду бороться за свободу отечества и счастье народа. Если же я погибну, может быть, потомство отдаст мне справедливость, а история запишет мое имя вместе с именами людей, погибших за человечество». Это фразеология Рылеева (притом фразеология для декабристов подлинная, так как заимствована автором из такого источника, как «Воспоминания о Рылееве» Н. Бестужева), то есть слова, несомненно соотнесенные с идеологическими мотивами его поступков, но им не равносильные. Мотивы же у Л. Тыняновой вскрываются так: «Первые тайные общества в России образовались еще в 1816 году. Пребывание за границей имело большое влияние на многих молодых офицеров. Некоторые из них бросили прежнюю пустую жизнь, кутежи, карточную игру и занялись чтением иностранных газет и журналов и толками о политических и общественных событиях. Те, кто ранее блистали на балах и по ночам проигрывали в игорных домах все, вплоть до своих крестьян, теперь устраивали школы для солдат, старались пробудить в них человеческое достоинство и до хрипоты спорили на тайных совещаниях о равенстве граждан, об освобождении крестьян и о политическом преобразовании России». И все это только благодаря пребыванию за границей!

В толстых «Бунтарях» Алтаева (316 с.) есть и фразеология, и солдатская муштра, и порки (наши детские писатели вообще интересуются порками гораздо больше, чем условиями крестьянского быта), но нет идеологии декабристов; вернее, она кое-где появляется в такой форме, которая не может внести в восприятие читателя ничего, кроме полного расстройтва. «Освобождение крестьян от рабства не должно лишать дворян доходов, ими от поместий своих получаемых», — цитирует Алтаев «Государственный Завет» Пестеля. И в другом месте: «Даже свободолюбивый и широкий Рылеев восставал против самостоятельности Польши. Это национализм, квасной патриотизм сквозил у Рылеева на каждом шагу. Повинны в них были и все члены Тайного Общества...» (с. 159). Как бы ни был юн читатель, которому адресованы «Бунтари», это читатель, усвоивший уже достаточно определенную оценку квасного патриотизма и «дворянских доходов». Какой чудовищный сумбур должны внести в его представление о героических декабристах (а книга Алтаева написана с расчетом на это представление) подобные сведения, сообщаемые просто, вне показа идеологического специфика, вне всякого исторического оправдания; словом, вне учета читательской подготовки. Между тем подобный показ возможен: Князь Трубецкой уведомлял, что государь окончательно предался иностранцам и готовится изменить своему народу. На параде он публично, в присутствии всей свиты, заявил французскому посланнику, что выправкой своих войск он обязан исключительно иностранцам, которые у него служат. Он говорил графу Ожаровскому, что Россия варварская страна, что русский на род сплошь сволочь и состоит из дураков или плутов. Но ожесточение государя против России больше не ограничивается словами. От слов он переходит к делу и замышляет прямую измену. Он намерен отторгнуть от России западные провинции, присоединив их к Польше, и удалиться в Варшаву со всем двором, предав отечество в жертву неустойчивости и смятений. «Настало время спасать отечество», — писал Трубецкой. «Теперь или никогда» («Черниговцы»).

«Квасной патриотизм» членов Тайного общества показан у А. Слонимского в его антимоноархическом ракурсе, показан не как досадное противоречие революционной идеологии декабристов (всем бы, мол, хороши, но почему-то патриоты!), но как ее специфический признак.

Литературная техника социологических и идеологических обоснований в детской исторической повести только начинает развиваться. Здесь нужно остерегаться стопроцентных требований

и единospасающих рецептов. Однако надо сказать, что имеющиеся налицо способы по большей части неудовлетворительны. Существует, например, способ предисловий, послесловий и примечаний, вбирающих в себя обоснования, которые не попали в текст. Это не столько разрешенье, сколько обход вопроса, но обход, не лишенный некоторых преимуществ; по крайней мере он избавляет текст от грубых идеологических заплат, вроде уже цитированного мною венкстерновского: «по целому ряду экономических и политических причин».

Другой путь делает авторам честь не столько достигнутыми результатами, сколько трудностью взятой на себя задачи. Я имею в виду попытки обосновать идеологию в разговорах действующих лиц. Б. Бухштаб, у которого с чисто идеологическими обоснованиями обстоит благополучнее, чем у кого бы то ни было из писавших о революционном движении второй половины XX века, — широко пользуется этим способом, способствующим, впрочем, больше исторической, чем художественной убедительности. В «Клеточнике» герой сам рассказывает свою биографию и историю своего идеологического становления, — и это место явно самое слабое в книге. В «Герое подполья» (М.; Л., 1927) мотивировочную функцию выполняет глава «За чаем»:

«Дольше не отвечать никак на расправы с нашими братьями нельзя. Надо действовать! Я решил начать завтра. Завтра Мезенцов будет убит!..

— Сергей, что ты! — закричала она (Перовская). — Что ты? Может ли нам помочь убийство одного человека? Наше дело — работать среди народа, мы должны проповедовать социализм, а не убивать отдельных негодяев.

— Я давно уже думаю об этом, Соня! — отвечал Кравчинский. — Но скажи сама: разве у нас есть возможность проповедовать что бы то ни было, пока будет существовать это правительство? Нас будут ловить поодиночке и душить, как кроликов!.. Нет, мирная работа сейчас для нас невозможна!» и т. д.

Принцип ясен: автор собирает действующих лиц и для прояснения идеологии заставляет их разговаривать между собой так, как если бы они встретились друг с другом впервые. Савельев на этот счет гораздо откровеннее:

«В конце августа 1879 года революционеры Народной Воли собрались вместе, чтобы решить, что делать дальше. . .

— Царь освободил крестьян, но обманул их: он не дал им достаточно земли, — сказал один. . .

— Надо расшевелить народ, — сказал другой, — речами, газетами, книгами. Но царь ссылает и сажает в тюрьму за свободную речь.

— Надо убить царя, — решили все».

Это откровенная условность без всяких поползновений на сшитое белыми нитками правдоподобие. Савельев вообще писатель очень системный и в пределах своей системы умеющий оправдать то, что он делает. Только эта система вряд ли найдет широкое применение.

Возможно, конечно, что детская литература отыщет со временем столь убедительные способы изображения событий, что они вообще снимут проблему мотивировок, но пока приходится делать наблюдения над конкретными и весьма несовершенными приемами работы. В этих пределах всевозможные мотивировочные отступления и вставки губительны потому, что они прорывают литературную ткань построенной вещи, безнадежно разлагая создаваемую в ней иллюзию действительности. В сущности зло не в том, что автор от себя держит речь о событиях и людях; зло в том, что эта речь вываливается за литературные пределы произведения. К сожалению, наша детская историческая повесть ни разу не сделала попытки пойти по тому пути, по которому пошел в своих романах Ю. Тынянов, начинающий, например, «Смерть Вазир-Мухтара» с «авторского обзора» 30-х гг.: «Дети были моложе отцов всего на два-три года. Руками рабов и завоеванных пленных суется, дорожась (но не прыгая), они завинтили пустой бенкендорфов механизм и пустили винт фабрикой и заводом.

В тридцатых годах запахло Америкой, Ост-Индским дымом, дуло два ветра: на восток и на запад, и оба несли с собой соль и смерть отцам, деньги — детям».

Это прямая авторская речь, построенная на стилистических принципах, вообще спорных, в частности неприменимых к детской литературе, в силу своей трудности, но методологически важных тем, что они удерживают прямую речь в пределах построенной вещи, а вместе с тем дают возможность обобщающего авторского взгляда.

4

Если задача сохранения нужной апперцепции в детской исторической повести, с одной стороны, соприкасается с задачей идеологических и социальных обоснований и вообще с моментами познавательными, то с другой стороны — она упирается в вопрос об эмоциональной полновесности вещи, о какой-то своеобразной

ее адекватности изображаемому факту. Есть, например, имена, которые в литературе для взрослых достаточно упомянуть для того, чтобы они стали центром сбегающих к ним эмоциональных ассоциаций и «ореолов»; в детской повести эти ореолы в большинстве случаев приходится тут же препарировать. Глубоко неправильно поступает в «За Волю Народную» Ауслендер, никак не обставляя появление Перовской, показывая ее на одной плоскости со своей собственной героиней — Надей. У ребенка по всей вероятности отсутствует та очень сильная предварительная окраска образа Перовской, которая есть у взрослого человека. К детскому восприятию некоей, выведенной Ауслендером, революционерки не прибавляется ничего от знания о том, что это Перовская. Значимость имени сорвана: оно празднично болтается в романе и могло бы быть заменено любой вымышленной фамилией².

Нужна какая-то иерархия персонажей, как нужна какая-то иерархия событий, потому что и события, по дороге к детскому сознанию, теряют присущие им ореолы. Для ребенка «Сенатская площадь» не отяжелена столетием литературных и идеологических ассоциаций, поэтому он может легко потерять ощущение важного и неважного, когда ему дают одинаково подробное и заинтересованное описание, во-первых, бунта по поводу дурной каши, который Рылеев устраивает в корпусе, во-вторых, бестолкового стояния на площади декабристов, предводительствуемых тем же Рылевым. Я думаю, что все возможные средства должны быть направлены писателем на то, чтобы расчленив события и расставить соответствующие акценты. Непроявленность акцентов — несчастье произведений нестроенных, сделанных по плоскостному, хронологическому признаку, в меру сохранившихся сведений о детстве героя, потом о его революционных действиях (посредине обычно провал).

Крепкая иерархическая слаженность фабульных вещей дает в этом отношении интересные возможности. У Бухштаба событие (убийство Мезенцова, выдача Клеточниковым тайн III Отделения), развернутое и напряженное почти авантюрными способами, приобретает известную полноценность, и эта авантюрная детализация удачно сочетается с детализацией идеологической и моральной.

²Заинтересованность читателя в герое создается, с одной стороны, самой общей эмоциональной окраской, а с другой стороны — наличием у героя индивидуальных качеств, то есть герой, сверх того минимума качеств, который требуется от него как от революционера (самоотвержение, мужество, находчивость), снабжается еще некоторым человеческим излишком.

Убийство и предательство даны как поступки серьезные и тягостные, оправданные верой в их необходимость и личным самоотвержением героя.

Можно спорить о всевозможных литературных пожеланиях в области детской литературы, но я думаю, можно считать бесспорным пожеланием, чтобы убийство, хотя бы и политическое, не преподносилось детям в виде пустякового и само собой разумеющегося случая. Это делается! Савельев и Ауслендер не только не «оправдывают» покушения на царя, но им не приходит в голову обставить какими-нибудь этически ми оговорками то обстоятельство, что при этих покушениях погибали дворцовая прислуга, железнодорожные служащие, случайные прохожие. У Ауслендера героиня Надя, после халтуринского покушения, рассказывает «срывающимся голосом»: «Неудача... Даже не ранен... Заряд оказался слишком слаб. Уничтожило только второй этаж, где был караул. В столовой покорило пол, разбита посуда». Из этого караула, как известно, 8 человек было убито и 45 ранено. Что же это, расчет на то, что ребенку уже известны все побуждения, толкавшие народовольцев на подобный мучительный для них шаг, или на то, что ребенок не обратит внимания на такой пустяк, как гибель 53 нижних чинов!

Впрочем, в подаче Ауслендера на это действительно можно не обратить внимания. Подобные книги были бы много вреднее, если бы были немного талантливее.

Так мы соприкасаемся с вопросом об ответственности писателя за изображение человеческих страданий. Старая истина, что впечатляемость читателя не пропорциональна количеству сообщаемых ужасов. Известно, что описание гибели собаки может быть «жалостнее» описания гибели сотни людей; что можно содрогнуться, читая о том, как человек вывихнул палец, и равнодушно читать о китайских пытках.

Все это трюизмы, о которых не следует забывать в детской литературе, потому что приучать ребенка к описанию страданий, не производящих на него ни малейшего впечатления, — значит допустить погрешность не только литературную.

Чужое страдание эмоционально доходит тогда, когда оно неожиданно конкретизируется, из явления вообще становится частным случаем. У беллетристики тут есть свои пути, которых я не буду касаться потому, что они не более характерны для исторической повести, чем для всякой другой; для меня здесь существеннее те особые возможности, какие есть у документального романа. Документ, воспринимаемый в специфической атмосфере полного

доверия, воспринимаемый именно в своем качестве «настоящей» вещи, — очень эмоционален. Писатель, сочиняющий письмо человека, приговоренного к казни, попадает, разумеется, под обстрел. Другое дело подлинное письмо смертника, сопровождаемое предпосылкой его подлинности (надо думать, что при соответствующей подаче и до сознания ребенка может прийти представление о таком письме, как о всамделишной вещи)] бесцветное или напыщенное, косноязычное или бьющее на эффект — все оно ляжет на сознание читателя всей тяжестью породившего его события. Для литературно беспомощных книг эмоциональная конкретность документа очень опасна; она прерывает бумагу.

Известное письмо Перовской к матери перед судом кончается строками:

«Вот и просьба к тебе есть, дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавички, потому запонок не позволяют носить, и воротничок поуже, а то до суда нужно несколько поправить свой костюм: тут очень он расстроился. До свиданья же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

Твоя Соня».

Его цитируют во всех книгах о первоапрельских, его цитирует в свое ей «Софье Львовне Перовской» Прилежаева-Барская (Л., 1926), не понимая того, что вокруг этих невероятно человеческих воротничков и рукавичков уже нельзя сентиментальничать «от себя», нельзя давать описание казни с психологическими домыслами, звучащими почти кощунственно:

«Маленькая белая фигурка неподвижна, как изваяние, жуткое, страшное. И кто знает, какие мысли, какие чувства владеют Соней в эти последние мгновения ее жизни.

Быть может, ей чудится, что прозрела толпа людей, пришедшая сюда лишь глазеть, лишь щекотать свои нервы жутким невиданным зрелищем.

Быть может, кажется ей, что эти чужие равнодушные люди поняли в это мгновение, за что умирает такой страшной смертью здесь, на эшафоте, она и ее друзья.

Быть может, видится ей, что толпа, эта громадная тысячная толпа с красными знаменами и пением революционного гимна — прорвала шпалеры войск, ринулась вперед...»

Я думаю, что есть факты, с которыми писатель, не абсолютно уверенный в своих творческих силах, должен обращаться осто-

рожно и целомудренно. Это обязательство, как и большая часть обязательств детского писателя, скорее этическое, чем эстетическое; имеющее целью не приучать читателя с детства к тому, что жизнь, смерть, страдания человека становятся в литературе пустыми и легкими.

Там, где не хватает средств на адекватность, лучше довериться возможностям простого сообщения. Простое сообщение никогда не имеет характера покушения с негодными средствами. Сообщение дает читателю материал и предоставляет ему делать с ним все, что он может сделать, в меру своего воображения. По отношению к каким-то самым общечеловеческим категориям это возможно и в расчете на читателя-подростка. Пожалуй, опять по-своему прав Савельев, когда он в нескольких, намеренно сухих, фразах возводит первомагтовцев на эшафот — и добавляет:

«А потом их казнили».

Б. Другов

Е. НИКОЛАЕВА. КОРАБЛЬ КУПЦА РОМАНОВА

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература .
1932. № 7. С. 11.*

Е. Николаева. Корабль купца Романова. Облож. и рис. под гравированный цинк А. Кравцова. — [М.]. ОГИЗ «Мол. гвардия». 1931. 159 стр. 1 р. 10 к. 10 250 экз.

Парусный мастер Ян Янсен Стрюйс побывал в диковинной Московии, где зимой «замерзают слова в воздухе», где «зеленый зверь, нечто вроде дыни с овечьей головой, ползает по земле, съедая всю траву вокруг». Безработному мастеру приходится рассказывать в амстердамских тавернах разные сказки о «Московии», чтобы расшевелить тугие кошельки знакомых ремесленников и выпить, и позавтракать на их счет.

Но Стрюйсу хочется говорить о казаке Степане Разине, поднявшем знамя крестьянско-казацкого восстания в стране дикого бесправия и произвола, о Разине, который кажется мастеру «более справедливым чем жестоким или строгим» (стр. 153).

Большая интересная историческая тема взята Е. Николаевой в повести «Корабль купца Романова». Однако автор, снизив интересную и значительную тему до уровня мелкого безыдейного анекдота, своеобразной «копилки курьезов», тем самым исказил историческую действительность. В повести Николаевой «Московия» дается главным образом под углом зрения Яна Стрюйса, ремесленника, поехавшего из сравнительно культурной страны в Россию с единственной целью — подработать. Стрюйс не мог осознать особенностей социально-политического уклада России первых Романовых, не мог глубоко и полно осмыслить современную ему действительность и, в частности, движение Степана Разина. Но сам автор мог, и должен был увидеть больше, чем увидел парусный мастер.

Взяв быт «Московии» оторвано от экономических и политических условий эпохи, автор тем самым за изображением диких и

грубых бытовых навыков, обычаев, традиций «москвитян» не видит классовой дифференциации общества, не вскрывает истинных причин движения Степана Разина.

Разинщина изображена невероятно сумбурно и скомкано. Разин и его ближайшие товарищи представлены пьяной, разбойничьей ватагой. Никто, конечно, не требует от Николаевой идеализации этого крестьянско-казацкого движения, но подчеркивать в нем только моменты пьянства и разгула, не вскрывая социально-политического содержания движения, значит, опошлить суть революционного движения. Вот как дается обстановка на разиновском струге: «Под деревянным навесом, убранном красным атласом и золотой парчой, сидели казаки. Рваные дорогие кафтаны были залиты вином запчканы грязью и пищей» (стр. 183).

Или: «Разин пустил в ответ длинную ругань, такую грубую, что голландцы схватились за весла и заспешили» (стр. 129) и т. д. Николаева не ввела ни одного эпизода, рисующего Разина как борца против самодержавия и эксплуатации, как защитника крестьянских интересов, и нашла возможным дать подробное описание издевательств разинских сообщников над «персидской княжной» и ее насильственной смерти (стр. 126—129).

О подлинном характере разинского движения есть лишь некоторые указания в виде авторских замечаний (стр. 137).

Автор не сумел создать исторической повести, которая правдиво и глубоко раскрывала бы перед юным читателем картины прошлого, укрепляла бы в нем чувства ненависти и отвращения к эксплуатации и эксплуататорам, вооружала бы его в борьбе за строительство социализма.

Автор не показал основных социальных конфликтов эпохи крепостничества. Книга Николаевой рисует быт эпохи изолированно от социальных противоречий того времени.

Идея показать интернационализм эксплуатируемых масс, общность их интересов смазана, и не развернута.

Отдельные удачные штрихи, небольшие сценки и эпизоды, характеризующие дворянство (Полуехтов), «тишайшего» купца — царя Алексея Михайловича, и купца-патриарха Никона, голландцев, приехавших в «Московию»; изобразительные средства, повести — все это ни в какой мере не может компенсировать идейной неприемлемости «Корабля купца Романова», повести, искажающей историческую действительность.

С. Сенин

Е. ДАНЬКО ДЕРЕВЯННЫЕ АКТЕРЫ

Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература. 1932. № 8-9. С. 10.

Данько, Е. Деревянные актеры. Повесть. Облож. и рис. Н. Ланшина. — М. и Л. ОГИЗ «Мол. гвардия». 1931. 183 стр. 1 р. 85 000 экз.

Подростки.

Важным участком детской художественной книги является историко-революционная тематика, к сожалению, пока в весьма малой степени разработанная советской литературой. Можно назвать лишь очень ограниченное количество книг, относящихся к этой области; и лишь единичные произведения до некоторой степени удовлетворяют запросы детского читателя.

В этом плане значительное и ценное явление представляет собой повесть Данько «Деревянные актеры», показывающая детскому читателю бытовую и культурную обстановку Западной Европы накануне Великой французской революции.

Бесспорные художественные данные, знание материала, знание читательской аудитории позволили писателю создать интересную, увлекательную повесть. История детей, странствующих с кукольным театром, дала возможность рассказать читателям о Венеции, Южной Германии, Франции, показать, хотя и бегло, труд рабочих на стекольном заводе, крестьян, быт феодалов, художественно воспроизвести среду той эпохи. Книга дает интересное толкование жизни Карло Гоцци; введен небольшой эпизод, характеризующий Гете.

Наряду с этими положительными моментами необходимо отметить весьма существенные недостатки книги.

Разоблачение эксплуататоров дано главным образом в морально-этическом плане. Дворяне, духовенство, с одной стороны, и трудящиеся с другой, даны путем механического разделения на «отрицательных» и «положительных», а не путем глубокого

и всестороннего показа классовых противоречий, существующих между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Такое толкование европейской истории накануне буржуазных революций является идеалистическим, дающим детям неправильное представление об историческом процессе.

В последних главах повести дается нечеткое представление о классовом характере Великой французской революции. Рабочие и крестьяне отказываются быть рабами господ дворян — так говорится в книге. Неоднократные заявления подобного характера способны дать детям неверное понимание этой революции как революции рабоче-крестьянской, а не революции буржуазной, какой она была в действительности.

Книга Данько, несомненно, имела бы большее воспитательное значение, если бы издательство дало к ней послесловие, марксистски освещающее читателям первую французскую революцию, всю политическую и культурную обстановку в Европе накануне революции. Необходимо было дать примечания о Гете, Гоцци и др. Книга допускается.

Алексеева

ЖЕМЧУЖИНА С. БРОНЕНОСЕЦ РЕВОЛЮЦИИ

Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература. 1932. № 8-9. С. 10-11.

Жемчужина, С. Броненосец революции, Рис. и облож. Недбайло. — [М]. ОГИЗ «Мол. гвардия». 1932. 40 стр. 35 к. 25 300 экз.

Восстание броненосца «Потемкин» — благодарная тема для литературного произведения. Эта тема большого значения не раз привлекала внимание литераторов. Л. А. Герасимов в очерке «Первый революционный броненосец» (М. «Нов. м.» 1925) впервые популяризирует этот исторический факт для детей. М. Желобовский в книге «Корабль-скиталец» (М. «Мол. гвардия». 1930) разрабатывает этот исторический эпизод в духе революционного приключения, но при этом забывает руководящую роль партии в восстании и не выясняет значения последнего в революции 1905 г. Та же тема разработана, для детей Бываловым в виде революционной новеллы «Черноморцы» (М. и Л. ГИЗ. 1930).

Что же нового дала С. Жемчужина в своей книге? Как она использовала предшествующий опыт работы над этой темой?

Основным источником для «Броненосца революции» послужила книга «Красный броненосец» А. Герасимова (Л. «Прибой». 1925). Отсюда главным образом черпала материал Жемчужина. Книга Жемчужиной построена следующим образом: забастовка рабочих в Одессе, восстание на «Потемкине», биография одного из восставших матросов Матюшенко. Эти три момента композиционно не увязаны и остаются отдельными, механически соединенными главами, причем помещение биографии Матюшенко совершенно не оправдано в книге; с таким же успехом могла быть помещена биография любого участника — героя. Основная часть, «Восстание на Потемкине», дана в виде последовательно развивающихся эпизодов. Вся книга свидетельствует об упрощенном методе работы автора над ней. Сильные места в мемуарах, на которых построен

«Броненосец революции», слабы в изображении Жемчужиной. Так, в книге совершенно поблекла встреча «свободных моряков» с рабочими Одессы — один из наиболее значительных и эмоционально захватывающих читателя моментов в мемуарах.

Попытки автора создать собственные образы совершенно беспомощны, например: «В ожидании солнца реяли чайки. Вот выглянул золотой луч, скользнул по виселице, коснулся равнодушных лиц солдат, упал на заgrimированных палачей — их было четверо, в черных халатах — и, точно устыдившись этого гнусного, мертвого преступления, поспешно спрятался за серую тучу» (стр. 37).

Немало также в этой книге можно отметить фактических ошибок, например: «матросы — социал-демократы — ознакомили собрание с общим планом восстания», «на броненосце не было партийных матросов; были сочувствующие социал-демократам»; или «из вольных» на броненосце остались «меньшевики тт. Фельдман и Кирилл Березовский». В самом же деле остались тт. Фельдман и А. А. Березовский, известный в партии под кличкой «Кирилл». Это может казаться мелочью, но в историческом произведении не следует искажать факты — таких мелких ошибок в книге допущено много.

Не сумев художественным путем показать читателю причины неуспеха восстания, автор для разъяснения приводит ни в чем не убеждающее читателя послесловие: оно лишь окончательно подтверждает творческую беспомощность автора.

В создании этой книги С. Жемчужина не учла ни ошибок, ни положительных сторон прежних изданий.

Литературно неразработанная тема снизила революционную значимость материала. Хорошие иллюстрации бессильны прикрыть недостатки книги.

Издательство «Молодая гвардия» напрасно выпустило эту недостаточно продуманную и недостаточно проработанную автором книгу.

Книга не рекомендуется.

Л. Гессен

БУДУЩИХ БОЙЦОВ ВОСПИТЫВАТЬ НА БОЕВОМ ПРОШЛОМ КРАСНОЙ АРМИИ

*Впервые опубликовано в: Книга молодежи. 1931. № 10.
С. 56-58*

Косогов И., ПЕРВАЯ КОННАЯ. Боевые воспоминания участника. Для детей старшего возраста, «Молодая гвардия», 1931, стр. 96, ц. 40 коп.

НОВАЯ книжка о гражданской войне, написанная для детей старшего возраста, останавливает на себе внимание уже по одному тому, что чрезвычайно чувствителен пробел в хорошей, нескудной, но и не лубочной книжке, отвечающей и направляющей в должное, здоровое русло жгучий интерес подрастающего поколения пролетарской революции к героической борьбе за власть советов.

Тематика гражданской войны как войны, полной приключений и подвигов, как войны, в которой многие ребята потеряли отцов и братьев, — это ли не благодарный материал для советского писателя! «Красные дьяволята», «Федька Апчи» и прочие макулатурные герои завоевали себе прочные симпатии среди советской детворы, несмотря на явные нелепости и безвкусицу, так и брызжущие фонтаном с каждой страницы. Поэтому с радостью пионерработник, педагог, библиотекарь ухватятся за «боевые воспоминания участника», написанные И. Косоговым в виде художественных очерков.

Как же справился автор с задачей дать не столько занимательное чтение, сколько правдивую картину боевого прошлого Красной армии? Несомненную ценность очеркам придает то, что написаны они одним из активных участников всего в них изложенного. Это всегда вызывает повышенный интерес и доверие к автору, особенно у ребят, и в значительной степени предопределяет «доходчивость» книжки до читателя, контакт автора с читателем.

Книга состоит из десяти небольших очерков. Почти каждому из них предпослана историческая справка, вводящая кратко в

курс и хронологию событий, в нем изображенных, связывающих их между собой. Это очень удачный методический прием, свежий в композиции детской книжки (особенно не окрепшей и ищущей литературных путей и форм в очерковой своей части). Географическая карта, более распространенное явление в детской литературе, тоже очень уместна здесь.

Первые очерки рисуют зарождение партизанского отряда Буденного и первые успехи будущего командарма героической ко-нармии, дают скупое, неяркое описание нечеловеческой напряженности, боевого и трудового энтузиазма красных партизан и их семей, пробивающихся к Царицыну. Есть и колеблющиеся нытики, исподтишка разьедающие сомнением единодушные массы. Хорошо показан суровый рабочий отпор маловеру: «Честный боец дело делает, а не панику разводит, на испуг нас не бери, мы и сами пугать умеем» (стр. 20).

Гигантское трудовое напряжение, показывающее «чудеса» и рекорды темпов и качество работы сегодня, оживают в образах героического боевого прошлого, смыкаясь с ним единой, неразрывной цепью и помогая ребятам осмысливать сущность, преимущества и возможности советской власти.

Следующий рассказ «На посту» ведется от первого лица. Форма изложения - динамичная, а потому любимая ребятами, хорошо эмоционально заряжает и воспитывает без сентенции и морализирования. Боевой эпизод, рисующий храбрость и выдержку одного из рядовых командиров оттенен несколько юмористически обрисованным паническим бегством его адъютанта от лица которого и ведется рассказ.

Очерк «Последний патрон» интересен характернейшим штрихом активной, хоть и исподтишка, помощью богатея-мужика Чижя белым. (Кстати сказать, социальные сдвиги и противоречия, по сути дела являющиеся пружиной всего сложного и в то же время простого механизма гражданской войны, вообще в очерках показаны мало).

«Филька Черпак» особенно интересен ребятам, ибо героем его является шестнадцатилетний парень, не совершающий фантастических, сказочных подвигов, как в целом ряде халтурных детских книжек о гражданской войне, но активно участвующий с . . . кухонным черпаком вместо оружия в ликвидации мамонтовского нападения на красные обозы.

В очерк «На Ростов» удачной иллюстрацией вкраплен исторический документ - корреспонденция белогвардейской ростовской газеты.

«Дела сильнее слов» рисует знакомый всем образ всесоюзного старосты с несколько новой стороны, не отмеченной в большинстве его биографий: храбрость и мужество во всякой, в том числе и боевой, обстановке - характерный штрих для «подлинного революционера и вождя», которому «не страшна никакая опасность».

Отрывки из боевого дневника 1920 г. «По белопольским тылам» дают наброски воодушевляющего бойцов приезда Ворошилова и Буденного, личным примером храбрости воспитывавших славную конную.

Комичен эпизод с попом, обиженным морально, а главное материально польскими ксендзами и потому в своей ярости предложившим свои услуги... командовать красным эскадронам. Интересен, особенно читателям, хорошо помнящим недавно прогремевший процесс «Промпартии», пример вредительства в красном тылу на военных заводах.

Однако книжка не лишена и серьезных промахов, особенно досадных в свете вышеописанных ее достоинств. Крупнейшим недостатком является абсолютное отсутствие показа или хотя бы упоминания об организующей роли партии, о её руководстве, обеспечившем успех в гражданской войне. Перед титульным листом вклеен портрет т. Сталина как одного из «первых инициаторов организации Первой Конной армии». Читатель, естественно, ищет в книжке хоть краткого рассказа об этой его роли, но тщетно перелистывает страницу за страницей. Создается впечатление, что портрет помещен, как своеобразная отписка, ибо органически спаять его с содержанием книжки автор или не сумел, или забыл.

Крупной политической ошибкой является внеклассовое определение классового врага (в первом очерке), льющее воду, помимо желания автора, на мельницу шовинизма и национальной вражды:

«Крепки у калмыков дома», «Красные крыши у калмыцких домов; черные, темные головы у их хозяев», «В дикой бешеной пляске носятся калмыки», «Торжеством сверкает темень монгольских зрачков, бронзовые скулы, раздвигаясь, ширят слепящий оскал зубов, тонкие ноздри трепещут, упиваясь ароматом свежей человеческой крови» (стр. 7, 8, 9), и даже в уста красных бойцов автор вкладывает такое же шовинистическое определение врага: «Калмыки - зверье вить» (стр. 9). Только на стр. 10 впервые встре-

чается упоминание о калмыцких «кулацких руках» и о пленных «бедняках-калмыках».

В очерке «Ливрейка» на стр. 80 досаду и недоумение вызывает описание сомнительной храбрости, бесцельного ухарства и игры со смертью, что отнюдь не является образцом для бойца нашей армии и особенно опасно в книжке, рассчитанной на ребят, ибо они и без того падки на всякие «подвиги», а вкус и идеалы их в достаточной мере отравлены низкопробной приключенческой литературой, имеющей, к сожалению, еще большое хождение. В истории гражданской войны, в ее буднях есть достаточно ярких, незабываемых моментов подлинного героизма, целевого, классово оправданного. На многих страницах этой книжки автор правильно и тактично подает их (взять хотя бы описание поступка Калмыкова в очерке «На посту», не терявшего ни на минуту телефонной связи с дивизией, отстреливавшегося в то же самое время от казаков и рассматривавшего свое поведение как обыденную вещь).

В очерке «По белопольским тылам», на стр. 86, автор, описывая напряженнейший момент окружения белогвардейского бронепоезда, вставляет для чего-то следующую фразу: «Неудобно, если на глазах ревсовета случится какой-либо казус, просто если бронепоезд проскользнет у нас под носом». Получается, как будто все дело именно в неудобстве перед «высшими мира», в стремлении не опростоволоситься перед командованием, самая же цель борьбы, глубоко по своей классовой сущности близкая и дорогая всей Красной армии, глубоко отличной от всех армий всех времен и народов, эта цель ускользает, выпадает, тогда как именно в такой книжке ее надо особенно выпятить и красной нитью провести через все страницы.

Отмеченные выше как положительное явление исторические справки грешат фактическими неточностями, что особенно недопустимо в популярной книжке, не рассчитанной на критическое восприятие и усвоение материала, в ней даваемого. Известно, что и Юденича Красная армия ликвидировала в ноябре 1919 г. Еще в 1919 г. были разбиты Деникин и Колчак, а «историческая справка» т. Косогова почему-то относит эти события к весне 1920 г. (стр. 81).

Пожалуй, лишнее было определять очерки как книжку для детей старшего возраста и ограничивать тем самым круг ее читателей, ибо ведь благодаря этому ее неохотно будет брать юношество, обычно свысока относящееся к книжкам с таким подзаголовком: «Мы, мол, уже не дети, это не для нас».

Отметим далее большую неровность стиля - большая часть книги написана бесхитростным, разговорным, подчас несколько грубоватым языком, местами же вставлены жеманные, манерные образы, отнюдь не гармонирующие ни с содержанием, ни со стилем всей книжки и совсем не читабельные для тех, на кого книжка рассчитана. Так, например, на стр. 27 читаем: «Ажурным отзвуком прорвалась раздольная донская песня и погасла в потоках прозрачной лунной мути», или: «В хмельных парах играет он кровавой радугой, в бахвальном вранье разрастается в тысячи огромных солнечных снопов» (стр. 64), «Ленты бойцов взбороздили нежную пестрядь полей» (стр. 85) и т. д.

Неприятное впечатление вызывает надоевший и вовсе классовый ненависти не воспитывающий штамп в изображении белогвардейцев: они обязательно пьянствуют (разврата нет, очевидно, только потому, что книжка предназначена для детей) и картавят: «Пгийтно, знаете, кгомсать свиней. . . И-ик... Так за победу, за Гусь святую» (стр. 11); «Захмелевшее офицерье утробно ржало и орало „браво“ капитану» (стр. 64) и т. д.

Так же лубочно выглядит нарочито простонародный язык: «А при чем же тут слобода, ежели у них покеда все, а у нас одна плепорция», «А народ увесь (?!), и все его народное достояние», «...скадрон», «попереду собираем», «с подводами опосля» (стр. 8—9).

Иллюстрирована книжка обычными газетно-журнального типа рисунками, мало четкими и неряшливыми.

Все указанные недостатки, особенно принципиального характера, необходимо учесть всем педагогам, библиотекарям, пионерработникам, которым придется работать с этой книжкой. Несмотря на все свои промахи, она имеет все же основания быть продвинутой в широкие круги молодых читателей.

В заключение следует пожелать, чтобы за этой ценной, хотя и не вполне удачно выполненной попыткой участника гражданской войны рассказать о боевых её годах подрастающему поколению рабоче-крестьянской молодежи последовал целый ряд подобных же очерков, имеющих громадное воспитательное значение.

Ф. Лавров

Д'ЭРВИЛЬИ, Э. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1932. № 11-12. С. 15.*

**Рец. на: Д'Эрвильи, Э. Приключения доисторического мальчика.
Перев. с франц. А. В. Мезьер. 4-е изд. [С илл.]. — М. «Посредник».
1932. 87 стр. 70 к. 10000 экз.**

Старший. Средний.

Задача книги - познакомить школьников с жизнью людей доисторической эпохи (палеолитический период). В увлекательной и живой форме в книге рассказано о приключениях доисторического мальчика Крэка. Первобытно-родовая семья, к которой принадлежал Крэк, жила в пещере и занималась «присваивающим хозяйством»: охотой за дикими животными, собиранием корней, улиток и др. Орудиями для нападения и защиты служили кремневые топоры, копья, стрелы и «вечный огонь», который непрерывно поддерживался в пещере дежурившими по очереди членами семьи. Во главе этой первобытной семьи стоял «Старейший», живой хранитель всего накопленного опыта, но принципиальные вопросы разрешались совещанием старейших мужчин в семье.

«Приключения» Крэка начинаются с того момента, когда вся семья ушла встречать мужчин-охотников, оставив его дежурить возле огня до возвращения семьи.

Однако Крэк не выполнил своего долга, увлеченный младшим братом Ожо на охоту за пеструшками. Постановлением совета старейшин Крэк был изгнан, но он недолго скитался в одиночестве: скоро к нему присоединились два его брата, Гель и Рюг, и сам Старейший. После целого года скитаний и приключений изгнанники добрались до жителей свайных построек на озере. Это племя охотно приняло их в свою общину. Такова в основных чертах фабула книжки.

Литературные и педагогические достоинства книги бесспорны: она написана увлекательно и просто и с этой стороны вполне доступна для ребенка девяти-двенадцатилетнего возраста. Однако автор не стоит на достаточно научных позициях в трактовке вопросов хозяйства, культуры и быта первобытного человека древнекаменного периода. Эта книга, скорее, ставит перед пытливым умом ребенка ряд вопросов о жизни доисторического человека, нежели дает положительно научные сведения о ней.

Не оспаривая возможности одновременного существования людей пещерного уклада, жизни и людей с культурой свайных построек, едва ли можно допустить сказочно-идиллическую их встречу и быстрое содружество, ничем научно не аргументированные. В этой интерпретации скорее проскальзывает культуртрегерская тенденция якобы мирной ассимиляции отсталых дикарей более культурному племени.

Но вскрыты должным образом семейно-родовые отношения в обеих общинах. Трудно понять: «кровно-родовая» ли эта семья или «пуналуа семья». Совершенно не показана в пещерной семье хозяйственная роль женщины. Она бесправна и находится в каком-то своеобразном гаремном безделье (за исключением вылазки па поиски долго не возвращавшихся охотников).

Как зародилась и развивалась речь у первобытного человека? Как он познакомился с огнем и какой хозяйственный переворот произвела эта могучая сила в жизни и представлениях дикаря?

На все эти вопросы данная книга не дает ответа.

Все это дает право сделать вывод, что несмотря на ряд интересных этнографических сведений, приведенных автором о жизни доисторических людей, историзма в книге так мало, что научная ценность этих сведений становится очень сомнительной.

Книга может быть допущена.

Б. Другов

КОСТЕР ПЕРВЫЙ

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1933. № 4. С. 7-9.*

КОСТЕР ПЕРВЫЙ. Рассказы О. Берггольц, Р. Васильевой, К. Золотовского, М. Зошенко, В. Кетлинской, Ю. Либединского, Л. Пантелеева, Ф. Семина, Н. Тихонова, Г. Фиша. Облож. Н. Тырсы. Рис. П. Басманова, В. Кобелева, В. Курдова, В. Лебедева, С. Мочалова, Ю. Мезерницкого, А. Пахомова, А. Самохвалова, Н. Тырсы, Г. Шевякова, М. Штерн. — (Л). ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1932. 150 стр. 4 р. 50 к., перепл. 75 к. (Ударники труда и фронта). 25 000 экз.

Старший. Подростки.

Нет необходимости подчеркивать исключительно воспитательное значение примеров и образцов революционного героизма для воспитания подрастающего поколения. И, конечно, следует всячески приветствовать инициативу ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия», выпустившего этот сборник рассказов о героях. Сборник «Костер первый» интересен также и тем, что, включая ряд выявившихся авторов детской книги (Пантелеев, Берггольц и др.), он является в то же время одной из первых попыток привлечения авторов «взрослой» художественной литературы (М. Зошенко, Г. Фиш, Ю. Либединский, Н. Тихонов) в литературу для советских ребят.

Издательство провело большую работу по изданию этого сборника. Об этом свидетельствует и состав участников-авторов, и большое количество привлеченных иллюстраторов детской книги, и удачное вступление, дающее художественную мотивировку возникновению рассказов.

Все рассказы ведутся от лица повествователя, что дает возможность автору выявить колоритной окраской речи культурный уровень и социальное лицо героя. Наиболее удачны в этом отношении рассказы трех авторов: Л. Пантелеева, Н. Тихонова и М.

Зощенко. У остальных этот прием не удался или использован только формально.

Повествование от первого лица в детской книжке приобретает особое значение. Дети верят рассказчику как свидетелю и участнику описываемых событий. Такое отношение особенно обязывает детского автора быть осторожным в выборе темы и типажа. Наглядным примером может служить и отмеченный рассказ Пантелеева, в котором красноармеец Трофимов описывает свои приключения по доставке секретного пакета.

Кому приходилось слышать устные рассказы участников гражданской войны, — без труда заметит, что автор сумел художественно передать своеобразные черты такого творчества. У творцов устной речи воображаемое и действительное органически сливается в единую ткань, ценную часто не своей фактической достоверностью, а своим реалистическим отражением действительности. Часто рассказчик-герой не подозревает своего подлинного героизма: с большой скромностью даже небрежно он рассказывает о своих настоящих ошеломляющих подвигах, которые для него только серенькая канва, на которой он расшивает узоры своего художественного вымысла, то хвастая тем, чего не было и быть не могло, то просто завираясь для красного словца и потехи, то высмеивая врага в затейливом гротеске. Все эти моменты с большим искусством отражены в рассказе Пантелеева.

Острая напряженность действия, полнокровные образы Зыкова и Трофимова, сатирические зарисовки белого офицерства и, наконец, пронизывающая весь рассказ идея беззаветной преданности пролетарскому делу — все это определяет художественную убедительность «Пакета» и его воспитательную значимость. Но вряд ли неправдоподобные сценки, весьма характерные для рассказчика и в этом смысле художественно оправданные, будут правильно поняты ребятами (встреча Зыкова и Трофимова с казачьим разъездом, эпизод с «проглоченным» языком).

Иначе построен рассказ Н. Тихонова «Симон-большевик». Сатирической издевке и размашистой брызжущей смехом подаче драматического сюжета у красноармейца Трофимова здесь противостоит торжественная суровая речь осетина, с благоговением вспоминающего мудрые слова, подвиги и страдания героя-коммуниста своей страны. Рассказывает техник Симон Чанчахов о коммунисте Георгии Цаголове. Автор хорошо передает своеобразие речи Чанчахова: «И тут я стал понимать, какое есть новое обстоятельство и какое старое. Новое было — наша работа с утра до утра, а старое —

стояло, смотрело и сложило руки, и это был наш враг. Вот почему надо было бороться и жить по-новому, а не как сплавщики или как человек, что говорил: „Магомет, Магомет“. А что такое Магомет, когда есть много выдающихся товарищей, партийных. Что сделал трудовому народу Магомет?» (стр. 59).

Н. Тихонов рассказывает о гражданской войне в Осетии, в отсталой стране, где верили, что у большевиков «на голове растут рога», рассказывает об идейном росте Симона Чанчахова, ставшего в наше время активным строителем Гизельдонстроя. Воспитательное значение этого рассказа бесспорно. Характерный стиль рассказчика использован автором для того, чтобы подчеркнуть своеобразную психику, какую-то детски наивную искренность и мужественную честность горцев. Не только то, что он говорит, но и то, как он говорит, заставляет читателя верить ему и больше того — восхищаться им.

Несколько слабее предшествующих рассказ Ю. Либединского «Кухаркин бог». Тема та же — героическая роль коммунистической партии, перевоспитывающей миллионы трудящихся. Забитый, покорный слуга своих «добрых» господ начинает видеть вещи в новом свете. Это обусловлено, прежде всего, событиями 1917 г. и первых лет гражданской войны. Постепенное превращение этой темной женщины в сознательную гражданку-коммунистку отражено хорошо, хотя местами и несколько иконописно. Следует отметить, что автор упрощает свою задачу и «помогает» героине. Ее хозяева изображены так схематически и в подчеркнуто отрицательном свете, что снижается художественность рассказа, и в значительной степени устраняются самим автором трудности перевоспитания «кухарки», работающей у таких негодяев-«господ».

Язык здесь менее выдержан: он интеллигентен и вряд ли характерен для типа героини. Примыкает к лучшим материалам сборника и небольшой очерк «Три ночи» Г. Фиша, характеризующего ударную работу бригады Давыдова и создающего образ ударника нашей стройки, бригадира Миши, примерная работа которого перевоспитывает отстающих. Автор подчеркивает новые качества советского рабочего-ударника: «хозяйственность», инициативность, отношение к производству как к своему, немислимое, конечно, в условиях капиталистического рабского труда.

Героическому овладению техникой, реализации сталинского лозунга посвящен рассказ Кетлинской «Ряд Маклорена». В рассказе намечен образ Михаила Сомова, прошедшего школу империалистической и гражданской войны и теперь упорно овладева-

ющего наукой для того, чтобы стать подлинным хозяйственником, знающим все детали производства, на котором Сомов работает директором. Сухость и риторичность рассказа Кетлинской снижают его художественное качество.

Редакторам сборника следовало бы снять в рассказе Р. Васильевой фразу о жене Алексева, «которая застрелилась после его смерти» (стр. 68). Это сообщение о самоубийстве не прокомментировано автором и в контексте рассказа звучит так, что может вызвать сочувственное отношение читателя.

Сырыми, художественно необработанными представляются нам «Комэск Горбунов» Ф. Семина и «Свинцовый поход» О. Берггольц (повесть этого же автора «Углич» находится на более высоком уровне). Правда, эти авторы также правильно намечают образ героя нашей эпохи. Ф. Семину удастся подчеркнуть характерные черты командира Красной армии, тесно спаянного с массой бойцов (в рассказе отображаются события на КВЖД и дан ряд бытовых сцен, характеризующих Красную армию), а О. Берггольц сумела отметить волевые качества большевика-национала Сикоева, его твердую решимость в борьбе за социалистическое хозяйство. Но произведения этих авторов перенасыщены разбросанными в беспорядке и не связанными непосредственно с образом героя подробностями и характеристиками обстановки, ненужными мелочами. Внимание читателя расплывается, и рассказы проигрывают в своей убедительности, занимательности и цельности.

Серия рассказов К. Золотовского («Около круглой смерти», «Подводный склад», «Труба и граммофон») дает ребятам некоторые сведения по водолазной технике и фиксирует примеры героической работы советских водолазов в годы гражданской войны и в наше время. Рассказы будут прочитаны ребятами с интересом: они занимательны и динамичны. Однако воспитательное значение этих рассказов (особенно первых двух) невелико. К. Золотовский идет в этих рассказах по ложному пути формальной занимательности и острых сюжетных положений, не связанных с разработкой какой-либо общественно-ценной темы. Ошибка этого автора особенно наглядно ощущается при сравнении его рассказов с уже упоминавшимся рассказом Л. Пантелеева «Пакет», в котором исключительная напряженность действия и «авантюристичность» повествования были лишь одним из художественных средств характеристики событий гражданской войны, средств выпуклой, яркой зарисовки героев нашей эпохи. Золотовский почти не индивидуализирует героев-водолазов (Тульба и Вацько, Клычков, Безменов, Соловьев,

Лахрушин и др.), в лучшем случае наделяя их всех одинаково лишь одними качествами профессионального характера. Несколько лучше третий рассказ «Труба и граммофон». Здесь автор дает живую деталь, помогающую созданию образа водолаза Романа Евлахова (его нереализованное стремление покатать сынишку с «американских гор»), и удачно обрисовывает характерные взаимоотношения группы водолазов и группы сезонников.

Рассказ М. Зощенко «Испытание героев», вероятно, будет допущен только хорошо подготовленным подросткам и юношеству.

Счетовод Николай Антонович нашел в себе подлинное мужество открыто заявить белогвардейцу (Николай Антонович не знал, что это был переодетый товарищ комиссара Шашмурина) о своей неприязни к дворянству и белогвардейщине. Задача рассказа — подчеркнуть незаметный, «скрытый» героизм, необходимость его правдивого, реалистического отображения в противовес мелкобуржуазной романтике и приукрашиванию «героев» капиталистического общества.

Художественные средства мастера юмора и сатиры вряд ли будут оценены ребятами, не имеющими надлежащей культурной и политической подготовки. Им трудно представить себе ясно лицо рассказчика, от имени которого разворачивается рассказ. Но помимо того, что автор не сумел ориентироваться на возраст, необходимо также отметить, что композиция рассказа далеко небезупречна и совсем нехарактерна для Зощенко. В самом деле, длиннейшее вступление о злоключениях рассказчика с утками совершенно не связано с темой рассказа и, по-видимому, несет единственную функцию — позабавить читателя.

В заключение хотелось бы отметить чрезвычайную удачность сборника в целом (что не снимает, конечно, критики недостатков отдельных рассказов). Сборник удачен, прежде всего, потому, что он создает образ героя нашей эпохи, показывает разнообразнейшее проявление героизма и на военных фронтах и на фронте хозяйственного строительства, намечает живые, психологические черточки в характере новых людей, являющихся примером для подрастающего поколения. Думается, что художественная неразвернутость, неполнота, сухость некоторых рассказов не так заметны в сборнике, поскольку эти рассказы как бы светятся отраженным светом лучших произведений «Костра первого», безусловно, заслуживающего рекомендации.

Не все рисунки сборника дополняют и подчеркивают содержание текста. Наиболее удачными нам кажутся рис. Н. Тырсы (стр. 47), рис. В. Лебедева (стр. 107), рис. Мезерницкого (стр. 139).

Ю. Данилин

ПОВЕСТЬ О КОМПОЗИТОРЕ РЕВОЛЮЦИИ (ГЕРШЕНЗОН М. «ДВЕ ЖИЗНИ ГОССЕКА»)

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература .
1933. № 5. С. 1-3.*

Гершензон, М. Две жизни Госсека. (С илл.) — (М.). ОГИЛ. «Мол гвардия». 1932. 220 стр. 3 р. 50 к., перепл. 1 р. 50 к. 20 300 экз.

Подростки.

Анатоль Франс скорбел в свое время по поводу того, что история, наука истории, грозит превратиться в перечень экономических и статистических данных, обрекая на уничтожение те образные небывлицы, те красочные мелочи, те исторические анекдоты, которые в XVIII веке (до того как история стала наукообразной) и составляли, собственно, содержание истории. Преемник огромной многовековой сокровищницы старой дворянско-буржуазной культуры, Анатоль Франс не мог не испытывать страдания при виде этой «угрозы».

Можно, по человечеству, сочувствовать Франсу, который подходил к истории с образным восприятием художника, но нельзя не признать, что, получив, наконец, в марксизме критерий объективной истины, наука истории должна неизбежно проститься с былыми вымыслами и анекдотами, чтобы оперировать с другими закономерностями — экономическим процессом и классовой борьбой.

К сожалению, на настоящей ступени нашей исторической науки мы наблюдаем исчезновение из нее всякой образности. Учебники истории, принятые у нас, отвлеченны, схематичны, абстрактны.

М. Н. Покровский признал в одной из своих статей, что история как наука становилась с течением времени все «суше» и что если иначе и быть не может, то, во всяком случае, в популярных исторических книжках должна быть образная подача материала.

Если взрослый читатель еще одолеет серьезную историческую работу, то ребенку или подростку это вряд ли по силам. Им необходимо воспринимать историю в образах, в увлекательной и художественной форме.

На настоящем этапе советский исторический роман становится необходимым дополнением к преподаванию. Весь вопрос в том, каков должен быть материал этого исторического романа и каков должен быть его метод.

Восстания рабов в древности, средневековые крестьянские войны, первые буржуазные революции: английская революция XVII века, Великая французская революция, 1848 год, Парижская коммуна, декабристы — какое громадное богатство материала ожидает здесь наших художников!

Какие блестящие возможности включить прошлое в воспитание поколения социалистической революции. Советских писателей, обращающихся к историческому роману из революционных эпох, ждет трудная и почетная работа по овладению первоисточниками, по разрушению множества буржуазных легенд и ложных репутаций, не отвечающих действительному положению вещей.

Что касается метода советского исторического романа, очевидно, что это должен быть метод марксистского овладения материалом, диалектико-материалистического анализа классовой борьбы, метод реалистического, классово правдивого изображения людей, метод показа прошлого с позиций революционного пролетариата XX века, подчеркивания прогрессивных сторон данной революции, но и вместе с тем метод беспощадного демаскирования классово ограниченного содержания буржуазно-демократических революций.

Книга М. Гершензона о Госсексе, композиторе Великой французской революции, заслуживает самого внимательного к себе отношения.

Обращаясь к исторической тематике, автор не стремится уйти от действительности. Он берет эпоху Великой французской революции, подчеркивая как ее огромное прогрессивное значение, так и отмечая те ее стороны, в которых пафос революции перекликается с некоторыми явлениями нашей современности. Вместе с тем к якобинской революции он подходит вполне критически, разглядывая и показывая ее противоречия, ее мелкобуржуазную ограниченность. Наконец, он старается ответить на вопрос, чем может быть полезен для нашей современности опыт Великой французской революции.

Ценным является и то, что в последнем случае автор не растекается в общих утверждениях, но, избрав одну узкую область, пользуется ею для показа этой переклички. Основное в повести — показ прихода Госсекса к революции и внутренняя его перестройка, его стремление звучать в унисон с эпохой. Путь Госсекса от уединения его первых творческих шагов, от борьбы с тезисом Меньше, утверждающим, что искусство творят избранные одиночки, до признания общенародности, массовости искусства — это уже очень много, хотя вопрос «о классовости» искусства и остается в повести несколько неуточненным. Показ Госсекса при революции, показ его творчества, не «отстающего» от событий действительности, напрягающегося, чтобы в три дня написать все требуемые Робеспьером кантаты и песни и великолепно выполняющего их, — не прямая ли это перекличка с нашей эпохой, с деятельностью наших художников?

Автор впервые знакомит пролетарских, и не только юных, читателей с крупным, композитором Великой французской революции, а попутно и с целым рядом других революционных композиторов, учеников и товарищей Госсекса: Мегюэлем, Сарретом, Лесюэром и др. В этом отношении его книга представляет крупную информационную ценность и притом не только «для подростков», но и для широкого «взрослого» читателя, получающего здесь возможность видеть Великую революцию под новым углом зрения — ее музыки.

Книга М. Гершензона отличается одним существенным недостатком — чрезмерной композиционной усложненностью.

Первая часть книги дана скорее как «романизованная» биография. События показаны здесь исключительно изнутри, изображение общественной жизни и классовой борьбы почти отсутствует. Это крупнейший недостаток. Мы не знаем, каким путем шел здесь художник: просто ли он «беллетризировал» какую-нибудь французскую биографию Госсекса, или же он пытался самостоятельно по источникам творчески воссоздать молодые годы композитора революции.

В этой части книги Госсекс показан только в кругу своих творческих радостей. Биографизм умножается на психологизм. Госсекс растет по законам былинки, биологически радующейся жизни, небу и солнцу. Госсекс растет как будто вне всякой социальной среды, исключая узкую среду музыкантов. Автор словно совсем забывает, что молодость Госсекса — это канун революции. Ведь в эту же самую пору молодой Вольтер, представитель третьего сословия, был избит лакейскими палками по приказу сановного жеребца — прин-

ца Рогана. Так ли безмятежно и ласково открывалась жизнь перед Госсексом, крестьянским сыном, как это изображает М. Гершензон? Позволительно усомниться.

Отсутствие широкой картины изображения социальных противоречий, борьбы, наступающей буржуазии с дворянством ведет к тому, что совершенно пропадает, становится анекдотически мелким потенциально острый эпизод с «tacet»; между тем, если бы картина социальной борьбы эпохи уже была дана, этот эпизод, хотя бы автор ничего в нем не стал менять, явился бы прекрасной конкретной иллюстрацией, ожил бы, заблестал и не только не забылся бы в дальнейшем чтении книги, но стал бы даже узловым, поворотным эпизодом, перекличкою с революцией, данной во второй части книги. По М. Гершензону же, получается, что Великая французская революция произошла от причин неизвестных, чуть ли не от того, что Мария Антуанетта носила расточительно дорогое платье. Недостаток в методе обесцвечивает даже самые яркие страницы первой части книги. Творческая ошибка автора, — а по многим данным можно заключить, что эта «вина» автора определяется тем, что он еще не нашел, хотя и упорно ищет, свою форму и приемы изображения, — легко исправима. Высказанного упрека мы не можем отнести ко второй части. Здесь картина социальной борьбы дана значительно более развернуто.

Формально книга Гершензона серьезна и интересна. Можно спорить относительно удачности композиции книги: повесть довольно беспозвоночна и поэтому рыхла, не лишена монотонности (особенно в первой части), конец ее обрывается несколько неожиданно и т. д. В поисках новой формы исторического романа М. Гершензон взрывает старые каноны, смещая планы, вводя внутренние новеллы (отметим три очаровательных рассказа во второй части), вымышленные человеческие документы, письма, мемуары. Он не хочет старомодной обстоятельности и дополняет — используя приемы Дос-Пассоса (влияние последнего вообще чувствуется в композиции книги) — свой живой, нервный, сжатый рассказ особой рубрикой «разговоров с читателем», позволяющей ему приближать свой материал к нашей современности, убыстрять и разнообразить повествование, конденсируя в двух кратких строках то, чему другой автор посвятил бы главу.

Мы не утверждаем, что все творческие искания М. Гершензона успешны. Непонятно, например, к чему так усложнено дело с чтением «тетрадей» Госсека: прикидывай, на сколько лет автор забегает вперед и т. д. Зачем эти головоломки? Юный читатель увязает в

этих ненужных мелочах. В «тетрадах» же Госсека есть неясность с их датировками: можно подумать, что это датировки Госсека: день, когда он узнал об этом факте или был его свидетелем; оказывается же (после исторической проверки), что это даты описываемых исторических фактов и т. д. Все это усложняет восприятие материала подростками. К тому же, если автор сознательно предназначал свою книгу для подростков, он допустил один крупнейший промах. Упраздняя каноны старого исторического романа, он с водой выплеснул и ребенка. Его книга бессюжетна, а не нужно доказывать, что главным образом сюжетностью и определяется успех Вальтер Скотта, Дюма и Стивенсона у юной аудитории.

В этом отношении повесть Гершензона вряд ли удовлетворяет молодежного читателя. И автор в известной степени чувствует это: его суетливость в области чередования разных форм письма: тетрадей Госсека, биографий, писем, мемуаров — не является ли попыткой скрыть отсутствие сюжета?

Мы не против жанра «романизированной биографии» как разновидности исторического романа. Мы только против фетишизации биографических деталей и за «сюжетизирование» биографического материала в повести для подростков.

Таким образом творческие искания М. Гершензона еще довольно хаотичны. В Гершензоне пленяют его свежесть, его жадность к верному, точному и неистрепанному слову, его богатая образность, переходящая, правда, местами в литературное эстетство.

Нужно пожелать успеха книге М. Гершензона как у молодой, так и у взрослой аудитории. Нужно отметить его хорошее знание изображаемой эпохи, которое, может быть, позволит ему написать и другие книги о деятелях Великой революции.

Необходимо отметить, что в книжке встречаются все же серьезные исторические погрешности. В 1-й главе второй части книжки, перечисляя социальный состав третьего сословия, автор называет юристов, писателей, мастеровых и крестьян, забывая, что основной движущей силой Французской революции была буржуазия.

На 73-й странице встречается намек на постройку баррикад. Между тем баррикады в Париже не строились со времен Фронды до 1827 г.

Рецензируемая нами книга убеждает нас в том, что сектор детской литературы старших возрастов ведет упорную борьбу за высокую культуру печатных форм. Редакция удачно выбрала художника, блестяще подобрала исторический материал, воспроизводимый в книге со старинных литографий, картин, гравюр.

Умело разрешена сложная задача соединения гравюр на дереве с воспроизведениями, выполненными меццо-тинто, достигнуто единое художественное целое.

Гравюры выполнены художником Гончаровым мастерски.

Развороты страниц, где размещены гравюры, композиционно разрешены удачно и могут служить образцом соединения фронтисписа с титульной страницей, характерным для школы Фаворского. Форзац в книге мало удовлетворителен, статичен, крайне бледен и сер. Но этот недочет не снижает общего вывода о прекрасном и глубоко продуманном оформлении книги.

Е. Штейнберг

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОМАНТИКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература .
1933. № 6. С. 4-6.*

Злобин, Степан. Салават Юлаев. Гравюры на дереве А. Гончарова и Г. Еченстова. (М.). ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 279 стр. 3 р. 50 к., перепл. 1 р. 50 к. 20 300 экз.

Салават Юлаев — народный башкирский герой, вождь башкирского восстания пугачевской эпохи. Старая русская историография, занимавшаяся изучением исключительно великорусской народности, оставила нам крайне скудное наследство в части истории революционных движений других народов бывшей Российской империи. Поэтому о роли народов Поволжья и Урала в революционном движении и, в частности, в движениях Разина и Пугачева до последнего времени было известно очень немного. Такие имена, как Кара-Сакал, прозванный императорскими чиновниками лже-ханом Башкирии, или Салават Юлаев — ближайший соратник Пугачева, вождь восставших против русских колонизаторов башкир, имена, которые до сих пор пользуются громкой и широкой славой в башкирских и татарских деревнях, у нас мало кому известны.

Книга Степана Злобина, рассчитанная на ребят старшего возраста и на молодежь, художественно подает интереснейший эпизод истории революционных движений народов Поволжья и Урала, эпизод, связанный с именем Салават Юлаева.

Первым достоинством книги следует признать добросовестную разработку исторического материала. Учитывая отмеченную нами скудость опубликованных материалов о роли башкир в пугачевском движении, и особенно о самом Салавате, нужно отметить, что автор проделал значительную работу и использовал ряд серьезных источников. Кроме того, несомненно знание быта, языка, народного художественного творчества башкир XVIII века.

Второе достоинство книги Злобина заключается в ее занимательности. Насыщенность динамикой, общая приподнятость тона повествования сообщают повести Злобина большую привлекательность для той читательской среды, на которую она рассчитана. Сочетание доброкачественности исторического материала с занимательностью, динамичностью и эмоциональностью — это как раз то, чего очень часто недостает нашему юношескому историческому роману и что выгодно отличает книгу Злобина.

Центральная фигура повести — фигура Салават Юлаева — удалась Злобину. Он показывает своего героя смелым и великодушным, нежным отцом и почтительным сыном, преданным мужем и очарователем женщин, верным другом, справедливым и бескорыстным. Образ этого башкирского «батыря» в книге Злобина продолжает традиционную романтическую линию «благородного героя», которая восходит к Гюго, Дюма, Вальтер Скотту. Возникает законный вопрос — приемлема ли эта романтическая традиция в историческом романе, предназначенном для советской молодежи, не противоречит ли она основной установке, стоящей перед этим литературным жанром в советской литературе?

Ответ на этот вопрос ясен. Разумеется, приемлема, разумеется, несколько не противоречит ни нашим установкам, ни нашим литературным задачам. Романтика и героика, если только они растут на подлинно революционной базе, если они вытекают из революционного материала, нужны и ценны более чем где-нибудь в юношеском историческом романе или повести. Романтика Дюма или Вальтера Скотта построена на апологии аристократической монархии, феодалного рыцарства или воинствующего католицизма — поэтому мы не можем принять ее. Но когда речь идет о героике народных революционных движений, о романтизации народных революционных вождей, будь то Разин, Пугачев, Салават Юлаев и т. д., то это совсем иное дело. Вряд ли нужно доказывать, что сделанный в таком стиле, в таком освещении литературный образ легче и прочнее завоевывает симпатии подростка. Нужно только, чтобы этот образ был правильно подан с его внутренней, идейной стороны. Советский романтизм не может быть похож на своего буржуазного собрата. У нас должна впечатлять лишь героика, насыщенная революционным духом, героика, за которой скрывается определенное идейное содержание.

Поэтому совсем не плохо то, что Злобин сделал своего Салавата таким стопроцентно романтическим, тем более что в изображении героя не чувствуется ходульности, натянутости, что автору

удалось добиться нужной мягкости и обаяния образа. Салават Юлаев не превращается у Злобина в ходульного героя еще и потому, что автор умелыми, тонкими приемами придает его образу реалистические черты — хитрость (эпизод с обложением деньгами отца, политика Салавата в отношении изменников — Айтугана и Аллагувата), насмешливость (манера обращения со своим другом Кинзей), не совсем романтическое отношение к женщинам. Злобин сумел показать в Салавате сочетание поэтического темперамента с рыцарством, сближающее башкирского революционного «батыря» с средневековыми европейскими рыцарями-трубадурами. Как известно, Салават действительно был не только воином, но и певцом-поэтом, песни которого долго распевались в башкирских деревнях. Жаль только, что Злобин дает вольный прозаический перевод песен Салавата, оставляющий довольно бледное впечатление. Следовало более внимательно заняться специальным стихотворным переводом этих отрывков.

В том же традиционном плане Злобин дает образ Кинзи, верного друга Салавата, контрастирующего с героем своим добродушием, тучностью, неповоротливостью, немного смешного толстяка, в котором есть кое-что и от Портоса в «Трех мушкетерах», и от пана Заглобы из трилогии Сенкевича, и от многих аналогичных литературных образов, свойственных западному историческому роману. Кинзя получился тоже живой фигурой, хотя юмористическая струнка в нем, которую имел в виду автор, ему не совсем удалась и до читателя доходит слабо. В некоторых местах Злобин достигает большого эмоционального напряжения, глубоко волнует читателя. Прекрасно сделан эпизод неудавшегося похищения Салавата из рук экзекуторов. Сильно и волнующе дан эпилог — смерть старика Юлая на каторге и песнь сломленного в борьбе обезображенного клеймом Салавата над его трупом.

Гораздо слабее в книге Злобина сделан Пугачев, который, правда, играет здесь только эпизодическую роль, но все же занимает довольно много места в повести. В изображении Пугачева Злобин лишь повторяет известные литературные портреты его, не давая ничего нового.

Наконец, совсем слабо показаны фигуры башкирских баев: Рысабая и его сына Бухайра, которые смахивают на кустарных мелодраматических злодеев.

При всех положительных качествах повести С. Злобина есть в ней и серьёзные дефекты. Главным образом следует отметить недостаточно углубленный и серьёзный показ самого пугачевско-

го восстания и неразрывно связанного с ним движения башкир. Правда, автор пытается показать социальные корни, на которых росла пугачевщина, и говорит об аграрном характере движения, но этого мало, потому что в повести почти не показаны те условия, которые предшествовали восстанию. Нужно иметь в виду именно того читателя, на которого рассчитана книга. Этому читателю необходимо показать хотя бы вкратце, почему именно на Южном Урале и в Заволжье вспыхнуло это мощное революционное крестьянское восстание, под знаком которого прошла ранняя эпоха екатерининского царствования. Упоминая вскользь о русских горных заводах и о горнозаводских хозяевах и крестьянах, автор не раскрывает читателю характера социальных и экономических отношений на русских заводах, не показывает особых условий, в которых находились заводские крестьяне, эти первые отряды пролетаризированного русского крестьянства. А без этих основных сведений, которые можно было бы сообщить в живой и занимательной форме, ребятам не будет достаточно ясна ни сама пугачевщина, ни ее историческое революционное значение, ни то, почему царское правительство испытывало перед Пугачевым такой панический страх. Сами победы слабой, плохо вооруженной, оборванной, неорганизованной пугачевской армии над екатерининскими войсками и крепостями становятся понятными лишь при правильном понимании характера пугачевского движения и его социальной базы.

Почти то же самое можно сказать о показе в книге Злобина роли и характера башкирского движения. Недостаточно мимоходом в тексте или в эпиграфических цитатах из царских указов упомянуть о захвате русскими заводами башкирских земель для того, чтобы полностью осветить читателю ту картину экономического и социального уклада, которая привела к ряду башкирских восстаний в XVIII в. Колониальная политика русского царизма в этот период осталась в книге не освещенной, в то время как наш исторический роман, посвященный специально национальному движению, не может пройти мимо этого основного вопроса. Злобин говорит о «тарханах», о том привилегированном слое башкир, на которые опирался русский царизм в своей деятельности в Башкирии, но он не раскрывает самого понятия тарханства и не показывает в конкретных художественных образах взаимоотношений тарханства с русскими властями и со своими соплеменниками.

В начале книги Злобин дает мирную патриархальную картину жизни башкирского аула, он показывает ритуальные торжества, народные игры, песни о подвигах богатырей. Если не считать доб-

родушной насмешки над жадным муллой или упоминаний о том, что враги Салавата – это бай, – нигде не видно признаков того расслоения, той напряженной борьбы, которая несколько лет спустя привела к кровавой гражданской войне. Да и в дальнейшем, не вполне понятно, почему враждуют Рысабай и Бухаир с Салаватом: то ли это политическая вражда, то ли просто личная зависть и ненависть.

Литературный язык Злобина ярок и динамичен. Местами, когда ему нужно особенно сгустить романтический колорит, он пользуется стилистическими приемами, свойственными экспрессионизму.

«Я помчался и летел быстрее, чем в первый раз. На этот раз ветер дул мне в лицо, и лошадь подо мной задыхалась, как и я сам. В степи, где кончалась наша волость, я увидел табун и остановил коня. Он тотчас упал мертвым. Я изловил молодого жеребца в табуне. Почуя чужого, он чуть не убил меня. Ко мне подбежал старик с топором, думая, что я вор, и я только сказал ему:

—Надо спешить. У русы ищут хана».

Походная жизнь Салавата и ряд батальных сцен сделаны увлекательно и темпераментно. Напротив, те сцены, в которых показан аул, семейная жизнь Салавата, его отношения с женой и с другой любимой женщиной — Гульбазир — звучат много слабее и трафаретнее. Злобину все еще мешает склонность к традиционной восточной орнаментальности, к ненужной напыщенности и слащавости в показе восточного быта, любовных сцен, разговорной речи. В общем же книга Злобина представляет большой интерес и ценность для широких кругов читающей молодежи.

Б. Другов

ДЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

*Впервые опубликовано в: Книга и пролетарская революция.
1933. № 9. С. 120-125.*

М. Воронов, Хуже собаки. Переработка К. Чуковского, М., 1932 г.

М. Гершензон, Две жизни Госссека. М., 1933 г.

С. Григорьев, Мальчий бунт. М., 1933 г., 4-е изд.

Л. Рубинштейн, Тай-пин-тянь-го. М., 1933 г.

Ю. Тынянов, Черниговский полк ждет. М., 1932 г.

Жизнерадостное поколение, растущее в Стране советов, имеет свою большую, накопившую уже художественный опыт литературу, неуклонный творческий рост которой сопровождался за годы революции выдвижением новых кадров детских писателей, серьезной перестройкой ряда дореволюционных авторов, усвоением творческих достижений «взрослой» советской литературы, борьбой с проявлениями правооппортунистических и «левацких» искажений в педагогике, которая всегда непосредственно влияла и влияет на развитие детской литературы. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. создает, в частности, и для детской литературы все необходимые условия для перехода на высшую ступень художественного развития. Детская литература в настоящее время представлена постоянным активом писателей [З. Александрова, А. Барто, О. Берггольц, А. Гайдар, М. Гершензон, С. Григорьев, М. Ильин, Л. Кассиль, А. Кожевников, С. Колбасев, С. Маршак, Л. Пантелеев, К. Паустовский, К. Чуковский и ряд других], дающих ценную и интересную творческую продукцию. Обширен тематический и жанровый диапазон нашей детлитературы, которая должна удовлетворить самые разнообразные художественно-познавательные запросы своего читателя.

Особое место в детской литературе занимает историческая тематика, историческая повесть: гигантское значение «историзма» в

воспитании поколения, знающего о помещичье-капиталистической эксплуатации лишь по кинофильмам, книгам и устным рассказам, было неоднократно подчеркнуто в партийных решениях о школе и пионер организации (постановления ЦК от 8 мая и 25 августа 1932 г.). Приобретению крепкой революционной зарядки осознанию всемирно-исторического смысла работы партии и советской власти в немалой степени помогает знакомство с прошлым нашей страны, с дореволюционными отношениями классов, с их культурой и общественной жизнью.

Конечно, подобный «историзм» не имеет ничего общего с идеологическими задачами исторических произведений дооктябрьской детлитературы, в которой крайнюю «левую» занимали литературные представители народников и эсеров. В детях должно быть воспитано «уважение к родине в ее поэтических преданиях, сказках, поговорках, исторических воспоминаниях»¹ - так определяли значение исторической беллетристики весьма авторитетные представители детлитературы. Эта целевая установка предопределяла и способы изображения действительности. В большом ходу были требования полного изгнания «политики», общественного содержания из детских книг. Любопытно, что эта политическая директива часто прикрывалась «спецификой» детского восприятия. «Политические и социальные вопросы слишком сложны и велики, чтобы делать их предметом детской литературы. Вводить же ребенка в сферу „проклятых“ вопросов, разжигать в нем начала борьбы и вражды прежде, чем разовьются его представления, утвердятся сознание и окрепнут положительные начала добра в любви, является делом безусловно преждевременным»². Под названием «положительных начал» подразумевались видимо религиозная мораль, религиозное воспитание. «Историзм» дооктябрьской детской литературы включал в себя также знакомство «со священной историей, с жизнью святых, с жизнью церкви, с обрядами ее с православными святынями»³, к чему призывал весьма популярный детский писатель А. Круглов.

Стоит только взглянуть на рекомендательные списки, проспекты, каталоги дореволюционных книг, чтобы по одним названиям получить ясное представление об идейной направленности и тематике исторической детской повести: «Ричард бесстрашный или

¹ Вольгайт Г., Проблемы детского чтения, стр. 75—76, цит. по Родникову «Детская литература». Киев, 1915 г.

² Родников, стр. 32.

³ Круглов А.В., Литература маленького народа. Вып. 2-й. М., 1897 г.

маленький герцог» (СПб., 1860 г.), «История рыцарства» (СПб., 1853 г.), «Детское училище благочестия или избранные из священной истории Ветхого и Нового завета повествования» (М., 1853 г.), «История царствования императора Александра I» (СПб., 1844 г.)⁴, «Донцы и Платов в 1812 г.» (1912 г.), «Кузьма Захарьевич Минин-Сухорук» (М., 1912 г.), «Борец за правду Иероним Савонарола» (М., 1912 г.), «В тереме царицы» (М., 1912 г.)⁵ и т. д.

Прямое культурное наследство современной исторической повести - это произведения П. Фурмана (писатель середины прошлого века), В. Авенариуса, А. Алтаева⁶ и немногих других авторов, выделяющихся из этого мутного потока «литературы», но также отразивших в своих книгах идеи национализма, буржуазного либерализма или народнического сентиментализма. Из переводов следует отметить в первую очередь создателя жанра исторического романа Вальтера Скотта, гениально идеализировавшего реакционнейшую патриархальщину, воспевавшего ремесленно-цеховой строй и «идиллические» отношения крестьян и помещиков. Естественно, что наша историческая повесть не может ограничиться только этим наследством, а должна ориентироваться на усвоение и критическую переработку художественного опыта прошлых культур, на творческий опыт современной советской литературы.

В последнее время «Молодой гвардией» издан ряд детских книг, дающих основание для постановки некоторых вопросов исторической повести. Воспитательное значение этих произведений обусловлено прежде всего тем, что в них на разнообразном историческом материале поставлены «политические и социальные вопросы», от которых отгораживались многие дореволюционные авторы и теоретики детской книги. Конечно, постановка общественно важной темы требует впечатляющей, доступной и интересной для ребят

⁴Из книги Феликса Толя «Наша детская литература». Опыт библиографии. СПб., 1862 г.

⁵Из журнала «Новости детской литературы», 1912-1913 г.

⁶Псевдоним М. В. Ямшиковой. Крайне интересен творческий путь, несомненно, талантливой и культурной писательницы, сумевшей в произведениях, написанных после Октября, преодолеть расплывчатый гуманизм и религиозные настроения своих дореволюционных книг. Ср. например, «Когда разрушаются дворцы» с предисловием И. М. Нусинова (повесть о Великой французской революции. М., 1929 г.) и «Освободитель черных рабов» (об А. Линкольне. М., 1911 г.). Все это мы отмечаем для того, чтобы подчеркнуть неправильность «оценки», данной А. Алтаеву в БСЭ (т. II, стр. 264): «Литературной ценности повести Алтаева не имеют, они представляют для молодого читателя интерес только своей фабулой».

формы. Под этим углом зрения особенно необходимо рассматривать всякую детскую книгу.

Работая над исторической повестью, автор сталкивается с рядом трудностей, специфичных именно для этого жанра. Взятая в самой общей форме задача писателя заключается в установлении наиболее благоприятного соотношения между художественной и исторической стороной работы: автор не должен ни на минуту забывать, что он пишет повесть и повесть историческую. Вопросы художественной подачи исторического персонажа, историческую факта, документа, вопросы «стилизации», воспроизведения «духа эпохи» и т. д. отнюдь не являются принадлежностью «вневременной» и «внепространственной» литературной техники, как это любят изображать формалисты. Эти вопросы тесно связаны с идейно-творческими установками писателя, с его отношением к изображаемой действительности.

Антихудожественный дидактизм, который, кстати сказать, испокон веков вызывал острое недовольство юного читателя, был, как известно, одним из отличительных признаков многих произведений дооктябрьской детской литературы; перешел он «по наследству» и в некоторые послереволюционные детские книги. Так, например, в слабой, художественно-беспомощной «Старине стародавней» Б. Евгеньева («Повесть из времен Москвы XIV в.», М., 1929 г.) автор «вскрывает» специфику прошлого через подробнейшие комментарии любого сюжетного положения. Если игумен Федор лечит свой зуб «ворожкой», то автор начинает изъяснять «непонятливо-му» читателю: «Духовенство боролось со знахарством и ворожкой; однако было почти таким же невежественным, как и простой народ, и верило и в то, и в другое» стр. 13), и все в подобном же стиле. Повесть Ю. Тынянова «Черниговский полк ждет», которую следует особенно выделить как ценную попытку одного из видных советских писателей включиться в работу по детской литературе, посвящена интереснейшим и подробно освещенным лишь в наше время страницам в истории декабризма - восстанию Черниговского полка. Разумеется, книга Тынянова в художественном отношении несоизмерима с историческими повестями типа «Старины стародавней», однако и ей присущ налет дидактизма, что вероятно, вызвано неправильно реализованным стремлением автора сделать свою книгу наиболее популярной и доступной. В целях такой «популяризации» Тынянов переходит в 7-8 главах повести от ярких художественных характеристик и эпизодов к утомительному и сухому морализированию о крепостном праве, о Потемкине, о

графине Браницкой и т. д. («Эта обида звалась тогда крепостное право, как будто может быть такое право у какого-нибудь человека - есть, пить, не работать и владеть землей, да еще людьми, которые работают на ней, а он с них получает неведомо за что деньги...» и т. д., стр. 31).

В книге «Хуже собаки» - переработке Корнеем Чуковским «Моего детства» и «Тяжелых годов» М. Воронова - есть волнующая, эмоциональная сцена, между прочим, принадлежащая целиком перу Чуковского (см. соответственный текст «Тяжелых годов», стр. 265—269, «Русское слово» № 8, 1864 г.). Дети Ваня и Миша, наказанные самодуром отцом, стоят на коленях, кухарка приносит им ужин: «Тарелки стояли перед нами на полу, и было так неудобно тянуться к ним губами и ложками. „- Мы совсем, как собаки“, - сказал Ваня и хотел засмеяться, но слезы душили его, он закашлялся и с ужасом глянул на отцовскую дверь. „- Мы хуже собак“, - сказал я, и мне стало так жалко себя, стоявшего на коленях у родного порога, что долго не мог проглотить ни куска» (стр. 103). Но автор переработки, видимо, решил еще более «разъяснить» эту яркую картину прошлого посредством принудительной, дидактической ассоциации: «И даже во сне нам не снилось, что когда-нибудь будет время, когда ни один отец не посмеет ударить ребенка, когда за самые буйные шалости не поставят малышей на колени, не доведут их до такого отчаяния, чтобы они завидовали последней собаке» (стр. 104).

Проблема персонажа в исторической повести конечно не может быть правильно решена без внимательного и пристального, изучения прошлого, изучения специфики идеологии и психологии людей определенной эпохи. Самая «густая» и искусная стилизация речи исторического лица, детальнейшее изображение его внешности, культурных и бытовых привычек еще не могут создать полного впечатления о художественной истинности персонажа, если не показана обусловленность его общественными условиями данного отрезка времени. В повести А. Алтаева «Когда разрушаются дворцы» рабочий Шарль Эмбер в ряде случаев выглядит неестественно, ложно: автор вкладывает в его уста свою оценку событий, и Шарль выходит на 125 лет из отведенных ему временных границ, превращаясь в сознательного рабочего начала XX века.

В повести «Две жизни Госсека» М. Гершензон на основе биографии французского композитора Франца-Жозефа Госсека дает широкую художественную характеристику «старого порядка» и уничтожившей его революции. В небольшой вставной главе «Пись-

мо подруге» (стр. 50—53) автор сильно и проникновенно рассказывает о трагической по своей исключительной нелепости гибели мастерицы Нинон, отравленной предрассудками своего времени. Гибель Нинон воспринимается читателем именно как «знак» эпохи, как ее закономерное выражение. «Меня оговорили. Кто-то сказал мадам Бертен, что эту прическу изобрела я и продала ее за восемьдесят тысяч ливров Болару... У меня нет никаких доказательств. Одним только способом могу я омыть с себя клевету. Ее смоят мутные воды Сены... Подруга моей весны! Клянусь тебе, я честна. Если ты веришь своей маленькой подружке, молись за ее грешную душу. Прощай!» (53 стр.).

С. Григорьев, взявший материалом для своей книги морозовскую стачку 1885 г., убедительно характеризует специфический для того времени уровень классового самосознания различных групп «морозовских» рабочих: «Кому же теперь жаловаться?.. - По-моему, - сказал густым басом бородатый прядильщик Суслов, - написать надо письмо датскому королю. - Чего это? - А так. Датский король нашему царю тестем приходится. Так может наш его из уважения послушает...» (стр. 100).

Скупое и выразительно показывает Ю. Тынянов типичных в своем поведении людей эпохи аракчеевщины и декабрьского восстания; перед читателем проходят карьерист и службист подполковник Гебель, военный вариант грибоедовского Молчалина - майор Трухин, Васильковские городничий и городничиха, смертельно напуганные «разбоем» Муравьева, надменный адъютант, спрятавшийся от черниговцев под перинами городничихи, декабристы Муравьев, Сухинов, Мозалевский, солдаты Софронов и Прокофьев. Нужно сказать, что фигуры декабристов вышли значительно бледнее и суше сторонников «законной» власти. Детский читатель не получит по книге ясного и четкого представления об идеологии декабризма, о противоречиях в лагере декабристов (с исключительной силой обнаружившихся в восстании Черниговского полка!), как это можно было бы ожидать от автора интересного романа о декабристах «Кюхля».

Часто приходится наблюдать гипнотизирующее писателя «давление» исторического материала, ограничение писателем своей задачи художественным, точнее стилистическим, обрамлением исторических фактов, высказываний и т. д. Так, например, Гершензон, показывая Мирабо, просто подбирает хорошо известные и неоднократно приводившиеся многими писателями (например, А. Дюма) и ставшие «историческими» реплики и не вносит ничего нового в

его трактовку. Стремление к максимальной исторической достоверности не всегда удачно реализуется Гершензоном. Нет никакого сомнения в том, что реально существовавший Госсек сталкивался с большим количеством людей, но ведь отсюда еще не вытекает, что для постановки Гершензоном темы - искусство во время французской революции - обязательно требуется вводить целую толпу персонажей. Число действующих лиц достигает внушительной для небольшой повести цифры 50, что придает повести несколько мозаичный характер и затрудняет чтение книги подростками и ребятами старшего возраста.

Способ показа Гершензоном некоторых исторических персонажей не может не считаться спорным.

«Арно читает кучке граждан свежий выпуск газеты. - Я слышал от Шенья, - говорит Арно, - что герцог де-Лианкур разбудил короля, чтобы рассказать ему о штурме Бастилии. „Это бунт?“ - спросил король. - „Нет, ваше величество, это революция“, - ответил герцог» (стр. 81). Другой отрывок: «Композитор Филидор выходит из церкви после концерта. - Все, что я сделал на своем веку, я отдал бы за одну эту вещь, - говорит Филидор. - Никогда еще не слышал Париж такого оркестра» (стр. 20). М. Гершензон заставляет своих действующих лиц непрерывно выступать «рассказчиками» событий. Этот вполне законный прием становится, однако, слишком универсальным и самодовлеющим: иные персонажи повести часто несут только эту смысловую нагрузку, не проявляя никаких типических и индивидуальных свойств своего характера, не обнаруживая субъективной оценки рассказываемого. Свидетельские показания современников если и придают некоторую убедительность и достоверность событиям, но в то же время губительно отражаются на самих «свидетелях», превращаясь в пустые этикетки. Отсюда чрезмерная, бросающаяся в глаза литературная условность ряда персонажей (Арно, Гаэтан Вестрис, Ванлоо и т. д.).

Этот же художественный недостаток присущ и книге Л. Рубинштейна, рассказывающего о движении «тайпинов», о восстании широчайших масс крестьянства, поднявшегося против угнетателей в середине XIX века (1850-1864 гг.). Наряду с художественно выпуклой обрисовкой участников движения, «тайпинов» (Ван-Ю), помещиков, купцов, ростовщиков (Ван Чао-ли, Фо, А-Сам) мы встречаем в повести немало слабых мест: растянутые автором диалоги А-Сама и Фо, патера Малэна и Оэндли, Ван-Ю и Ван Лина, ряд неживых высказываний. Это обгоняется лишь тем, что автор пытался как можно более обстоятельно изложить исторический

фактический материал, не считаясь в ряде случаев с литературным качеством повести.

Передача своеобразия исторической обстановки, ее необычности в соотношении с нашим временем есть элементарная предпосылка всякой исторической повести. Бытописание, часто создающее впечатление этой «необычности», неповторимости, принципиально никогда не бывает бездейным. И в эстетском любовании стариной, и в подчеркнутом бесстрашии к изображаемому, и в подлинно реалистических картинах быта, и в элементах юмора и сатиры - во всех этих случаях обнаруживается отношение художника к прошлому и тем самым к современности. Историческая «стилизация» всегда есть элемент художественного стиля. С. Григорьев мастерски воспроизводит «дух эпохи» и средствами художественного языка (поговорки, прибаутки, словарь героев) и путем прямого описания. Через восприятие мальчика Шпрынки лаконично изображаются стихийная (жуткая если вдуматься!) регламентация и стандартизация рабочего быта при капитализме:

«Шпрынке кажется после сна, что камера, где живут они с Щербаковыми, разделена вся вдоль зеркалом, и то, что стоит вдоль стены у Щербаковых, только отражение того, что поставлено вдоль стены у Поштенных: там иконы - здесь иконы, там лампадка - здесь лампадка, там стол - и тут стол, сундук - сундук, кровать - кровать, чайник - чайник. Стряпают - стряпают. Ругаются - ругаются. Тут Дарья - там Марья, тут папенька - там Анисимыч. Только серебряных часов у Анисимыча нет...». Но иногда, правда редко, Григорьев подходит к художественному воссозданию прошлого как посторонний наблюдатель, коллекционер исторических курьезов и нелепостей. Вряд ли необходима, например не имеющая никакого сюжетного значения глава «Обман», где изображается «Всемирный музей заграничных восковых фигур», и уж безусловно не следовало вводить в эту хорошую повесть довольно-таки плоский анекдот об офицерах, запертых в комнате.

Нетрудно видеть, что в «конфликте» между исторической и художественной сторонами, в рабском следовании за историческим материалом, в бесстрашном собирании исторических фактов отражаются, может быть, помимо воли авторов, тенденции эмпирического и документалистского подхода к искусству, недооценка его организующего и познавательного значения. Следует оговориться, что сказанное относится к рассматриваемым книгам далеко не в полной степени: здесь мы лишь подчеркиваем в порядке постановки проблемы необходимость решительного преодоления

определенных традиций буржуазного и мелкобуржуазного исторического романа.

Что же касается, в частности, книги М. Гершензона, то она показывает успешный творческий рост писателя. Ее основным недостатком является, с нашей точки зрения, художественная диспропорция двух основных частей, соответствующих двум периодам жизни Госсекса. Переход ко второй части и тем самым превращение аполитичного музыканта в музыканта-революционера недостаточно подготовлен автором, сконцентрировавшим внимание читателя в первой части на музыкальных проблемах и карьере Госсекса. Герой повести показан так, как будто он совершенно не замечает социальных противоречий своего времени, и поэтому его моментальный переход на сторону революции кажется несколько натянутым. Во второй части Госсек изображен музыкантом революции. Картины преданной, напряженной работы, как мы говорим теперь, «по музыкальному оформлению» парижских празднеств, вызванный революцией разрыв с друзьями, с которыми Госсек был близок около тридцати лет (главы «Измена искусству» и «Живые мертвецы»), горячее желание Госсекса служить своей музыкой революции - все это волнует и захватывает читателя.

Разнообразные творческие приемы автора: вводные главы (о девушке Нинон, записки иностранца, монолог сумасшедшего), элементы сценария, удачно подобранные документы, нарушение временной последовательности повествования служат в повести для широкой художественной обрисовки классовых взаимоотношений во Франции второй половины XVIII в. Книга интересна также и тем, что она в простой и понятной форме ставит проблему «аполитичного», основывающегося на формальном оригинальничании искусства и рассказывает о музыке, живописи и литературе того времени. О творческом росте автора свидетельствует также его стремление к максимальной изобразительности художественного слова. Оригинально и красочно передает М. Гершензон посредством зрительных образов музыку оркестра:

«Госсек подходит к инструменту. Он начинает с той фразы, на которой раскрыта партитура. Играя на клавесине, Госсек слышит оркестр. Гармония, строгая и точная, как чертеж архитектора. Каждый камень на месте. Здесь - мраморные ступени, здесь - сад. Скрипка - это ветер ударил по листе. Флейта - это солнечный луч тонкою шпагою проколол зеленые стволы. Фаготы - это сгущающиеся сумерки, прозрачной тенью окутывают здание. Инструменты расходятся, сходятся снова... Мелодия потекла спокойней. Камен-

щики строили здание кирпич за кирпичом. Здесь - мраморные ступени, здесь - сад. Скрипка... Сейчас дыхание ветра шелохнет листву» (стр. 17 и 20).

В ряде случаев автор не удержался на высоте реалистического письма. Мы имеем в виду, например, прием «параллелей», применяемый несколько раз в книге:

«Он (Госсек) шел так быстро, что музыканты спешили за ним вприбежку. Но они опоздали. Возле городской ратуши из-за угла выбежала им навстречу кучка ребят. Они несли наткнутую на палку голову кошки. А еще через сотню шагов музыканты столкнулись с толпой. Булочник, обсыпанный мукой, нес на палке голову Делонэ - голову коменданта Бастилии» (стр. 80—81). Параллели подобного типа характеризуют революционный суд, казнь врагов революции (юность и дружба Робеспьера и Демулена - смертный приговор Демулену, подписанный Робеспьером; персики - голова короля и т.д.) и измену Мирабо. Нужны ли эти нарочитые «параллели»? Вряд ли, — во всяком случае они придают повествованию характер надуманности, неестественности и, мы сказали бы еще более резко, литературщины.

«Мальчий бунт» С. Григорьева (в 1933 г. вышло 4-е издание книги) принадлежит также к числу ценных произведений детской литературы. «Мальчий бунт» — это именно книга для детей, так как автор хорошо знает детскую психику, не засушивает показанных им маленьких «бунтовщиков», не превращает их в копии взрослых — типический недостаток многих детских книг! Напряженность действия, элементы приключенчества, конечно, также повышают занимательность книги для детского читателя. Но здесь и слабая сторона повести — на первый план больше выходят внешние стороны стачки. Влияние традиционной авантюрной литературы вообще является весьма сильным, накладывая иногда яркий, иногда еле заметный отпечаток на детскую книгу. Поэтому особенно важны попытки создания новой приключенческой повести (к такой повести, впрочем, уже не подходит старое название — приключенческая!), использующей драматизм ситуаций, острую завязку и т. д. для характеристики сложных процессов классовой борьбы (произведения Гайдара, «Пакет» Л. Пантелеева и др.). Правда, и у С. Григорьева через отдельные зарисовки, например, совещание рабочих и колоритные фигуры Тимофея Морозова, Муравьева, губернатора, Гаранина обнаруживается классовый характер государства, боязнь капиталистов перед организованными рабочими выступлениями. Но сущность стачки, с точки зрения

классовых интересов пролетариата, дана бледной штриховкой (реплики действующих лиц, отчасти фигура ткачихи Воплиной). В.И. Ленин в статье «О стачках», полемизируя с синдикалистским пониманием стачек, в то же время указывал:

«Итак, стачки приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов, стачки научают рабочих думать о борьбе всего рабочего класса против всего класса фабрикантов и против самовластного полицейского правительства. Вот поэтому-то социалисты и называют стачки „школой войны“, школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала» (т. II, стр. 601, 3-е изд.).

Показать, чему научила рабочих стачка 1885 г., показать идейный рост бастовавших С. Григорьеву не удалось, хотя это и входило в его задачу.

Историческая повесть требует соответствующей работы издательства, особой редакционной оснастки книги. «Мальчий бунт» издан без предисловия, тогда как совершенно необходимо было рассказать ребятам о жизни И. А. Моисеенко (1852-1923 гг.), выведенного в повести под именем Анисимыча, и подчеркнуть историческое значение морозовской стачки. В еще большей степени требуется предисловие к книге Л. Ру-бинштейна: двустраничное послесловие т. Гриневича по причине краткости никого не удовлетворит. В «Тай-пин-тянь-го» изображение китайской деревни «Долины долгих удовольствий» дает представление об истоках тайпинского движения и об его массовом характере. Но в дальнейшем автор перенес центр тяжести на раздоры в лагере тайпинов и батальные сцены и почти не обмолвился о социальных преобразованиях «мужицкого короля» (Хун Сюцунь), об аграрной реформе и т. д. Этот недостаток можно было бы компенсировать обстоятельным предисловием.

Отрадным исключением является послесловие к книге «Хуже собаки», написанное К. Чуковским, рассказавшим читателю о жизни М. Воронова и об эпохе, отобразенной в его произведениях.

В книге Гершензона не раз упоминаются Вольтер, Дидро, д'Аламбер. Почему не сделаны подстрочные примечания к этим именам, - просто непонятно. Не менее необходим подстрочный перевод исторических понятий, иностранных слов. В книге Гершензона не обленены слова: меценат, инсургент, энциклопедист, дофин, химеры на куполе Нотр-Дам, монтаньяр и т. д. У Рубин-

штейна — «Лернейская гидра», «Геркулес», «знамена» (войсковые соединения) и т. д. Ребята и подростки — самые внимательные читатели, и каждое непонятное слово, каждый необъясненный исторический факт ставит их в тупик. Приходится констатировать, что наши издательства еще слабо работают в том направлении, чтобы детская книга стала доступной и массовой, и особенно вредно это отражается на исторической повести.

Детская историческая повесть, как и вообще наша детская литература, переживает начальную стадию идейно-творческой учебы. Много исторических тем, имеющих большое воспитательное значение, еще не освоено детской литературой. История крестьянских восстаний и буржуазных революций, история революционного движения в России, рабочее социалистическое движение, большевистская партия в годы подполья, гражданская война — все это темы широких социальных обобщений, которые сыграют немалую роль в формировании социалистического мировоззрения. Показ царской школы как одного из сильнейших средств, помогавших классовому господству дворянства и буржуазии. Либерально-буржуазная литература создала немало произведений, идеализирующих старую школу, слашаво и приторно изображающих «милое» детство и не менее «милое» отрочество детей трудящихся.

К. Чуковский проделал большую работу по переработке текста М. Воронова, который оставил исключительно сильный обвинительный документ о «культурной» практике самодержавно-полицейского государства. К. Чуковский сократил неизбежные длинноты, рассуждения, побочные, не имеющие прямой связи с сюжетом характеристики, превратив расплывчатую и сырую хронику в стройную сюжетную повесть о школе первой половины XIX в. Книга Воронова-Чуковского примечательна прежде всего тем, что на ярких эпизодах детства Михаила Воронова она поможет советским ребятам по-иному, по-новому, по-серьезному осознать значение работы партии и рабочего класса по обучению и воспитанию молодого поколения. С этой точки зрения тема «школы» должна занять надлежащее место в детской исторической повести.

Л.Тимофеев

ЗАДАЧА, РАЗРЕШЕННАЯ НАПОЛОВИНУ

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1933. № 11. С. 12-14.*

Оценка оформления В. Васильева

**ЯН, В. Молотобойцы. Историческая повесть. Рис. Н. Н. Выше-
славцева. — (М.). ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 126 стр. 2 р., перепл.
1 р. 20 000 экз.**

Старший.

Беллетристические произведения на исторические темы, предназначенные для детской аудитории, представляют собой своеобразное, гибридное образование, научное по своему содержанию и художественно-литературное по своей обработке.

Элементы художественного вымысла в таких произведениях имеют второстепенное значение, выполняют служебную роль для организации и наилучшего расположения сообщаемых читателю фактов и сведений о прошлом. Зато особенно важно умение художника индивидуализировать повествование, дать читателю нужные исторические факты в живых, убедительных образах. Именно в этом направлении идет художественная обработка произведений на исторические темы. Наконец, очевидна обязанность писателя в достаточной мере полно и правильно ориентироваться в обстоятельствах изображаемого им периода.

Книга В. Яна в основном удовлетворяет тем требованиям, которые мы, учитывая сказанное, можем к ней предъявлять, и в сравнении с другой его книгой - «Спартак» - представляет несомненный шаг вперед.

Повесть «Молотобойцы» затрагивает ряд интересных исторических проблем, рассказывая о формировании пролетариата в петровской России, на заре первоначального капиталистического накопления.

Автор выбрал чрезвычайно подходящий для развертывания этих вопросов материал: семью Демидовых - крупнейших уральских

горнопромышленников - в период начинавшегося их обогащения. Основные эпизоды книги: волнение крестьян, узнавших о том, что их приписывают к заводу, работа на тульских и затем невьянских заводах — скреплены между собой историей кузнеца — деда Тимофейки, путешествующего по России и попадающего в крепкие руки Демидова. Приключения деда Тимофейки являются в достаточной мере занимательным стержнем, вокруг которого автор и располагает свой основной исторический материал.

Закабаление рабочих, условия подневольного труда в шахтах показаны в достаточной мере верно. Однако автору приходится предъявить упрек в недостаточно полном использовании богатейшего исторического материала.

Следует иметь в виду, что книга В. Яна по своей теме и отчасти по своим задачам очень близка работе по созданию истории фабрик и заводов: она дает историческую картину положения пролетариата на определенном заводе в определенный период. Поэтому мы должны подходить к оценке этой книги, учитывая и требования, которым должна отвечать история фабрик и заводов, применительно, конечно, к той специфической аудитории, к которой обращена книга.

«Наша молодежь, — писал М. Горький, формулируя задачи истории фабрик и заводов, — а особенно крестьянская, т. е. большинство молодежи, совершенно не знает прошлого и поэтому недооценивает настоящего, неясно видит цели будущего. Это надо повторять тысячи раз и с этим нужно бороться до той поры, пока оно не исчезнет. Наша молодежь не подвергается, как прежде, уродующему давлению чуждого ей класса, он уничтожен... мусор выметен, но не весь, и осталось очень много ядовитой пыли. Надо знать прошлое во всем его мрачном бытовом бесчеловечье с его гнусным цинизмом, с его изумительным лицемерием».

Материал, которым располагал В. Ян, мог дать чрезвычайно много для раскрытия прошлого «во всем его мрачном бытовом бесчеловечье», однако многое автор почему-то не использовал. Так, оставлен в стороне такой жуткий эпизод из истории обогащения Демидова, как чеканка им золотой и серебряной монеты из золотых и серебряных руд, скрытых от правительства, причем крепостные мастера были скрыты Демидовым в подземельях и чеканили там монету; их никогда не выпускали наверх, а при приезде правительственной комиссии их немедленно затопили водой при помощи труб, отведенных в подземелье из реки.

Крайне слабо освещены бытовые условия жизни рабочих, а между тем даже десятилетиями позже эти условия так характеризовал такой склонный к оптимизму наблюдатель, как орловский губернатор: «люди в течение нескольких десятков лет жили разлученными со своими семьями, почти целый год питаюсь одним хлебом и водой, целый век не имея горячей пищи... не получая одежды и обуви, не имея дров... в рудничные работы посылались дети 8 лет и старики за 60 лет, совершенно увечные, слепые, хромые».

Большим промахом автора является то, что он не осветил такую сторону заводской жизни, как детский труд, что особенно существенно было бы в книге такого типа, а ведь именно у Демидова на Магнитной горе работало до 400 детей, и он отказывал в разрешении посылать в школу даже шестилетних детей, так как они уже работали на его заводе.

Точно так же неполно показано положение крестьян в первой части, несмотря на то что большое место занимают всякого рода мелочи; автор почти не показал угнетения крепостных, различных форм их эксплуатации, нищенского быта и т. д. Эта часть, с одной стороны, очень растянута, а с другой стороны, не наполнена серьезным социально-историческим содержанием.

Эти недочеты во многом снижают ценность исторического материала книги, который при лучшем использовании мог бы дать большой познавательный и воспитательный эффект.

В отношении художественной формы книги автору удалось дать занимательно развивающееся действие, живо очертить основные персонажи. Значительно слабее даны Яном сведения исторического порядка: местами автор сбивается на сухой и скучный перечень фактов, художественно их не показывая, не индивидуализируя. В результате как раз основные исторические части книги даны художественно слабо. В отношении языка, в общем легкого и простого, автор совершает распространенную ошибку, излишне насыщая его словами и терминами конца XVII и начала XVIII века, имеющими в большинстве второстепенное значение, затрудняющими чтение и не всегда обгоняемыми.

Композиционно растянута первая часть, занимающая больше четверти всей книги материалом, имеющим в основном экспозиционное значение. Неудачно сделан эпизод с поимкой Касьяна на прогулке, затемняющий смысл этого отрывка — полное закрепощение рабочего. Сомнителен конец книги: деду Тимофейке удается бежать с Касьяном и Аленкой. Создается впечатление, что где-то они найдут, наконец, себе счастливый край и спокойную жизнь, что

ослабляет показ всего безвыходного угнетения рабочих. Вообще, во многих эпизодах слишком резко выступает их служебная роль, настолько схематично они выполнены в художественном отношении: освобождение Тимофейки Касьяном в первой главе, выступление «кулака» Самолки, эпизод с рабочим, демонстрирующим свои революционные настроения, — все это говорит о том, что в ряде случаев В. Ян шел по линии наименьшего сопротивления, что снижает художественную ценность книги.

Таким образом книга могла бы быть значительно полнее и интереснее по своему историческому материалу и по его художественному оформлению.

Художник Н. Вышеславцев справился с задачей иллюстрирования не в полной мере. Направив основное внимание на историческую сторону, он добился значительных успехов в показе внешней стороны быта петровской эпохи. Убогие курные избы, крепкие деревянные усадьбы, примитивная техника, костюмы показаны с большой убедительностью. Но люди изображаемого в повести времени художником не поняты. Вышеславцев берет людей в статике. В первых главах, в полном соответствии с писателем, показываются забитые, задавленные жесточайшей эксплуатацией люди, опустившиеся до потери человеческого облика. Но вот подъем, возбуждение, бунт. А крестьяне все те же, замученные, приниженные. Такая характеристика становится особенно очевидной в сцене столкновения с молодцеватыми рейтарами. К концу книги персонажи иллюстраций выпрямляются, но это опять противоречит тексту; на смену одной кабале, прерванной короткой вспышкой бунта, пришла другая, худшая...

Иллюстрации графически выполнены слабо. Рисунки грешат большими недостатками: фигуры крестьян укорочены, пропорции искажены; особенно сильно бросается это в глаза в рисунках на страницах 27-й, 30-й и 33-й. Есть лишние, не несущие никакой нагрузки детали Какую, например, роль играет елочка в центре композиции на странице 1-й? А таких неоправданных деталей много и в других рисунках.

В композициях нет движения: они мертвы, несмотря на то что все фигуры размахивают руками, так или иначе движутся.

Плохо использованы вкладные листы. Художник, видимо, хотел дать типаж основных персонажей. Это произошло от неправильного понимания задач повести, где на передний план выдвигается отнюдь не характер отдельных персонажей.

В. Бернадский

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ ПО ИСТОРИИ

*Впервые опубликовано в: История в средней школе. 1934. № 1.
С. 34-40.*

Дополнительное чтение по истории является одним из существеннейших средств в деле пополнения знаний по этому интересному предмету.

Из этого вытекает необходимость развивать у учащихся интерес к книге по истории; нужно научить и приучить их читать эти книги, чтобы и по окончании школы учащийся продолжал работать над собственным образованием, обращался к книге по истории. Особенное значение вопрос о дополнительном чтении приобретает по отношению к тем учащимся, у которых уже определился повышенный интерес к истории.

Между тем в практике советской школы в настоящее время дополнительное чтение по истории поставлено совершенно неудовлетворительно, если не сказать резче. Во-первых, в подавляющем большинстве школ ученики почти не читают книг по истории. Во-вторых, весьма часто и то немногое, что они читают, проходит мимо преподавателя истории. Преподаватель истории не организует дополнительного чтения и не использует его в классной работе.

Объяснения этому нужно искать отнюдь не только в недостатке литературы для дополнительного чтения учащихся. В большой мере неналаженность дополнительного чтения объясняется недостаточным вниманием преподавателя к этому вопросу. Он не только не следит за вновь выходящей литературой, но и не использует часто даже той литературы, которая имеется в школьной библиотеке. А порой он и не знает о ее существовании.

В этом вопросе необходимо добиться решительного перелома. Преподаватель должен взять на себя организацию дополнительного чтения по истории, а для этого он должен знать:

- 1) что следует читать ученикам средней школы по истории и

2) как организовать это чтение.

Разбору этих вопросов и посвящена настоящая глава. Мы разбираем ее на две части, отдельно останавливаясь, в виду их своеобразия, на литературе: 1) научно-популярной и 2) художественной.

I. Научно-популярная литература

Для того чтобы научить и приучить учащихся читать «деловую» книгу по истории, нужно с самого начала работы по истории поставить эту задачу и упорно и последовательно разрешать ее. Организованное чтение дополнительной научно-популярной литературы, расширяющей и углубляющей содержание школьного курса, должно сопутствовать всему процессу преподавания истории.

Для разрешения этой задачи огромное — пожалуй, решающее — значение имеет умелый подбор книг для чтения, соответствующий постепенному росту сил и интересов школьника. Начав с детской исторической книги, нужно подвести школьника на старших годах обучения к серьезным историческим работам.

Каким же методическим требованиям должна удовлетворять книга для чтения по истории на разных ступенях обучения? (Не будем останавливаться на вопросе о безукоризненности научно-популярной книги в методологическом отношении. Эти требования являются очевидными для всякой научно-популярной книги). Если для учащегося старших классов средней школы оказывается по-сильной и интересной хорошая популярная книга, предназначенная для взрослого читателя, то младшие классы требуют книжки особого рода (и по содержанию, и по характеру изложения). На последнем вопросе необходимо подробно остановиться, так как в советской литературе мы до сих пор имеем весьма мало попыток создания деловой исторической книги для подростков (это в значительной степени объясняется той недооценкой исторического образования, которая имела место до постановления ЦК ВКП(б) о школе).

В соответствии с возрастными особенностями ребят главное место в исторической книжке для школьника V—VI классов должно занимать эмоционально насыщенное повествование или описание. По отношению к книге для чтения по истории для ребят этого возраста в полной мере имеет силу известный лозунг М Н Покровского о преподавании истории на I концентре второй ступени: «Больше показывать, чем доказывать; поменьше социологии, побольше действия и живых людей: начинать не с рассуждения, а с эмоции».

Практика наметила наиболее ценный тип книги для чтения по истории для учащихся 13—15-летнего возраста.

Уже в дореволюционную эпоху левым крылом русских методистов многое было сделано для разрешения этой задачи. Особенный интерес представляют книги для чтения по древней и средней истории, изданные исторической комиссией ОРТЗ. Лучшие из статей этих книг (к ним можно отнести статьи Коваленского, Дживилегова, Васютинского, Успенского) дают живые рассказы о том или ином конкретном историческом событии. Богатое социальное и культурно-бытовое содержание каждой статьи легко усваивается учащимися, видящими перед собой образы прошлого во всей конкретности и эмоционально взволнованными разворачивающейся картиной¹.

Укажем для примера статью Дживилегова — «Братья Гракхи»². Она увлечет молодого читателя уже с первых строк, рисующих ночной форум, боязливо пробирающихся к нему крестьян и деревенского грамотея, гвоздем выцарапывающего на мраморе ростры обращения крестьян к Тиберию Гракху. Школьник будет с интересом и напряжением следить за борьбой трибуна против оптиматов. И картина смерти Тиберия, зверская расправа с ним его тупых противников потрясет молодого читателя и зарядит его определенными эмоциями. «С искаженными яростью лицами, размахивая дрекольем, ворвались сенаторы в толпу, расталкивая ближайших, пробиваясь к Гракху. Народ шарахнулся в сторону. Давка произошла невообразимая. Сенаторы разлили тех, кто еще решался заступить им дорогу.

Уже трибуна близка. Тиберий, видя, что ему нечего ждать спасения от толпы, кинулся бежать вниз: несколько человек сопровождали его; кто-то схватил его за ногу, он сбросил его, но тут споткнулся о груды трупов и упал. Луций Сатурей, товарищ его по должности, изо всей силы хватил его в висок ножкой от стола; обливаясь кровью, Гракх повалился навзничь, и тут второй удар доконал его.

И вот перед статуями семи царей, у порога храма богини Верности, лежал труп того, кто решился пойти народу на помощь».

Этот рассказ (мы оставляем в стороне вопрос о правильности оценки деятельности Т. Гракха) может служить образцом конкрет-

¹ Эта оценка относится только к лучшим статьям из этих книг. Большая же часть из них грешит бесстрастным «описательным» подходом к прошлому.

² «Книга для чтения по древней истории», ч. 2-я, стр. 266-291.

ного повествования, которое нужно для учащихся младших классов средней школы.

В качестве другого образца назовем статью Успенского — «В Риме 31 декабря 1000 г.»³.

После революции на такой же, примерно, путь стала книжка Рузер: «От рабовладельческого общества к пролетарской революции». Она состоит из ряда конкретных очерков о положении трудящихся и классовой борьбе во Франции⁴. Тот или иной этап борьбы трудящихся выясняется на каком-либо типичном конкретном рассказе. Например, история Парижской коммуны раскрывается через биографию Э. Варлена. Многие рассказы представляют собой несколько беллетризованное изложение какого-либо документа (сравним, например, рассказ «На мануфактуре» с регламентом мануфактуры Сен-Мор).

Книга Рузер, несмотря на ее литературные недочеты, нашла широкое применение в школе-семилетке (в VI классе), доказав тем самым жизнеспособность такого типа книги для чтения на этой ступени обучения.

Имеется ли удовлетворяющая указанным требованиям литература для чтения по истории? Для докапиталистической эпохи нужно констатировать крайне неблагоприятное положение. Весьма значительная дореволюционная литература дает буржуазную трактовку истории, сознательно затушевывая классовую борьбу эксплуатируемых с эксплуататорами. Поэтому она может быть использована в советской школе только в очень малой мере.

Советская научно-популярная литература по докапиталистической эпохе весьма небогата. Да и то, что написано, большей частью имеет в виду не школьника-подростка. Такова, например, самая широкая по охвату тем серия исторических книг изд. «Молодая гвардия» («История развития общественных форм в отдельных очерках» под редакцией Никольского и Преображенского). Сухость и схематизм делают даже лучшие из книг этой серии непригодными для учеников младших классов средней школы⁵.

Можно назвать только очень немногие ценные образцы научно-популярной исторической литературы для подростков. Отметим

³ В вышеназванной «Книге для чтения по древней истории», вышедшей из «лево»-буржуазных кругов, мы не найдем статей о восстаниях рабов, даже о восстании Спартака

⁴

⁵ К тому же многие из книг этой серии вызывают возражения и методологического порядка.

среди них как наиболее удачные: живую книгу Нечкиной — «Крестьянские революции» (разинщина и пугачевщина) и интересно рассказанные очерки по истории культуры Ильина (автора известного «Рассказа о великом плане») — «Черным по белому» и «Который час».

Поэтому создание книг для чтения по исторической программе V—VII классов является неотложной задачей.

Несколько лучше обстоит дело в старших классах. Мы имеем довольно много научно-популярных книг для комсомольского и взрослого читателя по истории революционных боев пролетариата. Выходит ценная биографическая серия («Жизнь замечательных людей»), в которой ряд выпусков может быть использован и в плане преподавания истории. Издано много ценнейших для историка произведений мемуарной литературы (назовем для примера «Записки революционера» Кропоткина, воспоминания Крупской). Наконец, здесь могут быть использованы и отдельные исторические работы (целиком или в отрывках), и главы вузовских исторических курсов, и статьи исторических журналов⁶, и отдельные исторические работы классиков марксизма.

Перед преподавателем истории, организующим чтение дополнительной научно-популярной литературы, встает двойная задача: 1) он должен добиться того, чтобы учащиеся читали книги по истории, 2) он должен научить их читать.

В целях привлечения внимания учащихся к дополнительному чтению необходимо вести систематическую упорную работу по пропаганде книги. Не ограничиваясь установлением по этому вопросу связи со школьной библиотекой, нужно указывать дополнительную литературу по каждой теме на занятиях по истории. В отдельных случаях полезно прочесть тот или иной яркий отрывок и популярную книгу для чтения, заинтересовать этой книгой ребят. Желательно, чтобы в классе висел список рекомендованной литературы по предмету. Затем необходимо вести учет литературы по предмету, прочитанной учениками.

Чтобы научить читать книгу, преподаватель дает учащимся ряд указаний относительно той работы, которую они должны проделать с книгой. Иногда он предложит им составить краткий план книги. В ряде случаев целесообразно предложить ученику дать краткую рецензию на книгу, в которой указывались бы наиболее интересные или важные места в книге.

⁶Особенно ценный материал дает журнал «Борьба классов»

Однако важнейшим методическим средством научить читать деловую историческую книгу являются ученические доклады.

Вопрос о рефератах учащихся как ценном методе занятий по истории неоднократно поднимался как в дореволюционной⁷, так и в послереволюционной методической литературе. Порою рефератная (студийная, семинарская) система работы выдвигалась по истории как основная. Каждый учащийся (или класс) углубленно прорабатывал (на основе научно-популярной и научной литературы) определенный раздел курса, а затем делал в классе доклад.

Против такой постановки работы нужно возражать со всей решительностью. Если даже в вузе семинарский метод не может быть признан приемлемым для проработки общих курсов, то тем более неуместно применение его как основного метода работы в средней школе. Недопустимо такое положение (а оно встречалось в практике советской школы), чтобы после проработки эпохи промышленного капитализма одни учащиеся знали по-настоящему только историю промышленного переворота, а другие — только историю крестьянской реформы 1861 г. (не представляя себе хода общего исторического процесса, они не могли, конечно, правильно понять и значение подробно изученных ими разделов).

Проработка специальных вопросов возможна только при условии предварительного овладения содержанием общего курса. Стало быть, метод рефератов не может стать основным методом преподавания общего курса истории.

Но неприемлемый для нас как основной «рефератный метод» должен применяться в качестве одного из вспомогательных методов работы. Его ценность заключается в том, что он: 1) приучает читать книгу, 2) вырабатывает навыки подготовки к докладу, 3) развивает у учащихся умение систематически излагать свои мысли.

Приходится встречаться с мнением, будто рефераты должны применяться исключительно в старших классах средней школы, где у учащихся, с одной стороны, вырабатываются навыки самостоятельной работы над книгой, и где, с другой стороны, должна быть учтена необходимость подготовки учащихся к работе в вузе. Не отрицая особого значения рефератной работы в старших классах, мы должны применять ее (с учетом сил учащихся) и на младших ступенях, чтобы постепенно у учащихся сложились необходимые навыки для дальнейшей работы. Конечно, и тема реферата, и материал для него должны даваться с учетом сил учащихся.

⁷Особенно в работах Покотило и Гарвита.

Не излагая подробно методических приемов рефератной работы, ограничимся выяснением только важнейших вопросов, связанных с постановкой рефератов по истории в средней школе.

Большое значение имеет самый выбор темы для реферата. По изложенным выше мотивам мы признаем неправильным передавать на рефератную разработку основные вопросы той или иной темы. Реферат расширяет содержание исторического курса путем привлечения дополнительного материала, обычно не входящего в общеобязательный программный минимум⁸.

Далее, тема не должна быть особенно велика по своему объему. Помимо того, что докладчику трудно будет охватить большой материал, необходимо считаться с тем, что его сотоварищам трудно будет следить за длительным изложением докладчика. (На младших годах обучения доклад в средней школе не должен продолжаться больше 10 минут, даже в старших классах нецелесообразно ставить сообщения учащимся длительностью более 20-25 минут).

Наконец, весьма существенно, особенно в младших классах, выбирать такие темы для докладов, которые побудили бы школьника строить изложение на конкретном повествовательном или описательном материале. Приведем для примера две темы для докладов для разных классов. В V классе при проработке темы «Государства Древнего Востока» предлагаем, например, ученику сделать доклад: «Как писали египтяне, и как ученые научились понимать египетские надписи». В качестве материала для доклада даем названную выше книгу Ильина «Черное по белому» (стр. 38—45).

В VIII классе по теме «Революция 1848 г. во Франции» поручаем одному из учащихся разработать по книге Молока «Июньские дни 1848 г.» доклад «Июньские баррикады». Здесь наряду с конкретным повествованием и описанием докладчик должен поставить (а учитель — углубить после доклада) вопрос о «восстании как искусстве».

Весьма ценный вид тем для докладов биографии отдельных исторических деятелей. В качестве материала в старших классах можно рекомендовать некоторые из книг выходящей серии «Жизнь

⁸Скажем, нецелесообразно читать реферат на тему «Социальная сущность якобинской диктатуры», но вполне подходящей темой для реферата явилось бы: «Антирелигиозное движение в эпоху якобинской диктатуры» или «Жан-Поль Марат».

замечательных людей» (например, биография К. Либкнехта)⁹ или статьи в журналах (например, биография Камо¹⁰).

В процессе подготовки к докладу необходимо обеспечить помощь докладчику. План доклада должен быть заранее известен преподавателю.

Нужно ли писать доклад и читать написанный текст или устно излагать материал? Со всей решительностью мы высказываемся за второе. Если доклад зачитывается, он очень редко доходит до сознания слушателей этого возраста. Устное изложение отличается большей живостью, чем чтение письменного текста. У ученика должен быть, конечно, подробный план доклада, должны быть подготовленные материалы, но излагать материал он должен устно.

Весьма большое значение имеет использование учеником в докладе наглядных пособий: это облегчает слушание доклада, с другой стороны — наличие наглядного пособия помогает и самому докладчику (особенно это важно в младших классах), а также учит его применять наглядные пособия.

Поэтому для первого доклада, названного выше, докладчик непременно должен заранее приготовить на листе бумаги или на классной диске картуш с именами Птолемея и Клеопатры. И в старших классах использование наглядного пособия представляется весьма желательным. Так, для второго указанного доклада был бы очень ценен план Парижа (пусть схематический), на котором можно было бы конкретно показать и кольцо баррикад, и план Керсози. В ряде случаев ученические рефераты могут сочетаться с демонстрацией диапозитивов.

Переходим к вопросу использования художественной литературы в преподавании истории.

II. Историческая библиотека

Исторический роман (повесть, драма и т.д.), так же, как и научная историческая работа, дает изображение и истолкование исторического процесса. Художественность этого изображения делает, с одной стороны, образы прошлого особенно наглядными, живыми и, с другой стороны, заражает читателя с особой силой эмоциональным отношением к ним.

⁹Примерная тема для доклада «Борьба Либкнехта против войны» (IX класс)

¹⁰Журнал «Борьба классов», 1933 г., №12.

Этим объясняется огромное познавательное и воспитательное значение исторического романа. Буржуазные и дворянские писатели, фальсифицируя в своих романах в угоду господствующему классу прошлое, отравляли сознание читателей националистическим, монархическим и религиозным дурманом и стремились примирить их с системой или крепостнического (дворянские писатели) или наемного рабства (буржуазные писатели).

Пролетарский исторический роман дает подлинно объективное партийное изображение прошлого. Такой роман уже создается в Советской стране.

В подтверждение последней мысли сошлемся на следующие замечания Максима Горького:

«Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман. В прошлом в старой литературе слащавые, лубочные сочинения Загоскина, Масальского, Лажечникова, А. К. Толстого, Всев. Соловьева и еще кое-что, столь же малоценное и малоисторическое.

В настоящем — превосходный, точно на меди вырезанный роман А. Н. Толстого “Петр I”, шелками вытканый „Степан Разин“ А. Чапыгина, талантливая повесть о Болотникове Г. Шторма, два отличных, мастерских романа Ю. Тынянова “Кюхля” и “Смерть Вазир-Мухтара” и еще несколько весьма значительных книг из эпохи Николая I» (М. Горький. О литературе).

Правда, некоторые из названных Горьким вещей («Разин», «Вазир-Мухтар») пригодны только для квалифицированного, и, притом, взрослого читателя. Подростку рекомендовать их, конечно, невозможно. Но даже если иметь в виду читателя школьного возраста, то и здесь можно говорить уже об определенных достижениях. Создается новая историческая литература и для школьника.

Так, если мы возьмем книги одного только 1933 г., мы найдем (наряду с бледными вещами, вроде книг Яна и Богдановича¹¹) яркую, волнующую повесть Паустовского¹², рассказывающую об олонецких заводах крепостной эпохи, о крестьянских восстаниях XVIII в., о французском революционере, гибнущем в крепостной России. Мы найдем горячо написанный биографический роман об одном из представителей русского революционного движения Ипполите Мышкине, страстном и упорном борце против самодержавного гнета, продолжавшем биться даже в каменных мешках

¹¹ Ян. Спартак, Молотобойцы; Богданович. Ученик наборного художества.

¹² Паустовский. Судьба Шарля Лоневила.

Шлиссельбурга¹³. Мы найдем, наконец, авторскую переработку «Петра Первого»¹⁴, романа, дающего мастерскую картину России на рубеже XVII и XVIII вв. Вот она — старая Русь XVII в. «Над Москвой, над городами над сотнями уездов, раскинутых по необъятной земле, висли столетние сумерки — нищета, холопство, бездолье Мужик с поротой задницей ковырял кое-как постылую землю. Выл от нестерпимых даней и поборов обовшивевший посадский. Стонало мелкое купечество»¹⁵.

Вот они — новые господа: Бровкины, Меньшиковы и прочие и их царь — Петр, переворачивающие и по-новому грабящие Русь. «Всю зиму были пытки и казни. В ответ вспыхивали мятежи в Архангельске, в Астрахани, на Дону и в Азове. Наполнялись застенки, и новые тысячи трупов раскачивала вьюга на московских стенах. Ужасом была охвачена вся страна. Старое забилоась по темным углам. Кончалась Византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийским побережьями призраки торговых кораблей». Так кончается первая часть романа.

Мы могли бы назвать еще не один ценный исторический роман (особенно, если иметь в виду, более близкие к нам годы, революцию 1905 г., гражданскую войну). Но, думаем, приведенных примеров достаточно, для того чтобы осознать, какую ценность для преподавателя истории имеет складывающийся советский исторический роман.

Отказаться от использования в нашем преподавании этого ценнейшего образовательного и воспитательного материала — было бы грубейшей методической ошибкой.

Как его использовать? И, прежде всего, какие произведения исторической беллетристики привлечь для работы? Что взять из советской литературы? Ограничиться ли только марксистской литературой или использовать и буржуазные исторические художественные произведения?

Историческая беллетристика должна, как сказано выше: 1) дать яркий конкретный материал, оживляющий картины классового борьбы предшествующих эпох, 2) заразить определенным эмоциональным отношением, вызвать ненависть к эксплуататорам всех типов, а вместе с тем и восторг перед героизмом борцов против эксплуататоров, стремление продолжать их дело в полной мере.

¹³Язвицкий. Непобежденный пленник.

¹⁴А.Н. Толстой. Петр Первый. Обработка автора для детей старшего возраста и подростков.

¹⁵Там же, стр. 44.

Чтобы разрешить эту задачу, историческое художественное произведение должно удовлетворять следующим основным требованиям:

- 1) Оно должно давать объективное изображение прошлого (объективное в марксистском понимании).
- 2) Оно должно быть значительным по содержанию, т.е. должно давать изображение существенных сторон исторического процесса, его действительных движущих сил (борьбу эксплуатируемых против эксплуататоров).
- 3) Изображение прошлого должно отличаться художественностью, яркостью, живостью.

К этим требованиям нужно присоединить еще доступность произведения, соответствие его силам и интересам учащихся определенного возраста.

Если под углом зрения этих требований пересмотреть длинные списки исторической беллетристики, рекомендуемой в буржуазных методических работах¹⁶, мы не найдем в них почти ничего пригодного для коммунистической школы. Подбор исторической беллетристики у буржуазного методиста определяется классовыми установками буржуазной педагогики. Укрепление буржуазной морали, религиозно-нравственное воспитание, пропаганда боевого национализма — вот задачи, которые ставит перед историческим романом современный буржуазный методист-историк¹⁷. Поэтому-то в списках буржуазных методистов такое видное место занимают описания подвигов христианских мучеников и проповедников, а рядом с ними батальные романы, восхваляющие великих полководцев-государей и их ближайших помощников¹⁸.

Значит ли отсюда, что нужно вообще отказаться от использования буржуазных исторических романов, новелл и трагедий?

¹⁶Например, очень обстоятельный указатель (аннотированный) Вестербурга, занимающий свыше 50 страниц.

¹⁷Так немецкий методист Вейцель в предисловии к объемистому сборнику «Исторический роман как спутник всемирной истории», пишет: «Он (исторический роман) как художественное произведение обладает высокой этической ценностью. Но прежде всего он имеет задачей пробудить и усилить любовь к немецкому прошлому, восхищение битвами и героями прошедших времен. Исторический роман имеет сейчас большее, чем когда-либо, значение для взращивания подлинного немецкого духа».

¹⁸В указателе Вестербурга названо семь произведений о Фридрихе II, и пять произведений о Бисмарке.

Нет. Среди буржуазной исторической беллетристики мы найдем ряд классических реалистических исторических произведений, дающих широкую, мастерски написанную картину прошлого. Мы их привлечем для работы.

(В то же время, несмотря на большой интерес у учащихся-подростков к романам А. Дюма, мы не будем пользоваться ими как историческими произведениями. Мы предупредим учащихся, что исторического в романах Дюма — только костюмы, внешний быт и имена некоторых действующих лиц. Для знакомства с прошлым ничего не дадут талантливо рассказанные похождения трех мушкетеров или изложение судеб королевского ожерелья).

Однако при использовании буржуазных исторических романов (идет ли речь с «Саламбо» Флобера, «Айвенго» Вальтер-Скотта, «93-м годе» Гюго) мы должны научить учащихся критически подходить к изображению прошлого в этих произведениях. И только в той мере, в какой эта критическая переработка будет полезна для учащихся, только в этой мере мы признаем чтение этих произведений ценным для познания прошлого. Если же в результате чтения «93-го года» ученики будут представлять себе якобинскую диктатуру и гражданскую войну по Гюго, тогда роман Гюго явится средством борьбы против марксистского изучения Великой французской революции.

И из советской исторической беллетристики мы привлечем далеко не все. Часть книг не удовлетворяет требованиям методологического порядка, часть оказывается непригодной по педагогическим соображениям (недоступна или неинтересна для школьников). Наконец, часть из них стоит слишком низко¹⁹ по своим художественным достоинствам.

Какое место должна занять историческая беллетристика в преподавании истории? Крупнейший представитель «левого» крыла послевоенных германских методистов социал-демократ Каверау выдвинул в своих работах предложение положить в основу исторического преподавания социологический анализ художественной исторической литературы. Историческая беллетристика представляется Каверау наиболее ценным материалом для преподавания в том отношении, что она дает конкретное представление о прошлом, охватывающее все стороны жизни. Реалистический исторический роман ценен тем, что он позволяет выяснить «высокомерно забытую

¹⁹Таковы, например, многочисленные исторические романы Алтаева, распространенные и в дореволюционную эпоху и в значительной степени после революции.

старой историей повседневность», то, чем жили люди, материальные условия их существования. Для каждой из изучаемых эпох нужно выбрать наиболее богатый социальным содержанием роман (по мнению Каверау почти для всех эпох такие романы имеются) и подвергнуть его социологическому анализу. Тогда встанут во всей их конкретности типичные для той или иной фазы культуры жизненные формы. Каверау иллюстрирует свои предложения примерным анализом романа писателя Якобсона «Мария Груббе», дающего картину жизни XVII в. Он начинает с выяснения внешних условий жизни (манера одеваться, жилище, пища и напитки, праздники), тщательно собирая отдельные черты, разбросанные в романе. Затем Каверау переходит к характеристике господствующих социальных групп (дворянство, знать, крепнущая буржуазия), политической жизни (укрепление абсолютизма). Наконец, дается анализ борьбы в обществе XVII в. нового со старым: ломка семейных отношений, разложение религиозного мировоззрения. Сопоставление картины жизни общества в середине XVII в. (изображенной на основе романа Якобсона) с жизнью общества в середине XVIII и середине XIX вв. (воссозданной также главным образом на основе романов) покажет, в каком направлении идет развитие общества²⁰. Весьма интересное для характеристики методических исканий в капиталистических странах предложение Каверау может показаться соблазнительным только для сторонников того историко-культурного направления, которое содержание истории видит не в истории классово-борьбы, а в эволюционном изучении общественных форм. Преподаватель, ставящий себе задачей ознакомление учащихся в научной и обоснованной системе с конкретным ходом закономерно развивающейся классово-борьбы, отбросит предложение Каверау и откажется от того, чтобы в основу своего преподавания класть исторический роман. Наше отношение к вопросу должно быть следующим: исторический роман превосходит наглядностью и эмоциональностью учебник, научно-популярную книгу и документ, но он не дает систематического изложения курса, как учебник, он не обладает той степенью научной убедительности, как подлинный документ. Исторической беллетристике мы придаем поэтому большое значение в качестве вспомогательного пособия для преподавания истории. Она лишь конкретизирует отдельные вопросы исторической науки, ос-

²⁰В русской дореволюционной школе аналогичные попытки (на материале «Князь Серебряный» Толстого и «Семейная хроника» Аксакова) делались педагогом Моравским во введении в историю.

новы которой учащиеся узнали не из исторической беллетристики. Даже при наличии хорошей марксистской исторической беллетристики ни по одной теме курса мы не положим в основу работы художественную историческую литературу.

Учитель использует иногда отрывок из художественного произведения в процессе своего изложения для того, чтобы оживить его яркими образами. Особенно часто к этому приему он прибегнет в младших классах, но временами найдет для него место и на старших годах обучения.

Иногда отдельному учащемуся, особенно в V классе, можно предложить сделать краткий доклад по материалу художественного произведения. Наконец, если большая часть учащихся прочитала какое-либо произведение, целесообразно организовать обсуждение его в классе или вне класса (например, в VII классе обсудить «93-й год» Гюго или «Салавата Юлаева» Злобина).

В плане внеклассной работы, например, на вечере в память какого-либо исторического события, работа над художественной литературой выдвигается на более заметное место.

В заключение укажем, что непременным условием для хорошей организации дополнительного чтения учащихся является знакомство преподавателя с дополнительной литературой. Мы считаем нужным подчеркнуть это положение, потому что до настоящего времени только меньшая часть преподавателей осознала необходимость знания дополнительной литературы и сделала отсюда надлежащие выводы для себя.

От всякого преподавателя истории необходимо требовать не только знания самого предмета и его методики, но и хорошего знакомства со всеми «орудиями производства», со всеми пособиями, которые он может использовать в преподавании, в том числе — и с дополнительной литературой для учащихся.

Библиографические указатели дополнительной литературы.

1. «Обществоведение в трудовой школе», 1930 г. №3.
2. «В помощь обществоведу», сборник, вып. IV—V.
3. Фендель. Что читать по новейшей истории Западной Европы, САСШ и современного Востока.

Кроме того, в учебнике Бочарова и Иоаннисиани дан подробный указатель литературы по темам.

4. Художественная литература для дополнительного чтения по курсу истории для V—VIII классов (библиографический указатель).

Б. Козьмин

**БИОГРАФИЯ
РЕВОЛЮЦИОНЕРА-НАРОДНИКА
(ЯЗВИЦКИЙ В. «НЕПОБЕЖДЕННЫЙ
ПЛЕННИК»)**

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 1. С. 20-21.*

ЯЗВИЦКИЙ, В. Непобежденный пленник. Роман-биография в семи частях. С предисл. П. Лепешинского. — (М.). ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 327 стр. 5 р. 10 000 экз.

«Непобежденный пленник» — это И. Н. Мышкин, тот Мышкин, которого В. И. Ленин назвал одним из «корифеев» революционно-го движения 70-х годов, наряду с П. Алексеевым, Халтуриным и Желябовым (Соч., изд. 2-е, т. IV, стр. 442). Книга В. Язвицкого является попыткой дать в беллетристической форме биографию этого выдающегося революционера-народника.

Надо признать, что автор удачно выбрал героя для своего «романа-биографии». Удачно потому, что в революционном движении первой половины 70-х годов Мышкин играл весьма значительную роль. Прекрасный организатор, он устроил в Москве легальную типографию, в которой, наряду с легальными изданиями, печатались и нелегальные, главным образом предназначенные для распространения среди «народа» в связи с предпринятым революционерами той эпохи «хождением в народ». Скрывшись после провала этой типографии, Мышкин на время уезжает за границу, но вскоре возвращается в Россию и делает поразительную по смелости попытку освободить томящегося в Сибири Н. Г. Чернышевского. Попытка не удалась. Мышкин был арестован. Вся последующая жизнь его прошла в заключении. Однако это не сломило до конца жизни Мышкина, его революционной энергии. Привлеченный по знаменитому процессу 193-х, Мышкин на суде произносит горячую речь, в которой бросает своим судьям упрек в продажности и в

желании выслужиться. Приговоренный к каторжным работам, он живет лишь одной мыслью — бежать, чтобы «продолжать борьбу». Попытки побега не удаются. Мышкина переводят в Шлиссельбург. Отчаявшись выйти на свободу, Мышкин решается на замаскированное самоубийство. Он наносит оскорбление действием смотрителю тюрьмы, хорошо зная, что за этим последует военный суд и смертная казнь. Расчет оказался безошибочным: в 1885 г. Мышкина казнили. Из этого краткого указания на основные моменты биографии Мышкина, видно, какой богатый материал дает беллетристу его жизнь. Нельзя не признать, что тема выбрана т. Язвичким весьма удачно. Насколько же удачно ее выполнение?

Книга В. Язвичкого написана занимательно, читается с неослабевающим до конца интересом и пробуждает в читателе горячее сочувствие к судьбе ее героя. Автор потратил много труда на изучение биографии Мышкина и проработал все материалы, сохранившиеся о нем. На этой почве автор зарисовал живой, волнующий образ своего героя. Это большое достоинство книги. Но есть в ней и крупные недостатки.

В тюремном периоде жизни Мышкина имеется темный и возбуждающий споры вопрос. Одни из мемуаристов, встречавшиеся тогда с Мышкиным (В. Г. Короленко, С. Ф. Ковалик) утверждают, что Мышкин страдал душевным заболеванием. Другие — знавшие Мышкина ближе (М. М. Черпавский) — отрицали это. Автор рецензируемой книги примыкает к последним. Его Мышкин — человек психически здоровый, хотя и не вполне уравновешенный вследствие тяжелых тюремных переживаний. Для того чтобы вполне обосновать свой взгляд на Мышкина, автору следовало бы определить свое отношение к одному интригующему документу — к показанию, данному Мышкиным в 1880 г., в котором он, обращаясь к царскому правительству, развивает оригинальный план разрешения социального вопроса путем создания «Новой России» через переселение «лучшей части» русского народа на берега Амура. Следует ли такое обращение к правительству расценивать всерьез, или же это был бред душевнобольного. Или это один из способов симулирования душевной болезни, как предполагает Черпавский. Биографу Мышкина необходимо ответить на эти вопросы, иначе неясным остается его взгляд на идеологию Мышкина. В. Язвичкий же предпочел обойти эпизод с показанием Мышкина полным молчанием.

Другой упрек, который можно сделать автору, заключается в том, что, хорошо изучив биографию Мышкина, он далеко не полно

ознакомился с его эпохой. А это привело автора к ряду фактических ошибок, порой весьма серьезных. Укажем на некоторые из них. Ильин (лицо, выдуманное автором) не мог говорить Мышкину о своей принадлежности к организованному каракозовцами тайному обществу «Ад» (стр. 18), так как арест помешал им организовать его. Обвинять Бакунина в том, что в 70-х годах он поддерживал идею о «земском царе» (стр. 80), значит клеветать на революционера. В 1874 г. никаких изданий за границей запрещенных сатир Щедрина (стр. 103) не существовало; это дело более позднего времени. В 1875 г. Мышкин не мог говорить о департаменте полиции (стр. 119), так как в то время политические дела ведались III отделением. Прокуроры на суде обвинительных актов не читали (стр. 213); это делали секретари суда и т. д.

Недостаточное знакомство т. Язвицкого с эпохой 70-х годов ярче всего отразилось на той части его книги, которая посвящена встречам Мышкина за границей с русскими эмигрантами. Это наиболее слабое место романа. Соответствующие страницы книги т. Язвицкого являются неудачной переделкой аналогичных глав «Повестей моей жизни» Н. А. Морозова. Действительно, Морозов, приехав за границу, отыскивает Ткачева. И Мышкина автор заставляет делать то же самое. Морозов, не зная точного адреса Ткачева, попадает к некоему Рождественскому (фамилия, выдуманная Морозовым). И с Мышкиным повторяется это. Морозов рассказывает о Шебунах, не отдавших ему взятых у него займы денег. И Язвицкий упоминает об этом, не подозревая даже, что у Морозова под фамилией Шебунов выведены известные революционеры Жебуневы, которые в действительности не были такими легкомысленными болтунами, какими изображает их Морозов. Морозов рассказывает о том, как он редактировал эмигрантскую газету «Кабатник» и как был принят в анархический интернационал. И Язвицкий говорит об этом. Морозов описывает, как эмигранты, сидя в кафе, пьют вино и поют карманьолу. И у Язвицкого изображена такая же сцена. Особенно курьезно то, что в действительности Мышкин не мог слышать за границей ни о присвоенных Шебунами деньгах Морозова, ни о редактировании им газеты, ни о его принятии в Интернационал — по той простой причине, что Морозов ездил за границу позже Мышкина. Но этого мало, слепое следование за мемуарами Морозова и неумение критически отнестись к ним приводит Язвицкого к еще более серьезной ошибке. Дело в том, что Морозов писал воспоминания в те дни, когда он по своим политическим взглядам был близок к кадетской партии. Это ярко отразилось на его книге, в

частности на его изображении эмигрантов 70-х годов, трактуемых им в иронических тонах. Такая же трактовка перешла и к Язвицкому. Если верить автору «Непобежденного пленника», эмигранты занимались почти исключительно сидением в кафе, пустыми разговорами и пением карманьолы. Между тем, такое отношение к эмигрантам неправильно. Эмиграция первой половины 70-х годов делала свое дело, и немаловажное. Известно, что в это время ее идейное влияние на русских революционеров было очень велико. Эмиграция первой половины 70-х годов была лабораторией, в которой вырабатывались революционные идеи, переходившие затем в Россию; такова судьба платных тогдашних революционных направлений: бакунизма, лавризма и русского бланкизма. Только позднее, в эпоху «Земли и воли» и «Народной воли» идейное значение эмиграции на время падает. Вот почему трактовка В. Язвицким эмиграции первой половины 70-х годов — наиболее серьезная ошибка, допущенная им в его книге.

В. Никонов

ПРИМИТИВИЗМ ПРИВЕЛ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ НЕПРАВДЕ (АТЛАС М. «ИЗ ПРОШЛОГО»)

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 1. С. 19.*

**АТЛАС, М. Из прошлого. — Симферополь. Госиздат. Крым-
АССР. 1933. 31 стр. 75 к. 2000 экз.**

Наша литература небогата книгами, разрабатывающими локальный материал отдельных областей огромной страны.

Тем менее, краеведческая тематика представлена в детской литературе, хотя здесь она особенно важна. Законно и ценно стремление провинциальных авторов и издательств заполнить этот пробел своими силами.

И рассказ М. Атласа о героической борьбе керченских партизан был бы очень нужен, если бы хорошие установки его не снижались низким качеством выполнения. Думается, надо отбросить оскорбительную «благодетельность» критики, подходящей к провинциальным произведениям со сниженной меркой. Детский читатель требует полноценной литературы. Да и самому автору — в общем владеющему литературной техникой — снисходительность оценки только повредила бы.

Автору свойственна крайняя схематизация в обрисовке образов. В персонажах вытравлено все индивидуальное, биографическое, что может создать облик конкретного героя. В рассказе действуют не живые подростки, а безликие винтики сюжетного механизма, лишённые всех человеческих качеств и свойств. Но с этим еще можно бы помириться — повествование разворачивается в авантюрном жанре, где психологическая глубина отступает перед внешней остротой фабулы. Приключенческий рассказ держится не на характерах, а на положениях.

Хуже, что упрощенчество вульгарно истолковывает явления, с маху аннулирует трудности, грубо искажает действительность. Можно ли поверить автору, что на ответственнойший участок подпольной работы посылают двух 16-летних юнцов — организовать восстание в тылу белых!

Больше того, один из посланных оказывается провокатором, так как посылают без всякой проверки, после кратчайшего знакомства. Другой же блестяще справляется с поручениями, командуя ротой партизан. Весь этот ненужный вымысел объективно является клеветой на революционное движение и его партийное руководство. Не было такой безответственности в большевистском подполье! Ложный взгляд, будто в молодежном произведении подростки должны возглавлять события, привел к политической ошибке «авангардизма» и извратил жизнь. То же упрощенчество и в описании противника, насквозь глупого и мелкого (хотя белые даны лишь беглыми штрихами и фальшь поэтому не так заметна).

Примитивизм, насилуя подлинную, противоречивую реальность, неизбежно ведет к политической и художественной неправде. «Шаг за шагом, город за городом переходили к Красной армии. За крепкими укреплениями Перекопа укрылись белые. Казалось, что Перекоп неприступен. Но разве есть такие крепости, которые рабочий не одолел бы, когда партия к этому призывает? К третьей годовщине Октября Крым стал советским». До чего просто! Но разве этот «гром победы раздавайся» хоть в какой-то мере правдиво изображает упорную, тяжелую борьбу, которую мы вынесли?

Правильно стремясь в конце книги увязать рассказываемое с текущими задачами, автор делает это механически. Посылая своих героев на реконструкцию Керченского завода, он рисует наше сегодня как штурмовщину. Но методы строительства, а тем более освоения новой передовой техники — не методы гражданской войны, да еще в ее партизанской форме. Тут снова искусственный псевдоромантизм влечет за собой политическое искривление.

Вообще, вся эта концовка механически приклеена и совершенно нехудожественна. Она целиком построена из общей и пустой фразеологии, лишенной не только убедительности, но и всякого содержания: «Враг убежал. Врага мы выбили. Долго будут помнить враги наши атаки. Теперь новые атаки. Атаки за социализм. Мы строим социализм». Эта напыщенная декламация представляет худший вид той «политической трескотни», которую так бичевал Ленин. Она не только ничего не раскрывает, но и вредна, потому что создает иллюзию, будто потоком громких слов можно что-то

объяснить и что-то сделать. Нет ничего опасней этой трескотни для ребят, у которых и без того слишком часто отвлеченные и чисто словесные, лозунговые понятия заслоняют действительное знание.

Непростительной небрежностью вызван и целый ряд нелепостей в художественной ткани рассказа. Неправдоподобна встреча на бульваре, кишашем офицерами, где подпольщики разговаривают о своих делах настолько громко, что Миша все разобрал.

Представлял ли себе автор и следующую сценку: конспираторы замечают за собой двух выслеживающих людей (Мишу и Юсупова), заводят их на пустырь и... предоставим в этот напряженный момент слово самому рассказчику: «И Мишка, и Юсупов, почувствовали у лба холодные дула револьверов... Ни с места, руки вверх!.. Пришлось поднять руки. Перед ними стояли две темные фигуры, держа каждый по револьверу. Но вот один из них, что стал возле Мишки, затаился папиросой, и бледная огненная точка на миг осветила его лицо. — Вася! — крикнул Мишка». По-человечески можно понять автора, которому нужно дать узнавание героев, но пусть и он по-человечески представит их положение, заставляя и держать наведенный револьвер, и в то же время закуривать! К числу таких нелепиц относится расстрел Юсупова (когда у двери ходит шпик) и обыск его трупа когда он был голым, так как всю одежду повесили сушиться парой страниц раньше). На странице 9-й автор, только что усадив героев на скамейку, немедленно забывает об этом и через 4 строки объявляет: «как два петуха они стояли друг против друга». Не эта ли вереница нелепостей и ошибок заставила редактора уже после выхода издания пустить книгу в машину, чтобы типографской краской закрасить свою фамилию? Но подобная «анонимность», чудовищная в нашей печати, не только не снимает, а повышает ответственность работников из Крымгиза.

А. Алпатов

НЕЯРКИЙ ПОКАЗ ИСТОРИИ (НАСИМОВИЧ А. «ЗАЗОРНЫЙ»)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1934. № 2.
С. 10-11.*

Насимович, А. Зазорный. Историческая повесть из времен пугачевщины. — М. Изд. «Моск. т-во писателей». 1933. 186 стр. 1 р. 80 к., перепл. 40 к. 5200 экз.

Старший и подростки

На фоне исторических и бытовых сцен второй половины XVIII в., как бы долженствующих дать художественный образ пугачевщины, дана история крестьянского мальчика-подкидыша — Микитки.

В наказание «за строптивость» его отправляют «вечноотданным» на графскую суконную фабрику, откуда он бежит вместе с отрядом восставших во время пугачевщины рабочих. В обстановке усиливающихся крестьянских волнений, разгорающегося пожара пугачевщины Микитка гибнет, случайно захваченный разъездом драгун.

Начальные главы повести сильно напоминают «Дубровского» Пушкина. Ссора могущественного и своевольного феодала графа Рюмина со своим обедневшим, но гордым соседом Гориним явно повторяет знакомую читателям ситуацию вражды помещика Трокурова со стариком Дубровским. Конечно, у Насимовича иначе освещены обе фигуры: и тот, и другой даны в резко отрицательных чертах на фоне мрачного давящего крепостнического быта. Довольно интересны с этой стороны такие сцены и эпизоды, как описание пышных графских именин, чтение крепостным мальчиком торжественной оды, шумная увеселительная поездка «сиятельных» гостей и т. д.

Но уже в этой 1-й части повести выступают ее слабые стороны. Схематизм, поверхностность в воспроизведении конкретной исторической обстановки, натянутость, искусственность некоторых

эпизодов и ситуаций, наконец, бледный невыразительный язык, совершенно не передающий колорита изображаемой среды и эпохи, — таковы значительные недостатки повести.

Исторические описания, бытовые сцены, портреты лишены конкретизирующих ярких подробностей. Это создает временами досадное ощущение какой-то нежизненности. Возьмем, например, 2-ю главу второй части. Бедность и нужда задавленной крепостничеством деревни даны как-то отвлеченно в расплывчатых жалобах мужиков, разговаривающих с Микиткой: «И дрова ему, скаженному, вези, и на мельницу езжай, и пятнадцать рублей чистыми с тягла, да холста натки двадцать аршин, да барана сготовь, да утку, да гуся пожирней; масла ему набей три фунта...». Стоит сравнить эти традиционные мотивы крестьянского недовольства у Насимовича с показом гнетущей нищеты и забитости крепостного крестьянства, скажем, в «Петре I» А. Толстого в изображении крепостной семьи Бровкиных (начало 1-го тома), чтобы почувствовать всю эту разницу между подлинным проникновением в эпоху и чисто внешними историческими атрибутами, как в данной повести.

Искусственность, натяжка заметно чувствуются в целом ряде эпизодов повести. Вопреки своему же описанию графской суконной фабрики как суровой постройки тюремного типа, вопреки собственным упоминаниям о строжайшей дисциплине и охране, которая там существовала, Насимович рассказывает том, как Микитка с легкостью бегал из нее в деревню на тайное сборище.

Как он мог пробраться из такого острога, как он мог вернуться назад незамеченным — этого даже не пытается разъяснить и мотивировать автор. Условность, надуманность ситуации бросается в глаза и в 9-й главе («Бунт»). В разгаре фабричного возмущения, когда бушующая толпа рабочих громит лабазы и фабричную контору, Микитка, вставши в позу, патетически декламирует вирши Ломоносова, заученные им когда-то в помещицьем доме:

«Кто море удержал брегами
И бездне положил предел.
И ей свирепыми волнами
Стремиться дал не велел».

Вдобавок в течение 2—3 месяцев юный бунтарь Микитка овладевает без бумаги и чернил тарабарщиной, особой шифрованной речью, выучившись при этом образовывать самостоятельно самые трудные слова. Конечно, так называемая «тарабарская речь», «тарабарские словечки» были распространены среди пугачевцев, но

отсюда еще очень далеко до такого словотворчества а ля Хлебников, каким наделяет Насимович своего Микитку (стр. 91). Кроме того автору вообще не мешало бы иметь в виду, что, по свидетельству историков, неграмотны были в то время даже Пугачев и большинство его сподвижников.

Стоит отметить в повести Насимовича еще такие исторические погрешности. На стр. 149-й и 171-й описывается автором одежда крестьянского мальчика Микитки и упоминается его пальто, «пальтишко». Не хватало еще, чтобы Насимович вместо армяка или кафтана одел его в коверкотовый реглан!.. Весьма сомнительный материал дает автор в «Зазорном» о воспитании детей и о воспитательных домах. Прежде всего Микитка в 1773 г. не мог видеть в деревне у крестьянки «шпитонка», подкидыша, взятого для вскармливания из воспитательного дома. Раздача указанных детей в крестьянские семьи с оплатой из воспитательного дома началась значительно позднее, уже в начале XIX в. в царствование Александра I. Во-вторых, деревенская женщина, взявшая на вскармливание ребенка, заявляет у Насимовича: «Из воспитательного дома мне за него корявого пять целковых в месяц из Москвы шлют» (стр. 56). Это явно преувеличенная сумма, тем более фантастическая и нереальная, что несколькими страницами дальше автор сообщает существовавшую тогда среднюю заработную плату рабочего на фабрике — около 1 р. 60 к. в месяц (стр. 73).

Весьма слабой стороной повести являются также словесно-изобразительные средства, используемые автором. Для такой темы, как пугачевщина и екатерининская эпоха, можно было бы привлечь богатейший лексический материал, с одной стороны, из фольклора, с другой стороны, из подлинных исторических документов и литературных памятников XVIII в. Автор этого не сделал. Диалоги персонажей, его собственная речь поэтому очень бледны и невыразительны, лишены соответствующего исторического колорита. Если Насимович и пытается иногда настроить язык на архаический лад, то делает он это самым примитивным способом — механическим прибавлением и отнятием приставок: вместо «боялся» пишет «забоялся», вместо «погиб» — «сгиб», вместо «освободить» — «свободить», вместо «оробел» — «обробел» и т. д. Кое-где вставляет он славянизмы: «колико», «сей», «оное», но тоже как-то случайно, без учета связи этих слов и выражений с определенной социальной средой. И помещик Горин, и граф Рюмин, и лакей Рюмина, и пастух, и Микитка, и крестьяне, и многие другие персонажи говорят у Насимовича, прибегая часто к пословицам и поговоркам, в рифму,

вроде: «Наряд-то соколий, а походка воронья», «Хорошо свистнул, да плохо брызнул», «Хоть пьян, да из дворян», «За голым гнать — нечего взять», «Писал писачка, да имя ему собачка» и т. п. Не говоря уже о том, что сами по себе эти поговорки маловыразительны и нехарактерны для той эпохи, такое злоупотребление ими в повести стирает разницу, смазывает индивидуальную речевую характеристику каждого персонажа.

Лучше других сделана сцена посещения старым графом своей фабрики, фабричный бунт, данный в общем правдоподобно и живо. Неплохо сделана фигура старого фабричного сторожа Макарыча, конторщика Березы, деревенского мальчика Миньки с его грустными песнями. Интересно задуман образ одного из руководителей восстания дяди Коваля.

Подводя итоги всему сказанному, следует характеризовать «Зазорного» Насимовича как повесть, в целом, малоудачную.

Важно подчеркнуть еще то обстоятельство, что «Зазорный» Насимовича вопреки указанию издательства «МТП» появляется в нашей печати не впервые. Повесть эта уже издавалась Гизом в 1930 г. для детей старшего возраста и подростков под другим заглавием «Вулканусова сила». В настоящее переиздание ее внесены кое-какие мелкие поправки и одна новая глава «Пребогатый гость» (ч. 3-я), малозначительная по содержанию, дающая картину тайного сборища приписанных к заводу крестьян. Возникают недоуменные вопросы: во-первых, чем мотивировано издание одной и той же исторической повести под двумя заглавиями, и, во-вторых, какому читателю — взрослому или подростку — адресуется в конце концов автор?

А. Тарасов-Родионов

ЭСКИЗНО И ИСТОРИЧЕСКИ НЕТОЧНО (КАВЕРИН В. «ОСАДА ДВОРЦА»)

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 2. С. 5-6.*

КАВЕРИН, В. Осада дворца. Рассказ. Рис. Н. Тырсы. 6-е изд. — Л. и М. «Мол. гвардия». 1934. 41 стр. 35 к. 10325 экз.

Старший и средний

Описание осады и штурма Зимнего дворца 25 октября 1917 г., сделанное в очерковом жанре, представляет собою маленький отрывок из небольшого романа того же автора «Девять десятых судьбы», который был издан в 1926 г. И в романе том, и в данной своей книжке автор, по-видимому, менее всего претендовал на широкий и углубленный показ взятого им выдающегося исторического события. Здесь нет показа военно-революционного комитета, который по заданиям большевистской партии, под непосредственным руководством Ленина и Сталина разрабатывал детальный план Октябрьского восстания и осуществлял его на деле. Здесь нет также ярких картин, характеризующих социальную сущность Октябрьской революции, да и отдельные взятые из нее события и случайно выведенные в них автором действующие персонажи даны очень поверхностно, эскизно и с точки зрения исторической правды далеко не точно. Вследствие этого ряд моментов, приводимых автором без достаточного их объяснения, может показаться читателю странным и досадным. Не объяснено, например, почему Военно-революционный комитет задерживал начало штурма, невзирая на нетерпение атакующих масс. Почему надо было стрелять из орудий непременно с Петропавловской крепости, тоже не объяснено.

Но Каверин не историк. Он писатель, неплохой мастер художественного слова. Он поставил себе целью дать коротенькую беглую картинку напряженности того боевого порыва, с которым восставшие массы рабочих, солдат и матросов штурмовали Зимний дворец

с засевшим в нем Временным правительством. И Каверин выполнил эту задачу довольно успешно. Его брошюра до некоторой степени передает дух того момента и тем самым помогает нашим читателям и в особенности нашему молодому поколению представить себе обстановку тех великих минувших боев.

Рисункам художника Тырсы нельзя отказать в определенном мастерстве. Но они не волнуют, не вызывают необходимых эмоций, связанных с героическими днями Октябрьского переворота.

Художник как будто слишком спокоен и, находясь как бы в положении стороннего наблюдателя, бесстрастно фиксирует отдельные моменты рассказа. Вследствие этого различные формальные приемы изобразительной характеристики приобретают у него иногда самодовлеющую ценность и не связаны в должной степени с стремлением раскрыть содержание.

Этот налет эстетизма присущ рисунку на обложке книги, в котором художник, слегка намечая место действия и не развивая сюжета, передает лишь стремительность движения.

То же можно сказать и о рисунке на стр. 11-й, где художника прежде всего интересуют эффективность искусственного ночного освещения; правда, в черных силуэтах кронштадтцев, стоящих спиной к зрителю, ему удалось показать серьезную, торжественную настороженность массы, охваченной экстазом, но оратор скорее напоминает романтического героя, чем одного из руководителей пролетарского восстания.

Вообще в иллюстрациях далеко не благополучно с типажем и героям Октября. И Антонов-Овсеенко (стр. 29 и 42), и большинство матросов и красногвардейцев не удалась художнику.

Показ врагов революции дан лучше. На стр. 40-й Тырса изображает юнкеров: они растерялись, застыли, нестройным стадом прижались к двери, за которой спряталось Временное правительство, винтовки готовы выпасть у них из рук. Но самым решительным образом следует возразить против рисунка на стр. 43-й: красногвардейцы, взявшие Зимний, пробившиеся в караульную комнату, показаны Тырсой такими же растерявшимися, рисунок не передает ни уверенности, ни боевой организованности, ни настроения победы.

Решительные возражения вызывает и типаж красногвардейца на первом плане рисунка на стр. 38-й.

Иллюстрации в данном издании во многом теряют еще благодаря небрежной печати, которая не передает тонких тональных переходов разливки тушью.

А. Жаворонкова

**ИЗ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ РЕБЯТ ВОСТОКА
(САМОХВАЛОВ А. «МСТИТЕЛЬНЫЙ
ХУДЖАР»)**

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 3. С. 13-14.*

Оценка оформления В. Верта

**САМОХВАЛОВ, А. Мстительный Худжар. Рис. автора. 3-е изд
— М. и Л. ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 47 стр. 35 к. 50325 экз.**

Средний

Жизнь национальностей нашего Союза нашла достаточное отражение на страницах детской книжки. Но большинство этих книжек нельзя назвать удачным. Еще на I всесоюзной конференции по детской литературе Н. К. Крупская предупреждала об опасностях великодержавного шовинизма в подходе к национальным темам, который выражается чаще всего в подчеркивании черт отсталости нацменьшинств без достаточного раскрытия классовых причин, порождающих эту отсталость; предупреждала об увлечении национальной экзотикой, которое мешает видеть огромные сдвиги в экономической и культурной жизни народностей Советского союза в результате развернутой в нем социалистической стройки.

Немногим из детских авторов удалось избежать этой опасности. И среди этих немногих — Александр Самохвалов.

В творчестве Самохвалова «Мстительный Худжар» — это вторая книжка на национальную тему. В первой своей книжке «Путь в Саиб» автор рисует чисто бытовую картинку из жизни ребят Востока. В «Мстительном Худжаре» он также строит сюжет вокруг ребенка. Но здесь тема социально углублена. Описывая жизнь одиннадцатилетнего батрачка Нарзыка, Самохвалов раскрывает (позже мы увидим, насколько удачно) в этом частном случае подневольность и тяжесть детского труда, судьбу маленьких наемников

в капиталистическом мире. Эту тему подневольности и безысходности, осложненных глубокими детскими переживаниями, автор развивает в остроумном и занимательном сюжете.

Нарзык служит в кузнице. В состоянии тяжелой и злобной одурности от мучительных условий жизни Нарзык бросает раскаленные щипцы в проходящего мимо верблюда богача Галли, а затем, напуганный рассказами о необычайной мстительности верблюдов, не прощающих обид, Нарзык все время живет в ужасе и страхе перед возможной местью верблюда Худжара. Нарзык всячески избегает встречи с Худжаром. Но положение его становится безвыходным, когда его отдают на службу к Галли, который поручает Нарзыку ходить за верблюдом. Безвыходность ясна и для Нарзыка, и для читателя. Единственное спасение Нарзык видит в том, чтобы хорошим уходом расположить в свою пользу Худжара. Но трудность этого заключается в том, что Нарзык боится приблизиться к Худжару. На этой почве происходит ряд трагических для Нарзыка событий. Нарзыку кажется, что Худжар его преследует с враждебными целями, тогда как верблюд просто очень привязался к мальчику. Одно из «преследований» верблюда едва не кончается для Нарзыка катастрофой падением в пропасть. Но все обходится благополучно. «Враги» живут в мирном и ласковом содружестве.

Автор перенес благодаря такому сюжету всю тему в плоскость детских переживаний и тем самым сделал книжку особо доходчивой для читателя-ребенка. Читатель с напряженным интересом следит за всеми перипетиями борьбы Нарзыка с собственным страхом и воображаемой опасностью, по мере рассказа догадываясь, что опасность эта мнимая. Но читатель недостаточно различает, благодаря отвлекающим подробностям сюжета и недостаточной четкости авторской мысли, основную причину тяжелого положения Нарзыка — причину необходимости быть прикованным к своему мнимому «врагу», необходимости служить у богача Галли. Автор слишком увлекся разработкой сюжета и не поставил нужного акцента, не заострил внимание читателя на социально-классовых причинах, порождающих подневольность Нарзыка.

Так например, очень мало внимания уделяет Самохвалов хозяйину Нарзыка — баю Галли. Лишь слегка, мимолетным штрихом, автор приоткрывает на мгновение его классовую природу («Галли всегда ласков, всегда улыбался, хотя иные плакали из-за него, а двое работников сами на себя наложили руки»). Но такая характеристика не находит себе далее подтверждения в обращении Галли с Нарзыком. Здесь он предстает не эксплуататором детского труда,

а добряком, ласковым к Нарзыку хозяином. Классовый образ Галли во взаимоотношениях его с Нарзыком не раскрыт.

Предположим, что автор намерен был ограничиться только рассказом о трагикомической истории отношений Нарзыка и Худжара, не ставя пред собой более широкой темы. Но из самого материала, данного автором, вытекает эта тема о подневольности детского труда в условиях капиталистических взаимоотношений, и автору необходимо было эту тему заострить. Да и попытки в этом направлении он все же делает (в последнем, 3-м издании рассказа), стало быть, такая тема была в его замысле.

В рассказе не уточнено время действия. Общей фразой ограничивается автор: «в силе тогда были богачи». Этого мало. До ликвидации кулачества богачи были и при советской власти. Борьба продолжается и сейчас. Надо уточнить время действия, чтобы у ребят сохранилась правильная историческая перспектива.

К достоинствам рассказа надо отнести яркий образ Нарзыка. Автор дает его с большим мастерством, с пониманием детской психологии, с теплым ласковым юмором. Особенно удалось Самохвалову передать глубину детского отчаяния, беспомощность его детского горя. Интересными и яркими страницами книжки являются сцены ожидания Нарзыком приближающегося к нему верблюда, состояние мальчика, одуревшего от измотавшей его маленькие силы работы, бессильно и бесцельно направляющего свою злобу против ни в чем неповинного животного, затем переживания Нарзыка, связанные с поступлением на службу к богачу Галли; колебания его детской надежды, нарастание страха перед надвигающейся бедой. Все это дано глубоко психологично и в то же время вполне понятно читателям-ребятам. Самохвалов находит для всего этого характерный язык: короткие фразы, своеобразные обороты с неожиданными концами. Самохвалов почти не употребляет сравнений, но язык его очень образен. Это достигается им точностью выражений, простотой их и ясностью. Тонкий юмор не покинет автора в описании даже самых трагических положений его героя, и это облегчает читателю восприятие рассказа.

Взяв национальную тему, рисуя образ маленького узбека, Самохвалов сумел избежать опасностей, от которых предостерегала Н. К. Крупская. Отражая удачно национальный колорит, Самохвалов не увлекается восточной экзотикой и не впадает в великодержавный шовинизм. Его рассказ — кусок живой действительности прошлой жизни Бухары.

Самохвалов является одновременно и автором текста рецензируемой книжки, и ее иллюстратором. Это обстоятельство способствовало созданию необходимого единства между словесным образом и образом графическим. Последний непосредственно вытекает из первого, дополняя его четкой характеристикой деталей.

Выразительно показан в иллюстрациях герой рассказа — Худжар: «очень хороший верблюд — двугорбый, самый большой, самый красивый и самый сильный». Художник дает почувствовать своеобразную красоту этого холеного животного с расписной шерстью. Громадный, разлегшийся во всю ширину улицы и преградивший путь бедному Нарзыку (стр. 17), поднявший голову над крышей дома (стр. 31), бегущий за мальчиком (стр. 35, 45) — он действительно, несмотря на все свое добродушие, может внушить страх.

Весьма выразительно и не без юмора поданы художником и другие персонажи рассказа: богатый бай Галли, кузнец Кабир и его работник Садык и, наконец, главный герой мальчик Нарзык. Художнику удалось с трогательной простотой и легкой добродушной улыбкой передать все переживания Нарзыка после его «роковой» встречи с Худжаром.

Большой выразительности своих иллюстраций художник достигает умелой передачей поз и движения, четкой линией контура, подчеркиванием наиболее характерных деталей. Условность его графических приемов не переходит в данном случае границы, за которой эти приемы становятся самоцелью, а напротив, помогает художнику выделить в рисунке наиболее существенное. Красочная обложка изображает момент, когда Худжар настаивает Нарзыка на краю пропасти. Художник удачно выбрал именно этот эпизод, который в сочетании с названием «Мстительный Худжар» заинтересовывает читателя.

А. Жаворонкова

КНИЖКЕ НЕОБХОДИМО ПРЕДИСЛОВИЕ (Д'ЭРВИЛЬИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА»)

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 6. С. 13-15.*

**Д'ЭРВИЛЬИ. Приключения доисторического мальчика. Перев.
А. В. Мезьер. Изд. 7-е. — М. «Посредник». 1934. 125 стр. 70 к. 11500
экз.**

Историческая беллетристика, помогающая ребятам в конкретных образах освоить далекое историческое прошлое человечества, имеет огромное значение как для общего развития ребят, так и в деле преподавания истории.

Книга Д'Эрвильи переиздавалась советскими издательствами много раз, что уже само по себе говорит за нее. Поэтому еще одно переиздание повести Д'Эрвильи, освещающей доисторическое прошлое человечества, очень полезно.

Достоинство книги — сочетание занимательной фабулы с богатым познавательным материалом. Сюжет повести — чистейшая выдумка. Но эта выдумка построена на конкретном научном материале, который дает читателю представление о жизни первобытного человека.

Содержание повести разворачивается в двух направлениях. С одной стороны, автор знакомит читателя с бытовой и частью с производственной стороной жизни первобытной коммуны, рассказывает о способах борьбы за существование, о различных видах орудий и их выделке, о роли огня, о постепенном движении человеческой мысли в сторону усовершенствования способов борьбы с природой. С другой же стороны, автор разворачивает линию личной судьбы маленького Крэка, изгнанника своего племени.

Для осуществления научной своей задачи автор рисует первобытную охотничью коммуну, находящуюся еще в стадии первичного производственного объединения, и сюжетно перекидывает от нее мостик к более развитой форме родовой коммуны периода свайных построек. Такое объединение доисторических периодов, разделенных вековыми прослойками — времени, дано автором условно, в целях сравнительного показа отсталых форм с более совершенными. С такой условностью можно согласиться, поскольку она позволяет нагляднее показать движение развития человеческого общества доисторической эпохи.

Но что вызывает наше возражение — это отсутствие научной точки зрения на ход этого развития. Автором не показана движущая сила этого развития: он показывает более сложные формы человеческой жизни, более сложный путь прогресса. И здесь им совершенно не вскрыта роль производственной — деятельности человеческих обществ доклассовой эпохи как прогрессивного фактора в развитии общественной жизни. Отсюда — богатые фактические данные о материальной культуре, которые отобраны автором с достаточной четкостью в смысле научного обоснования, остаются в книге несколько расплывчатыми, не организующими познавательного процесса ребенка, читающего эту книгу.

Автор пытается все продвижение вперед первобытных человеческих групп объяснить особенно развитым умом Старейших, Верховных вождей. Старейший научил группы добывать огонь, Старейший рассказывает молодежи о всех свойствах растений, животных. Как будто Сократ или Платон ведет свои бесконечные беседы со своими учениками — будущими философами. Здесь автор дал полнейший простор взглядам ранних буржуазных философов (Гольбах, Гельвеций), что человеческое общество двигается вперед отдельными гениями, особенно разумными людьми. Тоска по «разумным правителям» государств воплотилась в идею Старейшего в группе. Автор пытается представить всех членов группы, кроме Старейшего, какими-то манекенами, слепо выполняющими волю Старейшего. Все делается только по приказу Старейшего. «Затем по знаку, данному Старейшим, все челюсти сразу принялись за работу, быстро разрывая и пережевывая кровавую пищу». Если кто, по автору, «имеет свое лицо», проявляет себя сколько-нибудь, так это только тот, кого Старейший прочит себе в заместители (Крэк).

Автор так и не объяснил, какая же основная причина двигала тогда развитием человечества: «знания» или орудия работы, орудия производства.

Автор не показал ясно, что только пользование орудиями отделило от животных человека, только пользование орудиями изменило руку человека, изменило его всего, его мозг, изменило состав его пищи, даже химический состав его крови, — а не какой-то особенный ум, «гений» Старейших.

Нельзя, конечно, предъявлять буржуазному автору требований научного марксизма в подходе к историческим темам. Но советскому издательству можно поставить упрек в выпуске книжки Д'Эрвильи без соответствующих поправок, хотя бы в виде примечаний и предисловия.

Сюжетная линия повести разворачивается вокруг основного ее героя — Крэка, мальчика, нарушившего закон своего племени (о хранении огня) и изгнанного за это. В погоне за занимательностью сюжета — автор допустил фальшь как в обрисовке первобытного человека, так и в описании ситуаций, в какие попадает Крэк. Перед автором стояла трудная задача — передать психологию первобытного человека и притом в форме, доступной пониманию современного детского читателя. Но автор такой задачи себе и не ставил. Сюжетное построение темы у него условное. Условно все — язык героев повести, чувства, какие они испытывают, и т. д. Однако, хотя бы и в пределах условности, автор должен был бы отразить характерное, подлинное. Вот этого-то в сюжете и нет.

Автор ставит порой своих героев в положения, не свойственные описываемой эпохе. У Крэка погас огонь. Крэк изгнан — вполне допустимое положение. Но чтобы из соображений какого-то долга глава племени бросил своих сородичей и присоединился к изгнаннику Крэку — ситуация невозможная, фальшивая.

Герои повести — первобытные люди — у Д'Эрвильи скорее современные ему люди буржуазной Франции с их психологией и с их моралью. Они вежливо благодарят, они нежно — любят своих братьев и сестер, они умиленно плачут от жалости, они проникнуты чувством долга: «Да, брат, теперь мы тебя уже больше не покинем» (стр. 58), «...ты не оставил своего старшего начальника в опасности. Я вспомнил об этом, я навсегда покинул пещеру. Видишь, я здесь» (стр. 59), «...в ушах в то же время раздаются нежные слова, целый поток нежных слов» (стр. 101) и т. д.

Сюжетное построение привело автора к фальши, к неверной обрисовке — внутренних взаимоотношений членов коммуны.

В сюжетном построении автор заботился только о занимательности и не думал об отражении в нем исторической правды. То же можно сказать о языке повести. Первобытные люди говорят

как благовоспитанные французские буржуа: «Не кричи так - громко, малютка», «Я любовался твоим мужеством, любознательным умом, твоей разумной памятью!» «Идите вперед, преступные дети». Сравнивая переводы повести различных русских изданий, мы убеждаемся, что такой язык не случаен. Дело не, в переводчике, а в авторе.

Сравнивая содержание повести в различных советских изданиях, мы должны отметить, что выпуск книги в 1934 г. издательством «Посредник», о котором идет речь в данной рецензии, не является лучшим. Издание той же книги «Молодой гвардией» в 1931 г. было более тщательным в смысле редактуры именно по линии выправления сюжета. Там был правильно выброшен ряд эпизодов, либо придающих рассказу анекдотический оттенок (случай с пеликаном, уносящим мальчика), либо дающих вообще невозможную ситуацию (о чужеземце Фо). Правда, полностью исправить не удалось. Это повлекло бы коренную переделку сюжета. Но в какой-то мере сюжет все же был выправлен. Издательству «Посредник» полезно было бы использовать поправки «Молодой гвардии». Книга требует тщательной редактуры. Может быть даже и переработки. Тогда она несомненно будет полезна. Но следует при этом помнить, что автор ставил на первый план задачу занимательности, тогда как нас в равной мере интересуют — научно-познавательные — качества книги.

Издатели французского оригинала отметили (предисловие к изданию т-ва Поповой, 1914), что автор «старался избежать как ненужного багажа фальшивого и претенциозного научного оттенка». В то же время издатели указывают, что в книге «изложены вкратце, чуть касаясь, как бы шутя и играя, все последние данные новейшей науки». Советское издательство, конечно, должно идти в другом направлении: не снижая занимательности книжки, стремиться обогатить — читателя правильными научными данными и притом не только в области материальной культуры описываемого периода, но и сведениями из области психологии первобытного человека и общественных взаимоотношений. Само собой разумеется, что книга требует соответствующего предисловия.

П. Лысяков

**ЗА ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
(КАВЕРИН В. «ВПЕРЕДИ ВСЕХ»)**

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 7. С. 14-16.*

КАВЕРИН В. Впереди всех. Рис. и облож. А. Пахомова. Изд. 3-е.
— Л. Детгиз. 1934. 40 стр. 35 к. 50325 экз.

Старший. Подростки.

Богата и необычна жизнь Григория Котовского. О Котовском-партизане, грозе помещиков и фабрикантов, в Бессарабии до сих пор рассказываются легенды и поются песни. О Котовском, командире кавалерийской дивизии, герое гражданской войны, знает почти каждый красноармеец, почти каждый пролетарий Советского Союза.

Книжка В. Каверина «Впереди всех» дает только два эпизода из жизни Котовского. Каверин очень живо и увлекательно рассказывает о неудавшейся попытке массового бегства арестованных из кишиневской тюрьмы в 1906 г. и ликвидации бандитского отряда Матюхина в Тамбовской губ. в 1921 г.

Даже только эти два эпизода обнаруживают необычное мужество и решимость Котовского, его крупные организаторские способности. И этих двух эпизодов достаточно, чтобы взволновать юного читателя, чтобы заставить его найти другую литературу о Котовском, о гражданской войне, о Красной армии.

Это положительное на первый взгляд качество книжки В. Каверина является вместе с тем ее самым слабым местом. Детская книжка, рассказывающая о конкретном историческом лице, действующем в конкретной исторической обстановке, должна дать ребенку не только изложение того или иного факта, события, но и объяснить этот факт, это событие, вскрыть образ героя.

Совершенно не оправдана книжка, которая только интригует, вызывает вопросы, но не дает никаких ответов, никаких знаний. Ребенок прежде всего хочет знать, понимать смысл и связь фактов. Вспоминаются замечания Н. Т. Чернышевского о детской литературе. «Детям, — говорил Чернышевский, — многое можно объяснить очень легко, лишь бы объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить с детьми».

Мы не можем сказать, что Каверин не понимает своего материала, но он не доверяет ребенку, боится за ребенка, оберегает его от всего того, что может вызвать работу мысли. Поэтому-то эпизоды из жизни Котовского сведены Кавериним к занимательным, похожим на анекдоты историям. Котовский — этот большой человек, проделавший в своей жизни серьезнейший путь от одиночки-протестанта, террориста к боевому знамени коммунистической партии — р15> по эпизодам Каверина воспринимается внешне, поверхностно, вне исторической эпохи.

Кто же такой Котовский? — спросит ребенок. Его не удовлетворяют, ему ничего не дадут общие характеристики Каверина.

«Имя Котовского было известно всей Бессарабии: достаточно было произнести это имя в любой бессарабской деревне, чтобы получить кров и пищу; достаточно было сказать это имя любому бессарабскому помещику, чтобы надолго лишить его спокойствия и сна. Котовскому было не больше двадцати двух лет; с семнадцати лет с оружием в руках он защищал бессарабских крестьян от сабли ингушей и нагайки помещиков» (стр. 8).

Не прибавляют ничего к уяснению личности Котовского и строки, внесенные в последнее рецензируемое издание. «Сперва его отряд был партизанским и не подчинялся никому, кроме своего командира. Но после ряда удачных боев, во время которых Котовский показал себя искусным и смелым полководцем, его отряд был включен в состав Красной армии. На Котовского надеялись, ему верили, с ним считались как с истинным революционером. И он сумел оправдать эти надежды» (стр. 23–24).

Читатель остается в недоумении. Для него неясна роль Котовского до революции, непонятно, почему он не был «истинным революционером» до «удачных боев».

Каверин пошел по линии наименьшего сопротивления. Он сосредоточил внимание на передаче события, эпизода, выпитив лишь одну черту характера Котовского — его самообладание, храбрость. В целом же образ Котовского остался нераскрытым.

Г. Котовский в своей автобиографии называет себя протестантом против существовавшего порядка вещей, мстителем за рабочих и крестьян. Котовский (это должен знать читатель) очень рано увидел беспросветную жизнь батрака, имел возможность сравнить ее со «сплошным праздником паразитов и эксплуататоров».

«Я был по натуре и психологии, — писал Котовский, — человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина, отсюда моя активная месть богачам, и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насилием и террором отбирал от богача-эксплуататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом» (Демо «Путь Котовского». 1996).

И читателю нужно было рассказать о той эпохе гнета и насилия над рабочим и крестьянином, когда начал свою борьбу Котовский, показать, как этот активный, честный, но политически еще малограмотный человек встал на неправильный бесполезный путь террора, путь мстителя-одиночки.

Котовский писал (там же): «Я с первого момента моей сознательной жизни, не имея еще тогда никакого понятия о большевиках и меньшевиках и вообще революционерах, был стихийным коммунистом, своей психикой, своей интуицией охватывающим сущность классовый борьбы между трудом и капиталом».

Котовскому понадобился богатый опыт жизни, опыт многих лет борьбы, чтобы понять, что есть еще иной путь, что для настоящего коммуниста недостаточно одной стихийности.

В сборнике памяти Котовского Ф. Кон подчеркивает, что Котовскому, к сожалению, в своей жизни не удалось столкнуться с теми, кто бы мог направить его на путь революционной борьбы. И только в 1917 г., «еще не осознавая и не охватывая умом всей работы большевиков», на съезде в армии Румфронта Котовский примыкает к большевистской фракции. Котовский два года затем проверял себя, изжил ли он партизанщину, стихийность, неорганизованность, недисциплинированность, прежде чем честно мог сказать самому себе: «Я могу быть коммунистом».

Должен же знать этот путь, этот рост героя читатель!

На материале второго эпизода Каверин мог бы дорисовать Котовского, показать его как коммуниста. Котовский к этому моменту замечателен не только храбростью, своей способностью побеждать врага. Новые черты появились у Котовского. Он способен на кро-

потливую повседневную работу по строительству Красной армии, он тщательно работает со своими бойцами, воспитывает в них понимание целей и задач революционной борьбы.

Идя по линии упрощения, по линии приспособливания к детскому возрасту, автор не договаривает и при передаче самих фактов. Первый эпизод — попытку организованного массового бегства из кишиневской тюрьмы — автор кончает грустными размышлениями Котовского о том, что за последними воротами тюрьмы остались улицы, дома, сады, веселый город, где он и его друзья могли найти приют в каждой подворотне. Не так просто смотрел на это бегство Котовский. Его бегство в конечном итоге преследовало не только освобождение арестованных. Оно ставило, если хотите, политические цели — дискредитировать местные власти, поставить их в глупое, смешное положение перед всей страной. План бегства был продуман до деталей: «разоружить всю тюремную и воинскую охрану, захватить тюрьму в свои руки, вызвать по телефону в тюрьму товарища прокурора, полицмейстера, всех приставов и жандармских чинов города для того, чтобы поодиночке арестовать их и упрятать в карцере. Затем вызвать конвойную команду, якобы для производства повального обыска, разоружить и ее и, имея в своем распоряжении одежду и оружие арестованных, инсценировать отправку большого этапа в Одессу, дорогою захватить состав поезда, чтобы следовать дальше уже по своему усмотрению» (Сибиряков «Г. Котовский»).

Крушение задуманного предприятия, уже после того, как тюрьма была захвачена арестованными, было тяжело для Котовского не потому, что за стенами тюрьмы оставался «веселый город», а потому, что ему не удался его смелый план дискредитации власти.

Та же недоговоренность в передаче второго эпизода. Мы знаем, мы подготовлены самим Кавериним к мысли о непобедимости и храбрости Котовского. Почему же отряд Котовского, «немногом больше» отряда Матюхина, не мог разбить бандитов, почему «многочисленные р16» стычки ни к чему не приводили?» (стр. 24). Автор не объясняет, что банда Матюхина пряталась в огромных непроходимых тамбовских лесах, что открытых сражений банда не давала.

При этих условиях только понятна хитрость Котовского: проникнуть в лагерь врага обходной дорогой. У Каверина хитрый Матюхин обманут очень просто. На самом деле для этого понадобилась особая дальновидность Котовского: очищение всего района от красных войск (чтобы отвлечь всякие подозрения Матюхина), дол-

гая учеба красных бойцов, «превращение» их в «заправских белых бандитов». Каждый красноармеец, следовавший за Котовским, был не менее храбр, чем его командир. Это заслуживает не меньшего внимания.

Каверин неточен и в передаче отдельных фактов. Он утверждает, что Котовский бежал из тюрьмы через неделю после сорвавшейся попытки массового бегства. Котовский бежал из железной башни кишиневского замка только через три месяца.

Второй раз Котовский бежал не из Николаевского каторжно-го централа, а из шахт Нерчинской каторги. В жизни Котовского не так много побегов, как говорит об этом Каверин, но многочисленные и смелые по замыслу попытки к бегству заслуживают внимания.

Кроме того, благодаря авторской и редакторской небрежности в книжке 4-го издания повторяются явные нелепости: «Рука наткнулась на рукоятку нагана и рассыпанные пули» — зачем могли быть в кармане рассыпанные пули? Может быть, патроны? «Курок щелкнул, новый, еще не пристреленный наган дает осечку». Это третий раз осечка в ответственный боевой момент! Никакой командир, а тем более такой, как Котовский, без проверки револьвера «не пристреленного» носить не будет.

Много неправдоподобного и в сцене разоружения надзирателя: сначала было сказано, что у надзирателя сорван револьвер, а потом, после переодевания, после длинных речей сказано: «Через несколько минут связка ключей и надзирательский револьвер на синем шнуре перешел к Котовскому вслед за мундиром» (стр. 34).

Есть неточные выражения: «С этим отрядом он наводил ужас на румын, поляков, гайдамаков и на белую добровольческую армию» (стр. 23). На всех румын и поляков, в том числе и на польских и румынских рабочих, трудящихся?

О многих мелких неточностях в передаче событий можно не говорить — они могли быть допущены автором для большей выразительности. Но совсем непонятно, зачем Каверину в первом эпизоде нужно было выводить героем тюремного надзирателя Москаленко, который с риском для жизни бежал из камеры, перебросился через тюремную стену и таким образом сорвал побег. В действительности же восставших выдали два предателя-уголовника, пытавшиеся убежать из тюрьмы в одиночку.

Каверин в погоне за простотой, в стремлении стать понятным ребенку отказывается показывать внутренний смысл описываемых

событий. Его интересует только движение событий, развертывание эпизода.

Для Каверина характерна короткая, четкая, насыщенная глаголами фраза, действенный диалог, умение насмешить читателя, создать чувство нетерпения, напряженного внимания. Этим он многого достигает. Но скольжение по событиям очень интересным, увлекательным не позволило автору схватить детали, вещи, героев. Люди, действующие в книге, безлики. Всех «черноусых молдаван», «безусых солдат», «рыжих мещан» не представишь себе. Даже для главного героя — Котовского — у Каверина не нашлось ярких слов.

Для характеристики Котовского автор берет напрокат из старых полубульварных романов такие, например, общие фразы: «Он был веселый, вежливый и храбрый человек». «Храбрость, сила, вежливость и красота не мешали (ему) быть человеком хитрым». Эти фразы, конечно, ничего не дают для понимания героя.

Книжка Каверина «Впереди всех» выдерживает четвертое издание (об этом, к сожалению, не знает ленинградское отделение Детгиза: на обложке рецензируемого издания 1934 г. помечено «третье издание»), но с 1926 г. выходит без заметных изменений, исключая мелкую литературную правку.

Желательно было бы видеть не механическое переиздание книжки, а переработанное автором, в котором был бы показан путь Котовского — этого замечательного человека — от стихийного террориста-одиночки до дисциплинированного члена коммунистической партии.

Литературы для детей о Котовском нет. Книжка Каверина может быть допущена для первого знакомства наших школьников с одним из виднейших героев гражданской войны. Но каждый руководитель внешкольным чтением (педагог, библиотекарь) должен помнить, что ребенок нуждается в дополнительной беседе, в дополнительных сведениях о Котовском.

Статьи о творчестве В. Каверина:

Ж. «На литпосту», 1932 г., № 4, стр. 7. Ефимов «За боевую творческую перестройку».

Ж. «Литературный современник», 1933 г., № 2–3, стр. 138. Корицкий «Медленное расставание».

Ж. «Звезда», 1932 г., № 2, стр. 151. Миллер-Будницкая «Эпигон формализма».

Ж. «Альманах год 16-й», 1933 г., № 2, стр. 518. Виноградов «Формализм и творчество».

Н. Гнедина

И НЕ ПИОНЕРЫ, И НЕ ИСТОРИЯ (БЕРГГОЛЬЦ О. «ПИМОКАТЫ С АЛТАЙСКИХ»)

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 7. С. 16-17.*

**БЕРГГОЛЬЦ, О. Пимокаты с Алтайских. Рис. П. Басманова. —
Л. Детгиз. 1934. 120 стр. 1 р. 25 к. 10325 экз.**

Старший. Подростки.

Тема книги О. Берггольц — история возникновения первого сибирского пионерского отряда в городе Барнауле. Рассказ ведется от имени участника, пионера Коли Молчанова.

На характер складывающегося пионерского отряда влияют местные условия: глушь, оторванность от партийного руководства, отсутствие промышленного пролетариата.

Ребята пионеротряда — дети кустарей-пимокатов (отсюда название книги), шорников и др. Перед пионерией, возникающей как организация, полярная бойскаутам, стоит задача отобрать и объединить наилучших «неорганизованных» ребят и вырастить из них крепкую партийную смену. Для этого приходится преодолевать влияние улицы, а подчас и чуждое влияние семьи, индивидуализм.

Книга пытается иллюстрировать ошибки и рост пионерского движения раннего периода.

Первый вожатый отряда, или, как он тогда назывался, начальник отряда, Леня — тип характерный для части комсомола 1921–1922 гг. Налицо чрезмерное увлечение внешней романтической революцией, левой фразой и, следовательно, выпячивание чисто внешней, показной стороны в пионерском движении. Отсюда отрыв ребят от учебы, быта, замыкание в рамках отряда, возникновение своеобразного пионерчванства и молодечества. Пионерия, массовая организация, какой она должна была бы быть, приобретает групповой характер. Ребята лишены возможности приложить свою естественную энергию к какому-либо серьезному делу и тратят ее

на драки с «песталоцами» (ученики платной школы им. Песталоцци). В то же время проводится почти военная дисциплина, и ребятам внушается мысль, что они всего лишь «играют в революцию». Происходит как бы разрыв между формой и содержанием: военизированным режимом отряда, с одной стороны, и его беспочвенностью и бездеятельностью — с другой. В результате по неопытности начотра Лени отряд, разменявшись на мелочи, теряет свое социальное лицо, становится аполитичной организацией.

Но вот приезжает председатель губбюро юных пионеров. Начотра Лению сменяют, происходит реорганизация отряда, и новый вожатый, девушка Шура, завоевывает симпатии отряда, хотя и не без труда, так как Леня сильно импонирует ребятам. С этого момента отряду внушается, что пионер должен быть первым в учебе, должен проводить работу среди неорганизованных ребят, помогать взрослым и т. п. Новый вожатый пробуждает в ребятах конкретный интерес к политике, связывает их с германскими пионерами, вызывает в отряде здоровое соревнование с ними — появляются первые ростки интернационального воспитания.

Ответное письмо немецких пионеров, Гамбургское восстание, борьба с контрреволюционным учительством, субботники окончательно выводят отряд и героев книги на правильную дорогу. Книга кончается тем, что друг рассказчика Коли Молчанова (активного пионера) — Женька Доброходов, главарь и заправило всех былых шалостей и драк, голубятник и озорник, долго и упорно бунтовавший против пионерии, — примыкает к ней, найдя для себя в отряде настоящее интересное и большое дело.

Пионерия становится ведущей организацией.

Книга О. Берггольц читается легко. История мальчишеской дружбы, претерпевающей испытания в борьбе и росте героев, написана тепло и со знанием ребят. Но следует сказать, что автор в плену собственного материала. Материал оказался сильнее писательницы. В погоне за большим правдоподобием и объективностью изложения (книга, как уже говорилось, написана в форме воспоминаний, и описываемые события даны с точки зрения 11–12-летнего мальчика) автор невольно затушеввал те явления, на которых следовало бы фиксировать внимание детского читателя. Так, например, ребятам самим приходится расшифровывать ошибки Лени; у детского читателя неизбежно возникает вопрос, зачем нужно было сменять Лению, когда ребята его любили. Таким образом, исправление и искоренение ошибок Лени, весьма характерных для детского

коммунистического движения раннего периода, в глазах ребят сводятся к механической смене руководства.

Кроме того, совершенно недостаточно весьма поверхностной характеристики бойскаутизма, данной устами Лени (стр. 34). Поколение ребят, читающих книгу, знает о бойскаутизме только понаслышке, и если бы в острой и боевой форме была дана художественная характеристика скаутизма как зародыша детского фашистского движения, читателю, конечно, была бы понятнее и смена начотра Лени, и дальнейшая эволюция отряда. Берггольц, как это вообще свойственно ее творчеству, берет изображаемую действительность чрезвычайно узко и схематично. Отсюда схематичны и ходульны характеры ее героев, искаженно раскрываются события, описываемые ею. Увлекаясь распрями, мелкими скандалами, иногда позой, Берггольц проходит мимо действительности.

Импонируя подчас худшим тенденциям детских интересов, ее книжки легко читаются детьми, но по прочтении их, как и рецензируемой книжки, остается пустота.

У читателя не складывается представления ни об истории пионерорганизаций, ни о типичном и особенном данной сибирской организации. Неплохо даны отдельные штрихи (характеристика Лени), но при отсутствии характеристики общего движения, освещающей идейное положение вещей, образ Лени оборачивается своей худшей стороной.

Следует отметить и то, что Берггольц злоупотребляет диалектизмами, что затрудняет чтение ребятам.

И еще хуже то, что книга изобилует уличными словечками. Это тоже своеобразное, но дешевое импонирующее детским вкусам.

В нашей детской литературе еще очень немного подлинно увлекательных книг на тему об истории пионерского движения; но, к сожалению, книга Берггольц не восполняет пробела.

П. Лысяков

**ПРОСТАЯ КНИГА О ПРОШЛОМ (БОНДИН А.
«МОЯ ШКОЛА»)**

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 8. С. 31-33.*

БОНДИН, А. Моя школа. Обложка, форзац и рис. Н. Травина.
— Свердловск. Уралгиз. 1934. 166 стр. 2 р., перепл. 50 к. 15 160 экз.
Средний. Старший

«Наша молодежь не знает, как страшно жил трудовой народ в старину, на земле, раздробленной в мелкие куски, в грязных темных фабриках, не знает, сколько сил и крови затрачено людьми, чтоб расчистить себе широкий путь к своей жизни», — так писал А. М. Горький в своем письме в журнале «Колхозник» («Правда» от 22 июля 1934 г.).

Наша молодежь, нами пионер, школьник слишком мало имеют книг, рассказывающих о прошлой тяжелой жизни, об упорной борьбе рабочих и крестьян с помещиками и фабрикантами. Наш ребенок очень смутно представляет, как жил его сверстник каких-нибудь двадцать лет назад. Чтобы сделать школьника сознательным участником социалистического строительства, ясно видящим завтрашний день, мы должны познакомить его с днем вчерашним, с жизнью и борьбой его отца и деда.

В настоящее время старое особенно вспоминается взрослым читателем. Мы имеем многочисленные произведения, отражающие жуткую жизнь прошлого, подчеркивающие лишний раз огромные достижения сегодня, грандиозные, радостные бодрящие перспективы завтра. Старое особенно обнаженно встает в рабочих автобиографиях. Такие автобиографии в большем числе стал печатать несколько лет назад «Профиздат». За ним пошли многие другие издательства.

В последний год только уральские рабочие дали три больших автобиографических произведения. Так, в «Штурме» печаталась

«Моя жизнь» дочери крепостного кузнеца, работницы с 50-летним производственным стажем Аграфены Коревановой, в «Штурме» же печаталась и вышла в отдельных изданиях известная автобиографическая повесть магнитогорского машиниста А. Авдеенко «Я люблю». «Пионерам — верной смене комсомола» посвящена автобиографическая повесть слесаря Тагильского ж. д. узла А. Бондина «Моя школа».

Повесть А. Бондина заслуживает нашего внимания. Это первая автобиографическая книга рабочего автора, ориентирующаяся на школьников, пионеров, ставящая целью познакомить их с действительно пережитыми днями прошлого, с тяжелой жизнью подростка в «людях», с его работой на заводе.

Жизнь рабочего-подростка, в каком бы промышленном районе мы его ни взяли, имела много общего. Можно было бы составить типовую биографию, сосредоточить в ней все этапы жизни ребенка рабочего класса: заброшенность в детстве, раннее включение в трудовую жизнь, жестокость взрослых, эксплуатация: такую типовую биографию рабочего подростка нарисовал в своей речи на известном процессе 50-ти (1875 г.) рабочий ткач П. Алексеев.

«Мы, миллионы людей рабочего населения, — говорил Алексеев, — чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени, от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет, мальчишками, нас стараются сбить с хлеба долой на заработки. Что же там нас ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сделную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду, питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли испорченного и зараженного нечистотами воздуха. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период. И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти?»

Под влиянием таких жизненных условий закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий на нас гнет капиталистов».

Все типичные моменты биографии рабочего-подростка мы видим в автобиографических произведениях А. М. Горького, А. Свирского и др. Эти же моменты мы находим и у А. Бондина.

Бондин добросовестно показывает жизнь рабочей семьи, еще ухитряющейся не впасть в отчаяние, еще напрягающей все силы, чтобы сводить концы с концами, но стоило умереть хозяину-отцу,

как все разлетелось в прах. Для сироты, семилетнего мальчишки, начинается жизнь, полная лишений, он живет у брата, изнывающего от непосильной работы, живет в приюте, работает на Демидовском заводе, пытается учиться. Мечта кончить городскую школу «вырвана жизнью, жить было трудно. Надеяться было не на что».

«Будет дурака валять, — говорил автору брат Александр. — Ученым все равно не будешь не с нашим рылом в калашный ряд лезть. Давай-ка отправляйся робить».

«И пошел я робить».

В своей повести А. Бондин честно пытается изобразить только то, что им действительно пережито. Он мог бы сказать словами Руссо: «Я мог принять за истину то, что, по моему мнению, могло быть истинным, но никогда не говорил заведомой лжи». Бондин боится «смешения действительного с желаемым» — характерного явления для автобиографий и воспоминаний, появляющихся через большой промежуток времени. Он отказывается от приема Руссо позволить себе прибавить кое-какие прикрасы, единственно лишь с целью заполнить пробелы, причиненные неполнотой своих воспоминаний.

Это, конечно, положительная сторона Бондина, но здесь, пожалуй, кроется и его слабость. Он берет только факты, боится разъяснить их, эмоционально окрасить их, боится ошибиться, раскрывая внутренний мир своих героев. Бондин смотрит на прошлое с ненужным спокойствием, умиротворением, с какой-то ласковой, грустной улыбкой.

Он показывает эксплуатацию подростка, тяжелое его существование, но у него нет в запасе нужных красок, которые бы резче подчеркнули все тени этого существования, этой эксплуатации.

Он говорит, например: «Мне и сейчас тяжело вспомнить эти черные годы голода и холода», но он не показывает «черные годы голода», он не дает читателю ряд картин, которые вызвали бы ответные эмоции.

«Нет, ты подумай, — говорит Павел Александру, вернувшемуся из армии, — что мы пережили, что мы испытали». Бондин и здесь заставляет читателя только представлять что-то тяжелое и ужасное.

Бондину как будто не хочется глубоко ворошить прошлое, он не показывает «затаенную ненависть в сердце», о которой говорил задолго до его детства ткач П. Алексеев.

Обилие фактов жестокости, несправедливости, гнета, лишений (в приюте, в школе, на заводе) создают в итоге у нашего читателя

соответствующие выводы и оценку прошлого. Это и оправдывает в целом произведение Бондина, но этого все же недостаточно.

Сам герой повести почти не задумывается над жизнью, не делает никаких выводов, не показывает собственного отношения к окружающему, не выявляет свое внутреннее я. Автор не досказал, не дорисовал своего героя.

В высказываниях других действующих лиц слабо выражено отношение к капитализму, к эксплуататору-хозяину. Борисов, молодой мастер, бросает одинокую реплику о хозяине, который не видит своего завода и проживает капитал, созданный потом и кровью рабочих.

Учитель Петр Фотиевич вскользь намекает: «Вот смотрите, ребята, гора, рудник, завод, и всем этим владеет один человек».

Слесарь Семен Кузьмич Баранов метко с шуточками разъясняет автору ведущую роль религии в руках эксплуататоров:

«А если бога к тебе не приставить, так ты, пожалуй, сразу рублевки запросишь; да еще что-нибудь придумаешь, а у нас в случае чего, если вольные мыслишки в башку влезут, так на то еще сатана есть, а на этом свете жандарм. Сатана на том свете возьмет да на каленую сковородку посадит. Вот люди-то и боятся. Думаешь, они веруют? Боятся. Кому это надо? Попу, хозяину да вот вашему Игнашке Белову. Он каждую выписку на масло для цеховой иконы собирает».

Но все эти высказывания, показывающие отношение рабочих к классу эксплуататоров, проходят мельком, случайны. Революционные лица рабочих Демидовского завода автор не показывает, хотя, несомненно, революционная работа велась. Об этом говорит предложение жандарма брату автора доводить до сведения полиции о замеченном вольнодумстве и брожении среди рабочих.

Ошибка Бондина в том, что он слишком положился на свою память и только ею пользовался, работая над «Моей школой». Пробелы в воспоминаниях обязательны. В работе над автобиографической повестью автору несколько не помешало бы, если он заглянул в соответствующий материал, пользовался теми или иными документами. Эти материалы, конечно, заставили бы его припомнить много нового, уточнили бы, уяснили имеющийся запас воспоминаний.

К положительным моментам работы Бондина нужно отнести его умение показать на фоне жестокостей жизни ряд радостных воспоминаний о хорошем отношении людей к ребенку. Образы учителей Петра Фотиевича, Алексея Ивановича, слесаря Баранова,

мастера Борисова запоминаются читателем, еще резче подчеркивают грубость, ничтожность, подлость таких людей, как Александра Леонтьевна, учитель Луценко, мастер Белов. Все действующие лица повести — живые люди. Не дорисован только молодой рабочий-гармонщик и слишком упрощенно, схематично подан образ жены Александра — Маруси.

«Моя школа» — второе произведение А. Бондина. В 1933 г. Уралгизом был выпущен первый его роман «Лога», встреченный очень сочувственно критикой. Этот успех первого произведения Бондина заставил редакцию Уралгиза менее внимательно отнестись к «Моей школе». Работе с автором и редакционной работе над рукописью редакция уделила незначительное внимание. Отсюда мы наблюдаем ряд недоговоренностей, неувязок, которых можно было бы легко избежать.

Так, отец автора начинает рассказывать, как его хотели сдать в солдаты (стр. 9), но не кончает рассказа, оставляя читателя в недоумении.

На стр. 81-й автор указывает, что учителя — Глеб Яковлевич и Луценко — были уволены школы. До этого времени Глеб Яковлевич не появлялся на страницах повести, и его увольнение ни о чем не говорит. Позднее, на стр. 162 тот же Глеб Яковлевич благополучно работает в школе.

На стр. 95-й автор получает 90 коп. жалованья за пение в церковном хоре, на следующей странице уже 1 рубль.

В работе над словом автор так же прост бесхитростен, как и в выборе материала воспоминаний. Он не украшает свою речь ненужными словесными побрякушками. Его фразы коротки, просты, доступны детскому пониманию. Бондин умеет в немногих словах дать яркую, живую, запоминающуюся картину. Отдельные небрежности в слове поэтому особенно бросаются в глаза. Их также вполне могла бы выправить редакция.

Фразы «с этих пор в меня вошла любовь книжке, точно она (кто: книжка или любовь — рец.) приоткрывала мою грудь», «оно (полотенце) стало таким влажным, что ребята задирали подол рубашки, чтобы вытереть мокрое лицо» — легко могли быть исправлены редакцией. Лампа не может бросать в комнату «тихий полумрак». Совсем неясно, что хотел сказать автор, утверждая, что «толпа сливалась во что-то пестрое, живое». Если ясно видишь большой изогнутый палец, похожий на кодычек, которым подковыривают лыко, когда плетут лапти, то совсем не представляешь несколько раз встречающуюся «круглую, как шарик, голову». Шарик — очень

неконкретный объект для сравнения. Плохо, когда «мягкое лицо», «лобастая голова» встречаются у ряда действующих лиц. В фразе «я ходил в соседи к дяде Феде» нехорошо звучит ди, ди, дя, де, де. Повторение одинаковых слов лишает фразу благозвучности: «слепили мокрые хлопья снега, мои ноги сразу промокли», и т. д. и т. п. Отдельные словечки: гунливый, вачега, отшварканные и др., могли бы быть заменены иными, более понятными широкому читателю словами.

И все же окончательный итог может быть один.

Несмотря на указанные недочеты повесть Бондина «Моя школа» можно вполне рекомендовать для чтения нашим пионерско-школьникам. Книгу Бондина ребенок, несомненно, прочтет с большим интересом, найдет в ней много фактов, помогающих осознать далекое от него прошлое.

Л. Гессен

**ДЕТЯМ-БОРЦАМ О РЕВОЛЮЦИОННОМ
ПРОШЛОМ (ВЕРЕЙСКАЯ Е.
«ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА»)**

*Впервые опубликовано в: Детская и юношеская литература.
1934. № 8. С. 33-34.*

**ВЕРЕЙСКАЯ, Е. Тania-революционерка. Изд. 4-е. Обложка и рис.
Корта. — М. Детгиз. 1934. 14 стр. 25 к. 100000 экз.**

Средний. Младший

Все наши ребята, не только школьники, но и дошколята, твердо знают, что при царе жилось плохо, потому что тогда была «буржуйская власть», но у многих из них за этим абстрактным догматическим утверждением никаких конкретных образов, фактов не всплывает, а поэтому повторяемое ими со слов старших никакого воспитательного эффекта подчас не имеет. Поэтому всякую попытку понятными для детской психологии способами, на живых доступных примерах раскрыть содержание этого «плохо» и тем раздвинуть рамки его воздействия на формирующееся с ранних лет сознание надо приветствовать, если она разрешена автором сколько-нибудь удачно.

Своим рассказом «Таня-революционерка» (выпущенным Детгизом 4-м изданием) автор не только бьет, но и, несомненно, попадает в эту цель.

Образ маленькой Тани, рано усвоившей азбуку революционной борьбы, твердо знающей, что такое аресты, забастовки, прокламации, нарисован автором чрезвычайно тепло и правдиво. Юная революционерка на всем протяжении рассказа сохраняет свой детский облик и абсолютно не наделяется автором особыми «сверхгероическими качествами», потому она понятна и близка детскому читателю, вместе с ней замирающему от стука шагов полицейских, напряженно следящему за обыском, торжествующему, что жандармам не удастся найти шрифт, удачно спрятанный находчивой Таней

в кувшин с молоком. И когда, после ухода полиции, Танин отец, не догадываясь, куда девался шрифт, спрятанный в постели дочери, тщательно пересмотренной жандармами, говорит с досадой: «Как в воду канул», ответное восклицание Тани «Не в воду, папка, а в молоко» служит хорошей разрядкой для напряжения взволнованного нараставшими до этого момента событиями читателя. Он смеется вместе с Таней и облегченно вздыхает, что на этот раз гроза прошла мимо.

Чрезвычайно удачны отдельные психологические штрихи, делающие образ Тани живым, полнокровным, например досада ее, что нельзя рассказать подружкам о происшедшем (стр. 14), протест против утверждения папы, что из нее «выйдет настоящая революционерка» («Как это так — выйдет? Разве я уже не революционерка?») (стр. 14). «Блестят буквы, сыплются, шуршат новенькие, как игрушки» (стр. 5) и др.

Образы остальных действующих лиц — отца, матери, полицейских — лишь намечены автором, но и в таком небольшом рассказе можно было бы показать их ярче, полнокровнее. Отдельные штрихи, набрасывающие, например, образ матери — запуганной, робкой женщины, — несомненно удачны («Ахти господи! Достал-таки. Лучше бы не доставал», стр. 4) или: «Не попадитесь вы только. У меня душа не на месте. Семью-то пожалел бы» (стр. 5). Несколько примитивно, схематично обрисованы пристав и шпик — один «толстый, красный, усатый», а другой со сладким голосом и глазами, бегающими как у лисицы.

Рассказ, несомненно, оставит глубокий след в сознании маленького советского читателя, он приблизит его к той будничной повседневной борьбе, которую вели передовые рабочие нашей страны, которую ведут и сегодня пролетарии всех капиталистических стран.

Рассказ Верейской хорошо рисует условия, в которых закалялись и формировались шеренги пролетарских бойцов, с детских лет узнавших прелести капиталистического строя.

Эта книжка способствует воспитанию в детях чувства пролетарского интернационализма, толкая их мысль за границы нашей родины, где дети рабочих каждый день, каждый час в труднейших условиях приобщаются к классовой борьбе своих отцов.

Педагогу, библиотекарю, работающим с этой книгой, следует направлять внимание читателя по этому руслу путем соответствующей беседы с ним.

Наряду с этим следует подчеркнуть еще одно воспитательное значение этого рассказа: качества, проявленные Таней — находчивость, смелость, умение не болтать и не хвастаться, необходимо воспитывать в детях и в наших советских условиях, ибо все они чрезвычайно нужны будущим борцам за социалистическое общество.

Одновременно рассказ знакомит ребят с методами, с техникой подпольной революционной работы, давая некоторое представление о трудностях и опасностях ее.

Автор умело и уверенно ведет рассказ, разворачивая сюжет таким образом, что события непрерывно нарастают, благодаря чему внимание читателя не рассеивается и не ослабевает.

Рассказ написан простым и грамотным языком, без всякой претензии на особую литературность и образность. Следует, однако, отметить отдельные неудачные и непонятные детям выражения, например, на стр. 7-й «и вдруг осенило меня», на стр. 10-й «понятые» и др.

Книжку Верейской следует рекомендовать ребятам младшего возраста.

А. Алпатов

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН НА ПУТЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Впервые опубликовано в: Книга и пролетарская революция. 1934. № 9. С. 79-94.

Историческая тематика играет в советской художественной литературе довольно значительную роль. Каждый год приносит нам новые романы, повести и рассказы, написанные на темы исторического прошлого. Писатели самых различных направлений и творческих установок пробуют свои силы в историческом жанре, разрабатывая разнообразнейший материал из русской истории, из истории Западной Европы, и т. п.

Таков же интерес наших читателей к мемуарной литературе, к документам, к письмам (которых успела немало издать «Academia»), к биографиям замечательных людей. Наконец, следует отметить также растущий интерес советского зрителя к исторической драме, к историческим кинопостановкам.

Как следует оценивать такое положение? В эпоху революционной ревизии прошлого естественно оживление интереса к историческому участку художественной литературы. Эта тяга к историческому роману, разумеется, отнюдь не обозначает «ухода от современности», бегства от нее: исторический роман в самой своей идейной направленности обнаруживает живые нити, связывающие его с сегодняшним днем. История привлекается в нем для переоценки, для радикального пересмотра ее в свете передовых идей современности. Познание прошлого средство лучшей ориентации в настоящем, средство уяснения его общественного смысла. Наши писатели идут по линии интерпретации, истолкования исторического материала с революционно-пролетарских позиции. Установка на подлинно объективное воспроизведение исторического прошлого, стремление вскрыть исторический процесс во всей остроте его классовых противоречий придают нашему историческому роману особую значительность и актуальность.

Какого рода историческая беллетристика была в ходу в дореволюционное время? Не так давно еще широко распространялись выдержанные в сусально-патриотических тонах исторические романы Вс. Соловьева, Данилевского, Мордовцева, Л. Жданова и др. Произведения сомнительного художественного качества, написанные с откровенной идеализацией и подкраской исторической действительности, эти романы культивировали феодальную героику и прославление царствующих особ, прививали реакционные и националистические настроения. Лишь изредка поднимались они до буржуазного либерализма, да и то в самых осторожных, умеренных рамках. Именно поэтому так усиленно рекомендовались они когда-то для чтения юношеству, в котором воспитывались соответствующие охранительные тенденции. Бесцеремонность в обращении с историческими фактами, невыразительный, фальшивый язык, шаблонная ходульность образов и положения, местами слащавая сентиментальность — вот отличительные признаки стиля этого рода исторических романистов, запоздалых эпигонов Лажечникова и Загоскина.

Говоря о буржуазно-дворянских традициях в историческом романе, необходимо сказать и о попытках в этой области символистов, а также некоторых близких к символизму писателей. Брюсов, Мережковский, Ауслендер, М. Кузьмин не раз обращались в своей прозе к историческим мотивам, переносясь в самые отдаленные эпохи и страны: в Древнюю Грецию, Рим, Византию, и т. п. Но и здесь исторический роман возникал на почве чисто упаднической, идеалистической трактовки прошлого. Буржуазные неоромантики-символисты видели в прошлом источник ретроспективных мечтаний. В веках они находили изящные интерьеры, старые картины, гобелены, уютную мебель и тысячи бессмысленных безделушек, среди которых можно найти защиту от безжалостно напирющей современности и укрыться от раскатов надвигающейся революционной бури. Нечего и говорить, что своих героев они нередко наделяли собственной болезненной психологией (В. Брюсов «Огненный ангел») или делали послушными проповедниками своих пророческих и мистических упований (Трилогия Мережковского «Смерть богов», «Воскресшие боги», «Христос и антихрист»).

Советская историческая проза резко порывает с эстетизмом и мистикой. Целый ряд интереснейших образцов нового исторического романа показывает решительное преодоление нашими писателями позиций прошлого в трактовке исторических тем. Советская литература, литература пролетариата, строящего социализм, об-

ращена в будущее, чужда пессимизма и нездоровой романтики. Она не заинтересована в искажении действительности и в подделке истории. Задача нашего исторического романиста — правдиво и ярко показать прошлое, вскрыть его классовые противоречия, дать в конкретных и вместе с тем типичных образах в свете марксистско-ленинской теории самую диалектику исторического развития, вывести на свет все то, что замалчивалось и скрывалось буржуазно-дворянскими писателями.

На советском писателе, взявшемся за разработку исторического материала, лежит обязанность внимательного и пристального изучения источников, документов, материалов и быта эпохи. Он должен глубоко проникнуть в социально-экономическую структуру изображаемого общества, должен чутко уловить специфику идеологии и психологии людей данной эпохи. Советский писатель в своей работе не может ограничиваться случайно прочитанной главой из популярного учебника истории. Существенным является и самый момент художественного оформления, выбора языковых и изобразительных средств. Выдвинуть и осветить роль массы и классовых прослоек, стоящих за тем или иным «героем», социальные функции этого героя, раскрыть классовую сущность его психологии, дать снижающие, разоблачительные тона в обрисовке персонажей, героизировавшихся буржуазно-дворянской литературой, — все эти далеко нелегкие задачи требуют от писателя большого художественного мастерства и специально разработанной литературной техники. В этом отношении советский писатель, естественно, не может отказываться от критического использования опыта лучших мастеров исторического романа в классической литературе (например В. Скотта, В. Гюго, Л. Толстого).

Чрезвычайно характерно для нашего исторического романа тяготение к революционной тематике. Многие темы, которые осторожно обходились и замалчивались в дореволюционной литературе, теперь особенно интенсивно разрабатываются советскими беллетристами, находящими в них созвучные современности образы и настроения. Так, из русского исторического прошлого нередко привлекаются декабризм, движение народовольчества, восстания Разина и Пугачова, крестьянские бунты эпохи так называемого Смутного времени, и т. п. На некоторые из этих тем написано уже по 5-7 исторических романов. Но здесь же приходится отметить и известное отставание: некоторые весьма актуальные проблемы остаются до сих пор за пределами внимания наших писателей, так например: мало разработаны яркие эпизоды революции 1905 г., по-

чти не затрагивалась история рабочего движения в России конца XIX в и т. п.

Следует остановиться на отдельных слабых сторонах, ошибках, иногда даже враждебна тенденциях, проявлявшихся в развитии советского исторического романа за последние 7-8 лет. Коренная идейная и художественная перестройка этого жанра неизбежно должна была сопровождаться некоторыми «издержкам производства», неудачами отдельных писателей, творческими промахами, а также попыткам увести его в сторону от основной линии развития советской литературы, в сторону от социалистического реализма. Конечно, в различных произведениях эти ошибки преломились по-разному: в ряде романов встречаем скольжение по поверхности исторических явлений внешнее приспособление к новым требованиям исторического жанра, вульгаризацию или голый «социологический схематизм», лишенный конкретно-образного наполнения; в других произведениях, наоборот, проявились пережитки эстетского любования стариной, музейного гурманства, уход в фактовизм, в стилизаторство под покровом которого подчас протаскиваются враждебные революции идейки и настроения.

Документализм и стилизаторство, как отражение формалистических установок в области исторического романа сказались в ряде произведений последних 4-5 лет. Установка на внешнее описание, перенесение центра тяжести на исторический реквизит и обыгрывание мелких подробностей быта, мозаический монтаж исторических документ и ставших «историческими» реплик, музейное коллекционирование редких словечек и архаизмов причудливый словесный орнамент – вот характерные признаки этой формалистической подачи исторического материала. Изучение писателем первоисточников и архивных материалов, использование архаизмов и старых синтаксических конструкций, необходимых для создания соответствующего колорита эпохи, — все это бесспорные и необходимые моменты, без которых невозможна творческая работа исторического романиста. Но это не должно переходить в механический «безыдейный» монтаж, голую фактографию, холодное словесное экспериментаторство, затуманивающее подлинные социальные образы и очертания эпохи. Всему этому должны быть противопоставлены творческое радение документом, широкая, обобщающая, типизирующая манера наших лучших исторических романистов, которая деть дальше эмпирически приближает их к методу реализма.

В задачи нашего обзора входит обрисовка пути, пройденного советской исторической прозой за последние 8-10 лет: от первых попыток в области исторического жанра в литературе восстановительного периода до последних крупных вещей, вроде «Цусимы» Новикова-Прибой, «Гуляй Волги» А. Веселого и других, вышедших уже в период после исторического постановления ЦК от 23 апреля 1932 г. По соображениям, связанным главным образом с объемом статьи, приходится оставить в стороне несколько исторических романов, написанных на тематику западноевропейской истории.

II

Прежде всего рассмотрим группу исторических романов, которых почти не коснулась плодотворная творческая перестройка последних лет. В продукции наших издательств до сих пор проскальзывают образцы малохудожественного исторического чтива, откровенной исторической вульгаризации, напоминающей знакомые штампы дореволюционных исторических лубков. Если авторы подобных романов пытаются иногда пойти навстречу «новым веяниям», то это носит все же характер чисто внешней подкраски, грубого приспособленчества. Часто, например, на голый каркас «социологического либретто» надевается избитая театральная бутафория, ходульно романтические образы давно устаревших исторических романов. В таком эклектическом месиве нередко явно звучат реакционные нотки, мотивы любования стариной и феодальным прошлым.

На чрезвычайно низком идейно-художественном уровне стоят исторические произведения К. Шильдкрета. В романе «Гораздо тихий государь» (1930) Шильдкрет рисует древнюю Русь в царствование Алексея Михайловича. Самое сумбурное представление об эпохе и ее движущих силах, наивная историческая бутафория соединяются у него то с беспомощным психологизмом, то с порнографической гнильцой в духе когда-то знаменитых «Мощей» И. Калининкова. «Детская болезнь» исторического романа – подмена идиллически сантиментальными любовными сценами реальной исторической действительности – выступает здесь во всей очевидности. Бунтовщик Савинка и его возлюбленная Таня – настоящие Ромео и Джульетта, занесенные в снежную Московию. Исторически недостоверными, невероятным в московских условиях является изображенный автором заговор полячки Янины. Роман изобилует многочисленными историческими ляпсусами и курьезами, отмеченными в свое время критикой (см. «Новый мир» № 5, 1930; «На литературном посту» № 21-22, 1930, и др.).

В этом же стиле-примитивного оперного украшения — написан последний роман Шильдкрета «Бунтарь» (Московское товарищество писателей, 1933), изображающий борьбу Софьи с Петром I. Бояре в высоких собольих шапках, обсуждающие дворцовые распри и междоусобицы, бунтующие на Красной площади стрельцы, юный Петр, традиционно марширующий в Преображенском с «потешными ребятками», — вот достаточно знакомые еще со времен «Стрельцов» Масальского образы и мотивы романа. Шильдкрет далек от раскрытия подлинной классово исторической сущности изображаемых им исторических деятелей и событий. Пытаясь «оживить» повествование, он впадает в нездоровое физиологическое описательство, смакуя уродливые черты внешности Софьи, противопоставляемой «чистому облику» ее любовника — князя. Шильдкрет неоднократно подчеркивает «уродливо искривленные пальцы ног» Софьи, ее «надутый живот», «колючие черные тычинки (?) на верхней губе» или рисует такие сцены: «Тяжелой волной поднялись и расплескались под шуршащим атласом летника груди царевны. Голицына брала оторопь. Он знал наверно: нужно будет снова, как вчера как третьего дня, как долгие уже месяцы, придумывать какие-то ласковые слова о любви, целовать ее волосатое, изрытое угрями и оспой лицо, обнимать дряблое, всегда пахнущее едким, как запах псины, потом тело» (стр. 84). Действительно от такого описания берет оторопь даже читателя!!

Между тем сладострастная царевна отдает предпочтение другому своему фавориту, дьяку Шакловитому, которого автор почему-то счел нужным изобразить в виде чудовищного Квазимодо. Князь Голицын ревнует, и его самолюбию нанесен непоправимый удар. Он отстраняется от важнейших государственных дел и, как неизбежное следствие отсюда. . . , собирает поход на Крым. Этой анекдотической мотивировкой Шильдкрет всерьез думает объяснить крымскую войну 1687 г.

Некоторые эпизоды романа сделаны совсем по-оперному: в главе 28-й рисуется приход к Софье дружины во главе с воеводой, который совершенно как в «Жизни за царя» восклицает: «Страху не страшусь! Смерти не боюсь! Лягу за царя, за Русь...»

Язык романов Шильдкрета представляет собой неряшливую, насквозь фальшивую подделку под древнерусский сказ. Не пытаясь проникнуть в глубь языка, уловить внутренний строй архаической речи, автор дает невероятную окрошку из церковно-славянских оборотов, устной народной речи XVII столетия и современных словечек (вроде «извиняюсь» и «пока»). Но чаще всего Шильд-

крет просто коверкает современные слова путем механического прибавления или отнятия приставок (вместо «не покидай» — «не спокитай», вместо «останься» — «застанься», вместо «сказал» — «казал» и т. д.); разумеется, все это возвращает нас к худшим образцам так называемого «стиля русс» эпохи Александра III.

Более умело построен и бойко написан роман Н. Шаповаленко «1801 год». Однако подлинная историческая действительность подменяется и здесь увлекательными рассказами о дворцовых махинациях и придворных интригах, подобных удачным шахматным ходам. Заговоры, празднества, блестящий двор капризного тирана Павла, его фаворитки, таинственная шпионка мисс Гасконь и хитроумный английский посол Уитворт (центральное лицо), его любовница Ольга Жеребцова, «безумная страсть» которой приносится ею в жертву политическому расчету, - вот атмосфера романа, странным образом напоминающая «Трех мушкетеров» и «Королеву Марго» Дюма. На стр. 34 Уитворт для выполнения своего коварного замысла раздает поручения, назначает аудиенции, совсем как Ришелье Милэди и Рошфору. Показ во 2-й части французской революции сделан чрезвычайно наивно: это какой-то идилический клубок на тему «свобода, равенство и братство».

Отметим ряд других романов на темы аракчеевщины. Николаевской эпохи, которые так же грешат поверхностной, искаженной трактовкой исторического романа.

Роман М. Марич «Северное сияние» (1927-1931) представляет «вольный пересказ» различных фактов и внешних обстоятельств, связанных с декабристским движением. Образы деятелей Северного и Южного обществ, семья Раевских, Пушкин, Аракчеев, Фотий, Александр I и Николай I показаны в случайно-анекдотических подробностях, достаточно известных из обширной мемуарной литературы той эпохи. Ради той или иной анекдотической мелочи или «исторической фразы» Марич пишет иногда целые главы, вводит кучу новых действующих лиц, бесконечно растягивая роман, делая его вялым и лишенным устремленности. Показать декабристов как предшественников буржуазно-демократически революции, раскрыть их классовые корни, реализовать в живых красках и образах ленинскую оценку этого движения — эти задачи даже не поставлены в романе Марич, напоминающем старые дворянские «семейные хроники».

Исторический нейтралитет автора особенно сказался в эпилоге романа, неожиданно воскрешающем монархическую легенду об Александре II — «царе-освободителе». Говоря о подготавливав-

шется по случаю коронации царском манифесте о возвращении декабристов из Сибири, автор заключает эпилог словами внука Волконской: «В Москве сердца лихорадочно бились надеждо... Все уже ясно ощущали, что воздух дышит прощением. Письма из Москва в Иркутск несли нежный благовест свободы» (стр. 277). В этом «нежном благовесте» утопают последние намеки на подлинный исторический смысл движения декабристов.

Еще менее удачным следует признать произведение Г. Чулкова «Сальто мортале или повесть о молодом вольнодумце Пьере Волховском» (1930). Автор с самого начала пытается оглушить читателя драматическими сценами насилий, самоубийств, адюльтеров. Декабризм, в сущности, дискредитируется центральной фигурой — Пьера Волховского, никчемного, небокоптящего обывателя-вольнодумца. Действительной пружиной движения декабристов, по Чулкову, было масонское братство, которое «казнило тиранов и ревнителей старого порядка, если они сами добровольно не подчинятся» (?!). Все это отдает вульгарной декаденщиной и фальшивой мистикой 1907-1910 гг.

К этой же группе «исторических» произведений следует отнести и роман Н. Венкстерн «Чужой» (1930) из эпохи Николая I. Декабризм и здесь показан поверхностно. Основное внимание уделено дворянскому быту николаевской эпохи. В тоне повествования преобладают идеализация, эстетское любование прошлым, его блеском и роскошью, уютом помещичьих усадеб и т. д. Ужасы крепостничества и николаевской полицейщины «не замечаются». Сам Николай рисуется в виде великолепной мраморной фигуры с зевесовым профилем: «Светлые глаза его синели как острые холодные льдины. Необычайно белые руки, стройные ноги, обтянутые лосинами, были божественно непохожи на руки и ноги прочих смертных. Высшая сила (!), помимо воли императора, придавала каждому его движению изящество, каждому слову -- вескость, и значимость изречения» (!!) Цитата говорит сама за себя и, как говорится, не нуждается в комментариях.

Но особенно ярко тенденции лакировки николаевской эпохи сказались в «Записках д'Аршиака» Л. Гроссмана. Этот биографический роман, разрабатывающий «трагический эпилог жизни Пушкина», построен в форме записок молодого французского дипломата д'Аршиака, бывшего секундантом Дантеса во время дуэли. Л. Гроссман, стремясь создать иллюзию объективности и подлинности записок, вводит в повествование немало документального материала, заимствованного большей частью из известной моно-

графии о Пушкине П. Е. Щеголева. Монтаж Гроссмана сделан технически умело и обнаруживает знание автором петербургской великосветской жизни 30-х годов. Кое-кого он может даже, пожалуй, убедить в подлинности существования записок, веденных д'Аршиаком, но это лишь внешнее впечатление.

Из-за псевдофранцузской риторики гроссмановского д'Аршиака проглядывает знакомое лицо литератора-эстета, который в бегстве от современной «будничной» тематики с упоением смакует красоты старого придворно-аристократического Петербурга. В пространных, иногда даже несколько утомительных описаниях Гроссман тщательно воспроизводит былую роскошь дворянских салонов и придворных празднеств. В романе много золота, слоновой кости, гобеленов, шелка и драгоценных камней.

Эстетизации подвергнута не только вещная обстановка: фигуры деятелей эпохи даны героизированно и приподнято. Весьма импозантно выглядит Бенкендорф: «Своеобразный фактический премьер российского самодержца... Старый боевой генерал... Жесты отчетливы и уверенны, но взгляд рассеян, а в равнодушной усмешке чувствуется подчас некоторая утомленность. Бремя царской дружбы, видимо, дает о себе знать». О великом князе Михаиле Павловиче кратко сказано: «Рыжекудрый Нерон российской гвардии».

Вообще советского читателя удивляет несколько неожиданное распределение Гроссманом света и теней в характеристике основных участников конфликта. В Пушкине почему-то проскальзывают черты «мстительности» и «жестокости». Наглый авантюрист Дантес, руководимый реакционной кликой, дан местами как «жертва». Он вырастает в рыцаря без страха и упрека, пылающего возвышенной страстью к своей даме, но неволью втянутого в поединок поэтом, ослепленным ненавистью к обществу. Автор впадает прямотаки в библейский стиль, рисуя ослепительного поручика Дантеса на военном параде (в образце «белого мужа на белом коне»).

Е. Усиевич («Литературный критик» № 3, 1933) с убедительностью показала, что Гроссману приходится прибегать даже к текстуальным пропускам из писем Пушкина, искажающим их смысл, но служащим все тем же целям -- реабилитации образа Дантеса.

Становится ясным, почему автор выбрал форму записок. Маска д'Аршиака служит прикрытием для исторического ретроспектива и эстетизации прошлого, составляющих основную струю романа Гроссмана. Острая эпиграмма «Литературной газеты»

в этом смысле удачно разоблачает истинные позиции псевдо-документализма:

«Подделка? Подлинник? Названья цель двойка.

Записки Гроссмана? Записки д'Аршиака?

Пожалуй, Гроссмана. Но если что не так,

То... отвечает д'Аршиак!»

Новые исторические вещи Л. Гроссмана вряд ли превосходят его книгу о Пушкине. «Бархатный диктатор» (1933), повесть из времен Народной воли, посвященная изображению личности Лорис-Меликова и смерти Александра II, так же дает густую струю эстетизации, напыщенной риторики, однообразной и утомительной. В этом нескончаемом потоке «бархатно го красноречия» проглядывают местами весьма неожиданные мотивы и сомнительные оценки. Оказывается, реакция началась лишь после смерти Александр II, и виной ее была... борьба революционной Народной воли («шальная жестянка Кибальчича», по выражению автора). Образы некоторых деятелей революционного народничества даны искаженно, обесцвечены, лишены четкой политической направленности (например Кибальчич накануне смертной казни).

III

К группе исторических романов и повестей, написанных под влиянием формализма, приходится отнести ряд разнообразных, далеко неодинаковых по своему художественному достоинству произведений, в которых так или иначе дает себя чувствовать формалистическая подача исторического материала: упор на стилизаторство, на языковой орнамент, тенденции эмпирического, документалистского подхода к искусству, недооценка его организующего и познавательного значения.

Уже в период методологической капитуляции основных лефтовских и формалистических групп вышла книга В. Шкловского «Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове» (1930). Герой ее -- помещик А. Т. Болотов, автор известных мемуаров о крепостной России второй половины XVIII в. Его «Записки», не раз издававшиеся полностью, а также статьи из «Экономического магазина» Новикова и положены автором в основу повести. В подборе материала Шкловский не идет по линии сколько-нибудь углубленного анализа эпохи и широкой типизации. Он ограничивается анекдотическими фактами, парадоксальными мелочами из жизни своего чудаковатого героя, подробно описывая его причудливые затеи, вроде покупки «прошпективного ящика» или стереоскопа, устройства искусственного эхо в саду, и т. п. В результате реаль-

ная историческая перспектива, люди эпохи (например образ Н. И. Новикова, пугачовщина) оказываются подданными достаточно искренне и карикатурно.

Еще слабее книга учеников Шкловского В. Тренина и Н. Харджиева «Повесть о механикусе Ползунове» (1931). Может быть, не стоило бы долго останавливаться на этой ученической, надуманной вещи. Но на ошибках и промахах учеников так ярко выступает несостоятельность рецептов учителя, что книжка уже благодаря этому приобретает некоторую поучительность. Перед нами опять-таки образец фактографии, литературы факта в духе старого Лефа. Повесть рассказывает об изобретателе-самородке Ползунове, приспособившем в XVIII в. Водоотливную паровую машину для плавильной печи. Тема, казалось бы, актуальная. Но главное место в повести занимает описание производственных процессов, неполадок машины, способов добывания руды, объяснение приложенных чертежей и рисунков. Социальное содержание эпохи старательно выхолощено, и, когда Ползунов умирает, а его машина не получает применения, читатель остается в недоумении, потому что социальная и внутренняя мотивировка отсутствует.

Можно отметить еще ряд подобных монтажных вещей, принадлежащих перу бывших формалистов, романов, возникающих, так сказать, «на отходах от основного производства». В «Красной нови» печатается биографическая повесть В. Шкловского «Сомнения Федора Достоевского».

Б. Эйхенбаумом недавно выпущу «Маршрут в бессмертие» — роман о Н. П. Макарове «чухломском дворянине, гитаристе и составителе известных международных словарей». Книга Эйхенбаума, построенная на анекдотизме и шаржировке образов, в какой-то мере приоткрывает и оборотную сторону документализма. История о Макарове включает в себя характерную, близкую для формализма тему одинокой социальной личности, ее ухода от современности, связываясь тем самым с критическими работами Эйхенбаума о Л. Толстом с апологетикой «домашности» творческого развития последнего.

Формалистические тенденции в области исторического жанра дают себя чувствовать и в последних критических высказываниях Шкловского. Его статья о «Судьбе Шарля Лонсевиля» К. Паустовского (Литгазета № 53, 1933) возвращает нас к самой откровенной фактографии. Игнорируя общую идейную значимость повести, ее социальную направленность, Шкловский впадает в крохоборческую полемику с Паустовским по поводу неточных дат, малозна-

чительных исторических деталей, вроде пресловутых першеронов, или вопроса о том, когда начались заморозки в 1812 г.

В другой статье «Об историческом романе Ю. Тынянове» («Звезда» № 4, 1933) Шкловский опять-таки провозглашает документализм важнейшим завоеванием послеоктябрьской исторической беллетристики. Тынянова за его формальное мастерство, за умение использовать исторические документы Шкловский склонен считать основоположником советского исторического романа, явно снижая при этом роли других наших исторических романистов, как например А. Толстого с его широкой, обобщающей, социально-типизирующей манерой. Однобокая формалистичность подхода Шкловского особенно выступает в оценке «Восковой персоны», которую он квалифицирует как худшую из книг Ю. Тынянова.

Место и роль Тынянова в современной исторической прозе нуждаются в более детальном выяснении. Тынянов пришел от литературоведения как один из лидеров б. Опояза и ленинградской формальной школы, и не удивительно, что многие из методологических установок формализма нашли свое отражение в его творческой практике. Но вместе с тем Тынянов как большой художник сумел рассмотреть в историческом прошлом некоторые реальные типичные черты, сумел дать в ряде своих произведений яркие образы русской действительности первой половины прошлого века. Редко кто из наших исторических писателей умеет так чутко уловить самый «дух эпохи», передать его в отдельных, казалось бы, на первый взгляд, незначительных подробностях и мелочах быта.

Знаток пушкинской эпохи, декабристского движения, Тынянов в своих произведениях дает чрезвычайно оригинальную разработку ряда эпизодов и событий русской истории первой половины XIX в.

Роман «Кюхля» (1926), явившийся своеобразным откликом писателя на 100-летний юбилей декабризма, рисует личность поэта-декабриста В. Кюхельбекера. По сравнению с другими произведениями Тынянова это наиболее просто и реалистично написанная вещь. Тонкое знание эпохи, различных эпизодов декабристского движения, богатый документальный материал, привлеченный Тыняновым, дали ему возможность правдиво показать образы людей 20-х годов. Роман разворачивается в биографическом плане. Различные исторические фигуры показаны большей частью в обычной житейской обстановке, метко охарактеризованные немногими, скупыми штрихами. Но за трагической биографией Кюхельбекера, чудаковатого идеалиста 20-х годов, воспитанного на образцах

Французской революции, автор сумел рассмотреть причину неизбежной неудачи декабрьского восстания: то одиночество, ту оторванность рода революционеров-дворян, о которой Ленин.

Следующий роман Тынянова «Смерть Мухтара» (1929) разрабатывает события последнего года жизни А. С. Грибоедова. Знакомый нам еще со школьной скамьи образ сухощавого, надменного человека в очках, во фраке, с пышным галстуком выступает у Тынянова то на фоне чиновного и аристократического Петербурга, то в кругу разжалованных декабристов в армии ген. Паскевича, то среди прямой экзотики Персии и Кавказа. Живо, хотя и несколько гротескно, даны фигуры николаевских министров Нессельроде и Родофиникина, генералов Паскевича и Ермолова, компания петербургских литераторов во главе с чувствительным доносчиком третьего отделения Фаддеем Булгариным, и т. п. История выдвинутого Грибоедовым грандиозного проекта о создании кавказской торговой акционерной компании привела автора к необходимости затронуть общее политическое и экономическое положение России 20-х годов, времени, когда «запахло Америкой и остиндским дымом». Сам Грибоедов дан автором как яркий социальный тип этого переходного периода от 20-х к 30-м годам. Он один из тех представителей либерального дворянства, в ком в новой обстановке, сложившейся после 14 декабря, мучительно «перемещалась кровь». Бичевавший в своей комедии Молчалиных, он подмечает в самом себе черты карьеризма; высмеивавшие консервативное дворянство, он вращается среди «лучших» представителей последнего; близкий к декабризму, чуть ли не участник 14 декабря, он пирует с недавними палачами своих товарищей (обед у ген. Сохозанет, гл. 2-я). Остро дана в романе сцена встречи Грибоедова на Кавказе с бывшим декабристом Бурцовым, который упрекает его за измену прежним идеалам.

Тема о Грибоедове ставила перед Тыняновым немалые трудности. Но писатель сумел преодолеть их. В своем «Вазир Мухтаре» оставил далеко позади голо-формалистические «монтажные» повести Шкловского и Эйхенбаума. По своему оформлению «Смерть Вазир Мухтара» несколько сложнее «Кюхли». Острый, местами близкий к экспрессионизму стиль, пересыпанный афоризмами, лирические отступления, быстрое чередование коротких «кадров»-картин, обильные внутренние монологи героя, как бы сливающиеся иногда со словами автора, — все это характеризует манеру Тынянова.

Особое место в творчестве занимают небольшие повести или «Поручика Киж» (1930). Черты анекдотизма, стиль комического

гротеска соединяются в них с чрезвычайной отточенностью формы, увлекательностью изложения и мастерством композиции. В «Поручике Кижe» рисуется анекдотическое происшествие из царствования Павла I: из-за канцелярской описки и самодурства императора начинает существовать, повышаясь по лестнице чинов и отличий, несуществующая, фантастическая личность подпоручика Кижe, в то время как от того же гибнет живое лицо, поручик Синюхаев, заживо объявленный в приказе мертвым. Власть канцелярской буквы, страх запуганных придворных и чиновников прекрасно иллюстрирует собой весь ужас царствования полудиотического маньяка.

Последняя повесть Тынянова «Малолетний Витушишников» поражает мастерством обработки, отделкой каждой детали. Язык ее графически четкий, с легким оттенком архаизмов 30-40-х годов. Действие, сгущенное, конденсированное, развивается кинематографически быстро. Масса действующих лиц и разнообразных эпизодов; целых 43 главы даны на протяжении всего 2 ½ печатных листов (для романиста типа Дюма-отца такого материала хватило бы на многотомный роман).

Некоторый отвлеченный геометризм в построении повести любопытно проявляется, с одной стороны, в условных обозначениях места происшествия (П — пустырь, Б — будка градских стражей, К — кабак, С — сани императора), с другой стороны, в своеобразном неназывании Николая I на протяжении всей повести по имени (он везде именуется просто: император). Вместе с тем ряд характерных деталей эпохи не оставляет сомнения, в какие именно годы разворачиваются события. Типично, хотя и несколько гротескно, марионеточно показаны такие фигуры эпохи, как генерал Клейнмихель, министр финансов Врончемко, продажный литератор Булгарин и др.

Конечно, небольшие повести Ю. Тынянова по сравнению с его романами о Грибоедове и Кюхельбекере кажутся произведениями меньшего писательского диапазона, но было бы ошибочно отказывать им в художественной значительности и силе. Они, несомненно, выходят за пределы поверхностного анекдотизма, бессодержательной сюжетной эквилибристики. Путем последовательного многостороннего раскрытия ничтожного эпизода из жизни Николая I (происшествие с тумбами, погоня императора за солдатами в кабак) Тынянов в «Малолетнем Витушишникове» дает яркий образ чугунно-тупого времени, эту страшную и угнетающую картину. В оценке отдельных деталей «Витушишникова» не нужно забывать

также общего иронического замысла повести, задуманной Тыняновым как пародия на ура-патриотический историзм.

В своей статье о Тынянове («Путь мастера» «Литературная газета» № 85, 1931) Ц. Фридлянд характеризует указанные небольшие вещи его как своеобразный переход на новую, более высокую ступень художественно-исторического метода. Своим показом исторического прошлого через анекдот, говорит Фридлянд, «писатель воспитывает в себе отталкивание, психологическое отстранение от того мира, каким он жил в Кюхле и Вазир-Мухтаре». Давая прошлое через причудливо искривленную деталь, как собрание марионеток, как музей восковых персон, Тынянов тем самым одолевает его, двигаясь по пути от идеалистического восприятия прошлого, от формализма.

Фигура Тынянова, талантливого исторического романиста и рассказчика, затронутого влиянием формализма, не одинока в советской литературе. К нему приближается в некоторых отношениях Г. Шторм. При всем индивидуальном своеобразии творческой манеры Шторм в своих исторических романах и повестях обнаруживает тенденции к документализму и стилизаторству, к чисто словесной вычурности к музейному коллекционерству в области языка. Это особенно заметно в его первых произведениях («Ироический сказ о походе из половцев» и повесть «Ход слона» 1926-1927). Струя исторической стилизации дает себя чувствовать и позднее, в лучших произведениях Шторма «Повесть о Болотникове» и «Труды и дни Михаила Ломоносова».

«Повесть о Болотникове» (1929) интересна прежде всего своей живой «социальной» тематикой. Действие разворачивается в эпоху так называемого Смутного времени; показано первое революционное движение крестьянства против помещиков и надвигающегося крепостного права. Руководитель Южной повстанческой армией Болотников в 1606 г. приближается уже к Москве, но, окруженный боярским ополчением Шуйского, терпит под Тулой поражение. Повесть, включающая в себя обширный этнографический и бытовой материал, дает немало любопытных черт и характер подробностей народного движения начала XVII в. Шторму удалось образы Шуйского и Бориса Годунова. Интересно показана осада Калуги, где «заперлись воры».

Но социальный смысл движения Болотникова все же недостаточно раскрыт Г. Штормом. Сам Болотников, беглый холоп князя Телятевского, побывавший в татарском плену, в Венеция, в Польше, человек во всяком случае незаурядного ума и воли, показан

каким-то наивным мечтателем, у которого над всем доминирует «жаление», жалость к «обиженным и обездоленным».

Нельзя отказать Шторму в искусстве экспериментаторски выстраивать говор эпохи Смутного времени. Однако в конце концов бесконечные цитаты, эпитафии из летописей (иногда по нескольку на одной странице) загромождают изложение, что вместо цельной впечатления картина как мозаика распадается на отдельные кусочки и действие, динамика событий умирает в путях сложной словесной вязи. Вот образчик такого описания:

«В Архангельском соборе отслужили молебен. Царь и бояре — в зеркалах, железных мисюрках с висящими до плеч сетками и булатных наручах потекли к воротам. Светло-вишневая зуфь шуб мешалась с дымчатой ярью зипунов» и т. д.

Этой вычурности гораздо меньше в последнем романе Г. Шторма «Труды и дни Михаила Ломоносова» (1933). Автор пытается показать этого замечательного мыслителя XVIII в., ученого и поэта, на фоне эпохи, в связи с теми социальными силами, которые обусловили его появление. Значение Ломоносова для современности и интерес к его личности так сформулированы автором в послесловии: «Я выбрал его, как образ беспримерной творческой силы, возникшей в крестьянской среде в самую суровую пору крепостного права, в эпоху культурного и экономического оперения молодой русской буржуазии, — образ столь резко выступивший на анекдотическом фоне Петербургской академии наук. Я выбрал его, потому что его труды были первинами русской научной мысли».

Само содержание книги в значительной степени оправдывает эту установочную наметку автора. Ломоносов показан вне тех легендарных, ставших анекдотическими черт, которыми любили награждать его дореволюционные беллетристы. Перед читателем мелькают подлинные факты его биографии: его молодые годы, студенческие пирушки в погребке в Марбурге, приезд в Петербург в Академию де-сианс, бесконечные интриги и происки маститых академиков во главе с Шумахером и несмотря на это упорная, неослабевающая борьба Ломоносова за науку...

Книга написана с исторической чуткостью и художественной теплотой. Но вместе с тем автором не вполне преодолены моменты формалистической подачи исторического материала. Мирозрение Ломоносова, этого замечательного ученого, последователя Лейбница и Вольфа, во всем его своеобразии и глубине почти не раскрыто. Мало показана его литературная поэтическая работа. В отдельных местах выпирает чрезмерно цитатность (персонажи

говорят не живой речью, а цитатами из своих писем, аккуратно распределенными по тексту). Наконец, несколько искусственный характер носит композиция романа: отдельные эпизоды из биографии Ломоносова переслаиваются вставными описаниями — «иллюминациями». Эти иллюминации, долженствующие, по замыслу автора, комментировать эпоху, не дают в ряде случаев необходимого единства между описанием личной судьбы Ломоносова и социально-историческим фоном.

Но эти промахи, конечно, не снимают общей значимости романа Шторма, этой умной и культурной книги.

IV

Рассмотрим ряд других значительных произведений послеоктябрьской исторической прозы: романы О. Форш, А. Чапыгина, А. Веселого, А. Толстого и др. Их произведения отмечены некоторой общностью реалистических устремлений. Конечно, эта общая реалистическая установка у каждого из этих писателей проявляется своеобразно, в сочетании с другими художественными тенденциями, свойственными творчеству данного автора.

О. Форш, писательница, начавшая свой творческий путь еще до революции, сотрудничавшая в «Русской мысли» и «Заветах», выдвинулась в литературе лишь после Октября большим историческим романом «Одеты камнем» (1924). Это один из первых исторических романов послереволюционной эпохи. Он посвящен судьбе таинственного узника Петропавловской крепости революционера Бейдемана, пробывшего в одиночном заключении 20 лет. «Одеты камнем» написаны в форме исповеди, развертывающей психологический конфликт во вкусе «суда совести» Достоевского. Образ пылкого Бейдемана с его вызовом социальному гнету империи Александра II заслоняется малопривлекательной фигурой его бывшего друга и предателя Русанина, от лица которого и ведется рассказ. «Иной читатель, прочтя мои записки, скажет, что состав моего преступления, так сказать, психологический и что строжайший бы суд меня оправдал. Но разве не известен читателю случай, когда иной даже кончал с собой, засудив себя судом собственной совести» (стр. 5), — говорит о себе Русанин. Он испытывает угрызения совести, мучится сомнением: предатель он или нет, доходя в конце концов до болезненно-маниакальных галюцинаций. Вся 2-я часть «Одеты камнем» построена на раздвоении сознания Русанина, мысленно перевоплощающегося в заключенного Бейдемана. Это определяет и ряд структурных особенностей романа, отсюда загрузка его рассуждениями, детальный анализ индивидуалистических

переживаний героя, некоторый импрессионизм и клочковатость исторических картин, как бы оттесняемых на второй план всей этой философско-психологической проблематикой.

Писательница, в прошлом тесно связанная с буржуазно-интеллигентской культурой с символизмом, склонная к абстрактной субъективистической постановке философских проблем, Форш обнаруживает подобные тенденции и в исторической прозе. В «Современниках» (1926) отвлеченно-метафизически ставится проблема художественной личности, творческой свободы художника. В романе показаны две трагические русские колонии в Риме конца 40-х годов. Рядом с ними дается вымышленный персонаж Багрецов, образ запоздалого романтика индивидуалиста байронической складки. На общем ходе событий лежит печать безысходности, пессимизма. Не намечая выхода из противоречий, опутавших основных героев (Иванова, Гоголя, революционерку Бенедетту), роман заканчивается гибелью, крушением личной каждого из них. Отдельные образы и эпизоды романа, как например свидание Гоголя с Багрецовым в Москве, фигура Пашки, химика, кажутся буквально сошедшими со страниц Достоевского. Если современный исторический роман обнаруживает некоторое тяготение к хроникальности, к ограничению круга действующих лиц историческими фигурами, то Форш в своих исторических романах не может обойтись без наличия нескольких «выдуманных», внеисторических героев, предоставляющих автору больше свободы в смысле нагрузки их разнообразнейшим философско-психологическим содержанием.

В последующем своем творчестве (если не считать отдельных срывов, вроде «Сумасшедшего корабля») Форш идет по пути некоторого преодоления психологизма и индивидуализма своих ранних вещей. Об этом росте ее и приближении к социальной тематике свидетельствует хотя бы роман о 1905 г. «Горячий цех».

Если Форш при разработке ею исторического материала обычно переносит центр тяжести с обстановки среды на психологический анализ личности, на воспроизведение тончайших психологических оттенков, то ей может быть противопоставлен в этом отношении автор «Степана Разина» А. Чапыгин, склонный к обыгрыванию обстановки, к физиологическому описательству, к уходу в бытовизм.

Чапыгин так же как и Форш один из первых в послеоктябрьской литературе обратился к исторической тематике. Его 3-томный «Степан Разин» (1926-1927) представляет собой широкое историческое полотно, яркую картину революционного движения XVII в.

— восстания казацкой «голытьбы», поддержанной массами эксплуатируемого крестьянства. В романе множество действующих лиц, действие перебрасывается из Москвы в Поволжье, на Дон, в Персию, куда попадает Степан. С необычайным богатством дана «постановочная» сторона романа. Цветные шелка старинной одежды, меха, драгоценности, оружие, убранство теремов — все это с тщательностью и прямо-таки археологическим педантизмом воспроизводится Чапыгиным. Происходит ли действие на площади пред Кремлем или в узорчатом походном шатре Разина, автор не забывает старательно отметить обстановку, вещи, всю мизансцену, точное расположение действующих лиц и т.п. С этим стремлением к экзотической пестроте, украшательству связан и язык романа, цветистый, насыщенный образами, избыливающий старорусской лексикой и восточными словечками. Но наряду с декоративной роскошью боярского быта Чапыгин дает и убогую нищету социальных низов. Скученные курные постройки XVII в., смрадные кабаки, приказы с крючкотворцами-подьячими, бесконечные казни и кнутобойчество — все это показано без прикрас. Москва Чапыгина, по выражению одного из критиков покрыта кровью и калом. Уличные сцены, вроде «соляного бунта», которым начинается роман, показывают, как много горючего материала скопилось в Москве среди податного «черного» люда. Беря эпоху в самых низменных, грубо-физиологических ее проявлениях, Чапыгин впадает местами в сексуальность в духе примитивного крестьянского натурализма.

Обрисовка героев, в частности Разина, не лишена налета мелкобуржуазной романтики. Как уже отмечалось критикой, он дан несколько мелодраматически, в бесконечных пирах со своими есаулами или в буйных, жестоких сечах. Его бесстрашная, удалая натура резко возвышается над остальной массой. Самая же масса малодифференцирована у Чапыгина в социальном отношении. Но это все же не умаляет общего значения романа Чапыгина, в котором личность Разина впервые выступает вне клеветнических черт, приписывавшихся ему в реакционной исторической беллетристике второй половины XIX в. Чапыгин сумел красочно показать нелепую громаду Московского государства середины XVII столетия во всей его показной пышности и нищете.

Если говорить о первых попытках наших писателей в области создания советского исторического жанра, нельзя не упомянуть о любопытной повести А. Караваевой «Золотой клнов» (1926). Повести Караваевой свойственны отсутствующие у Чапыгина черты

социологической заостренности при наличии даже некоторого схематизма образов и бледности языка.

Действие происходит в царствование Павла I. На Колывановознесенских заводах добывалось алтайское золото для царской казны. С одной стороны, показана вся иерархическая лестница заводского начальства во главе с опальным дворянином Качкой. С другой стороны – масса эксплуатируемых мастеровых, крестьян, солдат и т.п. Во всей остроте даны те социальные противоречия, те нечеловеческие условия труда, которые в ряде случаев приводили к открытым выступлениям рабочих (побег, организованный группой мастеровых, гл. 4-я). Но при всей актуальности и новизне своей тематики повесть грешит схематизмом, наивной утрировкой социальных характеров и бедностью исторического колорита. Отдельные типы начальников (например, дворянин Качка, горный ревизор, майор) мало индивидуализированы, даны автором как единый обобщенный образ классового врага. Заводские рабочие (за исключением, пожалуй, одного умирающего Евграфа) наделены плакатными чертами, вышли «на одно лицо». Талантливая бытописательница современной деревни, А. Караваева не справилась с языковым оформлением своей исторической повести. В диалогах «Золотого клюва» чувствуется явный разнобой: речь дворянской верхушки чрезмерно сдобрена архаическими оборотами и уснащена книжной лексикой XVIII в., в то время как заводские крестьяне и мастеровые говорят почему-то простым, современным языком.

Роман Чапыгина «Разин Степан» не может не вызвать в памяти другого крупного исторического произведения — «Гуляй Волга» — Артема Веселого (1933). Чапыгина и Веселого сближают не только многоцветная яркость, этнографическая пестрота языка и изображаемого быта, но и стремление к массовым сценам, к живописанию буйного удалства, стихийного бунтарства казацкой полупартизанщины, коренящееся в крестьянских истоках творчества этих писателей.

А. Веселым довольно правильно уловлена общая историческая обстановка в царствование Ивана Грозного. «Гуляй Волга» вскрывает «военно-промышленный» характер знаменитого похода Ермака в Сибирь. Ермак со своей дружиной оказываются на службе Строгановых, башковитых российских купцов, владельцев многочисленных солеварен и рудников, заинтересованных в охране своих уральских владений, а так же в дальнейшем продвижении на Восток. «Русь ходила на Сибирь с мечом, рублем и крестом» — в этой

краткой формуле А. Веселого выражена вся сущность; экспедиции Ермака.

Историческую схему автор сумел облечь в живые художественно убедительные красочные образы. Правда, он далек от такого детального воспроизведения вещной обстановки, как Чапыгин, и самые краски его прозрачнее, «акварельнее». Но эпоха все же выступает с его страниц со всеми запахами и оттенками. При оценке достоинств романа следует также учесть, что работа затруднялась скудостью подлинных летописных данных о движении Ермака и о его личности.

Повествование в «Гуляй Волге» разворачивается в эпически-спокойных тонах. Как некий скрепляющий композицию лейтмотив повторяется образ плывущих казацких стругов. Иногда он выделяется даже в отдельную маленькую главку, состоящую всего из нескольких слов (например, гл. 8-я: «Плыли, кормясь рыбной ловитвой и отгагой»; гл. 12-я: «Плыли»; гл. 16-я: «Плыли, отдыхая на радостных местах» и т.д.). Особенно замечательны в «Гуляй Волге» описания природы. Несколькими фразами, приподнято, но без фальшивой аффектации автор умеет дать почувствовать колорит Сибири или волжского пейзажа: «На луговой стороне, в сочной зелени трав, словно большие синие слезы, сверкали озера; зеленым звоном звенел подсыхающий ковыль, и далеко внизу, как большая веселая жизнь, бежала Волга» (стр. 10). По своему языковому составу роман А. Веселого неоднороден. На общей основе современного литературного языка сплетаются различные линии: элементы народного эпоса, татарские словечки, летописная лексика, новообразования от славянских корней в духе Хлебникова, волжский бурлацкий жаргон и т. п. В повествовании от автора все это, разумеется, дается более сдержанно и осторожно. Заметнее выступает этот лексический колорит в диалогах и особенно в массовых сценах, в которых А. Веселый обнаруживает особое искусство в воспроизведении слитного говора, нестройного шума гуляющей вольницы. Здесь же, однако, обнаруживается одна из слабых сторон художественного метода А. Веселого: в разноголосом гуле казацких сборищ теряются лица, индивидуальные фигуры персонажей. Если мы и узнаем, что отдельные реплики в казацком хоре принадлежат Остатке, Яшке Бреню, Бусыге, Панкрашке Лоскуту или Фоке Волкорезу, то дальше прозвищ наше знакомство с этими людьми почти не идет. Все эти явления не случайны и характерны для творчества А. Веселого «Певец партизанской стихии», как его называют Критики, автор «Рек огненных» и «Страны родной» он, естественно, не

мог не увлечься темой движения Ермака, этой партизанщины XVI в. с ее слабовыраженным организующим началом. Картины буйной отваги, казацкого разгула, где в анархически нестройном гуле теряются отдельные человеческие голоса и личности, обнаруживают связь с ранними произведениями писателя, приводят к истокам его творчества. Однако моменты любования стихийной вольницей явно идут здесь на убыль, даны гораздо слабее. Стилистическая затрудненность, разорванность, лексическая пестрота тоже уступают место более простой реалистической речи.

В «Гуляй Волге» стихийность и гульба оборачиваются у А. Веселого уже иной своей стороной: вольница оказывается мнимой, поскольку за ватагой Ермака, за этой «ножовой оравушкой», обрисовываются направляющие ее интересы торгового капитала и феодально-крепостнического государства.

V

С особой яркостью и полнотой реалистические устремления нашего исторического жанра проявились в замечательном романе А. Толстого «Петр I». В нем А. Толстому удалось ближе, чем кому-либо из его предшественников подойти к практическому разрешению ряда важнейших проблем советской исторической прозы.

Первый том «Петра I», вышедший в 1930 г. и выдержавший за эти годы 9 изданий, не только серьезная художественная удача автора, но и проявление значительной идеологической перестройки в смысле отхода Толстого от буржуазно-идеалистического историзма, влиянием которого отмечены были некоторые, более ранние его вещи. Роман писался Толстым в 1929—1930 гг., в годы развернутого социалистического наступления и не случайно совпал по времени с некоторыми публицистическими выступлениями писателя, наглядно свидетельствующими о глубине его внутренних сдвигов. Зрелое, художественное мастерство А. Толстого, передовой, прогрессивный историзм его романа дали основание А. М. Горькому отметить «Петра I» как одно из лучших достижений советской исторической литературы («О литературе» — «Наши достижения» № 12, 1930 г.). Писателю удалось интересно разрешить проблему языкового оформления своего романа. «Петр I» написан простым, доступным широкому читателю языком. В нем нет нарочито-витиеватых славянских оборотов, которыми любили уснащать свою речь некоторые второсортные исторические романисты XIX столетия, нет в нем и ого изысканного стилизаторства, которое чувствуется в большей или меньшей степени у Тьянова и Г. Шторма. Картины древней Руси, яркие бытовые сцены, диалоги

даны у Толстого сочным, «ядренным» языком с теми древнерусскими словечками, которые еще не представляют собой лингвистической редкости, но действенны в большинстве случаев и теперь.

Роман представляет своеобразную историческую хронику. Первый том охватывает события эпохи приблизительно с 1682 по 1699 г. Перед читателем проходят пестрой вереницей красочные картины прошлого, яркие, живые образы старой Руси.

В обрисовке Петра А. Толстым мы не найдем ни той лубочной и примитивной героизации, которой щеголяли когда-то авторы дореволюционных патриотических романов, ни тех нарочито сгущенных патологических ужасов, мистико-апокалипсических черт, которые в большей или меньшей степени чувствуются у Мережковского («Петр и Алексей») и у Б. Пильняка («Его величество Кнеeb Piter Komandor»). Петр у А. Толстого дан в живых, человеческих чертах.

На первых страницах романа мы еще ребенком в съехавшей на бок шапке мономаха, как раз в тот момент, когда, по требованию бунтующих стрельцов, царица и Матвеев показывают его вместе с царевичем Иваном с крыльца народу.

В дальнейшем течении романа этот первоначальный беглый эскиз видоизменяется. Процесс характерологического зарождения Петра подробно прослеживается на самых деталях портрета. То это подросток 12 лет — «мальчик с глуховатым голосом и не мигающими совиными глазами», которого в рощах Преображенского Алексашка Меньшиков, будущий его фаворит, «учит хитрости»: продевать сквозь щеку иглу. То это нескладный долговязый юноша с непомерно большими красными руками, с обгорелым обветренным лицом и еле пробивающимися закрученными усиками, Петр, который на балу у Лефорта с мальчишеской застенчивостью танцует первый контрданс с семнадцатилетней русоволосой Анхен Монс. И, наконец, это молодой царь, который накануне кровавой казни стрельцов, в 1699 г., вернулся из поездки в Европу; в нем бросаются в глаза судорожное подергивание лица и «тяжелый темный пристальный взгляд».

Не менее ярко и типично даны в романе другие действующие лица: правительница Софья, Алексашка Меньшиков, князь-кесарь Ромодановский, Никита Зотов, веселый дебошан Лефорт с огромным кудрявым париком Я наконец, близкий к правительнице князь В. Голицын, просвещенный вельможа-западник, оказавшийся одиноким и оторванным от жизни либералом-мечтателем, трагически

гибнущий в момент решительного выступления Петра против Софьи.

Написанный с такими живописными деталями роман А. Толстого отнюдь не ограничивается внешним описательством. Автор стремится проникнуть и в глубь исторических явлений. Конец XVII в., начало царствования Петра истолковываются им как столкновение двух в основном враждебных сил: старого боярства, родовитой консервативной знати и, с другой стороны, тех передовых дворянских групп, которые решительно шли навстречу торговому капиталу и крепнущему взаимодействию с Западом. Петр как выразитель политических и хозяйственных интересов именно этой последней группы -- таков герой романа А. Толстого.

Через многие страницы романа проходит контрастное противопоставление старой, тупой вшивой феодальной Руси, Руси длиннородых, крепких задним умом бояр торговой и промышленной Западной Европе, уютной, обжитой, культурной. В мрачных чертах показаны бревенчатые московские улицы XVII в. с их навозом, грязью, тысячами церквей и церквушек, нищими и юродивыми, и по контрасту с этим дается картинка немецкой слободы Кукуя, этого уголка Западной Европы в старой Московской Руси: «Озаренные закатом, медленно приближались черепичные кровли, острые шпили, верхушки подстриженных деревьев, мельницы с флюгерками, голубятни. С Кукуя доносилась странная музыка...» И несколькими строками ниже раскрывается собственническая, буржуазная основа этого идиллического уголка: «Здесь Петра и его спутников окружали сытые, краснощекие, добрые немцы, и каждый захотел показать свой дом, свою мельницу, где в колесе бегала собака, свой огород с песчаными дорожками, подстриженными кустиками и ни одной лишней травинкой».

Но социальные сдвиги, новые экономические веяния уже дают себя чувствовать и в неподвижном феодальном быту старой Москвы. Это проявляется в романе в показе некоторых специфических сторон экономики, политической борьбы конца XVII в. и в задаче той общей идейной атмосферы, которая как бы составляет внутренний фон событий романа. «Иноземцы, бывавшие в Кремле, говорили с Удивлением, что царский двор подобен более всего купеческой конторе». Это беглое указание автора находит себе конкретное воплощение и развитие на дальнейших страницах романа. Характерна в этом отношении фигура «доморощенного российского негоцианта», каким является в романе разбогатевший подрядчик Иван Артемьич Бровкин, недавний кабальный холоп Ивашка. Мо-

тив торговли, коммерции, растущей и крепнущей, проходит через целый ряд сцен романа и приобретает, наконец, размер грандиозного символа в лирической концовке, заключающей первый том: «Ужасом была охвачена вся страна. Старое забилося по темным углам. Кончалась византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями призраки торговых кораблей».

Образ балтийских «торговых кораблей» (идуший непосредственно за описанием подавления стрелецкого бунта 1699 г.) бросает свет на общую идейную направленность романа Толстого и на характер его историзма. Осознание исторической обусловленности, исторической неизбежности общественных сдвигов и социальных ломок – вот что в конечном счете придает роману тот отпечаток оптимизма, здоровой бодрости и уверенности, который так бросается в глаза.

Именно этой общей идейной окраски романа не сумела подметить в свое время рапповская критика, обрушившаяся на Толстого со всей тяжестью своей «исторической» аргументации. Исходя из отелных недочетов I тома «Петра» - наличия в нем некоторых отзвуков либерально- западнических концепций (сказавшихся, например, в чрезмерно заостренном противопоставлении Кукуя и Московской Руси), критики из «На литпосту» объявляли роман Толстого чуть ли не реакционным, написанным по указке Ключевского и Платонова (см. ст. Н. Иезуитова. «На литературном посту» № 10. 1931 г.). Чисто механическое сличение отдельных эпизодов и картин романа с главами исторического учебника, игнорирование того специфического пути, которым пришел художник к теме, игнорирование общей устремленности романа к современности – вот что приводило к этой ошибочной и ложной оценке¹.

VI

¹Уже после того, как обзор был написан, закончилась печатанием 2я книга «Петра I», которую нельзя не рассматривать как новое достижение писателя. А. Толстой значительно углубляет и расширяет свою тему не только хронологически, но и преодолевает отдельные недочеты и неясности, допущенные в начале романа. Если в I томе фигура Петра кажется местами все же несколько одинокой и преувеличенной в своем значении, то теперь гораздо полнее раскрыты социальные связи его с новыми растущими силами эпохи. Ярко показаны почти незатронутый в I томе раскол и его социальные корни. Выступает вперед и более развитая, так сказать, демократическая линия романа – жизнь социальных низов, данных ранее лишь эскизно. Множество новых типичных лиц и ярких эпизодов (чего стоят одни батальные сцены!) дают читателю богатый историкопознавательный материал. Второй том «Петра I» заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Говоря о достижениях в области поколения, идущих по пути исканий и приближения к подлинному социалистическому реализму, нельзя не остановиться на плодотворной работе в этом же направлении наших молодых писательских сил. Не так давно в критике подверглась оживленному обсуждению историческая повесть К. Паустовского «Судьба Шарля Лонсевиля» (1933). Не поднимаясь до такой степени художественного мастерства, рассмотренный выше роман, повесть все заслуживает серьезного внимания.

Автор известного «Карабугаза», Паустовский, обращается на этот раз к теме аракчеевской России, давая ее в свежей и оригинальной разработке. «Судьба Шарля Лонсевиля» рассказывает о молодом французском офицере, сочетавшем в себе восторженный бонапартизм с идеями французской революции, попавшем во время войны 1812 г. в русский плен. Сосланный на Александровский пушечный завод, в Олонецкую губернию Лонсевиль сталкивается со всеми ужасами русской крепостнической действительности. Повесть при всей живости и пестроте отдельных картин и эпизодов отличается социальной насыщенностью. За скорбными лирическими переживаниями Лонсевиля, тоскующего в чужом неприветливом краю, вырисовываются мрачные очертания самодержавной России начала XIX в. с ее полицейским сыском, жестоким произволом, нищетой и эксплуатацией приписанных к заводу крестьян.

В повести Паустовским развернут любопытный типаж. Перед нами целая галерея заводских начальников-иностранцев, алчных и жестоких (Гаскойн, Армстронг), представителей аракчеевской военщины вроде генерала Ламсдорфа или жандармского полковника с глазами «цвета спитого чая», который допрашивал Лонсевиля в Петербурге. Типичность характеристик, краткий, лаконичный стиль, иногда с оттенком иронии, образная насыщенность соединяются в художественной манере Паустовского с внутренней теплотой, лиричностью тона повествования. Повесть о трагически гибнущем которого лишь случайная смерть избавляет от долголетнего заключения, обстоятельства кровавого подавления «возмущения» приписных крестьян – все это живо затрагивает читателя, пробуждая глгучую ненависть к рабскому прошлому. Характерна та оптимистическая нотка, которая звучит в эпилоге «Судьбы Шарля Лонсевиля».

В повести Паустовского следует отметить слабые стороны. В манере изложения местами еще чувствуется отпечаток характерного для ранних вещей Паустовского импрессионизма с его разорванной красочностью описаний. По-видимому, с этим связана и некоторая

незаконченность, беглая эскизность таких фигур, как Калистратов и руководитель восстания Петрушка Соболев.

Наряду с «Судьбой Шарля Лонсевилья» можно упомянуть повесть молодого ленинградского писателя Л. Рахманова «Базиль» (1933).

В «Базиле» интересно показана эпоха Николая I, картины чудовищной эксплуатации и злоупотреблений при постройке Исаакиевского собора в Петербурге. Но повесть при целом ряде положительных качеств все же значительно слабее «Судьбы Шарля Лонсевилья». Рахманов еще не вполне освободился от свойственной его первым вещам формалистической манеры: его исторические описания местами слишком схематичны, сухи, лишены необходимой реалистической полноты. Фигура главного героя, крепостного художника Базиля явно «ретортного» происхождения.

VII

Мы не случайно заключаем обзор «Цусимой» А. Новикова-Прибоя. Эта замечательная книга о России Николая II, о русско-японской войне, об одном из самых катастрофических поражений царизма с особой убедительностью демонстрирует нам новое качество советского исторического жанра. Живая актуальность темы, правдивый реализм, широкий обобщающий охват явлений и политическая заостренность -- эти отличительные особенности «Цусимы» сделали ее подлинным событием в нашей литературной жизни периода послеапрельского постановления ЦК. I том «Цусимы» описывает тяжелый поход 2-й тихоокеанской эскадры адмирала Рожественского из Петербурга на Дальний Восток вокруг берегов Европы, Африки и Азии. Действие обрывается накануне рокового столкновения с японским флотом в Цусимском проливе, в этих воротах смерти. Вторая книга покажет самый бой. Из нее известны пока лишь фрагменты (собранные в книге «Бегство». 1932), рисующие отдельные эпизоды разгрома и потопления под Цусимой 115 царских судов. Даже незаконченный роман Новикова-Прибоя дает большое исторически полотно, яркий образ самодержавной раздираемой внутренними противоречиями обнаруживающей перед лицом опасности всю непрочность и мишурность своего военного могущества.

«Цусима» некоторыми своими композиционными особенностями тяготеет к исторической хронике. Сюжет ее несложен. Повествовательная манера характеризуется сдержанной реалистической простотой, отсутствием всего крикливого, надуманного, искусственно вымышленного. Роман историчен и строго документален,

в нем есть что-то от военного рапорта. Но этот «рапорт» сочен, художественно-выразителен и, главное, заряжен мировоззрением пролетарского художника.

Автор вскрывает настоящие причины позорного поражения внешне блестящего императорского флота. Он отмечает военнотехническую отсталость, боевую неподготовленность личного состава, самодовольную тупость и ограниченность высшего военноморского командования, внутренний развал, «дух неверия», охвативший собой широкие массы нижних чинов. Путь эскадры Рождественского, этой, по выражению Ленина, «великой армады, такой же громоздкой, нелепой, бессильной, чудовишной, как вся Российская империя» (Т. VII, стр. 335) дает возможность Новикову развернуть целую серию эпизодов, наглядно иллюстрирующих этот процесс гниения и распада. Тульский инцидент (расстрел мирной флотилии рыбаков, принятых за японские миноносцы); история с бутафорскими мишенями, которыми царские командиры обманывали самих себя; самодурские выходки адмирала Рождественского, пытавшегося насадить во флоте нравы аракчеевской военщины; трусливое шкурничество адмиральского штаба, поспешившего как можно скорее «здравым и невредимым» сдать в плен японцам — все эти яркие эпизоды говорят об умении автора пользоваться реальным показом событий, избегая отвлеченных рассуждений и схематизации.

Новиков выводит ряд типичных представителей старого морского офицерства. Таковы командир Юнг, мичман Воробейчик, бесхарактерный и задерганный аристократ Клапье де-Колонг, капитан Бирилев — ловкий проныра и страстный собиратель иностранных орденов. Бесспорно удачен образ самого Рождественского, этого военно-морского бурбона, управляющего эскадрой с кресла капитанского мостика при помощи площадной ругани.

Но подлинным героем «Цусимы» является матросская масса, те 12 000 нижних чинов, которые населяли палубы и трюмы гигантских броненосцев, крейсеров и транспортов. Это «пушечное мясо», однообразное и серое в глазах большинства командиров, на страницах романа живет, мыслит и действует. Образ этой разноликой массы живо передан путем рисовки отдельных наиболее типичных ее представителей. Читателю надолго запоминаются характерные фигуры кочегара Бакланова, Васьки Дрозда, боцмана Воеводина, матроса Бабушкина и др., данных в живых индивидуальных чертах. В «Цусиме» немало ярких бытовых сценок, рисующих тяжелые

условия жизни матросов и ту гнетущую «морскую дисциплину», в которой начальство видело залог всей боевой подготовки.

Но тихоокеанская эскадра Рождественского — это не прежний императорский флот второй половины XIX столетия, известный нам по рассказам старых беллетристов. Эпоха 1905 г., раскаты первой русской революции явственно дают себя чувствовать в настроениях масс моряков. Автор показывает, как росло в матросской массе недовольство, недоверие к командованию, протест, находивший иногда выход в отдельных стихийных вспышках. Сам герой «Цусимы» -- баталер Новиков -- «политически неблагонадежный» -- это Один из представителей той сознательной части матросской массы которая понимала настоящие причины войны и ее возможный исход.

В ряде конкретных эпизодов показаны в романе симптомы растущего революционного брожения. В эскадре учащаются случаи нарушения дисциплины, открытого неповиновения. Политическая атмосфера во флоте сгущается, достигая огромной степени наэлектризованности (не даром как раз через месяц после цусимского разгрома разразилось восстание моряков в другой части Черноморском флоте, на броненосце «Потемкин»!).

Эта тема растущих новых сил, назревающей социальной революции, которая пронизывает собой все повествование, придает роману Новикова-Прибоя особую значительность и остроту. «Цусима» — это история, прошлое, но вместе с тем это современность, «современная история», как удачно выразился Д. Заславский. «Рассматривать роман Новикова только-как историческое произведение, — говорит он, — значит снижать большое его художественное значение. Художественная классовая правда, совпадая полностью с правдой исторической, дает нам и правду нашей современности, потому что классовая борьба, вскрытая в “Цусиме”, ведется и в наши дни» («Литературный критик» № 1. 1933).

Эта тема войны, взятая в ее максимальной действительности и близости к нашей современности, обусловила собой и художественную структуру романа Новикова-Прибоя. «Цусима» -- это не обычный исторический роман уже по одному тому, что он развертывается как рассказ непосредственного очевидца-участника похода, в форме своеобразной «ихерцелунг». В лице одного из главных персонажей, баталера Новикова, писатель изобразил самого себя. Большинство героев «Цусимы» -- реальные, живые люди, и нередко читаем мы в газетах о выступлениях их на литературных вечерах или читательских конференциях, где они вместе с аудиторией об-

суждают изображенные в романе события. В «Цусиме» мы имеем таким образом случай редкой художественной актуализации, исключительного расширения рамок исторического романа, которое вряд ли наблюдалось когда-либо в старой литературе.

VIII

Нам остается подвести некоторые итоги. Еще в 1930 г., говоря об огромном росте послеоктябрьской художественной литературы, А. М. Горький указал, между прочим, и на исторический роман: «Создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной, и молодые наши художники слова получили хорошие образцы, на которых можно учиться писать о прошлом» («Наши достижения» № 12. 1930). Эти слова Горького, сказанные четыре года назад, кажутся тем более значительными на сегодняшний день, когда советская литература добилась новых успехов, пополнилась рядом интересных новинок в области исторической литературы.

Наш обзор, ставя целью охватить наиболее типичные и значительные явления в области исторической прозы за последние 8-10 лет, показывает тот огромный рост, ту серьезную и глубокую перестройку, которую испытал советский исторический жанр за это время. Приближение к подлинной марксистско-ленинской исторической методологии, художественно-яркий реалистический показ минувших эпох, умение насытить картины прошлого классовым содержанием — таков несомненный актив советской исторической прозы по сравнению с дореволюционной литературой и современной литературой на Западе. Эти новые качества особенно выступают при анализе произведений наших лучших исторических романистов, творчество которых наглядно отражает процесс становления искусства социалистического реализма.

Но отмечая положительный итог и несомненное движение нашего исторического романа к социалистическому реализму, мы отнюдь не считаем исчерпанным и разрешенным все задачи на этом участке. Как видно из первой части обзора, плодотворная перестройка исторического жанра охватила собой далеко не всех наших писателей. Прежде всего, не исключены еще попытки протащить идеалистические взгляды в трактовке исторического прошлого, привнести элементы мистики и эстетского любования стариной.

Далее, для некоторых авторов исторических романов и повестей до сих пор еще характерно скольжение по поверхности исторических явлений, недооценка моментов мировоззрения, необходимости синтетической и обобщающей работы художника в историческом жанре. Не случайно в начале дискуссии о социалистическом

реализме раздавались голоса, что лозунг этот исключает литературу на исторические темы. Это в корне неверно. Социалистический реализм предполагает и в области исторического романа литературу, которая побуждает читателя на борьбу за социализм и которая дает нам картину прошлого в свете революционной современности и социалистического строительства. Эти первоочередные задачи нашего писателя, советского исторического романиста, четко формулированы были А. М. Горьким в одной из его недавних статей: «Я признаю за литератором право и даже считаю его обязанностью “домысливать” человека. Литератор должен выучиться прививать, приписывать единице наиболее характерные черты его класса». И несколько ниже Горький говорит о необходимости «рассматривать личность в процессе “становления” по пути от древнего мещанского и животного индивидуализма к социализму, изображать человека не только таким, каков он есть сегодня, но и таким, каким он должен быть и будет завтра». Именно в свете этих основных, важнейших требований намечаются ближайшие задачи исторического жанра, ближайшие перспективы его развития по пути борьбы за дальнейшее повышение его идейного и художественного качества.

Не лишена значительности самая проблема исторической тематики. Конечно, писатель не ограничен требованием писать обязательно об определенной эпохе и исторических лицах. Но вместе с тем вопрос этот небезразличен в том смысле, что безусловно желательна разработка в первую очередь особенно актуальных, близких современности тем. Почему мы не имеем, например, романа о замечательном революционере и писателе Н. Г. Чернышевском, в то время как есть ряд романов, рассусоливающих царских фаворитов и временщиков вроде Аракчеева, и «бархатных диктаторов» вроде Лорис-Меликова?

Чрезвычайно остро стоит в нашем историческом жанре проблема героя, персонажа, типа. Именно в эту сторону следует направить главные усилия и основные средства художественной типизации, о которой мы говорили выше. Уменье выбрать из пестрого многообразия исторического материала основные черты героя, создать типичный характер, социально-четкий, но вместе с тем полнокровный, жизненно-красочный, рельефный — все это является пока еще достижением лишь немногих наших писателей. Неудачи в этом направлении чаще всего объясняются живучестью пережитков детских стадий нашей литературы (обезличенный герой — схема, мертвая социальная маска, лишенная жизненных красок и теплоты).

Существенным является также требование сюжетности в исторической прозе. Некоторые исторические романы, тяготея к хроникальности или к сырому документализму, обнаруживают подчас сюжетную неряшливость, композиционную слабость. Между тем сюжет как крепкая напряженная связь событий и героев художественного произведения между собой придает настоящую цельность, ясность, реалистическую законченность всей исторической картине.

Наконец, проблема языка. Выдвинутое А. М. Горьким требование «чистоты, смысловой точности, остроты языка» как одного из важнейших орудий культуры должно найти своеобразное отражение в историческом жанре. Эта борьба должна пойти не только по линии искоренения «исторического воляпука», того грубо-неряшливого стилизаторства и искажения языка, какое мы имеем, например, в романах Шильдкрета, но и против сгущенной стилизации вообще, против излишней загроможденности текста элементами архаической речи и диалектизмами, затрудняющими восприятие и затемняющими реальный исторический фон. Некоторые наши исторические романисты удачно сумели избежать этого языкового натурализма и музейного стилизаторства. И А. Толстой в «Петре I» и Новиков-Прибой в «Цусиме» передают исторический и бытовой колорит повествования и речей героев не нагнетанием диалектизмов и архаических речений (которые даны у них крайне сдержанно и экономно), а путем воспроизведения типической интонации языка, его синтаксического строя, своеобразного внутреннего семантического движения.

Все эти задачи, встающие перед историческим романистом, являются, конечно, нелегкими. Но дальнейшая напряженная творческая работа по освоению этого участка художественной литературы, несомненно, должна продолжаться. Не нужно забывать огромной идейно-воспитательной и художественно-познавательной значимости этого рода произведений. Их роль в деле приобщения широких читательских масс к культуре колоссальна. Не говоря уже о значении их для взрослого читателя, именно в наши дни, когда резко ставится вопрос об овладении конкретными историческими знаниями молодежью (студентами, школьниками), наша историческая художественная литература может сыграть огромную роль.

Н. Суражевич

ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ НА ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ИСТОРИИ

Впервые опубликовано в: История в средней школе. 1935. № 2. С. 89-91.

Нельзя не приветствовать инициативы тех детских журналов, которые стали помещать нужные для школьного преподавания маленькие очерки, статьи, заметки и беллетристические произведения исторического содержания, хорошо иллюстрированные, которые может использовать учитель в своей работе с младшими классами средней школы¹.

Мои многочисленные наблюдения над чтением исторических статей в журналах «Пионер» и «Еж» говорят об их удачной форме, простоте языка, доходчивости до сознания читателя-ребенка. Необходимо привлечь внимание молодых учителей-историков к тому, подчас яркому, доступному для ребят историческому материалу, который был помещен в 1934 г. в этих журналах. Некоторые из материалов, например статьи А. Покровской, напрашиваются на помещение в историческую книгу для чтения.

Весь указанный ниже журнальный материал мы разобьем на следующие темы:

5. Откуда мы знаем о прошлой жизни людей.
6. Древний Восток.
7. Древняя Греция.
8. Рим.
9. Конец средних веков и переход к новому времени.

¹Из работ библиографической комиссии секции истории Государственного института научной педагогики при Педагогическом институте им. А. И. Герцена.

10. Новое время.

11. История ВКП(б).

Тема «Откуда мы знаем о прошлой жизни людей» является первой исторической темой для учеников V класса. Учителю следует заинтересовать учеников живым и понятным материалом, а также предложить ребятам дополнительно прочитать в журналах нужные для работы статьи.

Детские журналы дают на эту тему довольно разнообразный материал.

В заметке Ст. Злобина «Подземные находки», помещенной в журнале «Пионер», рассказано о том, как сохранились земные пласты, предметы утвари, оружие и фундаменты древних стен Москвы. Эти исторические находки были сделаны на наших глазах во время строительства Метрополитена в Москве.

В статьях А. Покровской, помещенных в № 11-12 и в № 15 «Пионера», учитель найдет ценный материал о значении вещественных памятников, о производстве раскопок в древней Помпее.

В другой статье этого же автора (о которой я скажу далее): «Книга из царской библиотеки» — дается понятие об ассирийско-вавилонской письменности, о глиняных плитках с клинописными знаками, которые находятся в одном из лондонских музеев, и об их тщательной дешифровке учеными.

Для выяснения понятия «летописи» можно использовать статью К. Раткевич «Первопечатник Иван Федоров» (в журнале «Еж» № 4), в которой рассказано о работе над рукописной книгой в монастыре. Талантливые иллюстрации Н. Лапшина (заглавные буквы, монах-переписчик, монах-художник, служка, растирающий краски) очень оживляют текст.

Небесполезна будет статейка Н. Мухина «Крылатые слова» (журнал «Еж», 1934 г., № 2), которая вызвана вопросами читателей журнала. Она разъясняет 10 крылатых выражений, берущих свое начало в русском прошлом, например: «турусы на колесах», «бить баклуши» и другие.

Эти примеры могут дать понятие о языке, о народной песне, сказке, бытине как об историческом источнике.

На тему «Древний Восток» в журнале «Пионер» № 15 за 1934 г. помещен очерк А. Покровской «Книга из царской библиотеки». Он может быть использован на уроке истории V класса по теме «Вавилонская культура». В очерке рассказано об английском ученом Д.

Смите, который заинтересовался текстом одной глиняной плитки с клинописными знаками. Это оказалось космогония - учение древних вавилонян о происхождении мира. Много лет посвятил ученый восстановлению текста древней книги. В конце концов ему удалось подобрать и склеить 7 плиток, когда-то принадлежавших Ашурбанипалу, царю народов, царю ассирийскому. В них он прочитал легенду о Мардуке и Тиамат. Очерк Покровской написан живым, хорошим языком, к нему приложены 4 иллюстрации: а) чудовища, которых породила Тиамат, б) плитка, склеенная Д. Смитом, в) бой Мардука с Тиамат (в правой руке у Мардука абуба — связка молний), г) римский календарь.

В № 6 журнала «Еж» помещен очерк «Земля на столбах» — о том, как представляли себе люди форму земли в древности и в средние века. Из помещенных рисунков интересна «Герфордская карта», «Представление о земле у египтян», «Представление о земле у древних индусов» и др.

По теме «Древняя Греция» журнал «Пионер» в № 21 поместил статью А. Покровской «Замечательная ошибка». В ней рассказана интересная биография ученого-дилетанта Шлимана, история его раскопок на месте древней Трои и его «ошибка», которая привлекла внимание ученых к догреческой культуре, так называемой крито-микенской.

В № 1 того же журнала имеется небольшой очерк П. Лопатина «Телеграммы прошлого», в котором он говорит о достижениях нашего времени в области телеграфирования и, углубляясь в прошлое, рассказывает о способах передачи известий в древности, о световых телеграфах у греков и римлян.

Журнал «Еж» в № 1 поместил греческую легенду «Храбрый Персей» в хорошем пересказе К. Чуковского. Хотелось бы видеть на страницах журнала и другие наиболее известные греческие мифы и легенды.

В № 4 того же журнала напечатана статья Н. Мухина под названием «Небесный зверинец». В ней автор привлекает внимание детей к старинной карте нашего северного неба, на которой все созвездия нарисованы в виде фигурок. Выясняя названия созвездий, автор бегло рассказывает несколько греческих легенд.

К теме «Рим» журнал «Пионер» дает интересную статью А. Покровской «Гибель Помпеи», которая распадается на следующие моменты:

Письмо Гая Плиния младшего Корнелию Тациту в Рим, в котором описано извержение Везувия в 79 г. н. э.

Утро в Помпеях. Глава дает римского города: оживленный форум, амфитеатр, дом богатого помпейца, дом пекаря, харчевня.

Раскопки.

Вторая жизнь. Современные путешественники в древних Помпеях.

В № 22 того же журнала напечатанная статья Д. Фибих «Люди и звери», которая рассказывает о звериных боях в римском амфитеатре на потеху многотысячной толпы. Интересны приводимые цифры уничтожения крупного ценного зверя.

Тема «Конец средних веков и переход к новому времени». В № 3 журнала «Еж» начато печатание знаменитого произведения Ф. Рабле² «Повесть об удивительной жизни великого Гаргантюа и сына его Пантагрюэля» в переработке для детей Н. Заблочкого³. Повесть скоро выйдет отдельным изданием. Удачно дано Н. Заблочким небольшое вступление, объясняющее ребятам значение и славу этой книги-сатиры. Текст украшают рисунки Г. Дорэ.

В журнале «Еж» с № 9 печатается серия биографий — «Замечательные художники и их картины», принадлежащая перу В. Стерингова. Первый очерк знакомит с итальянцами — Тицианом и писателем Аретино, второй с испанцем Веласкесом⁴.

К этому же историческому периоду относится рассказ Б. Ласк «Два гонца» в журнале «Пионер». Рассказ дает несколько эпизодов из истории Крестьянской войны в Германии. Снимки со старинных гравюр украшают страницы рассказа.

К этому же тематическому разделу относится статья А. Покровской в № 10 журнала «Пионер», дающая интересный материал из истории путешествий на север; интересны рисунки, сделанные по старинным гравюрам.

Тема «История Нового времени». Этот исторический период мало отражен в рассматриваемых детских журналах. Можно указать на очерк из истории воздухоплавания Н. Быльева — «Предки стратостата», напечатанный в № 3 журнала «Еж». Очерк передает в легкой, занимательной форме три момента из истории воздухоплавания: Монгольфьер, Шарльер и первый полет Бланшара над морем между Дувром и Калэ.

В № 10 журнала «Еж» напечатан небольшой дай фрагмент К. Меркуловой «Первые правила». Здесь имеются в виду первые пра-

²Ф. Рабле (ред.)

³Н. Заблочкого (ред.)

⁴Д. Веласкес (ред.)

вила уличного движения. Дан внешний облик старинного города, пешеходы, наряды, прически XVIII в. р

По Истории ВКП(б). Редакция журнала «Еж» начиная с № 5, печатает «Рассказы о большевистском подполье» С. Хмельницкого, которые снискали большую популярность среди ребят. Хорошо задуманное предисловие и послесловие автора как бы оформляют интересные эпизодические рассказы из истории борьбы партии большевиков. Напечатано семь рассказов (кончая № 11), выразительны рисунки и С. Мочалова.

В журнале «Пионер» № 8 помещен очерк И. Халтурина «Типография в подполье». Автор рассказывает о работе большевиков перед 1905 г. в Москве.

Ценным является помещение в журнале ряда биографических рассказов: «Рассказы о Сталине», «Железный нарком», «Химик», — которые с успехом могут использовать в своей работе по коммунистическому воспитанию и учителя и вожатые пионеров.

А. Богинская

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА УРОКАХ ИСТОРИИ (ПЕДАГОГИЧЕСКИМ КАБИНЕТ ПРИ МОСКОВСКОМ ГОРОНО)

*Впервые опубликовано в: История в средней школе. 1935. №
4. С. 28-41.*

Исключительно важные и сложные задачи, которые стоят в настоящий момент перед преподавателем-историком в области преподавания гражданской истории «в живой, занимательной форме», требуют мобилизации всех методических средств. Именно под этим углом зрения и следует рассматривать использование художественной литературы на уроках истории. Конечно, дело не только в «оживлении курса». При всей громадной педагогической важности этого последнего забота об оживлении курса должна стоять в теснейшей связи со всей организацией преподавания, с его задачами, со степенью его научности. Поэтому, говоря о привлечении художественного материала к преподаванию истории, следует не только думать о том, как повысить живость и интересность урока, а главным образом о том, насколько художественное произведение может быть документом, помогающим что-то изучить, насколько оно может в желательном для нас направлении воздействовать на психику учащегося, воспитывать его мировоззрение.

Нужно сказать, что методисты последних лет, стремившиеся «иллюстрировать» художественной литературой обществоведческий материал, не всегда достаточно задумывались над тем, все ли литературные произведения, которые они привлекали, полезны для изучения. Между тем, мы прекрасно знаем, что, с точки зрения марксистского литературоведения, всякое художественное произведение отражает действительность в образах, преломленных через классовую идеологию автора, и, следовательно, степень верности показа этой действительности различна. «Капитанская

дочка» Пушкина раскрывает действительность крестьянских восстаний конца XVIII в., но это раскрытие далеко не всегда соответствует исторической верности. Образ Савельича отнюдь не является в какой-нибудь мере характерным обобщением, действительно показывающим сущность взаимоотношений помещиков и крестьян. Повесть не раскрывает действительных причин восстаний, а вождя восставших — Пугачева, показывает авантюристом, захотевшим быть «царем на Москве». Поэма «Двенадцать» Блока раскрывает не сущность Октябрьской революции, а идеологию определенных групп буржуазной интеллигенции и их сложного и противоречивого отношения к этой революции. Роман Гюго «93-й год» гораздо больше показывает мировоззрение некоторых кругов мелкой французской буржуазии XIX в. и ее понимание идей Великой французской революции, чем дает правильную трактовку этой последней. Разумеется, когда вопрос идет об изображении действительности в художественных образах в исторической перспективе, о так называемых исторических романах, дело осложняется, так как степень искажения действительности в этом случае еще возможно. Поэтому необходим правильный методологический и методический подход к этому материалу. При условии такого подхода литературный образ может оказать чрезвычайно большую пользу историку. Наркомпрос в объяснительной записке к программам 1934/35 учебного года, указывая на ряд недочетов в преподавании истории, отмечает слабое владение преподавателем методикой рассказа, редкое использование документов. Отсюда часто шаблонные схемы вместо точных и ясных представлений в восприятии учащимися учебного материала. Тов. Гриневич в статье «Учебник истории в самостоятельной работе учащихся» (журн. «История в средней школе» № 1, 1934 г.) приводит очень интересные данные об исторических представлениях у ребят различных классов и различных школ по данным эксперимента, проведенного проф. Нечаевым и т. Стражевым в ряде московских школ. У очень многих из участников эксперимента причины Пугачевского восстания, Английской и Нидерландской революции сводились одинаково к сильной эксплуатации крестьян, их безземелью и другим общим признакам «тяжелого положения», за которыми не было настоящих продуманных и конкретных представлений, действительного осознания сложности и противоречивости исторического процесса.

Нам кажется, что этому осознанию, наряду с другими факторами, и может помочь умелое привлечение литературных образов. В методике этого привлечения громадное значение имеет

выбор материала. Большие художественные произведения, произведения подлинно-реалистические, обладают свойством вскрывать сложнейшие явления действительности и показывать их в ярких конкретных образах, помогающих, благодаря своей специфике, действительному осознанию отдельных этапов исторического процесса и классовой борьбы.

Конечно, нужно уметь уловить и обезвредить наличие искажения этой действительности.

Ложен и надуман образ жандарма, возвещающего о приезде настоящего ревизора в последней сцене гениальной гоголевской комедии «Ревизор», как ложен и сам невидимый ревизор, справедливое возмездие, идущее от мудрого центра к провинциальному чиновничьему болоту, как ложно все стремление Гоголя исправлять и очищать существующий строй, а не ломать его. Но правдивы и глубоко жизненны образы городничего, Хлестакова и чиновников, представляющие собой ценнейший документ, характеризующий определенную эпоху. Толстой в рассказе «После бала» не только показывает зверскую сущность николаевской солдатчины, но с исключительной ясностью демонстрирует противоречивость дворянской культуры, в которой внешний лоск и внешняя красота выростали на базе бесчеловечной эксплуатации. Пушкин в «Капитанской дочке» дает картины быта различных дворянских групп, прекрасный показ тупого бюрократизма правящих кругов (оренбургский комендант и созываемый им совет): Такое сложное явление, как распад выработанного веками мировоззрения в момент грандиозных исторических сдвигов, с предельной яркостью раскрывается в «Гамлете» Шекспира.

Интересные образцы использования литературных образов для конкретизации отдельных политэкономических и исторических моментов можно найти у Маркса, и у Ленина. Маркс, придававший громадное значение образности и конкретности своих работ, широко применяет использование литературного образа. Сервантес, Данте, Мольер, Гейне, древнегреческие авторы — Софокл, Гомер, Эсхил, Гораций, произведения которых Маркс знал в подлинниках, — подкрепляют, иллюстрируют своими образами нужные для Маркса положения. Но особенно часто он использует Шекспира. Маркса привлекает широкое обобщение образов этого писателя, их глубина и яркость, а иногда их неподдельный юмор. Вспомним, как мастерски использован образ миссис Квикли, ловкой и вездесущей бой-бабы («Виндзорские проказницы», «Генрих IV») при объяснении субстанции стоимости товаров (см. «Капитал», т. I, стр. II). Из

трагедии «Тимон Афинский» Маркс использует монолог Тимона о власти золота, которое может сделать все чернейшее белейшим, гнусное — прекрасным, всякий грех — правдивостью, разбойников окружить почетом. Им, этим монологом, Маркс иллюстрирует свое положение о том, что с расширением товарного обращения растет власть денег, все делается предметом купли-продажи. «Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую втягивается все для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла» («Капитал», т. I, стр. 103—104). В «Капитале», глава IX «О первоначальном накоплении» Маркс использует для выяснения источников собственности отрывок из Гете:

- Откуда у тебя, дитя, дары все эти,
Ведь без источника нет ничего на свете?
— Да что ж, я их от папы получил.
— А папа от кого? — От дедушки. — Но дал их
Кто же деду твоему? — Он взял их.

Около 1000 литературных цитат разбросано среди громадного ленинского наследства (см. Цейтлин — Литературные цитаты Ленина, Огиз, ГИХЛ 1934).

Наибольшее количество цитат падают на Шедрина (320), затем на Гоголя (192), Грибоедова (164). Широко представлена и западноевропейская литература (157 цитат).

Ленин одинаково использует как ссылку на большие художественные образы, так и отдельные небольшие цитаты-высказывания. Всем известно его любимое изречение из Гете («Фауст», ч. 1-я): «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни» (см. «Письма о тактике», т. XX, стр. 101; «Как организовать соревнование», т. XXII, стр. 165).

Так же часто используется Лениным следующая цитата из Гете (сатира «Кроткой Ксении», раздел VII): «Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится» (см. «Памяти графа Гейдена», т. XII, стр. II; «Крах II Интернационала», т. XVIII, стр. 258).

Такие же меткие, запечатлевающие образы-выражения любит заимствовать Ленин у Грибоедова, у Салтыкова, у Крылова.

Отдельные большие литературные образы, дающие широкие обобщения, также используются Лениным. Образ Манилова он использует всякий раз, когда надо бить по прекрасодушию, прожектерству, подмене дела словами, по дряблой мечтательности, реформизму. Черты маниловщины видит он, например, у народников, мечтающих о замирании вековой экономической борьбы антагани-

стических классов русского общества («Что такое “друзья народа”», том I, стр. 213; «Кустарная перепись 1894—1895 гг. в Пермской губернии и общие вопросы “кустарной промышленности”и», т. II, стр. 287). Во всех приведенных случаях художественные образы помогают конкретизации отдельных моментов действительности, осознанию ее социальных проблем.

Несомненно, громадное значение имеет методика рассказа педагога, и совершенно правильно на слабость ее как на одну из причин недостаточных знаний учащихся по истории обращено внимание Наркомпроса. Яркость, образность рассказа так же важны, как и его систематичность, логическая стройность. Но в какой мере и как должно происходить насыщение рассказа литературными образами? Прежде всего должен стоять кардинальный вопрос о методах выбора материала.

Обратимся опять к практике классиков марксизма. Кого использовал Ленин? Это, прежде всего, писатели большой художественной значимости (Щедрин, Гоголь, Грибоедов, Крылов, Некрасов, Тургенев, Островский, Чехов), среди них большее предпочтение отдается сатирикам, остро критиковавшим современную действительность, глубоко видевшим ее недостатки. Очевидно, выбор обусловлен именно верностью отражения действительности, степенью обобщения данного литературного образа. Тем же принципом руководствовался и Маркс, выбирая из обильного наследства мировой литературы наиболее яркие и обобщающие образы. Эти принципы классиков марксизма и должны лечь в основу методики привлечения литературного образа при трактовке исторических событий. Эти образы следует, прежде всего черпать из материала больших художественных произведений изучаемой эпохи выбирая те, которые достаточно верно и ярко показывают действительность, которые раскрывают всю диалектическую противоречивость социальной обстановки данной эпохи. Большой интерес представляют произведения, принадлежащие писателям-революционерам данной эпохи. Большое значение имеет и их обычно резкая критика современности, и заражающий пафос призыва к борьбе. Так, например, при изучении эпохи чартизма интересно использовать произведения поэтов-чартистов (см. Шиллер — Очерки по истории чартистской поэзии, М., 1933). Любопытно стихотворение рабочего поэта-чартиста, ткача Мак-Каллена, «Фабричные дети», рисующее эксплуатацию детей фабричных рабочих. Интересно стихотворение Е. Броунинг «Плач детей» на ту же тему, использованное Некрасовым (стихотворение того же названия). В указанном же

сборнике помещены отрывки из произведений Эбенезера Элиота, небезызвестного поэта «Хлебных законов», ярого защитника идей свободной торговли, которые можно прекрасно использовать, так, например:

Дорогие вещи:
Чай, сахар и хлеб дорогой
И две дорогие палаты
Вступили в союз меж собой,
Чтобы счастлив был только богатый.

Однако при использовании литературного материала перед педагогом-историком может встать трудность, что этот материал совершенно незнаком учащимся. Одно дело, при изучении истории России в XIX в. оперировать образами произведений Пушкина, Толстого, Грибоедова т. д. Все они хорошо знакомы учащимся и когда преподаватель для характеристики военщины николаевской эпохи приводит образ Скалозуба или примерами из «Евгения Онегина» характеризует различные группы дворянства 20—30-х годов, начало распада этого класса, или, говоря о промышленном перевороте, использует образы комедии Островского для показа, например, купцов нового и старого времени, то он, оперируя материалом, уже известным учащимся, заставляет их только продумывать его с какой-то новой стороны.

Но материал по западноевропейской литературе гораздо меньше известен учащимся. Как тут быть? В этом случае, прежде чем использовать образ, нужно познакомить учащегося с произведением. На этот путь толкает и самая программа, — в конспектах учебников по истории, утвержденных Наркомпросом, стоят вопросы о Шекспире, «Песне о Роланде» и т. д. Разрешение данной задачи может вызвать некоторые опасения. Может ли педагог-историк подходить к художественному произведению, анализировать его, не имея для этого достаточной подготовки, и, главное, времени? Эти опасения совершенно напрасны. Конечно, историк не может быть литературоведом. Современные требования, предъявляемые к анализу художественного произведения, слишком сложны для того, чтобы его можно было делать попутно и без специальных навыков. Но детальный анализ вовсе и не нужен. Нужно лишь знакомство аудитории с произведением, подчеркивание существенно важного для задач историка, умение найти нужные образы, вскрыть основную идею. Другое дело, что педагог-историк сам должен вла-

деть элементами марксистско-ленинского анализа художественного произведения, уметь, хотя бы в общих чертах, разбираться в нем.

До сих пор речь шла все время об использовании больших художественных произведений непосредственно во время работы в классе. Но знакомство учащихся с этими произведениями может идти и путем внеклассного чтения (не во всех случаях; иногда, когда, например, произведение в целом не подходит к возрасту учащегося, целесообразнее рассказывать кратко о данном произведении и приводить отдельные цитаты).

В списки для внеклассного чтения должны войти и исторические романы, но, разумеется, строго проверенные с точки зрения их полезности для учащихся. Иногда исторические романы — это большие художественные произведения, образы которых могут дать очень много историку. «Собор парижской богородицы» Гюго не дает в целом достаточно верное изображение средневековья, но отдельные образы его прекрасны. Начало главы «Париж с птичьего полета», где описывается рост и развитие этого города, может быть прекрасно использовано для показа роста средневекового города вообще. Но все же это произведение, как и «93-й год» Гюго, может быть рекомендовано учащимся лишь с известными оговорками, с указанием, каковы в нем основные отступления от исторической действительности.

Нужна тщательная работа педагога над отбором действительно ценных или хотя бы не вредных произведений среди обширного материала «исторической беллетристики» наших библиотек.

К каким же выводам можно прийти после всего вышесказанного? Несомненно, использование художественной литературы на уроках истории имеет большое значение не только для оживления материала, но и для более вдумчивого его осознания, для выработки более конкретных представлений, для более прочного и легкого запоминания. Все это может быть достигнуто лишь при надлежащем отношении со стороны историка к литературному материалу. Умение выбрать его, умение привлечь прежде всего большие художественные произведения той же или близких эпох, с их широкими и глубоко обобщающими образами, умение разобраться в произведении и, вскрыв его идеологию, делать действительно документом — все это необходимые условия для эффективного использования художественной литературы на уроках истории. Важно также тщательное продумывание методов использования, правильное дозирование привлечения литературных образов во время рассказа,

употребление их там, где особенно нужна конкретизация отвлеченных положений и общих исторических схем.

Возьмем для примера эпоху средневековья и посмотрим, какие темы ее (см. конспект учебника) могут быть иллюстрированы художественным материалом. В главе V (Западная Европа IX—XI вв.), в II разделе, говорится о политической раздробленности Европы в IX—XI вв., о сеньории и ее организации, феодалах, замках, вооружениях и походах. Организация сеньории, как некая историческая схема, требует конкретизации. Такой раздел как «вооружение» требует образного показа. Вся эта тема может прекрасно иллюстрироваться образцами рыцарского феодального эпоса, в частности «Песнью о Роланде». Надо заметить, что это произведение имеет место в учебнике само по себе (глава VIII, § 3 — «Искусство и литература средних веков»), но малое количество времени, отводимое на весь параграф (один урок), конечно, не позволит остановиться подробно на этом произведении и поэтому не будет большой беды, если о нем будет сказано и раньше. Рекомендовать его целиком для самостоятельного чтения учащимся можно лишь в сильных шестых классах. Новый перевод Ярхо («Песнь о Роланде», изд. «Академия», 1934 г.) труден для среднего учащегося VI класса, благодаря обилию архаизмов. Для самостоятельного чтения лучше использовать отрывки, данные в книге Эйхенгольца (сборник «Западноевропейская литература», Учпедгиз, М., 1935 г.). Еще лучше отдельные отрывки зачитать в классе, хотя бы и вне урока, в порядке организованного громкого чтения.

Подходя к этому произведению, следует прежде всего осветить его характер как одного из образцов феодального эпоса и указать, какие изменения претерпел легший в его основу исторический факт: битва императора Карла с басками в Ронсевальском ущелье в 778 г. (Эйнхард, Жизнеописание Карла Великого). «Песнь» создалась, вероятно, в конце XI в., в эпоху расцвета феодализма, пользовалась громадной популярностью в рыцарской среде, о чем свидетельствует, большое количество имеющихся списков и вариантов ее. Конечно, обстановку VIII в., эпоху Карла, по ней изучать нельзя. Дело не только в искажении исторического факта (битва с басками, а не с маврами, как в «Песне», победа последних), а и в том, что Карл и все воины разбираемого произведения чрезвычайно далеки от своих исторических прообразов. Это идеализированные вассалы и сеньоры, какими они должны были быть в представлении авторов «Песни». Карл — мудрый и отважный правитель, всегда собирающий совет вассалов перед важными действиями,

Роланд, идеальный вассал, храбрый до безрассудства и беззаветно преданный сеньору:

Должен вассал пострадать за сеньора,
Должен терпеть и тяжкий жар, и холод,
Должен терять и волосы, и кожу.

Преданность Роланда доказывается на деле его смертью на поле битвы. Возвеличение Роланда после смерти, его награда на небесах — все показывает стремление сделать из него образец, к которому стремились бы слушатели «Песни».

Образу Роланда противопоставлен об Ганелона: «Прекрасный рыцарь, лицом румян и вид имеет бравый, будь честен он, так был бы рыцарь славный», а «нечестность» Ганелона, делающая из «славного» рыцаря преступника, достойного позорнейшей казни, — это его измена сеньору. Пропагандируя идеи верности вассалу, произведение чрезвычайно ярко иллюстрирует взаимоотношения сеньоров и вассалов, шаткость договоров между ними, приводившую к постоянным войнам. Важна не только эта пропаганда. Весь воинственный дух «Песни», большой элемент религиозности соединенной с этой воинственностью (архиепископ Турпин, сражающийся бок-о-бок с феодалами, характер взаимоотношений императора и его вассалов, божий суд — поединок как доказательство правоты или виновности одной из сторон), — все это дано в ярких, запоминающихся образах и чрезвычайно помогает конкретизировать обстановку феодализма XI в. Если нельзя зачитать большое количество отрывков в классе, следует ограничиться пересказом отдельных отрывков и анализом ведущих образов этого произведения — Карла, Роланда и Ганелона. Использовать нужно описание «божьего суда» над Ганелоном и его казни, сцены боев, где дается прекрасное изображение и вооружения рыцарей и самой техники боя:

Бой закипел, он и велик, и чуден,
Но графа Роланд хорониться не будет.
Сулицей бьет, пока древко не хрустнет,
Пятнадцать раз ломал и брал другую.
Рассек шелом, где сверкает карбункул,
Проходит меч сквозь мисюльку и кудри,
Промежду глаз, через кость лобовую,
Бьет напролом, сквозь частую кольчугу. . .

Или:

На маврах всех сарацинские брони,
На голове шелом из Сарагоссы,
Меч при боку из венской стали доброй,
У всех у них валенсийские копыя.

Замечательный язык «Песни», его сила, его сжатая образность делает отрывки и высказывания очень яркими и запоминающимися.

Менее интересен в отношении такого использования другой образец феодального эпоса, тоже стоящий в конспекте учебника. Это «Песнь о Нибелунгах». Конечно, и она рисует феодальные взаимоотношения и дает, яркие образы, но она не так целостна и характерна для эпохи расцвета феодализма. Это произведение несколько более позднее, в нем уже начинается чувствоваться переход к рыцарским романам с их тематикой любовных приключений. Между тем, самое содержание, образы, сюжет взяты из гораздо более древней эпохи. И это сочетание делает «Песнь о Нибелунгах» более сложным и противоречивым произведением и менее четко вскрывающим то, что нужно историкам. Гораздо целесообразнее затронуть образец произведений другой социальной группы—буржуазии, а именно: взять хотя бы отрывки из грандиозного животного эпоса, из «Романа о Лисе».

В эпоху расцвета феодализма ведущей литературой была дворянская, рыцарская, но наряду с ней существовала и буржуазная. Небольшие рассказы, французские «фаблио» и немецкие «шванки» существовали бок-о-бок с песнями и поэмами о подвигах рыцарей, существенно отличаясь от них иной тематикой, иными героями, большим элементом описания быта и острым сатирическим направлением. «Роман о Лисе» — объединение и обобщение ряда таких фаблио, пользовавшееся громадным распространением в XII и XIII вв. Образы произведения «Романа о Лисе» — животные: Волк — Изегрим, Лис — Ренгардт, или Рейнеке, Лев — Король, Верблюд — Архиепископ, Осел — Каноник и т. д., которым приданы людские черты.

Все произведение целиком — это прежде всего очень острая социальная сатира, направленная на самые основы феодального строя. Достается Жадному Королю — Льву, которому нужны законные основания для того, чтобы забрать себе всю добычу Лиса и Волка. Жестоко осмеивается «божий суд» (хитрый Лис, побеждающий на поединке и тем доказывающий свою правоту, эпизод с чудесами над могилой невинно загрызенной Лисом курочки Капет, злая пародия на чудеса, на канонизацию святых). В произведении

четко проходит утверждение, что побеждают в жизни лишь подобные Лису хитрые и ловкие пройдохи, не стесняющиеся в средствах.

Образы «Романа о Лисе» могут быть привлечены при характеристике феодальной системы параллельно с образами о «Роланде» для выяснения идеализации многих сторон феодальной жизни этими произведениями и для выявления их истинного лица. Образ жадного владыки Льва представляет прекрасную параллель с идеализированным образом императора Карла. С другой стороны, образы романа и отдельные цитаты могут быть использованы в разделе «феодальный город» для характеристики идеологии городского буржуа, его отношения к феодалам, религии и т. д.

Отрывки из «Романа о Лисе» можно найти в хрестоматии по западноевропейской литературе П. С. Когана, М., 1929 г.

Рыцарство после крестовых походов, его быт и нравы также могут быть иллюстрированы художественным материалом. Надо показать, чем отличался рыцарь после крестовых походов от сурового воителя эпохи «Песни о Роланде». Лирика трубадуров, особенно провансальских, рыцарские романы говорят о быте и нравах рыцарей, о любви к приключениям, к турнирам и забавам. Молодой рыцарь носил короткое платье, вышитое словно луг (Чосер, Кентерберийские рассказы, 393, см. ниже), полный светлых цветов, белых и алых:

Он целый день пел и играл на флейте,
И был свеж, как месяц май,
Платье на нем было короткое
с широкими и длинными рукавами,
Он сидел на лошади и ловко правил.
Умел складывать песни и сказывать сказки,
Сражаться на турнире,
Плясать и хорошо рисовать и петь.

Это не мешает рыцарю (см. там же) «участвовать в кровопролитных сражениях и биться за веру».

Воинственность остается прежней, но она принимает более авантюрный характер, война — ради войны, приключения — ради приключения.

Любого я видеть на поляне (поет знаменитый, воин-трубадур
Бертран де-Борн)
Ряды раскинутых палаток,
Мне сердце веселит,
Когда готовых вижу к бою

Коней и рыцарей в доспехах.
Люблю, — когда гонцы лихие
Людей и скот в смятеньи гонят,
Люблю, когда за ними следом
Спешат отряды боевые,
И крепнет дух во мне,
Когда осаду вижу замков
И рухнут стены укреплений...
... И люб мне также вождь отважный,
Что первым к приступу несется
На боевом коне без страха.
Вселяет бодрость он примером
Всем ратникам своим...

Или:

... Бой закипел — дробятся копы,
Мечи и панцыри цветные,
Щиты и шлемы — все в осколках.
Вступивши в бой, воитель смелый
Не помнит уж себя,
Удар наносит за ударом, —
Признаюсь вам, меня не тешат
Еда, питье ни сладкий сон,
Как тот призыв «Вперед, на сечу!»
... Бароны, заложите замки,
Деревни, села и поместья,
Чтоб можно было воевать.

(См. П.С. Коган — «Хрестоматия по западноевропейской литературе»)

Отрывки эти могут быть с успехом зачитаны в классе.

Что касается рыцарских романов, то рекомендовать их для чтения нашим учащимся, даже в отрывках, помещенных в хрестоматии Когана, не стоит. Можно кратко характеризовать их, указав на их тематику, элемент фантастики, подчеркнув большой интерес к этим произведениям в рыцарской среде. Можно иллюстрировать свои положения отдельными примерами, хотя бы из «Тристана и Изольды» (содержание передано в хрестоматии Когана).

В главе VIII конспекта учебника говорится о культуре и науке средневековой Европы. На материале ярких художественных образов ряда писателей конца средневековья и перехода к новому времени вполне можно вскрыть в конкретных и ярких образах состояние науки в эпоху средневековья.

Возьмем, например, Чосера, образы которого уже использовались ниже при характеристике рыцарей после крестовых походов. Джеффри Чосер, родившийся в 1340 г. в Англии, в семье торговых буржуа, является в одно и то же время и крупным писателем и королевским чиновником, выполнявшим ответственные дипломатические поручения. Эти поручения заставляли его постоянно разъезжать не только по Англии, но и по Европе. Лучшие его вещи написаны под влиянием итальянской литературы и античной, «Кентерберийские рассказы» — наиболее крупное произведение, написаны под несомненным влиянием Боккачио. Так же, как и «Декамерон», — это собрание отдельных рассказов, которые рассказывала друг другу группа путешественников, случайно встретившаяся и вместе передвигавшаяся по дорогам близ Лондона. Интересны даже не столько эти рассказы, сколько образы путешественников, людей самых различных классовых групп. Тут и рыцари, недавно вернувшиеся с войны, и скромный клерк, и фермер, и толстый купец, и моряк, и доктор, и толстый монах. Все эти образы даны с исключительной глубиной и яркостью, подчас напоминающей Шекспира. Характеристика врача дает прекрасное представление о низком уровне медицины в эпоху средневековья.

С нами был также доктор медицины.
Во всем свете не было ему равного,
Когда речь шла о медицине и хирургии,
Ибо он силен был в астрономии.
Он лечил удивительно хорошо своего пациента
По часам, назначенным натуральной магией;
Искусно мог он предсказывать исход болезни,
Происходила ли та от темперамента
Холодного или горячего, или сырого, или сухого
Он был превосходный практикант.
Указав причину и корень недуга,
Тотчас давал больному его лекарство.
Его аптекарь всегда был готов
Снабжать его микстурами и сиропами,
Ибо они давали друг другу возможность наживаться.

В этом небольшом отрывке одинаково ярко раскрываются способности лечения («Натуральная магия», «горячий и сырой темперамент») и жадность врача-шарлатана, пользующегося невежеством окружающих.

Другой отрывок живо и интересно рассказывает о занятиях алхимией, об увлечении исканиями эликсира жизни или фило-

софского камня. Прежде всего, человек занятием сим «опорожнит свой кошелек и поглупеет во много раз, а затем, по безумию своему, потеряет собственное имущество в этой азартной игре, к тому же начнет подстрекать других». Люди, желающие добыть «философский камень», или «элексир жизни», начинают готовить большое количество всяких смесей. Берутся жженая кость, жженые опилки, стертые в самый «тонкий порошок», все это кладется в глиняный сосуд, куда насыпаются также соль и перец.

... Но в том или другом количестве мы берем эти тела
Ничто нам не помогает — наш труд затрачивается по-пустому,
И какие бы газы ни поднимались у нас,
Какие бы осадки ни оставались на дне,
Никто не в состоянии помочь нам в нашем деле.
Таким-то дьявольским манером исчезает наш труд
И все те издержки, которые мы должны были сделать.

Несмотря на все старания, «философский камень», называемый элексиром, не желает являться. И мало этого:

Очень часто случается,
Что сосуд разлетается вдребезги и — прощай все,
что в нем содержится.
В этих металлах оказывается такая сила,
Что наша лаборатория не может ей противиться,
Хотя бы та была каменная.
Металлы ударяют в стену так, что прооивают ее,
И часть их смешивается с землей
(Таким образом, мы теряем иной раз несколько фунтов).
Другая разлетается по полу,
А третья остается, без сомнения, в потолке.
И участники опыта начинают ожесточенно спорить из-за причин катастрофы:
Один говорит, что это произошло от разведения огня.
Другой, что нет, а зависело это от раздувания его.

... «Дурачье, — кричит третий. — Безмозглый. Смесь была составлена не так, как следует. Это и есть причина, а не что-нибудь другое».

... «Э! — говорил мой хозяин, — что случилось, то случилось».

Однако теперь я буду иметь в виду эти опасности. Я совершенно уверен, что реторта была с трещиной...

Вышеприведенные отрывки вскрывают прежде всего беспомощность человеческой мысли, слепые искания, случайные опыты,

фантастические задания, которые характеризуют состояние точных наук в эпоху средневековья. В тех же «Кентерберийских рассказах» дается интересный образ монаха.

Там же даны образы крупных городских ремесленников, воротил цехов. Платье последних было «совершенно новое, ножи были обделаны не в медь, но изящно украшены серебром, так же, как пояса и кошельки».

Каждый из них имел вид почтенного гражданина,
Достойного сидеть в думе, под балдахином.
Каждый за свою мудрость
Был способен стать альдерменом,
Потому что имел порядочное состояние и доходы.
И это мнение вполне разделяли их супруги.
Иначе они, конечно, заслуживали бы порицания.
Очень приятно называться «мадам»,
Стоять за всеобщей впереди других
И видеть свой шлейф, по-царски несомый.

Эти образы можно использовать при изучении средневекового города, в частности вопроса о расслоении городской буржуазии.

К сожалению, нет новых переводов и современных изданий «Кентерберийских рассказов». Указанные отрывки можно брать из «Хрестоматии по западноевропейской литературе» Когана.

К теме «Культура средневековья» следует указать, кроме материала, характеризующего состояние наук, материал, показывающий использование духовенством темноты и суеверия народных масс. На наш взгляд, целесообразно познакомить учащихся, путем пересказа или чтения отрывков, с братом Чиппола («Декамерон», новелла десятая, шестого дня, (см. хрестоматию Когана). Этот ловкий плут представляет собой интересную разновидность чосеровского «жирного монаха». Не менее интересны и одураченные им жители глухого уголка итальянской провинции, готовые принять перо невиданного ими попугая за перо архангела Гавриила и с благоговением дающие метить свои праздничные белые одежды черными крестами при помощи углей, на которых был сожжен святой Лаврентий.

В главе «Культура средневековой Европы» стоит упоминание о «Божественной комедии» Данте. Конечно, совершенно нет необходимости знакомить учащихся шестых классов с текстом этого произведения детально. Но общий очерк его, сделанный преподавателем, может помочь усвоить общие черты феодального миро-

воззрения и начала того перелома, который нес с собой переход к новому времени. Ведь не даром Энгельс, в предисловии к итальянскому изданию «Коммунистического манифеста», называл Данте последним поэтом средневековья и первым поэтом нового времени. Громадная сила дантовских образов чрезвычайно важна для целей историка.

Образы «Божественной комедии» дают представление о средневековом мировоззрении, о его мистике, об отношении к религии. Но в то же время в «Божественной комедии» Данте дал целый ряд новых моментов, которые позволили Энгельсу назвать его «первым поэтом нового времени».

Базируясь на указанных произведениях, возможно и следует использовать и исторические романы, рекомендуя их для чтения учащихся. Выше уже был указан роман Гюго «Собор парижской богородицы», из которого можно с успехом использовать отдельные главы, например: «Париж с птичьего полета».

В повести Гофмана «Мартин бочар и его сыновья» (собрание сочинений Гофмана, изд. 1929 г.) интересны и доступны картины о быте ремесленников средневекового города. Но, рекомендуя эту книгу, следует отметить идеализацию в изображении патриархальных взаимоотношений между хозяевами и их подмастерьями.

Среди исторических романов можно указать не мало материала, но, на наш взгляд, они, имея свое определенное значение, должны играть все же, как было уже сказано выше, несколько второстепенную роль по сравнению с большими художественными произведениями изучаемой эпохи.

И. Бахтерев

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИГЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1936. № 8.
С. 39-40.*

22 февраля в Ленинграде в кругу писателей, историков, издательских работников на узком, строго деловом совещании обсуждались важнейшие, неотложные мероприятия и принципиальные вопросы, решение которых обеспечит скорейший выпуск первых исторических книжек.

Прежде всего на совещании пришлось устанавливать тип книг, которые войдут в будущую историческую библиотеку. Большое разнообразие жанров – вот основное условие успеха начатого дела. Помимо романов, повестей и рассказов, было предложено немедленно приняться за создание исторических хрестоматий, сборников статей и очерков, деловых «книг для чтения» по истории разных эпох и народов. Своим жанром такие издания совпадут с дореволюционными книжками «для внеклассного чтения», но это лишь внешнее сходство – по изложению, по содержанию, по идейным установкам они будут резко отличаться от былых великодержавных книжонок по истории господствующих классов и царей.

Видное место в будущей библиотеке займет книга исторических документов, снабженная ясными, простыми комментариями.

Кто и как работает сейчас над исторической книгой для детей?

Особое место среди детских писателей-историков занимает Т. А. Богданович. Она давно ведет свою работу над большой исторической повестью «Пугачовцы на Урале». Повесть является продолжением ее предыдущей работы «Ученик наборного художества».

Действие «Пугачовцев» разворачивается на уральском медеплавильном заводе Твердышева (основная база Пугачова, снабжавшая

его войско пушками и ядрами). Книга закончена и пошла в производство. Сейчас Богданович принимается за новую повесть, которая завершит трилогию, начатую «Учеником наборного художества». «В этой повести, – говорит Богданович, – я покажу крестьянские низы в пугачовском бунте. – Я постараюсь выявить экономическую и социальную закономерность и обусловленность крестьянского движения. Я расскажу о „секретных комиссиях“, которые организовала Екатерина Вторая для выяснения причин „бунта“, для раскрытия его участников. В комиссиях дворяне встретились с крестьянами не как рабовладельцы с рабами, не как хозяин со своей вещью, а как враждебные по своим интересам классы, как две социальные силы».

Обе повести Богданович займут видное место в исторической библиотеке. Но старых авторов немного. Их всего несколько человек. В детскую литературу должны прийти новые люди. С этой стороны чрезвычайно интересно предложение историка М. Н. Мартынова и писательницы Богданович. Они назвали ряд тем, разработку которых могут взять на себя ленинградские историки. Некоторые из этих тем заслуживают особо пристального внимания. Разве не интересно узнать ребятам о далеком прошлом нашей страны – о смердах и городищах Киевской Руси или о «Золотой орде» – не в фальшивой трактовке дореволюционного учебника, где татары – это злодеи и разрушители, а с точки зрения современной исторической науки, которая объективно смотрит на татарский народ с его специфической историей и судьбой?

Таких тем было много названо. Они освещают русскую историю от далеких времен смердов и варягов до Северного союза – начала рабочего движения в России.

Не меньший интерес представляет новая и неожиданная идея советского «Плутарха», обсуждавшаяся на том же совещании.

Сборники биографий людей-избранников, жизнь и поступки которых отвечали моральным и политическим идеалам данной эпохи, прочно вошли в литературу еще со времен Плутарха и Корнелия Непота.

Как разновидность детского чтения такие сборники появились в XVIII веке, но особенно богато ими начало прошлого столетия. Тут и «Плутарх для юношества» и «Плутарх для чтения» и «Плутарх в пользу воспитания». Особыми симпатиями издателей, авторов и читателей пользовались удачливые монархи-завоеватели, неустрашимые полководцы, монахи, отшельники и философы.

Мы тоже знаем в прошлом людей, который горячо симпатизируем, и врагов, которых презираем и ненавидим.

Так почему же при нашем голоде на историческую литературу не создать нам книгу о друзьях, современного «Плутарха» о лучших представителях человечества? О людях больших страстей, огромной воли и напряженного упорства, которые отдавали свои жизни на борьбу с «неустроенным миром», с правителями и угнетателями, с невежеством и суеверием? Почему не создать книжку биографий, которые бы служили для наших ребят примерами доблести, бесстрашия и геройства, книжку, которая внушала бы читателю величайшее уважение к тем завоеваниям, которых человечество добилось сегодня на одной шестой нашей планеты? Кто же они, избранники нового Плутарха? На совещании уже прозвучали имена первых, в ряде случаев спорных, кандидатов. Вот некоторые из них: Кола ди Риенцо — римский трибун XIV века, сын кабатчика, «мужик из мужиков», как он сам говорил про себя, руководитель народного восстания, вождь революции, свергнувший власть дворянства. Фома Мюнцер — «альтшатский сатана», как назвал, его Лютер; он выразитель настроений городских ремесленников начала XVI века, бунтарь и мечтатель, проповедник идей своеобразной формы христианского коммунизма, глава крупных восстаний крестьянства и городской бедноты, организатор христианской общины в Мюльгаузене. Джордано Бруно — ученый и философ, сторонник коперниковской астрономии, казненный как еретик. Ян Гус — вождь чешского церковного национального движения, неутомимый борец с папской церковностью и властью. Бабеф — вождь «заговора равных» в эпоху французской революции. Гарибальди — революционер, отдавший свою жизнь за освобождение и независимость Италии, первым заговоривший об обновленной Европе, без угнетенных народов.

Эти имена носят пока что случайный характер. Чтобы установить окончательный список избранников нашего «Плутарха», нужна большая, кропотливая исследовательская работа. Редакция Ленинградского отделения наладит её и проведет в тесном контакте с историками и писателями.

В наследство от дореволюционных времен нам достались горы исторических книг. Многие из них устарели, многие не удовлетворяют нашего требовательного читателя схематичностью героев, наивностью идей и сюжетов. Но все же какую-то небольшую часть этой многотысячной исторической библиотеки можно и нужно приспособить для читательских нужд современного школьника.

Не следует обнадеживать себя кажущейся легкостью пополнения нашего исторического фонда за счет старой детской литературы. Вряд ли удастся отыскать роман, повесть или сборник очерков, который можно использовать без предварительной исторической и литературной обработки. И здесь предстоит большая работа историков, комментаторов, редакторов и детских писателей. Одни книжки нужно будет сокращать, другие – дополнять, третьи – комментировать, четвертые – переписывать заново — переводить на сегодняшний, современный язык. В предстоящей работе нам не придется слагавый и фальшивый Авенариус или Салиас. Другое дело Лажечников, Загоскин, Толстой, Гюго, Вальтер Скотт, Бульвер. Их романы послужат образцами увлекательных современных исторических книжек.

«...Если изображать прошедшее событие, завершённое историческое... то событие непременно представится в законченном его виде, т. е. с прибавкою всего последующего его развития, еще и не происходившего в тот именно момент, в котором художник старается вообразить лицо или событие», – так говорил об историческом романе Федор Достоевский.

Создавая историческое произведение, художник учитывает будущее развитие событий, которые не описаны в романе, но обязательно влияют на сюжетные коллизии, характеры и поступки героев. Вот почему в первую голову необходимо наше «соавторство» в старых романах, быть может безукоризненно законченных для своего времени.

Историческая книжка ретроспективна, она должна воспитывать правильное понимание исторической борьбы. Вот почему отбор и обработка наследия дореволюционных авторов-историков – дело большой творческой инициативы и большой ответственности.

«Наше совещание, – говорил заведующий ленинградским отделением Детиздата тов. Желдин, – это первая издательская разведка в области истории. Сегодня мы начинаем развернутую работу по созданию исторической библиотеки советского школьника».

К словам тов. Желдина необходимо добавить, что первое совещание по вопросам исторической книги переросло узко производственные интересы Ленинградского отделения. Оно имеет глубоко принципиальное значение. Детская литература сделала энергичный поворот к неотложным задачам «исторического воспитания» советского ребенка.

М. Белахова

ПИОНЕРАМ О ПРОШЛОМ (А. БОНДИН «МОЯ ШКОЛА»)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1936. № 8.
С. 18-19.*

Бондин А. Моя школа. Обложка худ. Толстого. Рис. Н. Травина. 2-е изд., дополн. Свердловгиз. 1915. Стр. 210. Тир. 10 000. Ц. 3 р

Это автобиографическая повесть. Сын уральского пролетария, Бондин прошел тяжелую школу жизни — школу, типичную для рабочего ребенка и подростка царской России.

Детство его проходит в 90-х годах прошлого столетия, во времена господства Демидова на Урале.

Известно, что если общая картина бесправия и нищеты рабочего класса в ту пору была ужасающей, то Урал в этом отношении шел в «передовой шеренге». Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» указывал на особо кабальное положение уральского рабочего. «На Урале же мечтать о сносном заработке не доводится» (Ленин, т. III, стр. 398).

В своей повести Бондин сумел ярко показать эту жизнь.

Повесть «Моя школа» начинается описанием семейного очага в пору раннего детства автора. Ребятишки спят на полатах, а на полу «бесформенными кучами лежат... старшие братья и отец». Еще совсем темно, а уж слышны заводские гудки, и все взрослые члены семьи, напившись квасу, отправляются на работу. Возвращаясь с работы, отец приносит иногда ребятишкам грошевые конфеты. Такая жизнь — максимум семейного счастья.

Но это ненадолго.

Старшего брата берут в солдаты. Отец погибает при аварии на заводе. Через год умирает мать. Семья разрушена, и мальчик сначала живет у брата, потом переходит к сестре, вынося везде попреки куском хлеба; наконец попадает в приют. Вернувшись с

военной службы, брат берет его к себе и помещает в школу. Но жить трудно, и двенадцати лет его отправляют на завод.

В повести Бондина нет ничего надуманного, прикрашенного или утрированного. Он показывает жизнь такой, какой она была в действительности. И в этом достоинство его книги.

Изображая дикость, тупость и жестокость прошлого, он вспоминает и светлые моменты своей жизни, показывает живую протестующую силу общества. Поэтому повесть его дышит оптимизмом.

Вот приют, содержащийся на средства «барина» Демидова. Босые, грязные дети спят на полу под одним одеялом, вытираются одним полотенцем. На завтрак полагается только ломоть ржаного хлеба. Надзирательница расхищает даже те крохи, которые даются на приют, и бьет детей. Но даже рассказывая об этом приюте, Бондин вспоминает старшего товарища Аляева, который страстно хотел учиться, но вынужден был, заниматься на сеновале или в бане. Вспоминает маленького скромного Кирию, любителя птиц, и добрую кухарку Авдотью.

А вот школа. Унтер-офицер Анкудинов, учитель гимнастики, прозванный ребятами «Унтер-шлеп», поучает:

«А если навстречу — генерал, нужно встать во фронт...

...Смотреть в это время на генерала нужно так, чтоб он думал, что ты его своими глазами сожрать хочешь. Вот!...»

Но Бондин не забывает доброго и честного учителя, который, хотя робко и неясно, возбуждает сомнение в законности существующих порядков.

«Владеет этим рудником и горой князь Демидов. Вот посмотрите, сколько на него работает коней й людей!..

...Вот какие чудеса творит человеческий труд, ребята, и все это делают рабочие».

Совершенно просто, без декларативности, автор отчетливо показывает свое отношение к действительности, он ненавидит и протестует против одного и любит, сочувствует другому. В приюте поп проповедует: «Блаженни алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Бондин пишет, что в это время он вспомнил отца, как тот однажды, напевая- евангельские слова, грустно усмехнулся и сказал:

«— Насытятся?.. Нет, не насытятся. Правды-то нету, да и не было ее».

С большим чувством описывается бунт рабочих и полицейская расправа.

В повести совершенно обоснованно и последовательно показано, как сама жизнь заставляет парнишку ненавидеть и протестовать против жуткой действительности, как постепенно выковывается его революционное сознание.

Работа на заводе укрепляет это сознание.

На заводе эксплуатация и кабала. Подростки получают 15-20 копеек за 11-часовой рабочий день. Труд непосильный. Взрослые зарабатывают немногим больше. Среди рабочих мерзкая фигура мастера Белова — шпиона и взяточника. Растет классовое сознание.

«— Все мы, — говорит рабочий Борисов, — уходим из дома и не знаем, воротимся целы или нет... а за что, для кого все это? Пусть бы для себя, а то для барина, который Завод свой в глаза не видит. Знает, поди, только проживать капитал, который мы своим потом да кровью создаем. Эх!»

Бондину счастливо удалось избежать узости и субъективизма в своих воспоминаниях.

Описывая перипетии своей жизни, он широко, правдиво раскрывает всю ту обстановку, в которой протекала его жизнь, выделяя в ней главное, типичное. Рабочая семья, приют, школа, завод — все это нашло яркое отражение в повести. Читая книгу, чувствуешь и понимаешь эпоху, видишь живых людей того времени.

Приходится удивляться только слепоте критики. В газете «Уральский рабочий» от 16 февраля 1936 г. помещена статья Горева «Альбом украсить не могу». Поговорив в начале статьи «вообще», о «новой эре в детской литературе», Горев останавливает свое благосклонное внимание на повести Бондина. Обмолвившись о том, что это нужная книга, автор всю свою критику строит на «блехоловстве». Он вытаскивает неудачные выражения, вроде «вынашивая воду из кадки в избу», «купец золотыми вещами», перевирая подчас цитаты, и язвительно, грубо заканчивает свою статью.

Стилистических погрешностей в этой книге много. Правда, по сравнению с первым изданием, второе дополнено и во многом исправлено". Однако остаются такие выражения: «Мы враз закричали» (стр. 144), «шел в завод», «уносил из завода» (стр. 194), «будешь болтаться, как навоз в проруби» (стр. 177), «на заржавленном лице, возле носа...» (стр. 191).

Но, несмотря на эти недостатки, «Моя школа» — хорошая и нужная книга.

Мы с радостью узнали, что Детиздат заинтересовался этой книгой и включил ее в план издания 1936 года. Надеемся, что московская редакция сумеет помочь Бондину исправить недостатки его

повести и сделать «Мою школу» одной из любимых книг всех детей Советского союза.

А. Юрьев

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ (Т. ФАРАФОНТОВА «КРЕПОСТНАЯ БАБУШКА»)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1936. № 17.
С. 16-17.*

Т. Фарафонтова. Крепостная бабушка. Сказ крестьянки М. И. Волковой о своей Жизни в пересказе Т. М. Фарафонтовой, — М.— Л. Детгиздат. 1936. Стр. 84, Тир. 25 000, Ц. 1 р. 25 к., перепл. 75 к.

В русской художественной литературе немало сильных, правдивых страниц и целых произведений, написанных об угнетении и страданиях женщины-крестьянки крепостной и «пореформенной» России.

Но немногие страницы, немногие произведения могут поспорить по силе своей убедительности с простым, безыскусственным рассказом Марии Волковой о своей жизни. Этот рассказ — исторический документ большого воспитательного и познавательного значения.

Долгую и трудную жизнь прожила Марья Ивановна Волкова. Родилась она в 1838 году в деревне Бахтырино Тамбовской губернии. Отец ее — крепостной крестьянин помещиков Алистратовых — был сдан в солдаты и убит на войне. Мать Марьи Ивановны умерла после рождения второй дочери — Александры. Умерла она не от родов, а от того, что на четвертый день после родов погнали ее на барщину, а вечером — высекли за медленную работу. Сама Марья Ивановна рассказывает об этом так: «Ослабела мать после родов, не вынесла, секут ее, а она уж мертвая. Так с конюшни да в могилу» (стр. 10).

Не было Марье Ивановне еще и пяти лет, как умерла и бабушка, которая ходила за ней после смерти матери. Сироту взяли на барский двор. Началась трудовая жизнь, итоги которой она сама кратко и ясно выразила в следующих словах: «Как мне прискорбно и обидно, что я в такое время жила. Подумаешь, на кого мы всю

жизнь работали? На дармоедов, на чужеспинников: на бар да на богатых мужиков» (стр. 84).

Все виды и формы эксплуатации человека человеком на себе испытала за свою долгую жизнь Марья Ивановна. Десяти лет продали ее (обменяли на породистую собаку) родственнице старых хозяев, княжне Пешковой. «Ох, и хлебнула я у ней горя немало!», говорит о новой хозяйке Марья Ивановна (стр. 39). Истеричная и деспотичная княжна любила измываться над беззащитными «комнатными девками».

Пятнадцать лет Марью Ивановну продали... замуж. Ее муж, поляк по происхождению, почтальон по профессии, купил себе русскую «православную» жену, чтобы таким путем получить право поступления на государственную службу, куда поляков после восстания 1830 года не принимали. После венчания в церкви Марья Ивановна восемь лет не видела своего мужа — княжна не позволяла. Один раз кивнула ему как-то из окошка — за это высекли ее розгами на конюшне.

В 1861 году стала Марья Ивановна вольной, но отмена крепостного права не принесла, как известно, действительной «воли», о которой мечтали крестьянские массы.

Особенно тяжелым было положение дворовых, которым «не полагалось» никаких земельных наделов и которым, как говорит Марья Ивановна, «черного куска хлеба на дорогу не дали. Выгнали за ворота, и ступай на все четыре стороны, куда хочешь, ни земли тебе, ни кола, ни двора» (стр. 68). Марью Ивановну забрал наконец ее муж и увез к себе на родину, в Витебскую губернию. О жизни в семье мужа Марья Ивановна говорит: «с каторги на каторгу». Мелко-шляхетская родня мужа всячески третировала «мужичку», даром, что сами «шляхтичи» ходили в лаптях и работали в поле. Но, будучи от природы на редкость крепкой и здоровой, Марья Ивановна справлялась с самой трудной и тяжелой работой, терпеливо переносила и придирки новой родни и капризы тяжелого по характеру мужа. После смерти мужа Марья Ивановна осталась одна с семью малыми ребятами на руках. Одна своим трудом, беспросветным каторжным трудом деревенской батрачки, кормила она себя и детей. Но и здесь не было Марье Ивановне счастья: она пережила всех детей своих, к старости осталась одинокой.

Во время мировой войны сгорела избушка Марьи Ивановны, сама она с волной беженцев уехала в центральную Россию.

Такова жизнь Марьи Ивановны Волковой, простая и мужественная жизнь русской крестьянки старого времени, жизнь, типичная в

своей обыденности и исключительная по силе мужества, стойкости, бодрости в жизненной борьбе.

Наша радостная молодежь страны победившего социализма, не знавшая в своей жизни ни крепостнического, ни капиталистического гнета, должна знать такие документы тяжелого прошлого, каким является история жизни «крепостной бабушки». Они вооружают ненавистью и учат мужеству.

Т. М. Фарафоновой удалось в своем пересказе «сказа» М. И. Волковой сохранить всю свежесть и убедительность подлинника. Некоторое сомнение вызывает целесообразность употребления такого словонаписания, как «Кавказ», «карахтер» и пр. Хорошо, что записаны и сообщены читателю старинные крестьянские песни. Полезно было бы снабдить книгу предисловием, в котором следовало бы рассказать, как же сейчас живет «крепостной бабушке».

Издана книга хорошо, прекрасно подобран иллюстративный материал.

О. Резник

НАПОЛЕОН (Е. ТАРЛЕ «НАПОЛЕОН»)

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1936. № 13.
С. 26-30.*

Е. ТАРЛЕ. Наполеон. Под ред. К. Радека — М. Жур., газ. объедин. 1936 г. Стр. 623. Тираж 40 000. Ц. 4 р. 50 к. Перепл. 60 к.

Образ Наполеона, гениального полководца и великого политика, с именем которого связаны судьбы Европы эпохи конца XVIII и начала XIX века, еще долго будет привлекать внимание человечества.

Неслучайно жизненный путь «революционного генерала» Бонапарта, покорителя десятка государств и миллионов людей, стал неисчерпаемым источником творчества для многих великих писателей. О Наполеоне написаны сотни новелл, поэм, песен, легенд. Специальная библиотека о нем составляет гигантскую цифру — свыше 200 тысяч специальных работ. Казалось бы, эти труды крупнейших историков, военных теоретиков и публицистов уже до мельчайших деталей исчерпали все перипетии его сложной и многогранной жизни. И, тем не менее, каждая новая работа о нем вызывает живейший интерес.

Книга Е. Тарле «Наполеон», изданная в серии «Жизнь замечательных людей», со всей убедительностью вскрывает источник этого неуывающего интереса. Империалистическую буржуазию предвоенной Германии, вдохновлял образ Наполеона — создателя континентальной блокады, направленной против Англии. Творцов Версальского мира пленяла беспощадность наполеоновских расправ с побежденными. Итальянские фашисты из всех сил раздували культ героической личности диктатора и завоевателя. А вся послевоенная буржуазия, в целом смертельно напуганная нависшей угрозой революционных потрясений, в поисках кровавого избавителя с упованием вспоминала давнее «пророчество» германского канцлера Бюлова: «За гильотиной Робеспьера всегда в истории

следует шпага Бонапарта». Таков в странах капитала «интерес» к Наполеону, порожденный политическим смрадом экономического загнивания и сознанием неотвратимой гибели.

В этой книге очень четко сформулирован принципиально иной характер нашего интереса к наполеоновской эпохе. «Для нас наполеоновская империя — порождение упорной борьбы новых социально-экономических сил со старыми, борьбы, которая не Наполеоном началась и не Наполеоном окончилась, и основной смысл, который заключался в победоносном наступлении буржуазии на феодальный и полуфеодальный строй во Франции и во всей Европе».

Следуя этому марксистскому принципу рассмотрения исторических явлений, Тарле создает книгу, являющуюся своеобразной плотинкой, преграждающей путь тем потокам клеветы, низкопоклонства, мелочной мании величия, ханжества и фатализма, которыми наводнена старая литература о Наполеоне. Здесь убедительно вскрыты основные ошибки, свойственные даже самым ценным по фактическому материалу исследованиям об этой эпохе. Пренебрежение к экономике, выпячивание героической личности, доходящее до чудовищной гиперболизации, и, наконец, некритическое использование всевозможных легенд в качестве основания для серьезных выводов.

Подлинный историзм создает огромнейшую политическую актуальность этой книги.

Существенным ее достоинством является острая направленность против пасквильной, клеветнической литературы, третировавшей Наполеона, как узурпатора, называвшей его антихристом и т. п., а с другой стороны — ее противопоставленность патристическим восторгам людей, приписавших Наполеону роль творца современной ему истории. В этом смысле книга «Наполеон», давая конкретную развернутую историческую интерпретацию основных характеристик эпохи, данных Марксом и Энгельсом, воспроизводит подлинный облик замечательного человека, величайшего полководца и политика.

Жизненный путь Наполеона тесно сплетается с ходом современной ему истории. Источники его побед, славы и величия так же, как и причины его падения, следует искать в анатомии того общества, в движении тех классовых сил, которые привели его к власти и низвергли с гребня политической волны. В его личной биографии надо искать те особенные качества военного гения, непреклонной воли и решимости, дипломатической изворотливости

сти и абсолютистского деспотизма, которые сделали именно его избранником буржуазии и любимцем армии, грозой неприятельских армий, разорителем государств и носителем революционного прогресса в феодальной Европе. Единственно правильная — марксистская — постановка вопроса о роли личности в истории определила и самый характер этой книги как своеобразной исторической хроники. Автор нарочито опускает мелкие, бытовистские подробности и многочисленные факты незначительных личных и интимных взаимоотношений Наполеона с окружающими. Книга очищена от «великосветских» легенд и смакования пышных «забав» наполеоновского двора, от всей той мишурно-адультерной орнаментировки, на которую так падки дворянско-буржуазные историографы и биографы великих людей. Но зато в книге есть то, что отсутствует в старых работах, — тщательно подобранный и аргументированный материал, характеризующий сложный переплет социально-экономических отношений послереволюционной Франции и феодально-абсолютистской Европы. С большой полнотой приведены конкретно-исторические факты, характеризующие классовую структуру наполеоновской Франции и те движущие силы, которые определили направление ее политики. На фоне важнейших исторических событий, вернее, — в центре их, во весь рост вырисовывается гигантская фигура Наполеона.

Наполеон в изображении Тарле является как бы концентрированным выражением тех наиболее сильных сторон революционной буржуазии, о которых писал Маркс в «Коммунистическом манифесте». Презрение к догматической религии и схоластике, неисчерпаемая энергия и предприимчивость, огромное внимание к науке и технике, воля к победе — вот те черты, которые дали ему возможность занять главенствующее место в рядах разрушителей феодализма и созидателей буржуазного могущества.

Дальнейшая эволюция Наполеона от генерала революционных войск до императора обширнейших территорий Европы также в известной мере характерна в смысле деградации революционности буржуазии после ее прихода к власти.

Мы говорим — «в известной мере», ибо с ростом могущества империи Наполеон начинает играть все более реакционную роль даже по отношению к непосредственным интересам значительной части буржуазии, приведшей его к власти. Автор приводит замечательную характеристику этого противоречия, данную Марксом в «Святом семействе». «Он (Наполеон) удовлетворил до полного насыщения эгоизм французской национальности, но требовал так-

же, чтобы ему приносили в жертву дела буржуазии, наслаждение, богатство и т. д., когда это нужно было для политической цели завоевания».

Целым комплексом исторически неоспоримых фактов иллюстрирует автор это положение Маркса, выражающее одно из противоречий наполеоновского господства, ставшее одной из причин его гибели. В самом деле: с одной стороны, Наполеон в интересах промышленной буржуазии создает континентальную блокаду, в интересах буржуазии Франции он ведет политику экономического порабощения Европы, а с другой стороны, он пытается подчинить интересы этой буржуазии интересам государства, понимаемым им как самоцель. На это французские купцы, по словам Маркса, ответили тем, что «подготовили то событие, которое впервые потрясло могущество Наполеона» (речь идет о хлебных спекуляциях и махинациях скупщиков, вынудивших Наполеона отложить русский поход на два месяца).

Борясь с укоренившимися в литературе традиционными взглядами на существо наполеоновской деятельности, очищая подлинно исторический материал от коросты вульгарно-идеалистических и подхалимско-восторженных оценок и выводов, автор ставит в этой книге ряд наиболее важных вопросов о ее характере. Мы остановимся лишь на некоторых из них.

Прежде всего, серьезного внимания заслуживает удар по наиболее распространенному в старо- и ново-буржуазной историографии взгляду на Наполеона как завершителя революции. Автор совершенно справедливо указывает, что это «завершение» пошло по линии победы крупнобуржуазных элементов и отчасти удовлетворения интересов собственнического крестьянства, опасавшегося феодальной реставрации. В отношении мелкобуржуазной массы и особенно ремесленного пролетариата, получившего вдобавок к закону ля Шепелье рабочие книжки, ставившие их в еще большую зависимость от предпринимателей, Наполеон был ликвидатором революции. Наполеоновский кодекс, вызывавший и вызывающий столь бурные восторги буржуазных историков и юристов, также является шагом назад по сравнению с идеями революции. Целым рядом подобных фактов аргументирует автор свой верный вывод о том, что Наполеон гениально использовал те возможности, которые создала буржуазная революция, и в этом смысле является ее завершителем, сыгравшим огромную прогрессивную роль в феодальной Европе. «Наполеон был в Германии представителем революции, пропагандистом ее принципов, разрушителем старого феодального

общества», писал Энгельс в 1840 г. в письме по поводу перенесения праха Наполеона во Дворец инвалидов. Эта, как и другие приводимые в книге выдержки из высказываний классиков марксизма, свидетельствуют о том значении, которое они придавали гигантской исторической роли Наполеона. Особенно высоко ценили они военный гений Наполеона. Но, оттеняя его революционизирующую роль для Европы, Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали легитимистский характер более позднего периода его деятельности. Вот об этом двойственном характере наполеоновской политики, о противоречии «завершителя» и «ликвидатора» революции ни в коем случае нельзя забывать.

В этом смысле ценность данной работы заключается в той насыщенности исторически достоверными фактами, взятыми в их связи и взаимодействии, которые позволяют судить о Наполеоне и его эпохе со всей принципиальностью и всесторонностью.

Книга радует отсутствием готовых формул и догматических утверждений. Отказ Наполеона от возможности использования крестьянских восстаний во время русского похода и от опоры на мелкобуржуазные и ремесленные слои Франции даже в период наиболее острой опасности и, наконец, очень ярко показанное подавление народной войны в Испании — все это конкретно характеризует классовый характер наполеоновской деятельности. В этой же связи крайне поучителен анализ наполеоновских войн. В книге приведено замечательное высказывание Ленина о типах войн и диалектике перехода одного типа в другой. «Национальная война может превратиться в империалистическую и обратно. Пример: войны Великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся крупных жизнеспособных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (г. XIX, стр. 181). Так захватнический характер последних наполеоновских войн породил испанскую гверилью, которая была подлинной национально-освободительной войной против наполеоновской империи.

Обширный, научно-достоверный и марксистски анализируемый материал этой книги дает новое, широкое представление о Наполеоне и его эпохе. Историческая ценность книги усиливает-

ся яркостью скупых, но метких и выразительных характеристик крупнейших государственных деятелей той эпохи. Сила этих характеристик прежде всего в том, что они оттеняют смысл исторических событий и одновременно служат средством дополнительного подчеркивания образа Наполеона. Такой принцип построения позволил сделать центральную фигуру повествования особенно убедительной.

Облик Наполеона — гениального полководца и стратега, умного политика, властолюбивого диктатора, человека железной воли и деспотизма — дан без эффектных прикрас и легендарных побрякушек угодливого вымысла. А главное — автору удалось найти ту меру исторической правдивости, когда развернутый показ эпохи не заслонен героической личностью, а личность не сведена до бледного, безличного призрака, «простого рупора духа времени». В этом одна из основных ценностей книги.

Внимание к вопросам изучения истории приобретает все большее значение. Историческое письмо товарища Сталина («О некоторых вопросах истории большевизма») в редакцию журнала «Пролетарская революция» и замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «истории СССР» и «Новой истории» со всей силой подчеркивают всю важность марксистско-ленинской трактовки прошлого. Эти указания всей своей силой направлены против вульгарно-социологических извращений исторического процесса в многочисленных книгах по истории, против попыток подмены подлинного научного изучения фактов заучиванием социологических схем.

Огромную помощь делу изучения Истории должна оказать доброкачественная беллетристическая и полубеллетристическая историческая литература, как дополнение к сведениям учебников. К сожалению, до сих пор этот вид литературы развивается у нас очень слабо.

Здесь хороших книг считанные единицы, и мы думаем, что рецензируемая книга является удачным вкладом в эту малочисленную группу доброкачественных исторических книг, ярким примером того, как интересно и увлекательно можно писать историю.

Книга построена по принципу историко-биографической эпопеи. Стержневой образ Наполеона служит основным звеном последовательно исторически развернутой цепи важнейших событий. Характер изображения этих событий, несмотря на ясный и простой язык повествования, приобретает особую сложность в силу широкого охвата исторических фактов и обширной их докумен-

тации. Но постоянное присутствие основного героя, стоящего в центре всех событий, заставляет читателя с неослабным вниманием следить за ходом изумительной судьбы Наполеона и облегчает восприятие исторического материала. Книгу следует рекомендовать наиболее развитым и подготовленным учащимся старших классов. Преодолев ее сложность, они обогатятся материалом большой познавательной ценности, расширяющим их исторический кругозор.

С. Злобин

**КОНКИСТАДОРЫ (В. СНЕГИРЕВ
«КОНКИСТАДОРЫ (ИСПАНСКИЕ
ЗАВОЕВАТЕЛИ). ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА
XVI СТОЛЕТИЯ»**

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1936. № 13.
С. 30-31.*

В. СНЕГИРЕВ, Конкистадоры (испанские завоеватели). Историческая хроника XVI столетия. — «Молодая гвардия». 1936 г. Стр. 219. Тир. 15 030. Ц. 4 р.

Книжка В. Снегирева «Конкистадоры» передает историю колониальной экспансии Испании в период наивысшего ее могущества (XVI век).

Имена Васко-де-Гама, Америго Веспуччи, Колумба, Магеллана, обычно известные школьникам из учебников, не дают еще сколько-нибудь ясного представления о характере завоевательной борьбы в Америке.

Старая литература давала представление даже о самой жестокости завоевателей, как о доблести, оправдываемой стремлением привести в лоно христианства «дикарей» и «язычников» — индейцев. Сами индейцы представлялись кровожадным, злобным народом, только и мечтающим об убийстве белых людей.

В. Снегирев далек от подобной подачи материала.

Он четко и просто показывает причины, толкнувшие испанских конкистадоров на завоевания. Стремление к захвату золота, личной наживе, к обогащению — вот та сила, которая родила Кортеса — завоевателя Мексики, Писсаро — завоевателя Перу — и других. Эта же сила гнала в Америку авантюристов-солдат и обезземеленное крестьянство, которое искало счастья в военных предприятиях за океаном. Правда, это «счастье» доставалось не им. Главари конкистадоров становились миллиардерами, получали широчайшие

привилегии от короля, а доля рядовых солдат ограничивалась «высочайшей благодарностью» и крохотным паем из добычи.

Картина завоеваний, порабощения индейцев показана в книге во всей ее неприглядности.

Ничего, кроме отвращения, не внушит читателю описание вероломства испанцев в отношении гостеприимных и доверчивых американских народов и их правителей, массовых казней индейцев ради того, чтобы отнять у них золото, гнусных междоусобных интриг конкистадоров, рвущих друг у друга из глоток жирные куски (например, интрига губернатора Педрариса против Васко Бальбоа, междоусобица между Альмагро и Писсаро и т. п.).

Систематический анализ событий, описываемых автором, естественно, в советском юношестве вызовет представление о сходстве между положением ацтеков и инков XVI столетия и современным Китаем и Абиссинией, борющимися за независимость против сильнейших хищников. Подобная аналогия уже сама по себе определяет сочувствие юного советского читателя.

Снегирев не односторонен в описании характеров и поступков конкистадоров.

Говоря о завоевателях, как о жестоких, корыстных хищниках, автор не побоялся отметить их смелость, выносливость, настойчивость — те качества, которые определили успех их авантурных предприятий.

Показывая, как стремление к обогащению, стяжательство, жадность гнали людей на отчаянно-смелые выходки, на сказочные авантюры, автор не забывает указать, как те же социально-экономические условия становились причиной научных открытий, чему примером является Магеллан, превратившийся из завоевателя в географа-путешественника. Но сам автор не дает готовых выводов, — описывая события, он предоставляет делать выводы самому читателю. Это приучает к самостоятельному мышлению, и книжка тем самым выгодно отличается от десятков книг, предназначенных для юного читателя, где все фигуры заботливо выкрашены в черную или белую краску.

Однако автор разбираемого труда допустил кое-какие ошибки: он сам подошел к материалу недостаточно критически. Первоисточники его работы составлены людьми иной эпохи, иных взглядов, и следовало к этим первоисточникам подойти более критически. Между тем, автор иногда невольно становится на точку зрения буржуазных писателей-историков.

«Участники славной экспедиции» — называет автор спутников Бальбоа (стр. 41).

«Овладев страну во имя короля и его наместника, Кортес, в память дня великой победы, основал на месте достопамятной битвы город...» — восклицает автор в другом месте (стр. 117).

«Конкистадоры, осыпаемые градом стрел, дротиков и камней, дрогнули. В эту страшную для них минуту дело решила маленькая кавалерия», говорит автор (стр. 116). Он нигде не говорит: «В эту радостную для индейцев минуту дело испортила кавалерия». Сочувствие автора, таким образом, оказывается как бы на стороне завоевателей даже в то время, когда их пособником является предательница-индианка — любовница Кортеса.

«К счастью для испанцев тласкаланцы не имели ни малейшего представления о регулярном строе», говорит автор (стр. 128). И читатель невольно ощущает беспокойство за судьбу конкистадоров и радость за их победу, хотя и понимает, что испанцы — хищники, а индейцы — поработаемый народ.

Правда, смелый поступок Кортеса, когда он уничтожает свои корабли перед походом в глубь неизвестной страны, вызовет чувство уважения к решимости человека и этого чувства в читателе не следовало бы опасаться. Однако чувство это было бы верно направлено лишь в том случае, если бы не менее четки и доблестны были фигуры индейцев. Но в книге фигуры их туманны. О них кое-как говорится, сами же они не показаны вовсе.

Безусловно, заслуживает внимания история борьбы горсточки (в полтораста человек) добровольцев, во главе с Гонзалом Писсаро покоривших империю Инков с двенадцатимиллионным населением, — однако разве не заслуживают еще большего внимания и уважения индейцы, боровшиеся за самостоятельность отечества?!

Недостаточно ярко очерчена в хрониках и руководящая роль католического духовенства — папы римского и ордена иезуитов, — которые в значительной мере увеличивали жестокость и кровопролития, прикрывая их служением христианству.

Мы далеки от того, чтобы обвинять автора в приверженности к буржуазному мировоззрению. Отношение его к событиям и людям достаточно точно определяется в анализе и толковании события, о чем говорилось выше. Но считаем, что, пользуясь буржуазными материалами, следует относиться к ним более критически и осмоторительно.

В целом книжка Снегирева не является «полубеллетристической», как она названа в предисловии автора. Подача материала скорее суховата, однако сам материал настолько живой, насыщенный событиями и приключениями, что книга будет прочитана юношеством с неослабевающим вниманием.

А. Кононов

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЕЛИКОГО НЕУДАЧНИКА

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1937. № 2.
С. 32-33.*

Н. Шпанов, История Одного великого неудачника. Рис. Л. И. Зусман. — М. — Детгиздат. 1936. 131 стр. Ц. 3 р. 50 к. Тир. 25 000.

"Проекты не согласованы с волей господ бога..."

(Из заключения английского адмиралтейства об открытиях Де-ни Папена.)

Трагическая жизнь знаменитого физика Папена (или Папина — в укоренившейся у нас, не совсем правильной транскрипции) до сих пор мало освещена в популярной литературе.

Между тем и история его личной жизни, и его творческая судьба настолько необычайны и в то же время настолько типично отражают особенности современной ему эпохи, что представляют ценный материал как для популярной биографии, так и для специального исследования.

Основной чертой Папена являлась его пламенная и ревнивая вера в науку, в ее тесную связь с жизнью, в ее высокую миссию — служить на пользу человечеству. В этой оценке целей науки с ним не сходилось подавляющее большинство самих же ученых — его современников, не говоря уже о венченосных невеждах. Ученые оспаривали его взгляды на назначение точных наук и неоднократно ставили научные открытия на службу королевским забавам.

Показать всю личную и творческую жизнь Папена Н. Шпанову, не вполне удалось. Самые опыты и приборы Папена описаны популярно, но сухоовато и мало чем отличаются от соответствующих страниц учебника физики.

Творческая жизнь физика потускнела под пером биографа по сравнению с бытовыми мелочами, которым он уделяет большое

внимание. Иногда автор прямо злоупотребляет ими: вместо "хлопотливого щебетанья воробьев якобы испугнутых Папеном и понадобившихся Н. Шпанову, должно быть, для "оживления" текста, читатель предпочел бы встретиться с более подробным описанием открытий великого физика и историей развития его идей.

Творческие стремления Папена все время доминировали над бытовой стороной его жизни, — на это Шпанов пытается указывать, но выразительной формы для этого не находит: открытия Папена и его личная судьба, как "великого неудачника соединены в книге механически. Этому отчасти способствует и отсутствие хронологических дат, хотя бы приблизительных. Схематическое описание изобретенных ученым приборов создаст в голове юного читателя представление о чем-то кратком, исполнившемся быстро. Лишь развитие мысли о предохранительном клапане дано Шпановым последовательно и полно.

Нет в книге и конкретных сведений о применении в технике изобретений Папена. Небезынтересно было бы для советского школьника узнать, как прочно вошел в производство автоклав Папена, усовершенствованный конечно, как, например, применен он на наших мясокомбинатах — гигантах пищевой индустрии.

Н. Шпанов указывает на убежденность Дени Папена в том, что наука призвана служить жизни. Но насколько убежденность эта была подтверждена жизнью на примере тех же изобретений Папена, читатель "Истории одного великого неудачника" не видит.

К недочетам книги Шпанова следует отнести недостаточную ясность описания. Популярная книга исключает примечания к тексту. Текст такой книги должен раскрывать все понятия, которые он затрагивает. Шпанов биографию Папена популяризирует еще собственными примечаниями. При этом он не последователен. Так, слово "фуражир" пояснено, а "интендант — осталось без примечания, хотя в XVII веке оно имело своеобразное, отличное от современного, значение. Не объяснено слово "колет - между тем школьник может не знать принадлежности средневекового костюма.

Рисунки, иллюстрирующие текст книги, неудовлетворительны. Художник Зусман, иллюстрировав текст книги, упустил из виду, что иллюстрации в книгах, подобных "Истории одного великого неудачника" должны не только украшать, но и овещать текст, дополнять его. Это требование не соблюдено уже в самом выборе тем для иллюстраций: сплошь и рядом художником взяты не характер-

ные, а случайные объекты, с которыми текст книги связан только мимоходом, вскользь.

Кроме того иногда рисунки противоречат тексту. На странице 10 под рисунком имеется подпись: "Скоро стали видны только башни старинного замка на рисунке же башни как раз и скрываются в тумане, зато ясно и отчетливо виден город, который, судя по тексту книги, должен был к этому моменту исчезнуть из глаз путешественника. На странице в тексте описывается встреча с человеком "необыкновенной"толщины: "его круглое, как шар, тело было сплошь залеплено грязью". На следующей странице помещен рисунок, не имеющий никакого сходства с изображаемым в тексте человеком.

Для юного читателя это — не совсем мелочь.

Несмотря на отмеченные недостатки; "История одного великого неудачника— полезная книга. Шпанов не сумел нарисовать творческую и личную жизнь Папена, но он сумел показать без назойливого подчеркивая обусловленность неудач Папена.

Все силы, на которых держался феодальный строй, были неизбежно"враждебны стремлениям Папена. Самые его изобретения угрожали установленным феодализмом привилегиям и возбуждали в их обладателях ненависть. Ученые, посвятившие свою жизнь усовершенствованию королевских фонтанов, благоденствовали; ученые, бескорыстно преданные науке, умирали в нищете.

Изуверы, преследовавшие Папена на всем протяжении его жизни, показаны Н. Шпановым достаточно убедительно. Это имеет особое значение: советский школьник лишней раз познакомится с теми, чье дело — в иных исторических условиях — продолжают еще в некоторых странах их прямые наследники — современные мракобесы в коричневых и

М. Горячкина

КНИГИ О ПРОШЛОМ

Впервые опубликовано в: Что читать. 1937. № 1. С. 63-65.

Вольнов Ив. Повесть о днях моей жизни. М. «Молодая гвардия». 1936. 240 стр. 4 р. 50 к.

Иоффе Павел. Заре навстречу. Повесть. М. «Молодая гвардия». 1936. 124 стр. 2р. 75 к.

Любить свою родину — значит знать не только ее настоящее и будущее, но и ее прошлое. Рабочие и крестьяне СССР, активно участвуя в социалистической перестройке всего общества, осуществляют вековую мечту предыдущих поколений — своих дедов, отцов и старших братьев и сестер — о прекрасной, свободной жизни.

Тяжелое прошлое рабочих и крестьян России, борьба лучших из них за лучшее будущее, их мечты об этом будущем, осуществленные только после Великой пролетарской революции, освещены в повестях Ив. Вольнова и Павла Иоффе.

Повести эти построены на разном материале: первая рассказывает о жизни подростка в старой дореволюционной деревне, вторая — о работе и борьбе подростка в дореволюционном городе. Но, несмотря на разницу в материале, в художественном их уровне, повести представляют собой как бы две половины одной широкой, поразительно осязаемой, жуткой картины проклятого, бесправного прошлого русского пролетариата и крестьянства.

Подробно и наглядно описывая дни своей голодной и безрадостной юности, авторы тем самым раскрывают эксплуататорские основы классовых, общественных отношений в царской, капиталистической России. Голод, нищета, непосильная работа, подати, беспощадная эксплуатация со стороны кулаков и промышленников — все эти страшные силы преследовали рабочего и крестьянина с детства до самой смерти.

Особенно ярко и художественно воспроизводит эту скорбную цепь страданий книга Ив. Вольнова «Повесть о днях моей жизни». Нельзя читать эту книгу без содрогания перед мучениями этих заживо погребенных людей, без жгучей ненависти к их истязателям. Молодому человеку нашей радостной страны трудно поверить, что этот лишений, слез, физических и нравственных мук существовал реально, что люди должны были жить в этом страшном мире месяца, годы, десятилетия.

Действие разворачивается накануне 1905 г. Повествование ведется от лица мальчика из бедной крестьянской семьи, проживающей в деревне Драловке. Повесть автобиографическая; она далеко не замыкается в рамки описания личной жизни, автора, а рисует жизнь деревни в целом, нищету и вымирание крестьян и хищническую эксплуатацию кулаков. В русской литературе трудно найти более скорбное и безрадостное описание детства. Ребенка мучают не только обстоятельства, но и близкие люди, его окружающие. Задавленные непосильной работой и нуждой, люди становятся врагами друг друга. Более сильные бьют слабых, клянут жизнь, ищут успокоения в вине. Слабые в семье живут в вечном животном страхе и моральной придавленности. Все эти люди, даже самые грубые и жестокие, не лишены теплых человеческих чувств, большого искреннего сочувствия и любви к ближним, но жизнь исковеркала их, довела до крайнего отчаяния и ожесточения. Они могут только оплакивать свои страдания и страдания других, но не в силах им помочь.

Отец героя повести, Вани Владимировва пьяница и буян. Он истязает семью, но по-своему любит эту семью и терзается от того, что не может облегчить ее участь. Напившись пьяным, он клянет людей, обвиняет бога. «С восьми лет пью водку, ругаюсь матерно — и до гроба буду пить... десяти курю табак, с молодых лет бью жену — завидовал богатым, лошадей увечил. Много в сердце зла имею, не люблю людей. Кругом, меня злодеи — я первый. Что же мне делать, если жизнь моя такая?»

В редкие минуты спокойной трезвости отец находит для сына и хорошие ласковые слова: «Учись, родной, учись, — шептал отец. Я не буду приневоливать тебя к работе нашей, пустая она и неблагоприятная. — Учись, — тряхнул он головой, — находи свою светлую долю, — я не нашел. Искал, а не нашел». В эти минуты зверь становится человеком, и мальчик плачет от сострадания и радости, когда страшная, корявая рука отца становится такой ласковой и нежной, Ваню отдают в работники к богатею Шаврову. И вот потянулись

для него дни, еще более тяжелые и мучительные, нежели дома. Над мальчиком командует не только хозяин, но и взрослые работники. Выгнанный хозяином за то, что он не скрыл на суде убийства работника, Ваня приходит домой. Но здесь его ждет новое несчастье — любимую сестру выдают замуж за тупоумного сифилитика. Ваня прощается с домом навсегда. Он уходит искать светлой жизни и клянется матери быть настоящим, большим человеком. «Искать всеми силами лучшее, которое — я твердо верю — есть на свете».

И читатель верит, что лучшее это Ваня найдет. Дикая, мучительная жизнь не сломила его молодой воли, она укрепила в нем непреодолимое желание вырваться к свету, вывести за собой всех забитых и несчастных, смести с лица земли жуткие обычаи Драловки и все причины, порождающие их.

Основная масса крестьян выглядит в повести слишком жалкой и дикой. Может быть чрезмерно сгущены краски в передаче нравственного облика крестьян, так же как излишне натуралистично местами, дана зарисовка быта (избиение лошади, болезнь сестры оспой, избиение матери, смерть Пети и т. д.). Но, несмотря на это, у читателя растет уверенность, что драловцы в конце концов найдут своего настоящего врата и отомстят ему за все страдания.

*** О том, как подросток из отупляющей, страшной жизни пробился к свету, как росло и закалялось его сознание, рассказано в книге П. Иоффе «Заре навстречу». В этом отношении книга П. Иоффе как бы дополняет и продолжает «Повесть о днях моей жизни». Ее герой — подросток-скорняк Колька, работающий по найму у торговцев, меховщиков, уже полным голосом говорит о необходимости революционной борьбы, о разрушении этого мира голода и эксплуатации. И не только говорит, Колька уже начинает действовать, пока еще, правда, робко и неумело, но с полным сознанием правоты своего дела, с непоколебленным желанием выковать из себя подлинного борца.

Жизнь Кольки, так же, как и жизнь Вани Владимирова, — цепь страданий и забот о куске хлеба. Как и Ваня, Колька рано ушел из родного дома на заработки. Но Колька уходит в город к торговцу-меховщику.

Встречаясь с людьми разных профессий и разного общественного положения, Колька начинает по-другому понимать жизнь. В этом помогают ему и его более сознательные товарищи. Их рассказы расширяют его привычные представления о людях, заставляют по-другому взглянуть и на свои собственные страдания. Хозяин-меховщик Кравцов истязает учеников непосильной рабо-

той, морит их голодом. Он выгоняет Кольку за чтение запрещенных книг. Мальчика, полураздетого и голодного, согревает одна заветная мысль, мысль о мести, о том времени, «когда не будет больше пауков Кравцовых и мук беспомощных, бесправных рабочих и крестьянских детей».

Дальнейшая работа Кольки, в городе научила его мыслить еще более ясно и смело. Он сближается с революционной организацией. Его арестовывают на одном из собраний, держат в тюрьме и, наконец, освобождают как несовершеннолетнего. Выйдя из тюрьмы, Колька уезжает в другой город по прямому заданию революционной организации. Так подросток-скорняк вошел в настоящую жизнь.

К сожалению, художественный уровень повести П. Иоффе «Заре навстречу» не стоит на такой высоте, как ее замысел. Это тем более ощутимо, что повесть, видимо, автобиографическая, и, следовательно, весь материал непосредственно пережит и пережит самим автором. Лучше всего автору удаются бытовые сценки: описание тяжелой работы, типы рабочих, быт торговцев-меховщиков. Повествование ведется от первого лица, и это помогает автору ярко и глубоко передавать настроение героя, его мысли. Автор не сумел достаточно глубоко и обоснованно показать процесс «перековки» Кольки в революционера, не совсем удалась ему и образы революционно настроенных рабочих, с которыми сталкивается Колька. В город Колька уезжает малоразвитым деревенским пареньком, а между тем в первый же день приезда, идя по улицам, он признается себе, что его «особенно радуют большие заводы, обещающие интересную революционную жизнь». Это звучит слишком неожиданно и бездоказательно. Так же быстро и просто завязывается у Кольки связь с революционной организацией (ему объясняют все тайны прямо на улице).

Книга недостаточно тщательно отредактирована, но даже и в таком виде с интересом и пользой прочтется нашей молодежью.

«Надо знать о проклятом прошлом, чтобы еще больше любить настоящее» (П. Постышев), чтобы с любовью и благодарностью вспоминать о людях, боровшихся за наше прекрасное настоящее, о людях, не знавших детства и юности в тисках этого проклятого прошлого. Обе повести дают в этом отношении прекрасный материал.

С Решетин

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 3.
С. 18-23.*

«СТАЛИН И ХАШИМ». -М.-Л. Детиздат. 1937. 48 стр. Ц. 70 коп. Тир.100 300.

М. ГОРЬКИЙ. 9-е января. Рис. В. Сварога и М. Симакова. -М.-Л. Детиздат.1937. 32 стр. Ц. 50 коп. Тир. 100 300.

А. ФАДЕЕВ. Как погиб Сергей Лазо. - М.-Л. Детиздат. 1937. 32 стр. Ц. 50 коп. Тир.100 300.

А. ФАДЕЕВ. Амгуньский полк. Рис. В. Лалягина. -М.-Л. Детиздат. 1937. 46 стр. Ц. 70 коп. Тир. 100-300.

Ф. КОН. Наша амнистия. Рис. А. Лаврова. -М.-Л. Детиздат. 1937. 46 стр. Ц. 70 коп. Тир. 100 300.

В. СТАВСКИЙ. Сильнее смерти. Рис. А. Радищева. -М. -Л. Детиздат.1937. Ц. 90 коп. Тир.100 300.

А. ЗУЕВ. Остров смерти. Рис. А. Лаврова. -М.-Л. Детиздат. 1937. 48 стр. Тир.100 300.

В мировой литературе есть образы капиталистов, которые ради достижения своих целей не устрашили даже смерти.

Вот мистер Мэт Мак-Карти (роман Дж. Лондона «Дочь снегов»). Он отправляется в далекий Клондайк, подвергая свою жизнь неисчислимым опасностям. Он мог замерзнуть, как замерзли тысячи людей, в снежных тундрах севера, где «ад замерзает насквозь, а быть может — и еще дальше». Его могли разорвать звери, его могли убить бандиты. Много лет спустя он самодовольно говорит о себе красивой девушке:

« — Перед вами стоит мистер Мэт Мак-Карти, один из королей благородной династии Эльдорадо. И всем этим он обязан собственным рукам. Мои владения бесконечны. У меня добывается в одну минуту больше золотого песку, чем я прежде видел за всю свою жизнь».

Конечно, король «благородной династии Эльдорадо» врет, говоря, что бесконечные богатства добыты им собственными руками. Он — эксплуататор, и «героизм», им проявленный, имел одну, крайне ограниченную, цель — цель личной наживы.

Однако моральный облик «героев», подобных Мак-Карти, не только низок, но прямо отвратителен. Они рисковали своей жизнью для личного обогащения и более умелого ограбления народа. Чудовищный эгоизм и жажда наживы — основа их «героических» поступков.

Нельзя даже провести параллели между этими авантюристами буржуазии и подлинными героями, которых выдвинул и выдвигает народ в своей борьбе за социалистическое общество. Вот комсомолец Костя Борисов, сортировщик писчебумажной фабрики (В. С т а в с к и й, «Сильнее смерти»). Военком Дегтев посылает его в тыл к врагу с целью разведки (дело происходит во время гражданской войны). Задание ответственное и опасное. Малейшая оплошность — и девятнадцатилетний Костя попадет в руки врага. Тогда — неминуемая смерть. Но Костя не думает о смерти. У него есть чувства сильнее страха смерти. Они руководят его отважными поступками. Они делают его ловким, неустрашимым и смелым. Костя знает, что его дело необходимо для всего народа. Ему даже не надо убеждать себя в необходимости героического поступка, ибо героизм — это его естественное состояние, чувство любви к народу — его естественное чувство. В Крыму он узнал, что Врангель готовит десант на Кубань. У Кости нет других возможностей сообщить своему командованию об этой операции врага, кроме одной — плыть через пролив. Проплыть восемь верст почти невозможно. Но Костя не раздумывает: иначе будет поздно. И он плывет. Путь далек. Силы изменяют ему. Он не хочет умирать. «Он приноравливается к волнам: бьет руками в тот момент, когда подходит гребень, и, волна вздымает, несет его. Но слабые руки отстают, и один за другим выбегают из-под него валы». Костя уже близок к смерти, он становится апатичным. Страшная усталость побеждает желание жить. Легче хлебнуть воды и умереть, чем бороться за жизнь. Но в эти тяжелые минуты сознание просветляется. Костя думает о тех, чья жизнь зависит от его жизни. «Да и сволочь же я! — говорит он себе. — Поручи вот такому дело!» Мысль о долге перед народом сильнее смерти, Костя продолжает бороться и побеждает.

Моральный облик Кости был бы просто непонятен таким «героям», как Мак-Карти. Буржуазия и не в состоянии понять величие духа народных героев, ничего лично для себя не желающих и бес-

корыстно отдающих свою жизнь для блага всего народа. Для нашей молодежи образ Кости не только понятен, но и мил как выразитель лучших стремлений трудящихся.

Важно отметить, что все книжки «Историко-революционной библиотеки» стали любимым чтением детей вследствие того, что в них ярко отображена героичность борьбы за освобождение трудящихся от власти помещиков и капиталистов. В книжках нет слова «героизм». Но каждая из них рассказывает об отдельных эпизодах героической борьбы или на заре революционного движения в России или во время великой эпохи гражданской войны.

Во всех описываемых эпизодах проявления нравственных сил народа настолько ярки, что молодежь в каждом из них находит чувства героичности и примеры для подражания.

Книга Ф. Кона «Наша амнистия» рассказывает не только о том, как боролись большевики с капитализмом в годы подполья, но и о тех высоких чувствах пролетарской солидарности, которые вечно будут жить в народе, которые лучше всего воспитывают благородство, отвагу и оберегают молодежь от всех нечистот капиталистического общества (пережитки которого еще не окончательно исчезли в нашей стране) — мелкого тщеславия, подхалимства, карьеризма, личного благополучия и пр.

Одиннадцать человек, по зову партии большевиков, пошли на отчаянный риск — увести из тюрьмы десять товарищей, приговоренных к смертной казни за оборону демонстрации. Все одиннадцать знали, что малейшая оплошность в проведении смелого плана грозит им смертью. И ни у кого ни минуты раздумья и колебаний. Чувство пролетарской солидарности сильнее смерти. Единственное условие, которое поставил один из них, прямо трогательно: «Одно условие, товарищи: после увоза я буду внутри кареты и первый объявлю, что мы увозим их на свободу».

И нет сомнения, что пример героизма одиннадцати останется в нашей литературе образцом высокого понятия революционной чести и доблести.

Выражая идею героичности борьбы народа за свое освобождение, «Историко-революционная библиотечка» ярко рисует специфичность условий этой борьбы.

В рассказах А. Фадеева юный читатель найдет незабываемые картины борьбы с японскими и иными интервентами на Дальнем Востоке и укрепления революционной дисциплины в рядах наших бойцов. В рассказе «Амгуньский полк» показан характерный период реорганизации раздробленных партизанских отрядов в

регулярную Красную армию. Это была упорная и тяжелая борьба. Анархистствующие элементы в лице командира партизанского отряда Семенчука не хотят подчиняться дисциплине, уходят с фронта, оголяют фланг и, таким образом, ставят все боевые силы молодой армии под удар врага. Однако анархизм совсем не свойственен народу, анархизм — чуждое для него явление. Достаточно одного толчка извне, и партизаны семенчуковского отряда окончательно рвут связи с мелкобуржуазными пережитками, из раздробленной массы превращаются в стойких бойцов. Этот «толчок извне» был дан верными сынами народа — Никитой Селезневым и комиссаром Челноковым. Симпатии юного читателя на стороне Никиты Селезнева и Челнокова, которые в этой борьбе за дисциплину не останавливаются перед применением оружия. И опять высокое сознание долга перед народом становится выше личных интересов, становится сильнее смерти. Военком семенчуковского отряда Челноков вначале оказался бессильным побороть анархистствующие элементы. Он не выполнил долга политического руководителя. Он прекрасно знает, что командование его расстреляет. Он не чувствует ни страха, ни волнений. О своей личной судьбе он мало беспокоится: остаток жизни трезво и по-деловому употребляет на то, чтобы предупредить командование о случившемся, и на то, чтобы исправить свою личную ошибку и вернуть отряд на боевые позиции. Здесь, как и во всех рассказах «библиотечки», нет бравоирования жизнью, нет игры со смертью, позы, рисовки. Героизм не представляется чем-то недоступным для «простого» человека. Он обычен в своей величественности. Читатель чувствует, что он сам поступил бы так же, как поступил Костя Борисов («Сильнее смерти»), как каждый из одиннадцати смельчаков, увезших из тюрьмы смертников («Наша амнистия»), и как военком Челноков, выступивший с оружием в руках против мелкобуржуазных анархистов.

Книжки А. Фадеева раскрывают еще одну особенность борьбы на Дальнем Востоке: они показывают звериное лицо японских захватчиков, не гнушающихся подлыми средствами для достижения своих целей. Чтобы получить повод к высадке военного десанта на наш берег, они сами убивают своих же соотечественников, вероломно обвиняя в этом русских. А высадив десант и захватив нашу землю, они придумывают всякие поводы для уничтожения нашего народа. И так как этих «поводов» все же оказывается недостаточно, то они обяыывают русских граждан приветствовать японских интервентов либо «под козырек, либо снятием головного убора». За всякую попытку неподчинения японская военщина немедленно

расстреливает ни в чем неповинных граждан—стариков, женщин и детей, сжигает целые села.

Юный читатель, не участвовавший в гражданской войне, поймет, что у японских самураев не было другой цели, кроме захвата наших земель и богатств и уничтожения нашего народа. Для выполнения этих задач японские империалисты привлекали русских белобандитов. Генерал Гревс, начальник американских интервентских войск на Дальнем Востоке, говоря об одном из таких головорезов, вынужден был признать:

«Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал. И я серьезно думаю, что если внимательно перелистать словарь и пересмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы не совершил Калмыков... Солдаты Семенова и Калмыкова, находясь под защитой японских войск, наводняли страну, подобно диким животным, убивали и грабили народ».

Сила описываемых эпизодов борьбы с иностранными захватчиками и русскими белобандитами очень велика. Несмотря на чрезмерную краткость, я бы сказал скупость, описания жизни и героической смерти Сергея Лазо (А. Фадеев, «Как погиб Сергей Лазо»), образ вождя партизан Приморской области встает перед глазами юного читателя во всем своем величии. Читатель сам дорисует, сам вообразит все ужасающие подробности сожжения этого стойкого большевика в паровозной топке. Читатель сам поймет все величие верного сына народа Сергея Лазо. Его пытали, требуя от него отказа от своих убеждений, ему обещали сохранить жизнь за одно лишь отречение от своих идей. Но Сергей Лазо не мог этого сделать, ибо измена народу противоестественна для верных и истинных сынов его.

В одном тематическом плане с книжкой Фадеева стоит рассказ А. Зуева «Остров смерти», в котором описана жизнь пленников, согнанных интервентами на безлюдный остров Мудьюг. «Невозможно, немисливо, — пишет автор, — преувеличить эту тяжелую картину страданий и бесчеловечных надругательств над безоружными пленниками! Действительность была страшнее во много раз, и ее не превзойдешь в описаниях».

Интервенты предпочли установить на Мудьюге такой порядок, чтобы заключенные умирали «естественной смертью». Тюремный паек был сокращен до самой голодной нормы. Смерть косила пленников одного за другим. Из 1 200 человек осталось лишь 100

человек. И это за восемь месяцев плена у «цивилизованных» бандитов. Избиения, истязания, расстрелы были обычными явлениями. Ставя своей целью уничтожить народ, интервенты не отказывались от чудовишной лжи и макиавеллиевского притворства. «Мы все любим Россию — она наша старая союзница, и мы связаны с ней. Все, о чем мы теперь просим Россию, — это удержать ту свободу, которой она достигла такой дорогой ценой». С такими лживыми словами вступил на нашу северную землю командующий английским экспедиционным корпусом генерал Ф. Пуль.

Книжка А. Зуева покажет юному читателю настоящее лицо интервентов — лицо звериной ненависти к трудящимся нашей страны. Опыт гражданской войны научил наш народ правильно распенивать всяческие хитросплетенные «добрые намерения» псов-капиталистов и их приспешников. И молодежь, которой еще предстоит боевые схватки с капиталистами, должна знать, что единственно правильный вывод таков — уничтожать, как бешеных собак, всех и всяческих интервентов, откуда бы они к нам ни приходили и какой бы маской они ни прикрывались.

Всякая иллюзия «мирного разрешения» противоречий между трудящимися и капиталистами кончается для народа трагически. Прекрасной иллюстрацией этой истины служит рассказ М. Горького «9-е января», описывающий провокационный расстрел мирной демонстрации в 1905 году. Демонстрантов, требующих только одного, чтобы царь выслушал их, большевистский голос предостерегал: «Товарищи! Не обманывайте сами себя. . . Нет силы, которая освобождает народ, кроме силы самого народа». Демонстранты не вняли этому голосу и поплатились собственными жизнями. Народ не может забыть день 9 января, как не может забыть глумления над собой, пыток и дикой расправы над всеми, кто попадал в руки иностранных интервентов и русских белогвардейцев во время гражданской войны.

Ненависть народа к своим поработителям стала поистине сильнее смерти. Молодежь должна знать, что любовь к народу и ненависть к врагам его живут в одном сердце.

Героические черты народа воплощены в его вождях, отдавших всю свою жизнь делу освобождения человечества от ига капитализма. У нас нет еще произведений, которые во всей полноте нарисовали бы образы Ленина и Сталина. Для этого нужен художник гениальной силы. Чтобы по-орлиному посмотреть на мир, надо самому быть орлом, иметь орлиные глаза и орлиное сердце. Книжка «Сталин и Хашим», повествующая о некоторых эпизодах

жизни Сталина в батумском подполье в 1901—1904 годах, лишь в известной степени рисует образ Сталина, великого вождя народов Советского Союза. Тем не менее, юные читатели в этих эпизодах узнают любимые черты, воплотившиеся в Сталине уже на заре развития большевистской партии, — железную волю в борьбе за освобождение трудящихся, беззаветную любовь к народу, сталинскую простоту и мудрость.

Сталин вовлекает рабочих в революционное движение, прививает им вкус к революционной теории марксизма, сам лично печатает листовки, организует знаменитую батумскую демонстрацию 8—9 марта 1902 года. Общение с товарищем Сталиным роднит героев из среды рабочих и крестьян. Вот характерный эпизод. Товарищ Сталин живет у Хашима. Он печатает листовки. Соседи Хашима недоумевают, что же делается у старика. Они решили, что у Хашима печатают деньги, а Сосо не иначе как фальшивомонетчик.

«И вот однажды вечером, когда товарищ Сосо был дома, к Хашиму пришло несколько крестьян — абхазцев и аджарцев. Говорили о хозяйстве, о продуктах, о дороговизне, о том, что мало денег у них, и, когда заговорили об этом, вдруг задали товарищу Сосо прямой вопрос:

—Слушай, Сосо, хороший ты человек и хорошее дело ты делаешь. И чувствуем мы, что нам, беднякам, наверное, скоро помощь от тебя придет... Ты вот целые ночи работаешь, печатаешь, а результатов что-то не видно. Когда же, наконец, тыпустишь в ход свои деньги?

Долго товарищ Сосо молча смотрел в лица крестьянам и затем сказал им:

—Вот что, старики, я вовсе не фальшивомонетчик и никаких фальшивых денег не делаю. Помочь вам в вашей бедности, в вашем тяжелом положении я действительно хочу, но только не так, как вы думаете. Я печатаю не деньги, а прокламации, в которых пишу о том, как вам тяжело живется и как нужно исправить эту беду. Я хочу, чтобы вы вместе с рабочими спихнули царя с его высокого сидения и создали свою собственную власть, для того чтобы вы сами могли распоряжаться своею жизнью и своим трудом».

Старики поняли, что Сталин отдает свою жизнь за освобождение народа. «Теперь каждый из нас, — сказали они, — будет тебе неплохим помощником. До сегодняшнего дня тебя прятал один Хашим — спасибо ему за это, а теперь мы все будем прятать тебя с твоей работой, насколько хватит у нас сил и умения».

Бедный, едва грамотный Хашим, жалеющий о том, что Сосо не мусульманин, в личном общении со Сталиным становится героем. Он втягивается в революционную работу. Борьба за счастье народа выковывает из него борца, не знающего страха смерти. Хашим разносит по городу напечатанные Сталиным прокламации. В его доме установлен печатный станок. После ареста товарища Сталина Хашим часто ходит под окном тюрьмы и открыто выражает сочувствие своему великому учителю.

Юные читатели из книги «Сталин и Хашим» узнают одну из славных страниц истории большевистской партии — как росли и закалялись в боях грузинская и закавказская организации под непосредственным руководством товарища Сталина.

* В коротком обзоре книг, вошедших в «Историко-революционную библиотечку», невозможно сколько-нибудь полно рассказать о ее идейной ценности и воспитательном значении для молодежи.

В книгах показаны лучшие черты народа, проявившиеся в острой схватке классовых битв. Черты эти — беспредельная любовь к социалистической родине, любовь к своему народу и жгучая ненависть к врагам его. Юный читатель поймет, что эти чувства сильнее всех остальных чувств человека — сильнее любви к матери, к друзьям, сильнее смерти. Юный читатель всем своим горячим сердцем поймет героические чувства народа, проникнется ими, полюбит их.

В. Виргинский

ИСТОРИЯ ЛОКОМОТИВА

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 13.
С. 40-43.*

Л. ГУМИЛЕВСКИЙ. История локомотива. — М.— Л. Гл. ред. научно-популярной и юношеской литературы ОНТИ, 1937. 214 стр. Ц. 1 р. 75 к. Тир. 30 000.

Лев Толстой писал когда-то, что ценность человека определяется дробью, в которой числителем служит его творчество, а знаменателем то, что он о себе думает. В гораздо большей степени это может быть отнесено к книгам. Числителем в этом случае явится их объективная ценность, а знаменателем — обещания автора.

Часто сама по себе интересная книга очень сильно проигрывает от того, что автор (обычно в предисловии) обещает разрешить в ней такие задачи, которые остаются неразрешенными или разрешенными лишь частично.

Об этом заставляет нас вспомнить вновь вышедшая книжка Л. Гумилевского «История локомотива».

Автор хорошо владеет пером. Давно работая в области истории изобретений, он достаточно знаком с источниками. Если бы речь шла о создании занимательных популярных очерков по истории прежде всего паровоза и отчасти других видов тяги, то книжку Гумилевского можно было бы лишь одобрить, так как работа безусловно интересна и содержательна.

В доступной для молодого читателя форме автор описывает изобретательскую деятельность Кюньо, Тревитика и Стефенсона по созданию паровых повозок и паровозов и несколько слабее — более ранние опыты по созданию механической тяги. Менее интересно, но в целом опять-таки правильно описывается развитие паровой тяги после Стефенсона примерно до 70-х годов (гл. 9-я).

Гумилевский удачно цитирует некоторые документы того времени, например, письмо артистки Фанни Кембл о первой поездке

по Манчестер-Ливерпульской дороге (это письмо приводится также у Гюнтера и некоторых других авторов книг по истории железной дороги). Мало известны воспоминания участника открытия Манчестер-Ливерпульской дороги (15 сентября 1830 года), не менее оживляющие изложение, чем письмо Фанни Кембл.

Особенно интересной является цитата (публикуемая Гумилевским в нашей литературе, кажется, впервые) из одного английского юбилейного издания, описывающая поездку в 1935 году в экспрессе «Летучий Шотландец» по линии Стоктон-Дарлингтон (стр. 194-202). Разумеется, это описание носит рекламный характер (что автору следовало бы оговорить) и, соответственно, приукрашено. Но все же оно дает яркую картину развития железнодорожной техники в Англии более чем за 100 лет.

В предисловии автор заявляет, что его «основной задачей» было «установить историческую закономерность и <социально-экономическую обусловленность» «превращения истории паровоза в историю локомотива». Среди известной автору технической литературы не нашлось, по его словам, ни одного «объединенного, сводного труда по истории тяговых машин» и рецензируемая работа должна явиться «первым опытом подобного рода» (стр. 4). «Под понятием локомотива, — уточняет автор, — теперь объединяется целый ряд тяговых машин, вступивших между собой в серьезную и поучительную борьбу. В этой борьбе ярко отражается вся совокупность взаимоотношений техники, экономики, социального строя и быта» (стр. 4).

Но, к сожалению, автор не выполнил всех своих обещаний.

В историю локомотива входит вся история паровоза. Для нашего молодого читателя интересно было бы ознакомиться с развитием паровозостроения как в дореволюционной России, так и в СССР. Но как раз этот раздел дан Гумилевским наиболее слабо. Упомянув (в гл. 10-й) лишь о том, что первым русским паровозостроительным заводом был Александровский, а затем в двух строках перечислив названия позднейших заводов, автор больше не касается истории русского паровозостроения.

А между тем не следовало бы оставлять без внимания тот факт, отмечаемый даже многими иностранными историками, что русские инженеры на протяжении всего XX века первыми откликнулись на новые идеи в паровозостроении, будь то принцип компаунд, пароперегревателей и т. д., и выдвигали идеи, опережавшие Запад. Достаточно вспомнить о работах А. Бородина, Нольтейна, Ургарта, В. Лопушинского и многих других русских инженеров-тяговодов.

Автору следовало показать, как министерство путей сообщения внедряло в русский паровозный парк «овечек» и «шук» (слабые паровозы серии «О» и «Ш»), борясь против более мощных серий, в частности серии «Э».

Об электрической и дизельной тяге Гумилевский дал немало интересных страниц (гл. 11-я и 12-я). В нашей популярной литературе особенно редко удается встретить описание турбовозов. В главе 13-й Гумилевский пытается восполнить этот пробел, описывая возникновение турбовоза и сообщая в связи с этим ряд фактов, которые представляют большой интерес для юного читателя.

Но полностью своих обещаний, данных в предисловии, автор все же не выполнил,

В предисловии Л. Гумилевский хотел дать анализ «серьезной и поучительной борьбы» различных видов тяги между собою. Однако этот анализ сводится к нескольким общим фразам, из которых некоторые звучат очень странно, например: «Происходящая на наших глазах “битва” тяговых машин, очевидно, закончится не победой одной из них, а полюбовным распределением отдельных эксплуатационных участков между всеми ними» (стр. 180). Итак, «серьезная и поучительная борьба» без кавычек на странице 5 превращается на странице 180 в «битву» в кавычках, кончающуюся «полюбовным распределением отдельных эксплуатационных участков». Между тем в контексте речь идет о послевоенном империализме, с его колоссально возросшими противоречиями. Сам же Гумилевский на странице 214 пишет, что различные типы тяги защищаются при капитализме различными частными группами и вопрос о победе того или иного вида «имеет чрезвычайную остроту». Все это может лишь запутать молодого читателя.

На самом деле борьба различных видов тяги между собою обусловливается в странах капитализма как интересами отдельных компаний, так и военными соображениями. Особенно большое значение имеют в фашистских агрессивных странах военные соображения (независимость от импортного топлива, скорость, мощность). Об этом автор говорит очень мало и лишь в связи с вопросом о рекордах скоростей (стр. 184). Между тем следовало бы сообщить читателю о попытках фашистской Германии ввести паровые автотриссы, автотриссы с газогенераторами, двухэтажные поезда с высокими обтекаемыми паровозами и т. д., в целях скорейшей и наиболее эффективной переброски войск.

Автор не проводит с достаточной четкостью и ясностью принципиального различия между капиталистическим и нашим, соци-

алистическим локомотивостроением, между капиталистической и социалистической электрификацией. Так, например, в главе 11-й, посвященной истории электротяги и носящей заголовок «Вернер Сименс», речь идет исключительно о капиталистической электрификации железных дорог. Ни в главе 11-й, ни в главе 15-й («Современный локомотивный парк»), где говорится о советской электрификации железных дорог, перспективы этой электрификации у нас и за рубежом не противопоставляются.

Глава 11-я кончается следующей туманной формулировкой: «Опыт эксплуатации первых электрифицированных дорог повлек за собою дальнейшее развитие электрификации по ряду технико-экономических соображений» (стр. 146). В главе 15-й добавляется: «Вопрос о тяге решается сложным, комплексом технико-экономических условий, различно для каждого отдельного случая» (стр. 214). Но может быть все же эти «технико-экономические условия», которые так и остаются нерасшифрованными, диктуют какие-то общие решения для перспектив капиталистической электрификации в одном случае и социалистической — в другом? Ответ на это Л. Гумилевский не даёт.

Вообще у автора нет особой главы, посвященной специально развитию тяги на советском железнодорожном транспорте. Глава 14-я называется «Современный паровоз», а глава 15-я — «Современный локомотивный парк». В обоих случаях речь идет как о зарубежном, так и о советском транспорте. Только в двух последних абзацах главы 15-й автор противопоставляет «условия капиталистического хозяйства» «условиям социалистического хозяйства», но только по вопросу о «монопольном локомотиве». При этом противопоставление сделано довольно туманно и неубедительно. Между тем в сколько-нибудь законченной истории локомотива следовало дать связанное и четкое изложение истории советского локомотивостроения, начиная с героической борьбы нашей партии и правительства под личным руководством Ленина, Сталина и Дзержинского за реконструкцию тяги еще в тяжелейших условиях гражданской войны и интервенции и в первые годы восстановительного периода. Он должен был рассказать молодому читателю о ленинском заказе большой партии самых мощных в то время паровозов «Э» еще в 1919 году, об усовершенствовании паровоза «Э» и появлении серии «Эц» и «Эм», о проблемах реконструкции нашего транспорта в плане Гоэлро, о попытках вредителей создать диспропорцию между тягой и путем и о разгроме вредительских банд от фон-мекковцев до Марковича и Ко с их паровозом «2-7-2» и т. д.

Л. Гумилевский освещает, и освещает интересно, ряд проблем в этой области. Он рассказывает о советской скоростной автомоториссе 1936 года (стр. 204—206), о роли Ленина в развитии советского тепловозостроения р43> и о советских тепловозах (стр. 206—210), о работах М. И. Пригоровского в области тепловозостроения (стр. 210—213), о наших паровозах «ФД» и «ИС» (стр. 184). Более всего удалось автору изложение вопроса о паровозе «СО» с тендером-конденсатором (стр. 190—193).

Но все же этого недостаточно.

В заключение укажем на некоторые ошибки фактического порядка. Кюньо звали Николай-Жозеф, а сокращенно Николай, но уж никак- не Жозеф (стр. 29). Первая модель повозки Мердока построена им не в 1784, а в 1786 году (стр. 31). Паровоз Стефенсона 1825 г. назывался не «Локомотив», а «Локомошен», т. е. «Передвижение» (стр. 64—65). В Рэйнхиллском конкурсе участвовала повозка, называвшаяся не «Циклоп», а «Циклопед», т. е. буквально «Колесоног», так как колеса приводились в движение ногами лошади (стр. 68). Ряд подписей под рисунками неверен. Так, например, на странице 105 изображен европейский паровоз с подписью: «Первый паровоз завода Болдуина». Между тем первый паровоз завода Болдуина (США) имел совершенно иной вид. Следует высказать пожелание, чтобы автор при дальнейших изданиях своей работы устранил несоответствие между заголовком и предисловием книжки с одной стороны и ее содержанием с другой.

А. Марьямов

ПЕРВАЯ КНИГА «МАЛЕНЬКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ»

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 14.
С. 8.*

Не так давно большая группа ребят из города Вязьмы написала письмо в редакцию «Пионерской правды». Письмо было горестное: ребята писали, что — вот, приходится им читать в газете о том, как детвора в других городах ходит на интересные экскурсии, видит множество занятных вещей, узнает прошлое своего города, а им, вяземским ребятам, не повезло: город у них не такой, как у всех. Пойти некуда и истории никакой нет. Пришлось «открывать» этим ребятам их же родной город.

Оказалось, что они не видели (вернее, никогда не замечали) тех остатков старинных укреплений, которые сохранились в Вязьме. Оказалось, что не знают они ничего о той роли, какую Вязьма сыграла в войне 1812 года. Оказалось, что никогда не догадывались они о том, что в их городе и окрест города живут очень интересные сказители, у которых можно записать множество песен и преданий о старине. Одним словом, оказалось, что жалостливое письмо было написано лишь по той причине, что авторы его еще не обладали достаточным вкусом к изучению истории родины.

Воспитание вкуса к истории — это очень важная и совершенно необходимая часть всей системы воспитания нашей детворы. Ведь без знания истории и уважения к ней — нет и не может быть настоящего советского патриотизма.

Вкус к истории воспитывается не только в школе и не только по учебнику. Хорошая историческая повесть дает часто гораздо больше, чем несколько десятков сухих лекций.

А вдобавок к школьным лекциям, вдобавок к учебнику истории совершенно необходимо дать ребятам хорошую подсобную историческую книгу.

Поэтому так радостно было увидеть на обложке одной из новых книг, выпущенных Детиздатом, название новой серии «Маленькая историческая библиотека».

По первой книге трудно, конечно, судить о том, как задумана и как будет выглядеть серия в целом. Однако можно говорить о том, какой хотелось бы ее видеть в будущем.

Прежде всего, думается, что книжки этой серии должны быть несколько более беллетристичны, чем «Ледовое побоище» С. Глязера. Ведь задача серии заключается не только в том, чтобы дать читателю необходимые сведения о том или ином историческом событии, но и в том, чтобы заинтересовать читателя, привить ему тот вкус к истории и к исторической литературе, о котором сказано выше. А для этого каждая книжка должна быть рассказом о событии, а не описанием его.

Отсюда и второе пожелание: книжки должны иллюстрироваться не документальной иконографией, а специальными рисунками художников. Такие рисунки запомнятся лучше.

Наконец, третье пожелание: книжки маленькой исторической библиотеки должны иметь свои номера. Это, с одной стороны, заставит издательство выпускать их в свет регулярнее и чаще, а с другой стороны, поможет читателю комплектовать библиотечку и следить за тем, чтобы в ней не было провалов.

И. Рахтанов

О ТОМ, ЧЕГО ЕЩЕ НЕТ

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 14.
С. 11-12.*

16 мая 1934 года — поворотный день в деле изучения истории. В этот день в газетах появилось постановление партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах СССР.

Путем конкурса был создан краткий курс истории СССР. Сейчас прошел год жизни учебника под редакцией профессора Шестакова в школах, и можно подвести итоги. Учебник этот наметил пути, дал учителям истории метод, систему. Этого мало? Да, мало. Но мал и сам учебник, а великая история Союза Советских Социалистических Республик огромна. Тут не обойтись одной книгой. Это ясно. Нужен параллельно учебнику еще подсобный материал, нужно внеклассное чтение. И пусть это будет беллетристика. Ничего нет зазорного в том, что целые поколения людей знают историю французского средневековья и Ренессанса по Александру Дюма. В учебнике всеобщей истории все Людовики, кроме «короля-солнца» и казненного, были на одно лицо, а у Дюма персонаж имел если не характер, то поступки и поэтому запоминался.

История должна быть образна, это наука о живых людях, людях с поступками, характерами, страстями, пороками и добродетелями.

На помощь Учпедгизу здесь должен прийти Детиздат. В учебнике нет места для того, чтобы показать персонажи в действии, учебник рассказывает. Но история требует наглядности.

Я знаю одну учительницу в Москве. Она преподает во Фрунзенском районе. В класс она входит обязательно с картиной в руках. Ученики заинтересованы — что это? Наглядные пособия к уроку. Теперь дети видят и русское лицо Кутузова, и гордый исподлобья взгляд Наполеона. Портреты большие, они видны отовсюду, а учительница, по мере рассказа прикрепляя к черной доске аппликационные вырезки, показывает Бородинское сражение — вот отсюда

шли французы, вот здесь их ждал Кутузов. Пример Ольги Владимировны Филипповой — единственный. Ей самой, превратившись в художника, пришлось изготовить для себя пособия. Она в классе вела курс, а дома рисовала портреты. И нарисовала почти весь комплект. Можно сказать, что это кустарщина, но где взять портрет князя Игоря, если в Изогизе давно забыли о его существовании.

Наступает новый учебный год. Но обоими глазами надо смотреть назад, изучить все, что было в прошлом году, чтобы в этом не повторить ошибок прошлого.

Детиздат мало помог Учпедгизу. Была задумана серия «Маленькая историческая библиотека». Серия очень удачная по мысли. Здесь в маленьких книжках можно было остановить внимание ученика на выдающихся событиях и людях. Писатели написали книжки, сдали в спешном порядке издательству, и рукописи эти заблудились где-то между наборными станками. Не было проявлено никакой оперативности в оперативной серии. Только что вышла первая книжка. Вышла тогда, когда кончился учебный год, и дети разъехались в лагеря.

В 1938 году выйдут следующие книги серии: «Степан Разин», «Салават Юлаев», «Суворов», «На поле Куликовом», «Амангельды Иманов», «Штурм Зимнего». Как видите, серия не однородна. Если книжка «Ледовое побоище» рассказывает об историческом факте, то задача книжки «Суворов» иная. Она должна рассказать о делах великого русского полководца, дать его художественно правдивый образ. И здесь возможен домысел автора, как средство более яркой подачи материала.

Серия рассчитана на детей того же возраста, что и учебник под редакцией профессора Шестакова. Было бы наивно предполагать, что читатели в таком возрасте могут разобраться, где подлинная правда и где выдумка. Жизненный опыт третьеклассника, а тем более объем его исторических сведений очень невелик. Где же ему разобраться в столь сложных вопросах?

Серию необходимо поэтому расчленить на две самостоятельные части. В одной издавать художественные портреты исторических деятелей, в другой — очерки о выдающихся событиях. У каждой части должна быть своя обложка и свое название. По отдельности каждая из них правомерна, необходима, полезна, но вместе они не живут. И жить не могут. Это гремучая смесь, способная взорвать читательское сознание, спутать и смутить его.

Хорошо будет, если Детиздат, как это часто с ним бывает, в этот раз не бросит своего начинания. В будущем году знакомым

учителям не придется звонить ко мне и с тоской спрашивать: «Расскажите, кто такой был Амангельды Иманов? О нем в учебнике сказано только пять строк, а где еще написано, я не знаю».

Обязательно в план серии должна быть вставлена книга о Максиме Кривоносе, вожак крестьянского восстания, соратнике Богдана Хмельницкого, фигура которого еще менее известна, чем Амангельды.

Материалы о Максиме Кривоносе лежат в Киеве. Судьба его драматична, она может составить увлекательный сюжет.

И еще:

Рядом с изданиями этих серий должно быть начато производство картонажей на исторические темы. Нужно выпустить листы для склеивания: Кремль, Куликово поле, Бородинское сражение, Полтавский, Чесменский бой и т. д. Дети очень любят возиться с ножницами и клеем. Когда-то такие листы существовали. У нас я знаю только один и малоудачный опыт в этом направлении — журнал «Мурзилка» в прошлом году в виде приложения дал панораму Ледового побоища.

А. Ивич

О ЯЗЫКЕ И ОБРАЗАХ (С. ГЛАЗЕР «ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ»)

¹
*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 14.
С. 12-13.*

«Ледовое побоище» С. Глазера — первая книга «Маленькой исторической библиотеки». Это заставляет отнести к ней с особым вниманием. По-видимому, она в известной мере определяет тип книжек этой серии.

Если это так, то книга Глазера спорная.

Она написана простым, понятным языком, это хорошо. Но она написана неярким языком. Древние русские писатели и писатели XIX века, обращаясь к одному из самых интересных и важных эпизодов истории русского народа, умели найти замечательные слова и образы, достойные значительности события, возбуждавшие в читателе восхищение героизмом русских витязей, ненависть к интервентам.

Рассказ Глазера спокоен, лишен всякой эмоциональности. Самые запоминающиеся строки в его книге это цитаты.

Сопоставим:

«Звенели доспехи злаченные, стучали щиты червленые, гремели мечи булатные, блистали сабли острые и сыпались стрелы дождем непрерывным».

Это цитатное описание боя.

«Немцы, рассчитывавшие на легкую победу, на то, что русская рать обратится в бегство, заметались в страхе. И всюду они встречали плотные ряды русских, которые не только не думали отступить, а начали их нещадно колоть и рубить».

Это описание Глазера. Можно поручиться, что подросток, прочитавший книгу, запомнит первое описание, а не второе, хотя оно вполне грамотно и правильно. Но этому описанию не хватает драматической напряженности, которой было, насыщено само событие.

В ту эпоху решалась судьба русского народа на столетия вперед. Свободолюбие и храбрость, сознание национального единства, возобладавшее над мелкими местными распрями, обеспечили победу над интервентами. Тут, может быть, впервые проявились характерные черты русского народа, обрекающие на неудачу всякую попытку вторжения в нашу страну.

Автор это знает. Но какими незапоминающимися словами общает он об этом читателю!

«В истории Руси “Ледовое побоище” имело огромное значение. Оно показало, как сильно в народе чувство ненависти к иностранным захватчикам, посягающим на русскую землю». Кстати, этот вывод не совсем согласуется с тем, что Глязер говорит на несколько страниц раньше. Так, он храбрость дружины Александра Невского приписывает только личной преданности дружины своему князю (стр. 25). Вряд ли это верно. Конечно, именно ненависть к захватчикам воодушевляла русское войско.

История шведской и немецкой интервенции XIII века и борьбы с ними русского народа — тема очень благодарная для сюжетного построения. Постепенное нарастание опасностей, сложность военной и политической ситуации, которые могли бы заставить склониться менее храбрый и свободолюбивый народ, — только укрепляли решимость русских защитить любой ценой свою независимость. Смертельная опасность вызвала не растерянность, а сплочение. Драматические моменты Невской битвы и Ледового побоища были кульминационными пунктами борьбы за независимость, показывающими моральное и стратегическое превосходство малочисленного русского войска над более сильными интервентами.

Показать все это юному читателю так, чтобы он запомнил на всю жизнь, можно только создав достаточно сильное сюжетное напряжение, показав, что Ледовое побоище было грозой, очистившей душную атмосферу.

В книге Глязера нет ни душевной атмосферы, ни грозы. Есть добросовестный, невзволнованный рассказ о крупном историческом событии.

К исторической библиотеке Детиздата мы вправе предъявить иные требования. Рассказы об исторических событиях в этой серии должны не только соответствовать фактам и давать правильную оценку событий, но и стоять на высоком литературном уровне.

Они должны по языку, по манере изложения приближаться к повестям, а не к учебникам, к повестям, сюжетом которых являются

подлинные исторические события, героями — подлинные герои русского народа, достаточно ярко и полно обрисованные.

В. Шкловский

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 17.
С. 13-16.*

1

«Слово о полку Игореве» написано, как это уже неоднократно отмечалось, как роман и, вероятно, написано человеком, знающим византийские романы.

В нем есть диалоги, описания пейзажей, снов.

Конкретность исторического случая делает «Слово» гениальным историческим романом.

В «Житиях», например в «Житии Александра Невского», элемент чудесного слаб. Перед нами опять история.

Исторический роман и вещи ему сродные рождаются в годы национального подъема, в годы опасности для народа.

Роман во всем мире очень долго жил не признанным, не описанным в поэтике. Исключение делали для «Дон-Кихота», и именно потому, что этот роман — пародия на роман.

Русская историческая повесть осознается у нас при Карамзине.

Бестужев-Марлинский писал исторические повести, которые уважались Пушкиным.

Полевой в предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» в 1832 году чрезвычайно расширил представление об историческом романе. Он говорит, что Геродот писал не историю, а исторические романы, и ссылается на книгу об историческом романе, изданную Нилем в Лондоне в 1829 году.

«В своей превосходной книге “The romance of history” (Лондон, 1829 г.) Ниль доказывает, что история началась романом, потом отделила от себя философию истории, и по необходимости. После сего должен был явиться исторический роман, как другая половина истории. В. Скотт не изобрел исторического романа: он только узнал истинную сущность его. Это Васко-де-Гама, проехавший в Индию морем».

Вальтер Скотт в эпоху борьбы Англии с Наполеоном отыскал новые пути исторического романа.

Исторический роман надолго связался с его именем.

В России расцвет исторического романа относится к эпохе 30-х годов и постоянно был связан с моментами ощущения национальной полноценности.

Возьмем работы Загоскина.

«Юрий Милославский» вышел в 1829 году и посвящен борьбе русских с польскими интервентами. Следующий его роман «Рославлев» связан с борьбой против Наполеона.

Пушкин хвалил романы Загоскина, хвалил в них описания народа и мягко порицал изображение главных героев.

Последующие вершины русского исторического романа связаны с 1812 годом: это «Война и мир» Толстого, и с образом Петра. Пушкин использовал в масштабе гения почин Загоскина, сумел и тут быть самобытным и в «Капитанской дочке» показал образ Пугачева, взял эпоху народного восстания.

Сейчас у нас чрезвычайно высокий интерес к истории.

У народа этот интерес не проходил никогда.

Лубочные книжки о Степане Разине существовали всегда, они печатались как приложение к «Истории вора Ваньки-Каина».

Все помнят превосходное описание Горького о том впечатлении, какое производило чтение книги о Степане Разине (Костомарова) на слушателей.

В эпоху, непосредственно предшествующую войне, в эпоху национального подъема, великих удач понятен интерес к истории. И вот в ответ на это у нас появляется мысль о переиздании старых романов.

Переиздан «Ледяной дом» Лажечникова, хотя переиздать «Князя Серебряного», романы Данилевского.

Почему это неправильно?

Исторический роман дает систему образов и часто образов чрезвычайно убедительных. Художественная логика произведения убеждает читателя и кажется ему исторической истиной.

У старого романа есть своя философия событий, свое понимание классовой борьбы, причем читатель, не зная материала, находится при чтении в самом беззащитном состоянии.

Возьмем пример.

Когда вышел «Ледяной дом» Лажечникова, то Пушкин в письме Загоскину спорил с ним об образе Тредьяковского, показанном в этом романе.

Тредьяковского Радищев и Пушкин считали большим поэтом, а надо не забывать, что Тредьяковский первый русский поэт новой системы стиха. Тредьяковского Пушкин считал великим исследователем.

Тредьяковский был человеком революционно настроенным, его предисловия к каждому тому Раленевской истории говорят о демократизме и смелости.

Об этом знал Пушкин.

Сравнительно недавно академик Орлов и целая группа советских ученых одновременно доказали, что, осмеивая Тредьяковского, двор Екатерины сознательно боролся с революционным писателем.

Но читатель знает Тредьяковского по роману Лажечникова.

В «Ледяном доме» как раз больше всего запоминается Тредьяковский.

Несмотря на протест Пушкина, Лажечников своего изображения Тредьяковского не изменил, и даже сейчас девять десятых моих читателей прочтут имя Тредьяковского в моей статье с улыбкой превосходства и презрения.

Судьба «Ледяного дома» очень ярко показывает нам, насколько исторический роман может определить восприятие исторической эпохи.

2

Что же можно читать детям сейчас по русской истории?

Прежде всего надо помнить, что в очень небольшой промежуток времени вырос советский исторический роман.

Из старой русской исторической литературы у нас есть «Капитанская дочка», «Война и мир», «Севастопольские рассказы». Можно выбрать несколько рассказов незаслуженно забытого Марлинского, может быть, стоит издать, отредактировав, то есть, главным образом, сократив, снабдив книгу иллюстрациями, «Басурмана» Лажечникова, книгу талантливую.

Для старшего возраста можно переиздать «Мировича» Данилевского, и совершенно не стоит переиздавать его роман о двенадцатом годе.

Не стоит переиздавать «Князя Серебряного» Алексея Толстого.

Это способная вещь, увлекательная по сюжету, понятному читателю и сейчас, но это совершенно неверное изображение причины.

Надо пересмотреть романы И. Калашникова и Полевого.

Надо систематически пересмотреть весь запас нашего исторического романа, а не вырывать отдельные, самые знаменитые произведения, доверяя старой славе.

Имело бы смысл сейчас издать две-три «Книги для чтения по истории».

В такие книги вошли бы мемуары.

Отрывки из Болотова, Данилина, анекдоты Дмитриева, Вяземского — хорошо запоминаемый материал.

Можно пересмотреть старые монографии.

Пока нет нового исторического романа, вернее, покамест его мало, можно пропагандировать книги, которые давали бы прямо материал для чтения по истории.

Пожар Москвы, Бородино, Севастопольская кампания — все это можно передать ребенку и юноше в отрывках подлинников.

Это не заменит исторического романа, но это даст материал для исторического мышления.

Часть русских мемуаров представляет собою самостоятельный художественный интерес.

Превосходно написаны Дуровой.

Кавалерист-девица написала много, книги ее растянуты, но у нее реалистические описания боев и неожиданный показ судьбы женщины того времени.

Пушкин недаром увлекался книгами Дуровой и, вероятно, сильно редактировал «Записки».

Способная, малознающая, очень сильно эксплуатируемая, ныне уже умершая писательница Чарская сделала из этих мемуаров свой роман.

Мемуары превосходны и послужили источником нового знания о войне для лучших писателей того времени.

Превосходны мемуары Радожицкого, артиллериста, образ которого помог Толстому создать в «Войне и мире» Тушина.

Описание пожара Москвы есть у многих мемуаристов. Мемуаристы оставили описание народной войны.

Наши исторические романы часто построены по этому материалу,

Толстой сильнее этих мемуарных отрывков, но романы Данилевского слабее.

Не надо только пытаться в одну книгу ввести материал о крещении Руси, Полтавской битве и Пугачеве.

Представление о времени, в котором происходит исторический процесс, представление о последовательности эпох достигается с

трудом, и суммарные книги сбивают правильное представление об истории.

Можно было бы больше рассказать о комментариях и предисловиях.

Представим себе, что мы издаем «Севастопольские рассказы» Л. Толстого.

Какой силы должны быть комментарии, если мы хотим ими обогатить произведения, оспорить некоторые утверждения автора.

Но примечания необходимы.

Книгу можно комментировать рисунком, опираясь на рисунок, можно Рассказать факт, который запомнился бы читателю, остановить внимание читателя на том, что пропускалось писателем как нечто общеизвестное.

Иллюстрировать и комментировать надо не те места, которые легче всего иллюстрировать, а то, что в книге надо поднять, переосмыслить.

С этой точки зрения в примечаниях к «Севастопольским рассказам». надо было показать, что после занятия Севастополя русская батарея продолжала господствовать над бухтой и английский флот в нее не был введен.

Русская лубочная картинка, представляющая бой английских пароходов с нашими парусными судами, дала бы представление читателю о технической отсталости николаевской России и о том, что народ эту отсталость понимал. Сюда же надо было бы дать фрагменты знаменитой Севастопольской панорамы.

Надо было бы написать к рассказам статью «Лев Толстой и национальная гордость великороссов».

Надо было бы рассказать, как семидесятипятилетний старик Толстой бредил в жару:

— Севастополь горит. Надо было бы показать, как при обороне Севастополя, при повальных неудачах стратегии генералов, народ создал стрелковый окоп.

Еще не было проволочных заграждений, — загородились веревками.

Систему укреплений, созданную народом, не смогли одолеть французские и английские генералы.

Это понимал Достоевский, который на этом основании говорил, что будущая война будет войной окопов.

Комментарии трудны, проще редактировать классиков.

Как проще всего лечить здоровых. Здоровым помогает даже молебен.

3

Но самое главное — это создание нового романа. Вопрос этот очень трудный. Часто его решают легкомысленно, делают это и писатели, и критики.

Исторический роман не выдумывается. Он — переосмысливание исторического документа.

Но он не состоит в публикации исторического документа.

Нам надо не обнародовать нашу историю, а создавать ее.

Надо понять исторический факт.

Я присутствовал при беседе со старыми историками, которые цитировали древние германские песни о поражении на льду Чудского озера, и говорили одновременно, что они эту песню не использовали. Она не попадала в ложную историческую концепцию.

Еще более сложны случаи, когда факт рассматривается как курьез, — например, во время войны 1812 года священник Охтинского порохового завода предложил для борьбы с Наполеоном применять ОВ.

Это осталось как курьез русской старины.

Обычно же факт, известный и рассказанный современниками, можно художественно построить, если произвести нечто вроде следствия над историей. Надо сталкивать факты, вскрывать их противоречия, видеть в прошлом будущее.

Работа трудная, но за нее читатель бывает благодарен.

Несмотря на ряд ошибок «Петра» Алексея Толстого, читатель полюбил и выбрал эту книгу, потому что в ней ему показали Петра гереом, и показали Петра в общем пути русской истории.

В. Я. Ходаков

БИОГРАФИЯ СУВОРОВА

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 17.
С. 54-58.*

**К. ОСИПОВ. Суворов. — М. «Молодая гвардия». 1938. 386 стр.
Ц. 3 руб. Тир. 50 000.**

Серия биографий замечательных людей, отдавших яркие многообразные таланты свои для блага и прогресса всего человечества, пополнилась жизнеописанием великого полководца, гениального самородка, непобедимого фельдмаршала-солдата, академика — революционера военного искусства — Александра Васильевича Суворова, опередившего своими идеями век, счастливо оплодотворившего ими мировую классическую военную науку и, как все великаны мысли в ту эпоху, не понятого и оклеветанного завистливыми современниками из знати, не оцененного ими при его жизни, но заслужившего бессмертную память и признание нации — великого, ныне свободного русского народа.

Перед именем Суворова меркнет слава прославленного Наполеона, ибо Суворов всегда оставался верным сыном и слугой своего народа. Суворову чужды черты интриганства и бонапартизма, неотъемлемые от личности маленького корсиканца. Честолюбие не ослепило героя Рымника и Измаила, Треббии и Нови. Слава не расслабила его силы воли. Верный народу и родине «природный русак», всем жертвовал он ради истины и справедливости. Прямая и честная, суровая и мужественная, простая и гуманная личность Суворова по своему нравственному облику, цельности и целеустремленности стоит гораздо выше современных ему конкурентов на поле брани и военных соперников последующей капиталистической эпохи.

Официальные биографы при участии церкви и цензуры искажали и опошляли образы великих людей России. Едва ли не больше всех досталось от вершителей судеб тогдашней России А. В. Суворову. Он был «увековечен» этим обществом прежде всего как

второй Балакирев, екатерининский шут и чудака, кавалер причуд и капризов, честолюбец и оригинал, уморительно дерзкий и некстати раболепный, нечаянный удачник военных побед, над которым все потешались, которого осыпали милостями, как милостыней, и до и после опалы, но которого всерьез никто не уважал и не ценил.

На современных биографов, доносящих, наконец, до масс подлинный образ героических, даровитейших людей нашего народа, ложится поэтому особенно ответственная и благодарная задача — пересмотреть прежние ложные критерии, с величайшей чуткостью и осмотрительностью подойти к личности каждого из таких людей.

Жизнь и дела Суворова помимо своего основного значения имеют для нас сегодня двойной интерес. Мы широко популяризируем личность одного из гениальнейших полководцев наших, основоположника русской военной научной школы в момент, когда фашистские грозовые тучи новой капиталистической бойни нависли над миром. Фашистская угроза миру всего мира, его элементарной свободе и правам человека обязывает нас, страну, стоящую на страже всеобщего мира, во всеоружии встретить врага и ликвидировать очаг этой угрозы, опираясь на всю нашу индустриальную мощь, на единство и героизм народов Союза, на ленинско-сталинское военное искусство, вобравшее в себя все лучшее, оставленное нам в наследство историей классовых войн опытом лучших, самых передовых полководцев. Биография Суворова, следовательно, имеет далеко не только академический или исторический интерес. Она должна воспитывать в нас чувство гордости за непобедимого соотечественника и за все те благороднейшие качества, которые неотделимы от Суворова как военачальника. Его диспозиции должны нас интересовать не меньше, чем его отношение к солдатам и сановникам. Конечно, Суворов-стратег изучается давно в специальных военных школах каждым, посвятившим себя славному делу защиты родины. Но и в популярном очерке, предназначенном для более широких масс, прежде всего для нашего юношества, место Суворова как военного специалиста, его значение как новатора в военной науке, его историческая роль и значение для наших дней должны выступать на первый план, красной нитью проходить через всю его биографию. В книге о нем особенно должно быть подчеркнуто, что Суворов принадлежал к тому типу людей, которые смело рвали с предшествовавшими им традициями в данной отрасли знания, которые смело вступали в борьбу за новую, передовую науку, бесстрашно ломая старые нормы, старые представления. К Суворову вполне приложимы слова, сказанные товарищем Сталиным на

приеме работников высшей школы: «Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему».

К. Осипов, биограф Суворова, использовал в своей работе не только обширный, иногда весьма редкий, печатный материал, но и нигде не публиковавшиеся до сих пор рукописные источники: 15 томов так называемого «Суворовского сборника», хранящегося в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина. Биография насыщена интересным фактическим материалом. Подробно излагается тернистый путь Суворова по лестнице военной славы, путь, прерываемый опалами и немилостями Павла I и фаворитов Екатерины II, третировавших великого человека и унижавших его, как раба и лакея.

Перед мысленным взором читателя развёртываются увлекательнейшие картины. Тщедушный маленький человек с хромающей походкой в стремительном «суворовском» марше пронесет перед нами свою прекрасную, тревожную, напряженную, овеванную победами и славой долгую жизнь. Она одним простым перечнем фактов затмевает все доселе известное в мировой военной истории. Пятьдесят два года из семидесяти лет своей жизни отдал Суворов добровольно, по призванию, служению родине в армии, от солдата до генералиссимуса, умножению мощи страны силою созданного им, изумлявшего и ошеломлявшего современников военного искусства. Он прошел сложный длинный путь овладения этим искусством среди опасностей и лишений наперекор всем стихиям, столько раз бесстрашно глядя смерти в глаза. Он участвовал в восьми военных кампаниях: в семилетней войне в Германии, в двух польских и двух турецких, в Крымской и Кубанской и, наконец, в неповторимом итальянско-швейцарском походе. Он обошел с своей непобедимой армией, обученной им суворовскому искусству победы, большей частью пешком в невероятно быстрых походах всю центральную Европу — от Лифляндии до Берлина, от Неаполя до Богемии, затем Финляндию и Прибалтику, Польшу и Румынию, прошел Крым и Украину, Кубань и Заволжье. Он отдал этим походам восемнадцать лет своей жизни, участвовал в двадцати крупных сражениях, во многих десятках мелких и не проиграл ни одного.

Биография знакомит читателя с человеком незаурядным: тщедушным и слабым телом, но сильным волей, сумевшим регулярной физической тренировкой закалиться настолько, чтобы выносить все тяготы военной, бивачной жизни и почти на ногах выносить все недуги и ранения. Фельдмаршал и генералиссимус, кавалер всех

русских и многих иностранных орденов, пожалованный титулами графа, князя и даже наследственного принца Сарацинского дома, — Суворов сохранил с солдатами своей армии простоту и безыскусственность в обращении, был образцом гуманного, внимательного отношения к людям и отеческой заботы о них. Во всех своих походах он не отходил от солдат, всегда подбадривал их, ценил в каждом солдате живую мысль, прямоту и сообразительность, терпеть не мог «немогузнайства» и почти во всех двадцати главных сражениях шел в первых рядах штурмующих, личным примером, необычайной отвагой в пылу сражения решая часто победный исход дела. Он был шесть раз ранен и два раза контужен. Лихорадка и другие недуги не раз остервенело терзали его изнуренное тело. Но никакие физические страдания не в силах были остановить эту беспримерно волевою личностью, когда долг командира, честь армии и нации призывали его быть на посту.

Читатель познакомится с полководцем и ученым, просвещеннейшим и гуманнейшим человеком своего века, одаренного самыми разносторонними способностями, не ограниченными только кругом военных вопросов. Он знал историю, географию, математику, владел восемью языками и мог свободно говорить на языке той страны, с которой воевал. Он хорошо был знаком с философией и литературой и сам не только писал стихи, но и часто произносил стихотворные экспромты, становившиеся крылатыми фразами. В области же военной он был буквально универсалом: служил в пехоте, но отличился неоднократно в кавалерийских атаках, был артиллеристом и пантонером, строевиком и квартирмейстером, курьером и караульным и даже сдал экзамен на мичмана, т. е. флотского командира.

Перед взволнованным читателем вырастает яркая личность — простая и необычайная для того времени, кристально честная и нравственно чистая, не искушенная в мерзостях, к которым прикоснулось подавляющее большинство его соратников. Суворов почти не употреблял алкоголя и не курил, а только нюхал табак, в пище он был крайне нетребователен, так же как в одежде, т. е. был настоящим спартанцем. Целомудренный семьянин, строгий к себе и снисходительный к окружающим — прежде всего к солдатам, он всю свою жизнь упорно и страстно учился, уделяя книге те немногие досуги, которые другие командиры отдавали картам, вину и женщинам. Суворов и солдафон — два глубоко враждебные, несовместимые понятия. Суворов ученый, полководец и гуманист — нераздельное целое.

Ни одна сколько-нибудь значительная область знания не прошла мимо его внимания. Ни один вид труда не казался ему зазорным. Он испытывал себя и в поэзии, и в сельском хозяйстве. Он умел неумолимо работать и весело, жизнерадостно отдыхать, шутя и танцуя. Не зная усталости в работе, вставая «с петухами», неистощимо сообразительный и остроумный, враг двуличия, рабской покорности и подхалимства, тупой спеси, бессмысленной муштры, придворной знати и всякой неметчины, он пере дал поколениям живые колкие блестящие своей мысли в крылатых суворовских словах и афоризмах, и сейчас поражающих нас своей глубиной и свежестью. Сколько силы и гордости национальной, народной в этом его, например, рифмованном экспромте, направленном против немецких порядков в армии, вводившихся Павлом I.

«Пудра — не порох, булки — пушки, косы — не тесак, я — не немец, а природный русак». Или афористическое: «Победа — враг войны».

Суворов оставил потомкам свои обширные записки и руководство «науку побеждать». Но прежде всего он передал векам свой реальный и вместе легендарный образ русского богатыря — гениального представителя великого русского народа. Скромный и непреклонный, простой и великий, он вызывает к себе чувство неподдельной любви за свою глубокую преданность родине, за свою близость и верность народу, его породившему. Он — великий сын этого великого народа, его гордость и слава, живое свидетельство неистощимых богатейших народных сил и талантов, один из груды алмазов в сокровищнице народа, осчастливившего родину и всю землю светом и многогранностью своих дарований в лице Ломоносова, Пушкина, Горького и других даже в те суровые, тяжелые столетия отечественной истории.

Особо следует отметить живо поданную в книге историю пребывания суворовской армии в Италии и швейцарский поход Суворова. Хорошо раскрыто также предательство австрийскими союзниками русской армии. Большое впечатление оставляет и глава, повествующая о последних трагических днях великого полководца, в сущности, зверски добитого Павлом I, не постеснявшимся подвергнуть престарелого, больного фельдмаршала унижительным оскорблениям и моральным пыткам.

Наряду с несомненными достоинствами книга имеет и ряд существенных недостатков, на которых следует остановиться, тем более, что она рассчитана на широкий круг читателей — прежде всего на молодежь.

В предисловии к своей работе автор, упоминая о противоречивых суждениях о Суворове и о своеобразном положении полководца в среде его современников, подчеркивает, что корни исторической обреченности Суворова не были правильно показаны биографами, «чьи приемы исследования оставались вне марксистско-ленинской идеологии и методологии».

Последнее замечание почти излишне, ибо источники, которые использует автор, в подавляющем большинстве относятся к XVIII и XIX векам. Из советских же изданий автором использована только книга «Тактика в трудах военных классиков» в издании 1926 г. Искать в этих книгах марксистскую идеологию и методологию по меньшей мере бесполезно.

Подобное положение обязывало биографа, не злоупотребляя терминологией, установить подлинно реалистический облик Суворова, преодолеть ложные традиционные трактовки его деятельности и личности.

При всех достоинствах книги следует признать, что эта борьба за истинное лицо человека-героя автору не вполне удалась. Традиционные взгляды на личность Суворова иногда довлеют над автором очерка. Так, вслед за прежними биографами, Осипов подробно перечисляет все сословные, социальные черты Суворова, не раскрывая особенностей его роста, характера его воспитания. Биограф подчеркивает, что Суворов оставался для солдат дворянином, что, подобно другим дворянам, он жил на частной квартире и имел крепостных слуг ит. д.

В середине книги не раз автор подчеркивает, что Суворов был убежденным монархистом (?), а не республиканцем (!) (стр. 245).

Это замечание по меньшей мере неуместно. Напротив, было бы не парадоксально сказать, что в лице Суворова мы встречаемся с революционером в науке, революционером и протестантом по всему своему складу характера, в мыслях и действиях, на войне и в бытовых отношениях с окружающими.

Следует обратить далее внимание на неправильную трактовку отдельных моментов русской истории XVIII века. «В Польской кампании 1768 г. — повествует автор, — начались жестокости междоусобной войны. Особенно отличились в них запорожцы, обрадовавшиеся случаю пограбить и отомстить полякам за давние обиды».

Нужно ли говорить, насколько такая трактовка грубо искажает роль, которую играли запорожцы, и побуждения, которыми они

руководствовались в этой войне с Польшей в качестве союзников России вскоре после воссоединения с последней!

Изложение первых глав страдает сухостью. Бытовые подробности боевой жизни Суворова даны в собранном виде в конце книги, в главе «Облик Суворова». Таким образом, боевая жизнь полководца и бытовая и личная сторона его жизни разобщены, изолированы одна от другой. Автор, видимо, хотел добиться большей насыщенности материалом конца книги и незаметно умалил боевую ее часть. В то же самое время высказывания Суворова о военной тактике рассыпаны по всей книге, но не сведены в едином резюме, которым бы устанавливалась и связь суворовской науки о войне с нашими сегодняшними достижениями.

Наконец, слабо выделен Суворов как новатор в военной науке своего века, как не только мужественный боец-командир, но и как мудрый мужественный зачинатель и преобразователь военной науки на новых началах, смелый пионер, представитель передовой, прогрессивной мысли.

В довершение всего книга не снабжена планами суворовских диспозиций (кроме плана штурма Измаила), с помощью которых можно было бы нагляднее, лучше запечатлеть в сознании гениальность суворовского метода ведения боя. Почему-то карта восточной Швейцарии без всяких специально нанесенных на нее данных показателей пути суворовской армии названа незаслуженно громко — «схема военных действий Суворова в Швейцарии».

Семейная биография Суворова дана также в конце книги.

Но и при всех своих недостатках книга достигает цели: в доступной форме, достаточно подробно, интересно, а местами и увлекательно она рассказывает о большом человеке, издавна привлекавшем к себе внимание, восхищение и любовь всех интересующихся отечественной историей, всех, кому дороги честь и процветание нашей социалистической родины и ее свободных братских народов.

А. Рагозин

ИСТОРИКИ У КОСТРА

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1938. № 17.
С. 84-88.*

Миллионы людей в наше время жадно интересуются историей. Особенно велик интерес к истории у нашей молодежи. И тем досаднее, что тот крутой, пожалуй, даже чрезмерно крутой, поворот к исторической тематике, который проделала за последнее время наша художественная литература, принес немалое количество брака и показал, что многие писатели и редакторы решительно ничего не извлекли для себя из ясных и совершенно недвусмысленных указаний партии и правительства о преподавании истории.

Перед нами комплект журналов «Пионер» и «Костер» за вторую половину прошлого года и первую половину текущего года. Двадцать четыре журнальных книжки, каждая из которых насыщена интересным и разнообразным материалом. Там есть все: и увлекательные повести, и научные открытия, и путешествия, и географические очерки, и юмор, и кроссворды. Разумеется, оба журнала отдали некоторую дань и русской истории. Дань эта не слишком велика: всего двенадцать очерков и статей на все двадцать четыре книжки. В общей сложности материалу по русской истории отведено около 70 страниц из двух с половиной тысяч страниц всего журнального текста. Нельзя сказать, что это много. И, к сожалению, еще меньше оснований считать этот материал доброкачественным.

К историческому материалу в детском журнале необходимо предъявлять особо повышенные требования. Для ребенка знакомство с историей родного народа имеет не только познавательное, но и огромное воспитательное значение. Знакомясь с проявлениями героизма народных масс, с жизнью отдельных людей, показавших высокие примеры самоотверженной преданности родине, ребенок

проникается чувством национальной гордости. С другой стороны, картины народных бедствий и притеснений, чудовищной эксплуатации, человеческого бесправия, нищеты и борьбы народных масс со своими вековыми угнетателями заставляют его ненавидеть старые устои жизни. Настоящая любовь к родине, настоящий сознательный патриотизм немыслимы без этих двух слагаемых. В знаменитой статье «О национальной гордости великороссов» Ленин писал и о том, что наполняет нас гордостью, и о том, что нам «больнее всего видеть». Не случайно по поводу гневных слов Чернышевского о «нации рабов» он в этой же статье сказал, что «это были слова настоящей любви к родине».

Патриотизм, воспитанный на одном лишь чувстве национальной гордости, еще далек от подлинного чувства любви к родине.

Ясное и исчерпывающее представление о всех темных сторонах прошлой русской жизни и ее всесторонней отсталости необходимо для правильной оценки тех сдвигов, какие произошли после Великой социалистической революции. Постановление жюри правительственной комиссии точно указывает, что, «не дав ясной, четкой и доступной детям характеристики отсталости России при власти помещиков и капиталистов или ограничиваясь в этой части общими фразами, авторы затрудняют понимание учащимися великой роли советской власти в деле превращения нашей страны из убогой и бессильной — в страну могучую и обильную». Но это не все. Недооценка прежней отсталости России не только искажает историческую перспективу, в которой мы рассматриваем события нашего времени, но и исключает возможность правильного понимания всего хода русской истории последних столетий. В том же пункте постановления правительственной комиссии мы читаем: «Сталинский тезис о том, что Россию били “за отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную”, который дает один из важнейших ключей к истории России последних столетий, не понят рядом авторов учебников». Вот этот, один из важнейших ключей к истории России каким-то удивительным образом ускользнул из рук большинства авторов, занимающихся популяризацией русской истории на страницах «Пионера» и «Костра».

Наиболее показательна в этом отношении статья проф. А. И. Яковлева «Великий русский народ», напечатанная в № 6 «Пионера» за этот год. На шести с половиной страницах автор успевает изложить более чем тысячелетний период русской истории, искус-

но оживляя при этом свое повествование эпическими картинами битв, цитатами из былин и сказок и краткими, но выразительными характеристиками народов.

Об умении автора характеризовать двумя словами целые народы говорит хотя бы его суровый отзыв о византийцах. Оказывается, это был хитрый и лукавый народ!.. Когда-то, очень давно, составители лубочных картин, изображавших представителей разных наций, владели этим искусством меткой национальной характеристики. Англичане обычно определялись, как гордый народ, французы — как веселый, а немцы, если не изменяет память, как глупый. Характеристика византийцев, сделанная проф. Яковлевым, наверное, послужит ценным вкладом в эту галерею национальных портретов.

Оставим, однако, византийцев в стороне и перейдем к славянам. Первое, что сообщает о них автор, звучит весьма лестно: они были могучие и стройные. Для начала этой характеристики, быть может, и достаточно, поскольку непосредственно за нею следует ряд эффектных батальных сцен. Но при первой же мирной паузе автор сам спешит познакомить читателей с внутренним миром славян. «Россы вовсе не были такими варварами, какими их хотели изобразить византийские правители», вполне справедливо пишет А. И. Яковлев, и, очевидно, полемизируя с лукавыми византийцами, приводит мнение араба ибн Фадлана, рассказывавшего о том, что он «никогда не видел людей, более совершенных членами чем россы. Они будто пальмовые деревья». Считая, по-видимому, что подобная пальмовая характеристика дает читателю ясное представление о культурном уровне славянских племен, автор к этому вопросу больше не возвращается и снова переходит к сражениям и битвам.

Характеризуя отсталость царской России, товарищ Сталин говорил: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские пань. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость» (Сталин, «Вопросы — ленинизма», стр. 445, изд. 10).

Напрасно будем мы искать в статье проф. Яковлева изложения этих трагических эпизодов в истории нашей родины. На протяжении более чем тысячелетнего периода русской истории автор слышит одни лишь победные фанфары. Сначала он рассказывает о смелых походах славян к Царьграду, затем о подвигах Ильи Муромца и, ограничившись лишь глухим упоминанием о том, что в XIII веке «народу Южной Руси пришлось оставить родные места», сразу

переходит к разгрому шведов. «Не успели новгородцы разгромить шведов, — торопливо продолжает он, — как им пришлось начать борьбу с немецкими рыцарями». Покончив с рыцарями, русские начали готовиться к разгрому татар. И, не сказав ничего о том, что русская земля в течение 140 лет находилась под татарским игом, автор, разумеется, не может членораздельно объяснить и огромного значения Куликовской битвы свергнувшей этот иноземный гнет. «Велико было значение этой победы в истории русского народа», отделяется он ничего не говорящей фразой.

Вместо того чтобы правдиво рассказать о народных бедствиях и страданиях, вызванных непрерывными войнами, о владычестве татар, о бесчисленных набегах врагов и их наглому хозяйничанье на русской земле, о разорённых городах и селах, о разлученных семьях и уведённых в рабство людях, об уничтоженных культурных ценностях, проф. Яковлев преподносит своим читателям такую приторную сентенцию: «Замечательное умение по-товарищески уживаться и дружить с другими народами отличало русский народ на протяжении всей его яркой истории». Да с кем же это приходилось русскому народу по-товарищески уживаться? Не с печенегами ли, или с половцами, или с татарами, или с турками, поляками, немцами, шведами, литовцами?

Трудно предположить, чтобы проф. Яковлев предполагал, что величие народа измеряется только числом выигранных им битв и сражений. Даже самые юные читатели «Пионера» понимают, что народ, которому на протяжении тысячи лет наседавшие извне и свои собственные хищники не давали возможности спокойного культурного развития, который, несмотря на бесчисленные бедствия и варварский гнет, сохранил в себе лучшие черты национального характера и который, наконец, первым в мире перестроил свою жизнь на началах свободы и справедливости, что такому народу не пристало стыдиться своей истории, ибо в ней больше подлинного, хотя и трагического, величия, чем в самых блистательных победах величайших полководцев мира. Когда Пушкин писал Чадаеву: «Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как историю наших предков, такую как нам бог ее послал», он видел величие своей родины не только в одержанных ею победах над врагами, но и в перенесенных страданиях. А вот проф. Яковлев в статье, написанной на тему о величии русского народа, считает необходимым засекретить даже татарское иго.

Но, может быть, наш автор преднамеренно занял гусарскую позицию, считая ее наиболее пригодной для детской психологии. Если это так, то и автору и заодно редакции следует напомнить одно из высказываний Чернышевского о детской литературе: «К чему эта преднамеренная пустота, преднамеренное идиотство? Детям очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющий сам понимал ясно предмет, о котором взялся говорить...»

Все недостатки статьи А. И. Яковлева видны особенно рельефно на фоне очень хорошего исторического очерка Г. Шторма «Куликовская битва», напечатанного в № 4 «Пионера» за этот год. Г. Шторму не пришлось невнятно бормотать о великом значении Куликовской битвы в истории русского народа. Он обстоятельно и подробно рассказал, что означало для русского народа татарское владычество. Татары не только собирали во всех русских княжествах огромную дань, но сверх того обложили особыми пошлинами рабочий скот, пашни, мосты, реки и озера. Данью было обложено все мужское население, от глубоких стариков до младенцев. И сверх того в каждой семье, где было трое сыновей, татары забирали одного в Золотую орду. Г. Шторм рассказывает, как нарастала ненависть народа к угнетателям, как вспыхивали время от времени восстания и как беспощадно подавляли их завоеватели. Автор не делает секрета из того, что русские долгое время не в состоянии были успешно сопротивляться татарам и показывает, что причиной этого были постоянные усобицы между княжествами. Автор не замалчивает ни одного из поражений, понесенных русским войском. Напротив, он детально рассказывает о каждой такой битве, и право же, в этих трагических эпизодах далекого прошлого величие народа проявляется несколько не меньше, чем в блестяще выигранной Куликовской битве. Вот как рассказывает, например, Шторм об осаде татарами города Козельска: «Жители решили умереть, но не сдаваться. Никакими угрозами врагу не удалось их поколебать. Когда, наконец, были разбиты стены и татары взойшли на вал, горожане в отчаянии “резались с ними ножами”, затем бросились в стан Батя, изрубили стенобитные машины и множество воинов и сами полегли на их трупах. Татары перебили всех до единого жителей и назвали Козельск “злым городом”, потому что потеряли при осаде четыре тысячи человек».

К сожалению, очерк Г. Шторма — одно из немногих удачных исключений в том недоброкачественном историческом материале, который преобладает в обоих журналах.

В № 1 «Костра» напечатан рассказ А. Разумовского «Василий Блаженный». Автор задался в своем рассказе целью показать талантливых русских зодчих, Барму и Постника, построивших замечательный архитектурный памятник эпохи — храм Василия Блаженного. Несомненно, личность царя, наложившего на всю эту эпоху свой характерный отпечаток и далеко не случайно заслужившего в народе прозвище «Грозный», имеет далеко не маловажное значение для рассказа. Автор и не прошел мимо Грозного. Но он придал этому царю совершенно несвойственные ему черты сердечной теплоты и гуманности.

Рассказ начинается с завоевания Казани. Царь, только что одержавший победу, держит перед своими воинами речь. «Чем могу воздати вам? — говорит он растроганно. — Внимайте и верьте обету моему любить и жаловать вас до конца дней моих». После осмотра завоеванного города царь «явил новую милость: всю добычу, все богатства казанские — меха, ткани, драгоценности, — что глаз увидит, — отдал на поживу воинам. Моя корысть — спокойствие и честь России, смиренно сказал царь».

Читатель, конечно, еще не верит этим смиренным речам, полагая, что царь лицемерит. Но одна глава сменяется другой, а Иван Грозный по-прежнему кроток и ласков. Не успел он прибыть в Москву, как до земли поклонился встречавшему его духовенству и с прежним смирением сказал: «Челом бью вам, что потщился молитвою. Бог услышал вас и помог нам». Три дня пирует он в кремлевских палатах и осыпает гостей подарками. Трое суток отсыпается после пира, а на четвертые, едва встал с постели, молвил: «О боге мой первый помысел» и порешил строить в Казани храм.

После покорения Казани царь предпринимает астраханский поход. И опять после победы воеводы и воины щедро награждаются, а народу выкатываются бочки с хмельным медом и брагой. Новую победу царь решает отметить постройкой нового храма, на этот раз в Москве, на Красной площади. Вызвал к себе мастера Постника, принял его ласково, «пожаловал к руке, что считалось большой милостью», спросил, «по здорову ли тот ехал?» И, дружески побеседовав, предложил Постнику и Барме самим решать, кто из них будет строить храм. К этому времени читатель уже покорен обходительностью и ласковостью царя и только недоумевает, за что народ так несправедливо прозвал его «Грозным». И в самом деле, всюду чувствуется довольство, работа кипит. Постник и Барма смело нарушают царскую волю и строят не восьмиглавый, а девятиглавый храм. Даже крестьяне, и те не сгоняются на работы, а, по

выражению автора, «вербуются»! Наконец, храм выстроен, и царь, нисколько не настаивая на своем указании о восьми главах, «не только не наказал своевольных мастеров, но даже наградил их».

Рассказ уже близится к завершению, читатель совсем очарован Грозным, как вдруг над головой Постника и Бармы начинают стучаться тучи. Английская королева, случайно прослышавшая о необыкновенном искусстве московских мастеров, во что бы то ни стало хочет заполучить их в Англию. Напрасно пытается Иван отделаться молчанием. Английский посол снова и снова напоминает ему о желании своей королевы. Две недели царь не принимает посла, но едва тот появился во дворце, как тотчас же заговорил о мастерах. Что оставалось делать царю? Отказать королеве невозможно, а послать к ней мастеров и подавно нельзя, ибо они выстроят в Лондоне здание еще более замечательное, чем храм на Красной площади. Пришлось Барму ослепить!..

Рассказ окончен. Читателю, конечно, жаль ослепленного Барму, и он искренно возмущен английской королевой, которая своими настойчивыми просьбами довела кроткого царя Ивана до жестокого поступка. Мы имеем в виду, конечно, юного читателя, впервые знакомящегося с историей по «историческим» произведениям А. Разумовского. Что же касается читателя постарше, то он безусловно вспомнит небезызвестного исторического романиста графа Салиаса, о котором в свое время очень метко высказался М. М. Ковалевский: «Все русские Вальтер-Скотты очень плохо знают историю; исключение представляет граф Салиас: он... совсем не знает истории».

Из напечатанных в обоих журналах двенадцати произведений на исторические темы псевдоисторический рассказ «Василий Блаженный» — единственный представитель беллетристики. Правда, на события 1812 года оба журнала также откликнулись беллетристикой: один из них напечатал Л. Толстого, а другой — Бальзака. Но привлечение этих авторов к участию в журналах «Пионер» и «Костер» еще не говорит о том, что обе редакции сумели окружить себя активом писателей, разрабатывающих трудный и ответственный жанр исторической беллетристики. А между тем, именно беллетристика должна была бы преобладать в тех исторических материалах, какие помещаются в детских журналах.

И нам непонятно, почему редакции дают в журналах место статьям, напоминающим характером изложения главы из учебника. Журнал должен углублять, а не повторять школьный материал.

Исторический материал в детском журнале должен прежде всего показывать наше прошлое, а не только рассказывать о нем.

Очерк Г. Шторма о Куликовской битве написан очень хорошо, слегка стилизован под «Слово о полку Игореве» и, близкое ему «Сказание о Мамаевом побоище». Читается такой очерк легко и с интересом. Но повесть на ту же тему была бы прочитана с еще большим интересом и безусловно запомнилась бы на более долгий срок.

При всех достоинствах очерк Шторма не может заменить исторической беллетристики. Это не значит, что таких очерков печатать не следует. Они интересны и полезны во многих отношениях и могут служить образцом исторического очерка. Но наряду с ними детский журнал должен культивировать и историческую повесть. Участием в «Пионере» и «Костре» Разумовского, Л. Толстого и Бальзака эта проблема еще не разрешается.

И, наконец, нужно абсолютно покончить со всяким причесыванием русской истории на манер Иловайских. Возродить «квасной» патриотизм на страницах детских журналов недопустимо. Недавно «Правда» писала: «Скверно, когда советский писатель учится патриотизму у Иловайского и художественному творчеству У Салиаса. Еще хуже, когда национальная гордость подменяется квасным патриотизмом и дается амнистия шовинизму» («Правда» от 7 июня 1938 г.). Мы добавим к этому, что совсем плохо, когда ученики Иловайского и Салиаса начинают подвизаться на страницах детских журналов. Редакциям этих журналов не следует знакомить своих читателей с произведениями подобных авторов.

Е. Тарле

ОБ «ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ» ДЕТИЗДАТА

*Впервые опубликовано в: Детская литература. 1940.
№ 11-12. С. 19-23.*

Недавно я прочитал серию книг детской исторической библиотеки. Нет никакого сомнения, что можно только приветствовать появление подобных исторических набросков. Заинтересовывая ребят своей тематикой, они пробуждают интерес к истории, как к научной дисциплине, знакомят с героикой страны и вырабатывают правильные идеологические оценки исторических событий.

Нужно только, чтобы детская историческая библиотека состояла, из произведений высокой художественности и мастерства, чтобы желание приноровиться к детскому восприятию не обесцвечивало рисунок, а серьезность темы не делала изложение вялым или — в угоду оживлению — не приводила к извращению фактов. К этой задаче нужно стремиться в первую очередь — дать талантливый и живой рассказ, соблюдая в то же время правильную и серьезную историческую перспективу.

Подобная задача, естественно, не очень легка: либо рассказ способен увлечь юного читателя захватывающей фабулой, но зато не пополняет скудный запас его познаний, либо очерк носит характер учебника и лишен живости и увлекательности художественной передачи, чем может отвратить от себя читателя.

В разбираемой серии мы отчасти наталкиваемся на подобную несогласованность. Но все же она не мешает признать своевременность и пользу вышедших книг. Особых исторических неточностей в изданных книгах нет. Конечно, кое-какие ошибки не исключены, но в общем материал подан совершенно доброкачественно.

Желательно было бы, чтобы Детиздат руководствовался при выпуске серии более цельным, более четким планом; чтобы введен был определенный хронологический порядок для выявления

исторической перспективы. Провалы, несомненно, неизбежны — серия ведь не многотомна, и будут даны, вероятно, только важнейшие исторические моменты. Но желательно в выбор этих моментов ввести систему, придерживаться последовательности описываемых исторических периодов. Очень хорошо было бы брать биографии наиболее характерных людей данной эпохи и на этой канве рассказывать об исторических событиях того времени.

В просмотренных очерках наблюдается следующий недостаток: в одних автор увлекается динамикой изложения, драматичностью момента и лишь бегло и вскользь касается исторического фона; в других очерках, наоборот, изложение исторических моментов более добросовестно, но грешит излишней серьезностью и сухостью.

В рассказе Г. Шторма «На поле Куликовом» юный читатель сразу вводится в самую гущу событий татарского нашествия, узнает Батю, узнает даже о том, что последний — внук Чингисхана. Это поверхностное сведение мало может сказать его уму и сердцу, так же, как и то, что «13 лет тому назад была выиграна битва при Калке» (читатель, может быть, слышит об этом впервые). Представления же о русской истории соответствующего периода он не получает. Подробно останавливаясь на принципах организации татарского войска, автор совсем вскользь и очень бегло рассказывает о русском стане, о вооружении русских войск, о причинах междоусобия и раздоров, и пр. Эту односторонность следовало устранить.

Отсутствуют иногда и необходимые пояснения незнакомых ребятам понятий, например: «Мамай, вызывая своих мурз», «поразослал приказ улусам» и пр.

Все эти пробелы не лишают очерка интереса благодаря умелому изложению; надо только, чтобы юный читатель успел пропитать до этого очерка рассказ С. Глязера о Ледовом побоище; в последнем освещены некоторые из упомянутых выше моментов.

За этими двумя книжками следуют рассказы из Петровской эпохи. Очень жаль, что провал в несколько столетий между этой и предыдущей серией еще не заполнен соответствующим материалом.

Очерк О. Ровинского и Н. Дмитриева о «Битве при Гангуте» так же, как «Полтава» Георгия Шторма, благодаря живости изложения и интересному освещению является полезным вкладом в детскую литературу. Желательно только пополнить серию очерком о юности Петра, о его воззрениях и пр. Между прочим, попадаются некоторые неувязки; например, не совсем удачна фраза о том, что Карл слышал явственно предложения к «клочизам» взять его живого и

обещание дать за это награду в тысячу дукатов (стр. 26). Карл вряд ли понял эту русскую фразу...

Одним из наиболее удачных надо признать оба очерка С. Злобина — «Салават Юлаев» и «Степан Разин». Они, несомненно, дойдут до читателя и будут пользоваться у детворы большим успехом. В книге о Салавате тщательно подобран и хорошо продуман материал. Пугачевский бунт рассматривается под углом зрения башкиров, с точки зрения их восприятия. Картина жизни башкиров ярка и красочна, а образ Салавата поэтичен и увлекателен, чего нельзя сказать про образ Пугачева. Последний обрисован расплывчато и вяло. Немного портит вещь то, что она дана вне времени и пространства. Необходимы пояснения исторических периодов, уточнения в смене царствования Анны, Елизаветы и Екатерины.

Встречаются в книжке о Салавате и неудачные выражения, например: «Он сам себе не верил от счастья» (стр. 15). Есть и непонятные для ребят слова, вроде «Никто не шел к его кошу» (стр. 28), и т. п.

С большим подъемом написан Злобиным очерк о Степане Разине. Он будет читаться с захватывающим интересом. Побольше бы только бытовых подробностей — автор ошибочно считает многие понятия известными. В 17-й главе говорится о «бусе» без всякой пояснительной сноски. В историческом рассказе С. Т. Григорьева «Суворов» очень ценна форма изложения, легкие и частые диалоги, живость рассказа, интересный образ Суворова. Но автор почему-то излишне строг к Потемкину, повторяя часто встречающуюся ошибку в его обрисовке. Его рисовать надо, как серьезного политического деятеля, а не как шалопая и труса.

Потемкин был большим человеком. Он один из одиннадцати фаворитов императрицы Екатерины, но тогда как остальные (за исключением еще Орлова) только этим и были замечательны, в Потемкине это качество, временное кстати, было третьестепенным. Это был талантливый государственный человек, очень сложная личность, со светлой во многие минуты своей жизни головой, са-трап по необузданности желаний.

Общий недостаток книг — некоторая нереальность и переслащенность положительных образов. Такая переслащенность наблюдается вообще в популярной литературе, не только в детской. Мне представляется, что героев следует изображать реалистичнее. Судьба вынесла этих людей — Пугачева, например, или Разина — на вершину событий; они сделали большое историческое дело, вписали большую страницу в социальную историю России, русского

народа. Но образ самих этих людей не был плоскостным и односторонним, — он складывался из разных элементов. Была в этих людях большая простота, была огромная эмоциональная сила, влекущая массы, и наряду с этим был разбойничий элемент, это бесспорно. А в популярной, литературе нашей слишком уж начинают они смахивать на достопочтенных государственных людей, неизменно превращаются в «солидного дядю», который всегда говорит что-то значительное и чрезвычайно мудрое.

Пушкин, даже под носом у Бенкендорфа, сумел дать по-своему симпатичного Пугачева, добродушного, удалого, бесшабашного молодца, сплошь и рядом способного к великодушию, но также склонного и к диким, жестоким увлечениям. Он нарисовал его таким, каким был Пугачев на самом деле.

Слишком уж идеальным представляется мне и Салават Юлаев, такой, каким описан он у Злобина. Я не думаю, чтобы в действительности он был таким уж «примерным мальчиком». Дети — народ очень чуткий, и, если слишком пересахарить героя, они это заметят и никогда не простят автору.

Вспомните, как умеют придавать достоверность герою великие художники. Возьмем, например, «Два старика» - гениальный рассказ Льва Толстого. Один из этих стариков все свои деньги отдал погибавшей от голода семье — прямо святой человек, но он нюхает табак. Считает, что это грех, но не может отстать. А другой — совершенно безукоризненный, но не такой хороший, как этот.

Вот и Салавату нужен какой-нибудь нюхательный табак.

Вышла книга о Шамиле, недурная книга, но в ней нет целого ряда фактов, которые рисуют Шамиля. В этой книжке Шамиль дан в сусальном золоте. А между тем о Шамиле известно очень многое, что рисует его совершенно иначе. Это был иступленный фанатик. Чтобы разъяснить юному читателю смысл этого непонятого слова, нужно рассказать, например, что сделал Шамиль со своей матерью за то, что она осмелилась передать ему мирное предложение. Он велел ее бить плетьюми, а когда она упала в обморок после нескольких ударов, он приказал бить себя, потому что его род должен потерпеть за это, а мать не может выдержать побоев. И его самого избili до-полусмерти. Ни одного звука о подобных фактах вы не найдете в книге о Шамиле. Эти факты вовсе не позорят сурового вождя — фанатика Шамиля, во благодаря им он становится живым человеком. Шамиль по своей биографической обстановке, по своему характеру, по своим действиям не мог быть этаким учти-

вым, изящным лордом Пальмерстоном. В книге живого Шамиля нет.

Фальши, слащавости, сусального золота в общем избежал Григорьев, работая над образом Суворова.

В работе над книжками исторической серии следует с большой осторожностью относиться к беллетристическим домыслам. Беллетристика имеет все права на существование, она бывает более доходчива, чем исторические очерки, но если уж читателю дается история, то это должна быть чистая история. В европейской литературе, особенно во французской, были исторические писатели в стиле Ж. Ленотра, там процветает так называемая «романизованная биография», когда человек пишет явную выдумку под видом изложений исторических фактов. Самый талантливый представитель этого направления — Андрэ Моруа — очень популяризовал этот вреднейший род литературы.

В данном случае очень важно, чтобы молодежь не приучалась к смешению беллетристики с историей. Совсем недавно меня спрашивали, почему в биографии Нахимова я ничего не сказал, как один беллетрист недавно, о его сношениях с декабристами и о том, что он перед смертью (даром, кстати, что был без памяти) «подумал» о Бестужеве. Я сказал, что ничего подобного не было и поэтому я об этом не писал.

Великолепный историк Альбер Сорель в своем восьмитомном научном труде серьезно ссылался на «Войну и мир» Л. Н. Толстого в документации. Значит, даже он, историк, мог быть сбит с толку. А как же могут быть сбиты с толку ученики, которым по 10—12 лет? Это уже очень вредно.

Беллетрист имеет право вставить очень многое, это законно. Но надо, чтобы дети различали, где история, а где беллетристика. В книжках исторической серии Детиздата таких оговорок нигде нет. Здесь беллетристические привески нередко вторгаются в историческое изложение.

Если автор пишет историческую повесть или рассказ, он вправе широчайшим образом выдумывать, что угодно, в пределах возможного, конечно, если это не противоречит характеру лица (даже не историческому характеру, а тому характеру исторической личности, какой хочет обрисовать автор). Если же он пишет историю, пусть даже популярную историю для детей, — он должен давать лишь то, что было в самом деле. Если историческое лицо сказало то-то и то-то — бери его слова. Если оно только могло сказать, — нельзя вкладывать в уста людей то, что не было сказано, если это по-

дается, как действительная история. История — это только то, что в самом деле было. А историческая беллетристика — это то, что могло бы быть. Если один автор не может удовлетвориться одной лишь документацией, если он представляет себе, что описываемые герои должны говорить, тогда он должен писать беллетристику. А если человека удовлетворяет документация, он может писать историю.

Было бы, конечно, идеально, если бы дети могли учиться на занятых книжках настоящей истории. Но это не обязательно. Если они из хорошей беллетристической повести поймут общий характер эпохи, это тоже будет очень хорошо.

Серия, издаваемая Детиздатом, должна быть и беллетристической, и исторической. Нельзя только смешивать оба элемента в одной и той же книге. И уж нельзя, конечно, допускать в этих книгах неправды, вымысла, который не мог быть правдой.

Еще следует отметить, что эти книги слишком коротки, надо их делать раза в три, а то и в пять больше: дети любят большие фабульные мнили, чтобы интересно было читать. А каждая из выпущенных книжек — это короткая, получасовая беседа. Несомненно, детям захочется больше узнать об этих людях. Да ясно, что и авторы сжимали себя, что у них куда больше материала, чем изложено в книжке.

Как правило, в книгах серии совершенно опускается «обстановочная часть». В этом смысле книги следовало больше расцветить, ярче передать обстановку эпохи. Ни в одной из них не натолкнулся я на такие, например, отрывки, из которых ребята могли бы узнать, в каком положении тогда был транспорт, как путешествовали царские воеводы или Степан Разин, — курьерскими поездами или обыкновенными, какие «пароходы» были в ту пору на Волгематушке, и были ли поезда и пароходы тогда или их не было и пр. История дороги — это колоссальный исторический вопрос, а он благополучно пропускается всюду, пропускался он и в прежних учебниках и в нынешних учебниках. А ведь тут благодарнейшая почва для популяризации истории, для первого ознакомления с историей. Дети ведь ровно ничего не знают!

В книге о Петре правильно говорится о том, как перетаскивали суда, какие при этом были страшные трудности. Но говорится об этом очень мало. Нужно было написать десять страниц о том, как Петр тащил суда по земле и с успехом перетаскивал их. Тут говорится и о том, что такое были северные дремучие леса, но не сказано, что впереди корабельщиков шла партия, которая рубила деревья, корчевала пни и потом уже тащила суда. Это были невероятные

трудности, которые человек преодолел с помощью своих десяти пальцев. Все это лишь намечено скороговоркой, потому что автору было отведено всего лишь несколько страниц, и он не мог обо всем написать как следует. Надо было уделить этой теме не 31 страницу, а 131, и тогда обстановка была бы обрисована.

В одной из первых бесед товарищей Сталина, Кирова и Жданова об учебниках по истории было указано, что нередко описывается, скажем, герой восстания против данного строя, а сам строй не описан, и непонятно — против чего же восставал герой. Было указано, что нужно рассказывать не только о тех, кто боролся, но давать понятие и о том, против чего они боролись. Нужно было бы индивидуализировать врагов, с которыми приходилось бороться, и описывать их более беспристрастно. В популярной литературе принято с ними обращаться, как в русских былинах с идолищем поганым. Так говорят и о шведах, и о татарах, и обо всех прочих. Нужно показать, например, что наука уже давным-давно установила, что татары был народ, очень подвинувшийся по пути известной цивилизации, они вовсе не шли такими дикими массами, это был зрело обдуманый поход. Татар следует описывать совершенно иначе.

Относительно шведов тоже нужно иначе говорить. Пушкин писал: «Мира просит грозный враг», Пушкин всегда говорил правду и в данном случае тоже. Ребенок прочтет книгу Шторма и не поймет, почему это был грозный враг. Нужно показать, что в нем было грозного, а грозность врага у Шторма в «Полтаве» показана мало. Я приписываю очень многое тому, что мало места было, писатель не мог разойтись, не мог себя показать как следует.

Совершенно ясно также, что нужно увеличить количество выпускаемых книг, потому что при нынешних масштабах в одну кучу должен смешиваться целый ряд разнороднейших фактов. Взять ту же «Полтаву», — ни то, что было до Полтавы, ни то, что было после Полтавы и что имеет громаднейшее историческое значение, не показано.

Эти читательские упреки относятся не к авторам. Может быть, если бы мне предложили написать эти несколько страничек, у меня вышло бы хуже того, что я критикую; я бы истощил эти 25 страничек раньше, чем добрался бы до первого слова, которое следовало написать.

Одно время история в средней школе у нас была фактически истреблена, школьники не знали ничего. Мне приходилось говорить

с преподавателями средней школы, вышедшими из школы Покровского, — эти люди совершенно не знали истории.

В исправлении ущерба, нанесенного этим временным разгромом исторического преподавания, роль серии книг, выпускаемых Детиздатом, колоссальна. Эти книги будут читать и взрослые, тем более, что и книги-то эти написаны в общем без всякого мнимого детского сюсюканья. Но нужно расширить план серии, нужно увеличить объем книг, чтобы авторы могли писать, не глотая слов.

Со временем мне хотелось бы поделиться с читателями впечатлениями, которые я получил, знакомясь с литературой исторических романов для старшего возраста. Скажу лишь, что она стоит на гораздо высшем уровне, чем разобранная тут литература для младшего возраста. Таких превосходных в полном смысле слова вещей, как «Завоеватели» Станислава Вольского, «Соль вычегодская» и «Холоп-ополченец» Татьяны Богданович, «Ломоносов» Георгия Шторма, там просто нет ни одной. Нет и таких, как только что вышедшая, не лишенная некоторых недостатков, но правдивая повесть Лидии Чуковской «История одного восстания» или живой, прекрасно в главных частях исполненный рассказ Яна о Чингисхане и еще пяти-шести других, которые не место тут пересчитывать.

Одни и те же авторы пишут для старшей серии лучше, чем для младшей. Отчего это происходит, — можно будет поговорить в другой раз. Прямая, повелительно диктуемая обязанность Детиздата — дать новые издания этих книг, которыми он вправе гордиться, но которых давным-давно нет в продаже.

СПОРЫ О БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ.
ОБСУЖДЕНИЕ ПОВЕСТИ С.ГРИГОРЬЕВА
«СУВОРОВ» НА ЗАСЕДАНИИ СЕКЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ СССР

*Впервые опубликовано в: Литературная газета. 1940. 26
июня.*

В клубе писателей состоялось первое творческое собрание секции художественной исторической литературы. Предметом беседы была книга С. Григорьева «Суворов». обстоятельный доклад о ней сделал С. Мстиславский.

Опираясь на свои взгляды об историко-биографическом жанре, изложенные им в статье «За право вымысла» («Лит. Газета» № 31), С. Мстиславский подверг серьезной критике книгу С. Григорьева.

- Если наше основное требование, — говорит С. Мстиславский, — к историко-биографическому произведению — показ исторического лица в тесной взаимосвязи с его эпохой и его профессией, т. е. «на том деле», которое составляет содержание его жизни, то Григорьев показал Суворова неполно. Он сосредоточил свое внимание на юности Суворова, на его первых солдатских годах, показал его в период семилетней войны и, наконец, в годы заката. Расцвет же суворовского гения, все 33 года его деятельности в екатерининский период переданы со слов третьего лица. Таким образом автор подробно нас знакомит с периодами, когда Суворов еще не был Суворовым и когда он уже не был Суворовым, оставляя в тени годы его подъема, годы осуществления законов победы. Не видна и эволюция взглядов Суворова, его отношение к военному делу, не раскрыт суворовский гений.

Автор показывает, — продолжает С. Мстиславский, — своего героя не в связи с эпохой, а в противопоставлении ей. Такой подход к герою в значительной степени определил смысл всей книги.

Что двигало Суворовым, в чем видел он смысл жизни? В славе? В преданности отечеству? Ответа на этот вопрос читатель не найдет в повести. С. Григорьев не показал и политического облика своего героя, а между тем у того было собственное отношение к мировой политике, свое понимание чести отечества. Слишком жирной чертой подчеркнут в повести «солдатский демократизм» Суворова, который, впрочем, не отражает системы его политических взглядов. Авторское стремление показать близость Суворова к солдатской массе привело к тому, что гениальный человек эпохи оказался дружески связанным только Кукушкиным, Прошкой и двумя денщиками – людьми довольно низкого интеллектуального уровня. Это снизило образ героя.

Мнение С. Мстиславского было поддержано многими выступавшими.

Полковник тов. Подорожный считает, что повесть С. Григорьева написана с настоящим знанием эпохи и материала, к тому же пером опытного художника, и тем не менее она не удовлетворит читателя, потому что образ полководца Суворова, чье имя едва ли не символ величайшего военного гения, не удался автору. В книге, изданной для того, чтобы возбудить в детях интерес и любовь к военному делу, заставить их восхищаться мудростью победоносца, первая часть, где говорится о детстве и юности Суворова, написана красочнее и убедительнее, чем та, ради которой вся книга должна существовать.

Тов. Подорожный и выступивший вслед за ним проф. Корольков указали на многие исторические и фактические неточности в описании событий. Исторический фон, по мнению Королькова, не всегда правильно дается Григорьевым, в частности, при описании сражений и характеристике отдельных исторических персонажей.

По мнению В. Шкловского, главный недостаток повести в том, что в ней правильно распределен материал: две последние трети книги должны быть развернуты значительно шире.

- Что мы хотим найти в книге о Суворове? – говорит В. Шкловский. – За что помнит его народ? Не надо доказывать, что полководец храбр, когда храбрость входит в его техминимум, не надо изображать полководца как хорошего командира батальона. Надо показывать его решимость принять на себя ответственность за жизни тысяч и десятков тысяч людей и этим спасти другие сотни тысяч. Не храбрость, а героизм полководца – вот что надо показы-

вать. Полководческая воля Суворова есть содержание его жизни, поэтому самый грубый, казалось бы, генерал стал самым любимым народным генералом. Моральный облик Суворова должен составить содержание книги, которая недописана С. Григорьевым. Я жду от автора еще двух томов повести о Суворове, потому, что я знаю, что это нужная книга и мне есть с кого спросить.

А. Виноградов и Л. Гумилевский разошлись с выступавшими в оценке повести Григорьева. Они находят, что «Суворов» читается с захватывающим интересом и обладает большой художественной ценностью.